

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ЕЭК

ЕВРАЗИЙСКАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
КОМИССИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ISSN 2073-2929

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND ANALYTICAL JOURNAL

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА

EURASIAN INTEGRATION:
ECONOMICS, LAW, POLITICS

欧亚一体化：经济、法律、政治

Том 20 / Vol. 20

№2 (56)

2026

16+

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:

ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА

Международный научно-аналитический журнал

Том 20, № 2 • 2026

Тема номера:

АРКТИКА И БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ: СОПРЯЖЁННЫЕ ПРОСТРАНСТВА

Партнеры журнала: Евразийская экономическая комиссия
Координационный совет Евразийского информационно-аналитического консорциума

Решением Межведомственной рабочей группы по формированию и актуализации «Белого списка» научных журналов (от 09.09.2025 № ДС/22-пр) журнал отнесен ко второму уровню Единого государственного перечня научных изданий (доступен по адресу: <https://journalrank.rcsi.science/ru/record-sources/>). Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки), 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки); 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки); 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки), 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки), 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки).

Все статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде. Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС УЧРЕДИТЕЛЯ: 119571 Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004 Санкт-Петербург, В.О., 8-я линия, д. 61

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ: 199178 Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 57/43

АДРЕС ТИПОГРАФИИ: 199004 Санкт-Петербург, В.О., 8-я линия, д. 61

Тел.: (812) 335-94-94, доб. 1563. www.ejournal.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При перепечатке ссылка на журнал «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» обязательна.

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2026
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2026
- © Редколлегия журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» (составитель), 2026
- © Все права защищены

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution — Share Alike («С указанием авторства — С сохранением условий») 4.0 Всемирная

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
NORTH-WEST INSTITUTE OF MANAGEMENT

ISSN 2073-2929
DOI 10.22394/2073-2929

EURASIAN INTEGRATION:

ECONOMICS, LAW, POLITICS
International Scientific and Analytical Journal

Vol. 20 No 2 • 2026

Topic of the Issue:
ARCTIC AND GREATER EURASIA: CONJUGATE SPACES

Partner of the journal: Eurasian Economic Commission
Coordinating Council of the Eurasian Information and Analytical Consortium

FOUNDER: 119571 Moscow, internal territory of the city, municipal district Troparevo-Nikulino, Vernadsky Ave., 82, building 1
EDITORIAL: 199004 St. Petersburg, Vasilievsky Island, 8th Line, 61
PUBLISHER: 199178 St. Petersburg, Vasilievsky Island, Sredny Prospekt, 57/43
PRINTING HOUSE: 199004 St. Petersburg, Vasilievsky Island, 8th Line, 61
Ph.: (812) 335-94-94, доб. 1563. www.eijournal.ru

- © Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2026
- © North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2026
- © Editorial Board of the Journal „Eurasian Integration: economics, law, politics“ (compilation), 2026
- © All rights reserved

This content is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International License

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич, Государственный секретарь Союзного государства России и Беларуси, академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КЕФЕЛИ Игорь Федорович, доктор философских наук, профессор, эксперт РАН, директор проекта НИЛ стратегического планирования и евразийской интеграции Северо-Западного института управления РАНХиГС, заслуженный работник высшей школы РФ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

МЯСНИКОВИЧ Михаил Владимирович, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси

ШАМАХОВ Владимир Александрович, доктор экономических наук, научный руководитель международного научного совета, научный руководитель СЗИУ РАНХиГС, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса

СЛУЧЕВСКИЙ Вячеслав Владимирович, кандидат исторических наук, заместитель научного руководителя международного научного совета, советник научного руководителя Северо-Западного института управления РАНХиГС

АЛИМБЕКОВ Мусабек Тургынбекович, доктор юридических наук, почетный профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Казахстан)

БЕБЕНИН Сергей Михайлович, Председатель Законодательного собрания Ленинградской области

БОНДУРОВСКИЙ Владимир Владимирович, кандидат юридических наук, заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ

БОРДЮЖА Николай Николаевич, председатель Координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума (ЕИАК)

КОГУТ Виктор Григорьевич, кандидат политических наук, доцент, Представитель Совета МПА СНГ в Республике Беларусь

КУЧЕРЯВЫЙ Михаил Михайлович, доктор политических наук, доцент

ЛОКЯН Арсен Багдасарович, доктор психологических наук, ректор Академии государственного управления Республики Армения

МАКСИМЦЕВ Игорь Анатольевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета

РАХИМИ Фарход Кодирович, доктор физико-математических наук, профессор, действительный член, президент Национальной академии наук Таджикистана

САТВАЛДИЕВ Нурбек Абдурашитович, кандидат политических наук, заместитель генерального секретаря Совета Межпарламентской Ассамблеи Содружества независимых государств (МПА СНГ), полномочный представитель Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в МПА СНГ

САФАРЗОДА Бахтовар Амиралӣ, доктор юридических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Таджикистан в Республике Беларусь, полномочный представитель Маджлиси Оли — парламента Республики Таджикистан в ПА ОДКБ

ХАНЬ Лихуа, PhD, профессор, старший научный сотрудник Университета международного бизнеса и экономики (Китай)

ЧИЛИНГАРЯН Айк Марселович, кандидат экономических наук, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального Собрания Республики Армения в МПА СНГ, ПА ОДКБ

ШУХНО Сергей Степанович, заместитель начальника отдела Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии

ЭРКЕБАЕВ Абдыганы Эркебаевич, доктор филологических наук, академик Национальной Академии наук Кыргызской Республики, председатель совета Ассамблеи народа Кыргызстана

ЯКУНИН Владимир Иванович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

CHIEF EDITOR

GLAZYEV Sergey, State Secretary of the Union State of Russia and Belarus, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

DEPUTY CHIEF EDITOR

KEFELI Igor, Doctor of Philosophy, Professor, Expert of RAS, Director of the Project of the Research Laboratory of Strategic Planning and Eurasian Integration, North West Institute of Management, RANEPА, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

MYASNIKOVICH Mikhail, Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus

SHAMAKHOV Vladimir, Doctor of Economics, Scientific Supervisor of the Council, Research Supervisor of the North-West Institute of Management — branch of the RANEPА, State Councilor of the Russian Federation of the 1st class

SLUCHEVSKY Vyacheslav, PhD in Historical Sciences, Deputy Scientific Supervisor of the Council, Advisor to the Research Supervisor of North-West Institute of Management of RANEPА

ALIMBEKOV Musabek, Doctor of Laws, honorary professor of the L. N. Gumilyov Eurasian National University

BEBENIN Sergey, Chair of the Legislative Assembly of the Leningrad Region

BONDUROVSKY Vladimir, PhD in Law, Deputy Executive Secretary of the CSTO Parliamentary Assembly

BORDYUZHA Nikolai, Chairman of the Coordinating Council of the Eurasian Information and Analytical Consortium

KOGUT Viktor, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Representative of the IPA CIS Council in the Republic of Belarus

KUCHERYAVY Mikhail, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

LOKYAN Arsen, Doctor of Psychology, Rector of the Academy of Public Administration of the Republic of Armenia

MAKSIMTSEV Igor, Doctor of Economics, Professor, Rector of St. Petersburg State University of Economics

RAHIMI Farhod, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, President of the National Academy of Sciences of Tajikistan

SATVALDIEV Nurbek, PhD in Political Sciences, Deputy Secretary General of the Council of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States (IPA CIS), Plenipotentiary Representative of the Zhogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic to the IPA CIS

SAFARZODA Bakhtovar, Doctor of Laws, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Tajikistan to the Republic of Belarus, Plenipotentiary Representative of Majlisi Oli — Parliament of the Republic of Tajikistan in the CSTO PA

HAN Lihua, PhD, Professor, Senior Researcher of University of International Business and Economics (China)

CHILINGARYAN Ayk, PhD in Economics, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Armenia in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly

SHUKHNO Sergey, Deputy Head of the subdivision of the Department for the Development of Integration of the Eurasian Economic Commission

ERKEBAYEV Abdygany, Doctor of Philology, Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic

YAKUNIN Vladimir, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the State Policy Department of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АБАЙДЕЛЬДИНОВ Ербол Мусинович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Казахстан, Астана)

АКАЕВ Аскар Акаевич, доктор технических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Кыргызстан, Бишкек)

АСАУЛ Максим Анатольевич, доктор экономических наук (Россия, Москва)

ВЕТРЕНКО Инна Александровна, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой социальных технологий СЗИУ РАНХиГС, директор Исследовательского аналитического центра «Русская мечта» (Россия, Санкт-Петербург)

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич, доктор политических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института Европы Российской академии наук (Россия, Москва)

ДЕНИСОВ Андрей Иванович, кандидат экономических наук, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам (Россия, Москва)

ЕНГОЯН Ашот Пайлакович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории политической науки Ереванского государственного университета (Армения, Ереван)

КАЗАНЦЕВ Андрей Анатольевич, доктор политических наук, директор аналитического центра Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Россия, Москва)

КАШКИН Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, заслуженный юрист РФ (Россия, Москва)

КАЮМОВ Нуриддин Каюмович, доктор экономических наук, профессор, академик Национальной академии наук Таджикистана (Таджикистан, Душанбе)

КОЖОШЕВ Арзыбек Орозбекович, доктор экономических наук, профессор, Член Коллегии (министр) по энергетике и инфраструктуре Евразийской экономической комиссии (Кыргызстан, Бишкек)

КРОТОВ Михаил Иосифович, доктор экономических наук, профессор, Полномочный представитель Федерального Собрания Российской Федерации — заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ (Россия, Москва, Санкт-Петербург)

КУЗНЕЦОВ Алексей Владимирович, доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, директор Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Россия, Москва)

КУКЛИНА Евгения Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры бизнес-информатики СЗИУ РАНХиГС, редактор раздела «Экономика» (Россия, Санкт-Петербург)

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Россия, Москва)

ЛИВЕРОВСКИЙ Алексей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, заведующий кафедрой конституционного права (Россия, Санкт-Петербург)

МЕЖЕВИЧ Николай Маратович, доктор экономических наук, профессор, исполнительный директор Ассоциации внешнеполитических исследований им. А. А. Громыко (Россия, Москва)

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, доктор экономических и юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и гуманитарного права СЗИУ РАНХиГС (Россия, Санкт-Петербург)

НОВИКОВА Ирина Николаевна, доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, Санкт-Петербург)

РЕМЫГА Владимир Николаевич, доктор экономических наук, генеральный директор Координационного центра «Экономический пояс Шелкового пути» (Россия, Москва)

СЕРГЕВНИН Сергей Львович, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, заслуженный юрист РФ, редактор раздела «Право» (Россия, Санкт-Петербург)

СВОРЦОВ Олег Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры коммерческого права СПбГУ (Россия, Санкт-Петербург)

СТАРОВОЙТОВ Александр Александрович, доктор юридических наук, профессор, эксперт юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, заслуженный юрист РФ (Россия, Санкт-Петербург)

ТОРОПЫГИН Андрей Владимирович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений СЗИУ РАНХиГС, редактор раздела «Политика» (Россия, Санкт-Петербург)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права РАН, главный редактор Евразийского юридического журнала (Россия, Москва)

ХАШ-ЭРДЭНЭ Самбалхундэв, доктор социологических наук, профессор, председатель общества «Знание» Монголии (Монголия, Улан-Батор)

EDITORIAL BOARD

ABAYDELIDINOV Erbol, Doctor of Laws, Professor, Department of Integrational Law, Faculty of Law, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan, Astana)

AKAEV Askar, Doctor of Technical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

ASAUL Maksim, Doctor of Economics (Russia, Moscow)

VETRENKO Inna, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Social Technologies of the North-West Institute of Management of the RANEPa, Director of the Research Analytical Center “Russian Dream” (Russia, Saint Petersburg)

GROMYKO Alexey, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

DENISOV Andrey, PhD in Economics, First Deputy Chair of the Federation Council Committee on Foreign Affairs (Russia, Moscow)

ENGOYAN Ashot, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of Political Science of Yerevan State University (Armenia, Yerevan)

KASHKIN Sergey, Doctor of Laws, Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Honored Lawyer of the Russian Federation (Russia, Moscow)

KAZANTSEV Andrey, Doctor of Political Sciences, Director of Analytical Center, Institute of International Studies of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow)

KAYUMOV Nuriddin, Doctor of Economics, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of Tajikistan (Tajikistan, Dushanbe)

KOZHOSHEV Arzybek, Doctor of Economics, Professor, Member of the Board — Minister for Energy and Infrastructure of the Eurasian Economic Commission (Kyrgyzstan, Bishkek)

KROTOV Mikhail, Doctor of Economics, Professor, Plenipotentiary Representative of the Federal Assembly of the Russian Federation — Deputy Executive Secretary of the CSTO PA (Russia, Moscow, Saint Petersburg)

KUZNETSOV Alexey, Doctor of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN) (Russia, Moscow)

KUKLINA Evgenia, Doctor of Economics, Professor, Chair of Business Informatics of North-West Institute of Management of RANEPa, Editor of the “Economics” section (Russia, Saint Petersburg)

LEBEDEVA Marina, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of World Political Processes of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow)

LIVEROVSKY Alexey, Doctor of Laws, Professor, Scientific Director of the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Economics, Head of the Department of Constitutional Law (Russia, Saint Petersburg)

MEZHEVICH Nikolay, Doctor of Economics, Professor, Executive Director of the A. A. Gromyko Association for Foreign Policy Studies (Russia, Moscow)

MISHALCHENKO Yuri, Doctor of Economics, Doctor of Laws, Professor, Department of International and Humanitarian Law of the North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg)

NOVIKOVA Irina, Doctor of History, Professor, Dean of the Faculty of International Relations of St. Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg)

REMYGA Vladimir, Doctor of Economics, Director-General of the Coordination Center “Economic Belt of the Silk Road” (Russia, Moscow)

SERGEVININ Sergey, Doctor of Laws, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of History and Theory of State and Law, North-West Institute of Management of RANEPa, Honored Lawyer of the Russian Federation, Editor of the “Law” section (Russia, Saint Petersburg)

SKVORTSOV Oleg, Doctor of Laws, Professor, Department of Commercial Law, St. Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg)

STAROVOITOV Alexander, Doctor of Laws, Professor, Expert of the Law Faculty, Honored Lawyer of the Russian Federation, North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg)

TOROPYGIN Andrey, Doctor of Political Sciences, Professor, North-West Institute of Management of RANEPa, Editor of the “Politics” section (Russia, Saint Petersburg)

FARKHUTDINOV Insur, Doctor of Laws, Leading Researcher, Sector of International Legal Studies, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the Eurasian Law Journal (Russia, Moscow)

KHASH-ERDENE Sambalhundev, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chairman of the society “Knowledge” of Mongolia (Mongolia, Ulan-Bator)

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
экономика, право, политика
Международный научно-аналитический журнал
Том 20, № 2 2026

Содержание

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Глазьев С. Ю.

Об экономической модели Союзного государства..... 9

ГЛАВНОЕ

Нагиева А. А., Середа А. А.

Актуальные вопросы правового регулирования трудовой миграции в ЕАЭС 11

ЭКОНОМИКА

Остапенко В. А., Шадыебеков К. Б., Шишкараев Э. К.

Экономическая интеграция: перспективы формирования общих валютно-финансовых механизмов ЕАЭС в контексте международного опыта 22

Акматалиева А. С.

Роль национальных валют стран ЕАЭС в условиях дедолларизации мировой экономики..... 32

Зайков К. С., Новичкова Е. А.

Трансарктический транспортный коридор как фактор интеграции Евразийского экономического пространства 43

Козьменко С. Ю.

Морские коммуникации в пространственной организации арктической версии «Большой игры».... 58

Санин А. Ю., Кулаковская В. А.

Коридор «Север — Юг» в формирующемся мироустройстве: транспортный и туристический потенциал взаимодействия России со странами Глобального Юга..... 68

ПРАВО

Дроздова М. А.

Правовое обеспечение формирования единого цифрового транспортного пространства ЕАЭС: вызовы и пути решения 81

Кривко Л. В.

Пробелы правового регулирования цифровой трансформации отрасли утилизации отходов Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь 91

Артеменко Т. Д.

Правовое регулирование осуществления ЕЭК исполнительно-распорядительных полномочий: проблемы реализации и опыт ЕС 102

Рудман М. Н.

Китайская модель защиты национально-государственной идентичности как основа концепции евразийской государственно-правовой модернизации..... 114

Пастущик А. В.

О влиянии Консультативного заключения Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г. на правоприменительную практику государств — членов ЕАЭС 124

ПОЛИТИКА

Панцеров К. А.

Технологии искусственного интеллекта как основа обеспечения технологического суверенитета: вызовы и угрозы для стран ЕАЭС..... 134

Ешин А. О.

Экологическая составляющая международной деятельности ЕАЭС: реалии и перспективы 146

Торопыгин А. В., Николаенко А. В.

Глобальное управление и дискурсивная сила Китая: институциональный аспект..... 158

Verri Federico

Russia's Role in Eurasian Integration as Sovereign Development: Legal, Economic and Political Foundations of Multipolar Regionalism 168

Диянский Т. А.

Парадокс китайского майнинга: анализ причин сохранения лидерства после официального запрета отрасли..... 177

ЕВРАЗИЙСКАЯ ХРОНИКА

Сергевнин С. Л., Алексеев Г. В.

Становление международного процессуального права 186

Юдина Т. Н., Абрамов А. П., Волкова О. А.

Евразийский диалог — новые горизонты интеграции..... 189

EURASIAN INTEGRATION: Economics, Law, Politics

International scientific and analytical journal

Vol. 20, No. 2 2026

Contents

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Sergei Yu. Glazyev

On the Economic Model of the Union State..... 9

MAIN

Amina A. Nagieva, Anatoliy A. Sereda

Current Issues of the Legal Regulation of Labor Migration in the Eurasian Economic Union 11

ECONOMICS

Vladislav A. Ostapenko, Kuvanychbek B. Shadybekov, Esen K. Shishkaraev

Economic Integration: Prospects for the Formation of Common Monetary and Financial Mechanisms of the EAEU in the Context of International Experience..... 22

Aida S. Akmatalieva

The Role of the National Currencies of the EAEU Countries in the Context of the de-Dollarization of the Global Economy..... 32

Konstantin S. Zaikov, Ekaterina A. Novichkova

The Trans-Arctic Transport Corridor as a Factor in the Integration of the Eurasian Economic Space..... 43

Sergey Yu. Kozmenko

Maritime Communications in the Spatial Organization of the Arctic Version of the “Great Game” 58

Alexander Yu. Sanin, Valentina A. Kulakovskaya

The North–South Corridor in the Emerging World Order: Transport and Tourism Potential for Russia’s Interaction with Countries of the Global South..... 68

LAW

Maria A. Drozdova

Legal Framework for the Formation of a Single Digital Transport Space of the EAEU: Challenges and Solutions 81

Lyudmila V. Krivko

Gaps in the Legal Regulation of the Digital Transformation of the Waste Disposal Industry in the Union State of the Russian Federation and the Republic of Belarus..... 91

Timofei D. Artemenko

Legal Regulation of the EEC’s Executive and Administrative Powers: Implementation Issues and EU Experience..... 102

Mark N. Rudman

The Chinese Model of Protecting National and State Identity as the Basis of the Concept of Eurasian State and Legal Modernization 114

Anastasia V. Pastushick

About the Effect of the EAEU Court’s Advisory Opinion Dated March 28, 2024 in the Law Practice of the EAEU Member States..... 124

POLITICS

Konstantin A. Pantserov

AI-technologies as a Basis for Ensuring Technological Sovereignty: Challenges and Threats for the EAEU Countries 134

Artur O. Eshin

The Environmental Component of the EAEU’s International Activities: Realities and Prospects..... 146

Andrey V. Toropygin, Anastasia V. Nikolaenko

Global Governance and China’s Discursive Power: An Institutional Aspect..... 158

Federico Verri

Russia’s Role in Eurasian Integration as Sovereign Development: Legal, Economic and Political Foundations of Multipolar Regionalism..... 168

Timofey A. Diyanskiy

The Paradox of Chinese Mining: Analysis of the Reasons for Maintaining Leadership after the Official Ban of the Industry 177

EURASIAN CHRONICLE

Sergey L. Sergevnin, George V. Alexeyev

The Formation of International Procedural Law..... 186

Tatyana N. Yudina, Alexander P. Abramov, Olga A. Volkova

Eurasian Dialogue — New Horizons for Integration 189

Об экономической модели Союзного государства

В текущем году ожидается принятие Основных направлений реализации положений Договора о создании Союзного государства (далее — СГ) на 2027–2029 гг. (далее — Основные направления). В настоящий момент ведется ритмичная работа по отработке и согласованию конкретных и реализуемых механизмов обеспечения не только устойчивого, но и опережающего развития экономики СГ. Для этого следует рассмотреть внедрение/формирование:

- **специальных инструментов рефинансирования** банков и институтов развития для кредитования совместных инвестиций и производственной кооперации, в том числе для выпуска товаров Союзного государства;
- **кредитно-инвестиционной платформы** Союзного государства для поддержки совместных инвестиционных проектов и расширения производств;
- **единой программы научно-технологического развития** Союзного государства, включающей долгосрочное прогнозирование, определение приоритетных направлений и производств нового технологического уклада;
- **бюджета развития в Союзном государстве** и унифицированных экспортных пошлин, частично направляемых на его наполнение;
- **комплексной системы институтов развития Союзного государства**, необходимых для венчурного финансирования и кредитования совместных инновационных и инвестиционных проектов;
- **нетарифных мер регулирования**, включая стандартизацию, оценку соответствия, аккредитацию, уполномочивание участников системы оценки соответствия отраслевыми регуляторами;
- **единой системы платежей за загрязнение окружающей среды** с их целевым использованием на ее очистку и восстановление посредством экологических фондов;
- **единого цифрового пространства** Союзного государства с дальнейшей интеграцией цифровых платформ;
- **собственного искусственного интеллекта**, с поддержкой развития соответствующей инфраструктуры;
- других инструментов, обоснованных в **Стратегии опережающего развития СГ**.

Внедрение этих мер в Основные направления позволит обеспечить среднесрочное планирование СГ и определит четкие контуры его экономической модели. Данная модель трактуется двояко: как пересечение национальных экономик, каждая из которых функционирует автономно, или как целостная система институтов, формирующих воспроизводственные контуры экономики СГ. В первом случае под экономической моделью следует понимать регулирование взаимной торговли и совместных инвестиций, программы и проекты как самого СГ, так и взаимодействующих министерств, ведомств, регионов, корпораций. Второй вариант предполагает общую систему стратегического планирования СГ с институтами и механизмами реализации.

Пока работа ведется в рамках первой модели с рядом координирующих механизмов в части таможенного, технического, налогового регулирования и контроля, предметом которого является взаимная торговля. Размеры национальных экономик разные: для Беларуси она критична (31% внешнего товарооборота и 35% ВВП); для России она имеет дополняющее значение (3,5% внешнеторгового оборота и 1,2% ВВП), хотя по некоторым сферам, в том числе чувствительным для национальной безопасности, может иметь критическое значение. Влияние программ и проектов СГ в абсолютном выражении невелико (от 0,87% до 1,41% прироста ВВП для Беларуси и от 1,25% до 1,64% для России), хотя для некоторых отраслей белорусской экономики играет роль достаточно мощных иницирующих импульсов (биоинженерия и генетика в медицине, космические аппараты, электронные автокомпоненты и др.). Эффект интеграции определяется тесной связанностью белорусской экономики с российской. Динамика последней в силу своего размера определяет и динамику макроэкономических показателей всего СГ. При этом происходящее в настоящее время замедление роста российской экономики через снижение внешнего спроса индуцируется на белорусскую.

Имеющиеся в распоряжении СГ инструменты не могут повлиять на этот процесс, несмотря на имеющийся существенный потенциал развития, связанный с полномасштабным использованием научно-технического потенциала и производственных мощностей. Повышение загрузки мощностей только в промышленности¹ на 10% способно привести к увеличению темпов роста объемов промышленного производства в СГ на 6%. При этом возможности роста производства товаров инвестиционного назначения в разы выше, т. к. уровень загрузки производственных мощностей особенно низок в машиностроении, обеспечивающем материальные возможности наращивания инвестиций в увеличение активной части основного капитала. Это свидетельствует о физической возможности двукратного увеличения объема инвестиций в развитие экономики СГ. Причем расширение производства машин и оборудования должно быть сбалансировано со спросом на них при неизбежной смене технологических укладов.

Со стороны спроса также имеются большие резервы для увеличения выпуска продукции. Уход с российского и белорусского рынков многих компаний из недружественных стран освободил более четверти внутреннего рынка ЕАЭС, до 80% которого может быть замещено внутренним производством. Значительный потенциал роста производства имеется в сельском хозяйстве. Для его реализации необходимо создание устойчивых внутренних механизмов расширенного воспроизводства агропромышленной продукции.

Имеющийся в СГ производственный потенциал позволяет ежегодно наращивать выпуск продукции на 8% ВВП. Для этого, как показывает анализ зависимости между приростом инвестиций и ВВП, потребуется ускорение прироста инвестиций до 16% в год. Это возможно при условии форсированного наращивания кредитования инвестиций за счет внутренних источников. Переход к общепринятой в успешно развивающихся странах денежно-кредитной политике, включающей валютные ограничения на трансграничные операции с капиталом, а также регулирование ставки процента исходя из целей повышения инвестиционной активности остановят вывоз капитала и дадут возможность расширения внутреннего кредита реальному сектору экономики. Возможности неинфляционной монетизации экономики СГ оцениваются на уровне до 25–30 трлн руб. в год, что позволяет к 2035 г. выйти на характерные для развитых стран показатели монетизации экономики.

Для реализации открывающихся возможностей подъема на «волне» роста нового технологического уклада СГ требуется мощный иницирующий импульс обновления основного капитала, позволяющий сконцентрировать имеющиеся ресурсы на перспективных направлениях модернизации и развития экономики. Его организация предполагает повышение нормы накопления с нынешних 18–20% до 35–40% ВВП с концентрацией инвестиций на прорывных направлениях роста нового технологического уклада и модернизации экономики на его основе. Источником финансирования таких инвестиций может стать целевое кредитование со стороны государственной банковской системы. Без создания такой системы управления развитием экономики, соответствующей принципам нового мирохозяйственного уклада, СГ не сможет встроиться в его ядро и останется на периферии мировой экономики под одновременным влиянием ее старого и нового центров. Это влечет серьезную деформацию воспроизводственных контуров экономики, включая разрыв многих технологических цепочек, замкнутых на рынки недружественных стран или на их технологическую базу. Чтобы избежать падения производства и деградации экономики, СГ необходимо создавать собственную технологическую базу производств нового технологического уклада.

Определенной сложностью реализации синергетического варианта экономической модели СГ являются существенные различия в системах регулирования российской и белорусской экономик. Чтобы оценить эти различия и провести гармонизацию, Постоянный Комитет запланировал провести уже в этом году комплексное исследование силами ведущих научных центров Беларуси и России. Этот сопоставительный анализ планируется осуществить с опорой на оценку успешных практик стран ядра нового мирохозяйственного уклада, которые будут определять развитие мировой экономики в течение всего столетия.

*С. Ю. Глазьев, главный редактор,
Государственный секретарь Союзного государства,
академик РАН*

¹ По данным Росстата и Министерства экономики РБ, они находятся соответственно на уровне 61% в России и 76,5% в Беларуси.

Актуальные вопросы правового регулирования трудовой миграции в ЕАЭС

Нагиева А. А.^{1, 2, *}, Середа А. А.^{2, 3}

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

² Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

³ Комитет по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками Государственной Думы ФС РФ, Москва, Российская Федерация

*e-mail: a.nagiyeva2017@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3815-3961

РЕФЕРАТ

Цель. Цель исследования состоит в комплексном изучении правового регулирования трудовой миграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а также в оценке степени согласованности наднациональных и национальных правовых механизмов, регулирующих статус трудящихся-мигрантов, условия их доступа к труду и объем предоставляемых им социальных гарантий. Особое внимание уделяется дальнейшей гармонизации законодательства государств — членов ЕАЭС в условиях развития общего рынка труда. **Методология.** Исследование основано на сочетании общенаучных (анализ) и частнонаучных (сравнительно-правовой) методов. Сравнительно-правовой метод сводится к сопоставлению международных, наднациональных и национально-правовых актов, применимых к трудовой миграции, а также анализ правоприменительных механизмов, связанных с реализацией прав трудящихся-мигрантов и членов их семей в пределах интеграционного пространства. **Результаты.** Установлено, что действующая модель регулирования трудовой миграции в рамках Евразийского экономического союза создает более благоприятные условия для перемещения рабочей силы в сравнении с национальными миграционными режимами, поскольку предусматривает упрощенный доступ к рынкам труда, взаимное признание действительности документов об образовании, унифицированные правила пребывания и отдельные социальные гарантии. Вместе с тем актуальными остаются вопросы расхождения механизмов социальной защиты трудящихся-мигрантов и членов их семей в государствах ЕАЭС, трудовой миграции из третьих стран — не членов ЕАЭС и их негативное воздействие на развитие трудового рынка, а также угрозы, связанные с нелегальной миграцией и меры борьбы с ними. **Выводы.** Сделан вывод о том, что дальнейшее развитие интеграции в рассматриваемой сфере требует не только расширения свободы трудовой мобильности, но и унификации трудового законодательства, укрепления социальных гарантий и совершенствования механизмов межгосударственной координации. Перспективы повышения эффективности правового регулирования связаны с углублением цифрового взаимодействия, разработкой единых подходов к установлению ответственности за нарушения в сфере трудовой миграции и формированием более целостной модели защиты прав трудящихся-мигрантов в пределах Союза.

Ключевые слова: ЕАЭС, ЕЭК, трудовая миграция, мигрант, рынок труда

Для цитирования: Нагиева А. А., Середа А. А. Актуальные вопросы правового регулирования трудовой миграции в ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 2. С. 11–21. EDN: ROEIQY

Current Issues of the Legal Regulation of Labor Migration in the Eurasian Economic Union

Amina A. Nagieva^{a, b, *}, Anatoliy A. Sereda^{b, c}

^a Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^b Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

^c State Duma Committee on Issues of the Commonwealth of Independent States and Contacts with Fellow Countryman, Moscow, Russian Federation

*e-mail: a.nagiyeva2017@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3815-3961

ABSTRACT

Aim. The purpose of this study is comprehensive analysis of the current issues of legal regulation of labor migration within the Eurasian Economic Union, as well as to assess the degree of coherence between supranational and national legal mechanisms governing the status of migrant workers, the conditions of their access to employment, and the scope of the social guarantees granted to them. Particular attention is paid to further harmonization of legislation in the Union's member states in the context of the development of a common labor market. **Methods.** Drawing on both general scientific analysis and the private scientific method of comparative law, this study compares international, supranational, and national regulations on labor migration. It also analyzes the law enforcement mechanisms that protect the rights of migrant workers and their families within the integration space.

Results. By drawing on both general analytical techniques and the comparative legal approach, this study contrasts international, supranational, and national laws on labor migration. It further analyzes the mechanisms that enforce and protect the rights of migrant workers and their families within the integration framework. The objectives of standardizing working conditions and legal protections for migrant workers within the EAEU have not been fully achieved. Consequently, the unification of labor law remains a critical outstanding task. **Conclusions.** The findings indicate that to continue integrating this sector, efforts must go beyond expanding free labor movement. There is also a need to harmonize labor law, reinforce social protections, and upgrade mechanisms for interstate coordination. Prospects for increasing the effectiveness of legal regulation are associated with deeper digital interaction, the development of uniform approaches to restore responsibility for violations in the field of labor migration, and the formation of a more coherent model for the protection of migrant workers rights within Union.

Keywords: Eurasian Economic Union, Eurasian Economic Commission, labor migration, migrant, labor market

For citation: Nagieva A. A., Sereda A. A. Current Issues of the Legal Regulation of Labor Migration in the Eurasian Economic Union // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 11–21. (In Russ.) EDN: ROEIQY

Введение

Формирование единого рынка услуг и обеспечение свободы передвижения трудящихся остаются приоритетными направлениями интеграции на постсоветском пространстве. Необходимость усиления контроля над миграционными потоками, обеспечения социальной защиты трудящихся-мигрантов и членов их семей, оптимизация сферы труда путем внедрения цифровых технологий свидетельствуют об актуальности правового исследования обозначенных вопросов.

Трудовая миграция несет пользу как странам-донорам, так и принимающим государствам, а также самим работникам. Она способствует экономическому развитию, снижает безработицу, обеспечивает приток валюты от переводов, а мигрантам дает возможность повысить квалификацию и наработать опыт [9, с. 71].

Трудовая миграция в рамках Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС, Союз) регулируется многочисленными соглашениями с участием государств — членов Союза, правовыми актами органов Союза, консультативными заключениями Суда ЕАЭС и другими нормативными источниками. Главное место в системе правовых источников ЕАЭС отводится Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее — Договор 2014 г.).

Согласно ст. 96 Договора 2014 г. «Государства-члены осуществляют сотрудничество по согласованию политики в сфере регулирования трудовой миграции в рамках Союза, а также по оказанию содействия организованному набору и привлечению трудящихся государств-членов для осуществления ими трудовой деятельности в государствах-членах»¹.

Методологическую основу исследования составляет сравнительно-правовой анализ, позволяющий выявить степень согласованности международно-правового, наднационального и национального регулирования трудовой миграции. Сравнение проводится по нескольким критериям: определение трудящегося-мигранта, условия допуска к трудовой деятельности, объем социальных гарантий, порядок признания документов об образовании, особенности пребывания и миграционного учета, а также механизмы защиты прав трудящихся и членов их семей. Такой подход позволяет не только описать действующие нормы, но и установить существующие расхождения между правом ЕАЭС, международными стандартами и национальным законодательством государств-членов.

В данной статье будут исследованы основные подходы к определению правового статуса трудящегося-мигранта, проблемы социального обеспечения трудящихся-мигрантов в ЕАЭС, актуальные направления сотрудничества государств — членов Союза в сфере защиты труда, а также угрозы и последствия нелегальной миграции.

Понятие и правовой статус трудящегося-мигранта

Нормативное содержание категории трудящегося в праве ЕАЭС раскрывается непосредственно в Договоре 2014 г.: «трудящийся государства-члена» — лицо, являющееся гражданином государства-члена, законно находящееся и на законном основании осуществляющее трудовую деятельность на территории государства трудоустройства, гражданином которого оно не является и в котором постоянно не проживает» (п. 5 ст. 96).

Согласно подходам Суда ЕАЭС, трудящийся-мигрант — это гражданин государства-члена, законно находящийся в стране трудоустройства (не имея ее гражданства), работающий по трудовому или гражданско-правовому договору и получающий вознаграждение. Однако юридический вес решений самого Суда остается дискуссионным: формально он входит в институты Союза (ст. 8), но его решения не включены в перечень источников права ЕАЭС (ст. 6), что ставит под вопрос их реальное влияние на правовую систему [3]².

Сравнение подходов к определению трудящегося-мигранта в праве ЕАЭС и в международных актах (в том числе универсальных организаций) выявляет определенные расхождения.

Так, в соответствии с п. 1 ст. 11 Конвенции Международной организации труда (МОТ) № 97 «О трудящихся-мигрантах» (пересмотрена в 1949 г.) под термином «трудящийся-мигрант» понимается лицо, которое мигрирует из одной страны в другую с намерением получить работу, иначе чем на собственный счет, и включает всякое лицо, допускаемое в соответствии с законом в качестве трудящегося-мигранта³.

Конвенция МОТ № 143 в п. 1 ст. 11 также раскрывает понятие «трудящийся-мигрант». Ключевые признаки: пересечение границы (или уже состоявшееся перемещение) между странами; цель — получение

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (п. 1 ст. 96) [Электронный ресурс] // Правовой портал Евразийского экономического союза. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/222/bifmr5rkj91orf6wc3yg26olge6h0wej/Dogovor.pdf> (дата обращения: 31.03.2026).

² Консультативное заключение Большой коллегии Суда ЕАЭС от 7 декабря 2018 г. по делу P-3/18. [Электронный ресурс] // Официальный портал Суда Евразийского экономического союза. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-3.18/ (дата обращения: 31.03.2026).

³ Конвенция Международной Организации Труда № 97 о трудящихся-мигрантах (пересмотренная в 1949 году) (Женева, 1 июля 1949 г.). Конвенция вступила в силу 22 января 1952 г. Российская Федерация в настоящей Конвенции не участвует // В сборнике «Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией труда. 1919–1956. Т. I». Женева, Международное бюро труда, 1991.

любой работы не за свой счет. Кроме того, под определение подпадает любое лицо, которое легально въехало в государство именно в статусе трудового мигранта¹. По версии Конвенции 1990 года (п. 1 ст. 2), термин «трудящийся-мигрант» охватывает три категории лиц: тех, кто только собирается работать за границей; тех, кто уже работает; и тех, кто работал в прошлом. Общий признак — оплачиваемая деятельность в стране, где у человека нет гражданства².

В Российской Федерации «иностранный работник» (и его «трудовая деятельность») — это только легально работающие в России иностранцы.

В ФЗ № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 2002 г. говорится, что «трудовая деятельность иностранного гражданина — работа иностранного гражданина в Российской Федерации на основании трудового договора или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг)»³.

Несмотря на использование термина «трудящийся-мигрант» в российском законодательстве, его легальное определение отсутствует. В Указе Президента РФ 2012 г. этот термин просто обозначает иностранных работников. Более конкретное определение дано в Федеральной миграционной программе: это лица, занятые оплачиваемым трудом в государстве, чьими гражданами они не являются⁴.

Таким образом, из вышеприведенных документов следует, что подходы к определению «трудящегося-мигранта» в международно-правовых актах, в актах международных организаций и в национально-правовых актах в некоторой степени расходятся, однако объединяющим их началом остается законное нахождение лица на территории другого государства, гражданином которого оно не является, с целью осуществления легальной трудовой деятельности.

Порядок трудовой деятельности в ЕАЭС

Договор о ЕАЭС ограничивает возможность государств-членов применять национальные механизмы защиты внутреннего рынка труда в отношении трудящихся других государств — членов Союза. Исключения допускаются лишь в случаях, связанных с обеспечением национальной безопасности, включая стратегически значимые отрасли экономики, а также общественного порядка. В указанных случаях государство вправе устанавливать ограничения в отношении отдельных видов деятельности, профессий или территорий.

Согласно ст. 97 Договора о ЕАЭС 2014 г., граждане Союза могут работать в других странах-участницах без разрешительных документов и отраслевых ограничений — на основании трудового или ГПХ-договора (договора гражданско-правового характера). Документы об образовании признаются без проведения специальных процедур признания, за исключением случаев, прямо предусмотренных Договором о ЕАЭС (исключения: образование, медицина, юриспруденция, фармацевтика).

В сравнении с общим национальным режимом допуска иностранных граждан к трудовой деятельности право ЕАЭС закрепляет для граждан государств-членов специальный льготный режим. Его содержание выражается в освобождении от обязанности получать разрешение на работу или патент, возможности осуществлять трудовую деятельность на основании трудового либо гражданско-правового договора, признании документов об образовании, а также в более благоприятных правилах пребывания трудящегося и членов его семьи. Тем самым регулирование ЕАЭС формирует особую ин-

¹ Конвенция Международной Организации Труда № 143 о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении работникам-мигрантам равенства возможностей и обращения (Женева, 24 июня 1975 г.). Конвенция вступила в силу 9 декабря 1978 г. Российская Федерация в настоящей Конвенции не участвует // В сборнике «Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией труда. 1957–1990. Т. II». Женева, Международное бюро труда, 1991.

² Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (принята резолюцией 45/158 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1990 г.). Конвенция вступила в силу 1 июля 2003 г. Российская Федерация в настоящей Конвенции не участвует [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/2561306/> (дата обращения: 31.03.2026).

³ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. № 30 ст. 3032.

⁴ Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия» // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 19 ст. 2339; Указ Президента РФ от 9 августа 1994 г. № 1668 «О Федеральной миграционной программе» (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 августа 1994 г. № 18 ст. 2065.

теграционную модель, занимающую промежуточное положение между стандартным миграционно-разрешительным режимом, применимым к гражданам третьих государств, и режимом максимально свободного передвижения работников, характерным для более глубоких интеграционных объединений.

Наряду с упрощенным доступом к трудовой деятельности право ЕАЭС предусматривает отдельные послабления в сфере миграционного учета. В частности, граждане государств — членов ЕАЭС освобождаются от обязанности заполнения миграционной карты при въезде на территорию другого государства-члена на срок до 30 суток при условии предъявления документа, позволяющего проставить отметку о пересечении государственной границы. В таком случае факт въезда фиксируется посредством соответствующей отметки в документе, удостоверяющем личность.

Двусторонние договоры определяют, как граждане ЕАЭС могут находиться 30 дней без регистрации. Подобные соглашения заключены, в частности, между Российской Федерацией и Республикой Казахстан, Республикой Беларусь и Республикой Казахстан, Российской Федерацией и Республикой Армения, а также между Российской Федерацией и Кыргызской Республикой.

Следует отметить, что ЕАЭС, формируя общий рынок труда, использовал опыт Союзного государства. Однако уровень достижения равенства прав граждан в Союзном государстве гораздо выше, чем в ЕАЭС, а сфера обеспечения намного шире [12, с. 113].

Одной из значимых новелл является возможность изменения гражданами государств — членов ЕАЭС цели въезда на трудовую без необходимости выезда из государства пребывания.

Ранее действовало правило: если лицо, въехавшее с частной целью, решало устроиться на работу, ему приходилось сначала покинуть страну пребывания, а затем вернуться уже в качестве трудящегося-мигранта [8, с. 162].

В Госдуме на рассмотрении находится законопроект о медосвидетельствовании иностранцев. В случае принятия указанного законопроекта при смене цели въезда на «работу» мигрант обязан будет пройти медосмотр не позднее 30 дней с даты въезда в Россию¹.

Также в Госдуме на рассмотрении законопроект о внесении изменений в закон «О правовом положении иностранных граждан в РФ» в части регулирования трудовой деятельности иностранцев. Проектируемыми нормами вводится требование об уплате фиксированного авансового платежа по НДФЛ работниками из государств — членов ЕАЭС в случае работы у физического лица. При отсутствии данных о доходах работника из ЕАЭС либо если его доход по договору ниже прожиточного минимума (с учетом регионального коэффициента и на каждого иждивенца), договор признается утратившим силу, а срок пребывания такого иностранца и членов его семьи подлежит сокращению².

Для эффективной адаптации трудящихся-мигрантов к изменениям национального законодательства необходимо обеспечить обмен информацией между государствами — членами ЕАЭС (в том числе в рамках межпарламентского сотрудничества) и проводить разъяснительные работы в странах — донорах рабочей силы.

Правовая интеграция в ЕАЭС затрагивает не только трудовые, но и социально-обеспечительные отношения. Одним из наиболее значимых результатов такого сближения стало вступление в силу с 1 января 2021 г. Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС от 20 декабря 2019 г.³, закрепившего подход, при котором пенсионные права работника сохраняются и реализуются вне зависимости от того, в каком именно государстве Союза был приобретен соответствующий стаж. Это усилило гарантии равного пенсионного обеспечения для трудящихся-мигрантов в пределах интеграционного пространства.

¹ Законопроект № 1158407-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (в части совершенствования правового регулирования в сфере трудовой деятельности иностранных граждан)» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1120743-8> (дата обращения: 31.03.2026).

² Там же.

³ Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов Евразийского экономического союза (Санкт-Петербург, 20 декабря 2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 15 марта 2021 г. № 11 ст. 1716.

Сотрудничество государств — членов ЕАЭС в области трудовой миграции

Существуют различные формы сотрудничества государств-членов в области трудовой миграции, которое реализуется через взаимодействие их компетентных органов — от обмена информацией до проведения оперативных мероприятий [7, с. 123].

В ЕЭК функционирует профильный департамент, призванный отслеживать миграционное законодательство, готовить предложения по общему рынку труда и помогать с трудоустройством мигрантов. Его сфера — трудовая миграция, соцобеспечение (включая пенсионное и медобслуживание) и легализация дипломов. Внутри — три отдела¹.

К числу перспективных направлений совершенствования регулирования трудовой миграции в ЕАЭС можно отнести следующие меры:

- отмена для граждан обязанности заполнять миграционную карту на границах государств — членов Союза, улучшение механизмов организованного набора и вынесение домиграционных процедур в страну миграции. Важно также максимально полно учесть особенности правового регулирования въезда, выезда, пребывания и учета трудящихся из стран ЕАЭС при формировании «Цифрового профиля иностранного гражданина»;
- в странах ЕАЭС предлагается обеспечить приоритетный проход через границу для граждан Союза: выделить отдельные пункты паспортного контроля и создание специализированных коридоров паспортного контроля для граждан государств — членов ЕАЭС в пунктах пропуска через государственную границу.

Независимая платформа экспертного взаимодействия с участием ученых, правозащитников, миграционных юристов и практиков в сфере трудовой мобильности способна значительно усилить вовлеченность общества в интеграционные процессы ЕАЭС [2].

Конституции государств — членов ЕАЭС закрепляют гарантии охраны здоровья и права на медицинскую помощь. Согласно Договору 2014 г. и отраслевым законам, экстренная и неотложная медицинская помощь предоставляется независимо от наличия страхового полиса, тогда как получение плановой медицинской помощи, как правило, связано с наличием соответствующего страхового обеспечения. Эти положения подтверждены консультативным заключением Суда ЕАЭС².

Новый договор о равном доступе граждан ЕАЭС к соцпомощи и госуслугам укрепит социальную интеграцию, унифицирует стандарты и усилит защиту трудящихся [4, с. 204].

Одной из ключевых тенденций как на пространстве ЕАЭС, так и в государствах — членах Союза является цифровизация сферы труда.

Значимым цифровым проектом Союза является проект «Работа без границ», который создает единый цифровой контур поиска работы и подбора персонала в ЕАЭС (поскольку он направлен не только на объединение национальных платформ, но и на формирование общего цифрового контура поиска работы и подбора персонала). Общая база вакансий формируется в рамках «Евразийской электронной биржи труда» при взаимной работе государств-членов [6, с. 45]. Благодаря этому информация о вакансиях и соискателях из национальных баз становится доступна за пределами одной страны, что способствует упрощению поиска работы за пределами государства гражданства и расширяет для работодателей доступ к трудовым ресурсам государств — членов Союза.

Функциональная модель проекта построена на интеграции уже действующих государственных цифровых ресурсов в сфере занятости пяти государств — членов ЕАЭС. Речь идет не о создании единой наднациональной базы данных в собственном смысле, а о технологически согласованном взаимодействии национальных систем, которое позволяет осуществлять поиск по ним через общий цифровой механизм.

¹ Департамент трудовой миграции и социальной защиты [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия: официальный сайт. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/migration/> (дата обращения: 31.03.2026).

² Большой коллегией Суда Евразийского экономического союза 2 марта 2026 г. вынесено консультативное заключение по заявлению Центра судебного представительства при Министерстве юстиции Кыргызской Республики о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года [Электронный ресурс]. URL: <https://courteurasian.org/upload/iblock/dfc/qkubn9qn7jr5ci9rcb3ujnb37z63o3wq/Консультативное%20заключение%202%20марта%202026%20года.pdf> (дата обращения: 31.03.2026).

Тем самым проект формирует инфраструктурную основу для сопряжения рынков труда государств-членов и для постепенного перехода от разрозненных национальных сервисов к более целостной цифровой среде союзного уровня. Официальные материалы ЕЭК указывают, что проект с 1 июля 2021 г. объединил базы вакансий и резюме всех стран «пятерки» и реализуется как унифицированная поисковая система.

Ключевое нововведение заключается в придании информации из национальных систем занятости трансграничного характера. Это, в свою очередь, способствует росту межстрановой мобильности рабочей силы и предоставляет нанимателям беспрепятственный доступ к человеческим ресурсам всех участников Союза.

В 2025 г. в рамках ЕАЭС активизировалась работа по созданию цифровых инструментов для облегчения трудоустройства граждан Союза. Одним из ключевых проектов стала «Евразийская электронная биржа труда» — сервис, включенный в план мероприятий по реализации интеграционной стратегии.

С 30 июня 2025 г. в России стартовал эксперимент, предусмотренный Постановлением Правительства № 1510 от 7 ноября 2024 г. Его цель — апробация новых правил въезда для иностранцев.

Главный инструмент эксперимента — мобильное приложение *guiD*, которое создает цифровой профиль иностранного гражданина. Механизм участия безвизовых иностранных граждан в эксперименте включает несколько основных этапов.

1. Установка приложения — доступно на нескольких языках (русский, английский, казахский, узбекский, киргизский, таджикский, армянский).

2. Подача заявления о въезде:

- обычный режим: за 72 ч до прибытия;
- экстренный режим: за 4 ч (при тяжелой болезни близкого родственника, необходимости экстренного лечения или смерти члена семьи).

3. В заявлении указываются следующие сведения:

- ФИО и упрощенные биометрические данные;
- цель и предполагаемые даты въезда;
- регионы посещения;
- реквизиты документа для пересечения границы.

4. По результатам проверки заявления иностранному гражданину направляется уведомление, а также формируется QR-код, используемый при пересечении государственной границы.

В Кыргызской Республике реализуется проект «Цифровой кочевник» (Постановление № 241 от 2025 г.), который позволяет иностранным специалистам в сфере ИТ, разработки ПО и смежных областях получить соответствующий статус. Программа доступна гражданам стран с безвизовым режимом — Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Молдовы, России; с визовым — США, Германии, Великобритании и Северной Ирландии, Японии, Кореи. Решение о присвоении статуса «Цифровой кочевник» принимается уполномоченным государственным органом в сфере миграции Киргизии.

Обладатель статуса «Цифровой кочевник» освобождается от обязательной регистрации по месту проживания на территории Киргизии на срок до 60 календарных дней с момента въезда, а также от необходимости получения разрешения на работу в течение срока действия статуса. Далее статус продлевается на один год с возможностью ежегодного продления на срок до десяти лет. Иностранцам гражданам стран с визовым режимом необходимо оформить визу «Цифровой кочевник» (тип DN).

Схожие шаги по цифровизации труда предпринимаются и в других государствах Союза.

Несмотря на предпринимаемые в рамках ЕАЭС меры по сближению регулирования трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов, соответствующее регулирование сохраняет фрагментарный характер. Наличие норм Договора о ЕАЭС и специальных международных соглашений не исключает различий в национальных процедурах миграционного учета, медицинского освидетельствования, доступа членов семьи трудящегося к социальным гарантиям и механизмам защиты нарушенных прав. Вследствие этого на практике возникает не правовой вакуум, а отдельные пробелы и коллизии регулирования, снижающие предсказуемость правового положения трудящихся-мигрантов в разных государствах — членах Союза.

Практическая проблема состоит в том, что наличие общего рынка труда в ЕАЭС не устраняет различий в национальных процедурах миграционного учета, медицинского освидетельствования, подтверждения трудового статуса, доступа членов семьи трудящегося к социальным услугам и механизмам защиты нарушенных прав. В результате трудящийся государства-члена формально пользуется льготным режимом доступа к рынку труда, однако на практике сталкивается с различными административными требованиями в зависимости от государства трудоустройства. Это снижает предсказуемость правового режима и препятствует полноценной реализации принципа свободы перемещения рабочей силы в рамках Союза.

В целях устранения указанных проблем представляется целесообразным разработать на уровне ЕАЭС единые минимальные стандарты административного сопровождения трудовой миграции. Такие стандарты могли бы включать унифицированные требования к миграционному учету трудящихся государств-членов, единые цифровые форматы подтверждения трудового статуса, согласованные правила информационного обмена между компетентными органами, а также минимальный перечень социальных гарантий, предоставляемых трудящемуся и членам его семьи независимо от государства трудоустройства.

Так, в рамках Союза до сих пор не принят модельный трудовой кодекс, который бы обеспечил единые условия труда и правовой защиты трудящимся-мигрантам. Набирающая обороты евразийская экономическая интеграция ставит перед правоведами новую задачу: определение путей гармонизации трудового и смежных отраслей законодательства в пределах ЕАЭС [13].

Оптимальной площадкой для гармонизации и унификации законодательства могла бы стать отсутствующая сегодня межпарламентская структура ЕАЭС. Целесообразность ее создания обсуждается не первый год и представляется обоснованной, особенно если принять во внимание более чем десятилетний опыт функционирования МПА ЕврАзЭС [11].

Примером своевременности и эффективности сотрудничества парламентариев по направлению миграционного сотрудничества служит работа, проводимая Межпарламентской Ассамблеей СНГ (МПА СНГ). Так, 8 апреля в Санкт-Петербурге состоялось очередное заседание рабочей группы МПА СНГ по подготовке проекта новой редакции Концепции общего миграционного пространства государств — участников СНГ и одноименная Конференция в рамках X Санкт-Петербургского международного форума труда. Межпарламентская ассамблея СНГ наделена уникальными полномочиями: принятие модельных законодательных актов и заключение международных соглашений с другими государствами и организациями. Этим она отличается от иных уставных органов СНГ [10].

ЕАЭС и СНГ взаимно дополняют друг друга. ЕАЭС пока имеет узкоэкономический характер, поэтому для его членов важно гуманитарное сотрудничество в рамках СНГ¹.

Существенное место в трудовой миграции в России занимают трудящиеся из третьих стран, не членов Союза, таких как Узбекистан и Таджикистан, что создает серьезную конкуренцию для стран-доноров из ЕАЭС, как, например, Киргизская Республика и Армения. В праве ЕАЭС вопрос трудовой миграции из третьих стран не урегулирован, и применимой нормативной основой в отношении с третьими государствами остаются двусторонние или многосторонние соглашения и акты национального законодательства.

Нелегальная трудовая миграция представляет собой один из факторов, осложняющих функционирование общего рынка труда ЕАЭС, поскольку она снижает прозрачность занятости, затрудняет защиту трудовых и социальных прав работников, а также создает условия для недобросовестной конкуренции между работодателями. Особую сложность представляет разграничение правового режима трудящихся государств — членов ЕАЭС, пользующихся специальными гарантиями, предусмотренными правом ЕАЭС, и иностранных граждан из третьих государств, правовой статус которых определяется преимущественно национальным законодательством государства пребывания и применимыми международными договорами.

¹ Михаил Кротов: Заключение соглашения о создании СНГ было неминуемым: без него распад СССР не носил бы цивилизованный характер [Электронный ресурс] // Вестник экономики Евразийского союза. 06.04.2026. URL: <https://eurasianmagazine.ru/history/mikhail-krotov-zaklyuchenie-soglasheniya-o-sozdanii-sng-bylo-neminuemym-bez-nego-raspad-sssr-ne-nosi/> (дата обращения: 10.04.2026).

Нелегальная трудовая деятельность несет массу рисков, вплоть до участия мигрантов в преступных организациях. Большинство нелегальных мигрантов, не имея реальной возможности легализоваться в России и необходимых финансовых средств для проживания, становятся резервом для пополнения криминальной среды [5, с. 56].

Вопросы совершенствования законодательства в сфере борьбы с нелегальной миграцией являются одним из ключевых приоритетов работы Государственной Думы VIII созыва. За короткий период уже приняты и вступили в силу 22 закона в этой чувствительной сфере, и эта работа продолжается¹.

Вместе с тем наличие специального соглашения не устраняет необходимости дальнейшего сближения подходов государств — членов ЕАЭС к выявлению и пресечению нелегальной трудовой деятельности. Представляется целесообразным разработать согласованные минимальные стандарты ответственности работодателей за привлечение иностранных граждан к труду с нарушением установленных правил, а также обеспечить совместимость цифровых систем миграционного учета и проверки правового статуса трудящегося. Такой подход позволит разграничить меры противодействия нелегальной миграции и гарантии свободного перемещения трудящихся государств — членов ЕАЭС.

Заключение

По итогам проведенного исследования можно констатировать, что создание единого экономического пространства, зоны свободной торговли и таможенного союза в рамках ЕАЭС способствует интеграции не только в экономической, но и в социальной сфере, наглядным доказательством чему является гармонизация сферы труда в рамках Союза. Ключевая задача — унификация трудового законодательства, поскольку предпринимаемые странами ЕАЭС шаги по стандартизации условий труда и правовой защиты трудящихся-мигрантов еще не привели к полному достижению поставленных целей.

С практической точки зрения дальнейшее развитие регулирования трудовой миграции в ЕАЭС должно быть направлено не только на декларативное закрепление свободы трудовой мобильности, но и на устранение административных барьеров, возникающих при ее реализации. Наиболее востребованными направлениями являются унификация процедур миграционного учета трудящихся государств-членов, развитие совместимых цифровых сервисов занятости и контроля миграционного статуса, согласование минимальных социальных гарантий для членов семей трудящихся-мигрантов, а также разграничение правового режима граждан государств — членов ЕАЭС и трудящихся из третьих государств.

Список литературы

1. *Абашидзе А. Х., Блищенко И. П.* Право международных организаций. М. : РУДН, 2013. 597 с. ISBN: 978-5-209-04341-6.
2. *Алиев С. Б.* Трудовая миграция и социальное обеспечение трудящихся в Евразийском экономическом союзе. М. : Евразийская экономическая комиссия, 2016. 119 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/a20/spreads.pdf> (дата обращения: 31.03.2026).
3. *Ануфриева Л. П.* ЕАЭС и «право ЕАЭС» в международно-правовом измерении // Московский журнал международного права. 2016. № 4 (104). С. 48–62. EDN: ZUPDRJ
4. *Бекашев К. А., Бекашев Д. К.* Правовая природа международных интеграционных объединений // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 199–207. EDN: RNQMUА. DOI: 10.17223/15617793/455/27
5. *Волох В. А., Суворова В. В.* Проблемы и угрозы нелегальной миграции для национальной безопасности страны // Миграция и межнациональные отношения в современной России : сборник материалов Международной научно-практической конференции. М., 2018. С. 50–64. EDN: YSYMSL

¹ Вячеслав Володин: в приоритетном порядке рассмотрим законопроект, направленный на дальнейшее совершенствование миграционной политики [Электронный ресурс] // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. 01.04.2026. URL: <http://duma.gov.ru/news/63322/> (дата обращения: 10.04.2026).

6. *Егорова Е. Н.* Трудовая миграция в условиях цифровизации: международно-правовые аспекты // Современные формы правового регулирования миграции: тенденции и перспективы : сборник материалов секции 4.3 XIV Конвента Российской ассоциации международных исследований. М. : Статут, 2023. С. 40–48. ISBN: 978-5-8354-1923-4.
7. *Кашкин С. Ю., Четвериков А. О.* Право Евразийского экономического союза : учебник. М. : Проспект, 2017. 192 с.
8. *Левина М. М.* Международно-правовое регулирование трудовой миграции в Евразийском экономическом союзе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 297 с.
9. *Моисеев Е. Г.* Международно-правовые основы создания и функционирования Евразийского экономического союза : монография. М. : Проспект, 2014. 170 с. ISBN: 978-5-392-12414-5.
10. *Нагиева А. А.* Иммунитеты и привилегии Межпарламентской Ассамблеи СНГ и ее должностных лиц // Московский журнал международного права. 2011. № 1. С. 201–210. EDN: TWBFHZ. DOI: 10.24833/0869-0049-2011-1-201-210
11. *Серёда А. А.* Парламентская дипломатия как перспективный инструмент внешнеполитической деятельности // Власть. 2024. Т. 32, № 3. С. 175–181. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-3-175-181. EDN: ASEFPI
12. *Слуцкий Л. Э., Кротов М. И., Мунтиян В. И.* Россия и евразийская интеграция в многополярном мире : монография. М. : Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2025. 294 с. ISBN: 978-5-19-012250-3. EDN: OTVNHJ
13. *Томашевский К. Л.* Модельный Трудовой кодекс как перспективный путь гармонизации трудового законодательства на евразийском пространстве // Трудовое и социальное право. 2020. № 1 (33). С. 32–37. EDN: VZCEVP

Об авторах:

Нагиева Амина Алиевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Российская Федерация); доцент кафедры внешней политики России и стран СНГ, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация);
e-mail: a.nagiyeva2017@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3815-3961

Серёда Анатолий Александрович, Руководитель Аппарата Комитета по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками Государственной Думы ФС РФ (Москва, Российская Федерация), старший преподаватель кафедры внешней политики России и стран СНГ, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация);
e-mail: seredaanatoliy@yandex.ru

References

1. Abashidze, A. Kh., Blishchenko, I. P. Law of International Organizations. Moscow : RUDN University, 2013. 597 p. ISBN: 978-5-209-04341-6. (In Russ.)
2. Aliev, S. B. Labor Migration and Social Security of Workers in the Eurasian Economic Union. Moscow : Eurasian Economic Commission, 2016. 119 p. (In Russ.) [Electronic resource]. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/a20/spreads.pdf> (accessed: 31.03.2026).
3. Anufrieva, L. P. Eurasian Economic Union and “the Law of the Eurasian Economic Union” as per International Law Dimension (Summary) // Moscow Journal of International Law. 2016. No. 4 (104). P. 48–62. (In Russ.) EDN: ZUPDRJ
4. Bekyashev, K. A., Bekyashev, D. K. The Legal Nature of International Integration Associations // Tomsk State University Journal. 2020. No. 455. P. 199–207. (In Russ.) EDN: RNQMUA. DOI: 10.17223/15617793/455/27

5. Volokh, V. A., Suvorova, V. V. Problems and Threats of Illegal Migration for the National Security of the Country // Migration and Interethnic Relations in Modern Russia: Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, 2018. P. 50–64. (In Russ.) EDN: YSYMSL
6. Egorova, E. N. Labour Migration in the Context of Digitalization: International Law Aspects // Modern forms of legal regulation of migration: trends and prospects: collection of materials of section 4.3 of the XIV Convention of the Russian Association for International Studies. Moscow : Statut, 2023. P. 40–48. ISBN: 978-5-8354-1923-4. (In Russ.)
7. Kashkin, S. Yu., Chetverikov, A. O. The Law of the Eurasian Economic Union : textbook. Moscow : Prospekt, 2017. 192 p. (In Russ.)
8. Levina, M. M. International Legal Regulation of Labor Migration in the Eurasian Economic Union : dissertation of the Candidate of Sciences in Law. Moscow, 2024. 297 p. (In Russ.)
9. Moiseev, E. G. International legal Foundations of the Creation and Functioning of the Eurasian Economic Union : monograph. Moscow : Prospekt, 2014. 170 p. ISBN: 978-5-392-12414-5. (In Russ.)
10. Nagiyeva, A. A. Immunities and Privileges of Interparliamentary Assembly of CIS and Its Officials // Moscow Journal of International Law. 2011. No. 1. P. 201–210. (In Russ.) EDN: TWBFHZ. DOI: 10.24833/0869-0049-2011-1-201-210
11. Sereda, A. A. Parliamentary Diplomacy as a Promising Instrument of Foreign Policy Activity // Vlast'. 2024. Vol. 32, No. 3. P. 175–181. (In Russ.) EDN: ASEFPI. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-3-175-181
12. Slutsky, L. E., Krotov, M. I., Muntiyani, V. I. Russia and Eurasian Integration in a Multipolar World : monograph. Moscow : Lomonosov Moscow State University Publishing House, 2025. 294 p. ISBN: 978-5-19-012250-3. (In Russ.) EDN: OTVHJH
13. Tomashevsky, K. L. Model Labor Code as a Promising Path to Harmonizing Labor Legislation in the Eurasian Space // Labor and Social Law. 2020. No. 1 (33). P. 32–37. (In Russ.) EDN: VZCEVP

About the authors:

Amina A. Nagieva, PhD in Jurisprudence, Associate Professor of Department of international law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation), Associate Professor of Department of Russian Foreign Policy and CIS Countries, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation);
e-mail: a.nagiyeva2017@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3815-3961

Anatoliy A. Sereda, Chief of staff of the State Duma Committee on Issues of the Commonwealth of Independent States and Contacts with Fellow Countryman (Moscow, Russian Federation); Lecturer of Department of Russian Foreign Policy and CIS Countries, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation);
e-mail: seredaanatoliy@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Нагиева А. А., Середка А. А., 2026

Экономическая интеграция: перспективы формирования общих валютно-финансовых механизмов ЕАЭС в контексте международного опыта

Остапенко В. А.^{1,*}, Шадыбеков К. Б.², Шишкараев Э. К.²

¹ Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация

* e-mail: ostapenko-guu@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5918-4703

² Евразийская экономическая комиссия, Москва, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В контексте развития интеграционных форм экономического взаимодействия в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС, Союз) одной из наиболее актуальных задач выступает валютно-финансовая интеграция государств — его членов. Особую важность она приобретает в условиях геополитических изменений, санкционных ограничений, использования финансово-платежных инструментов как средств давления. **Цель.** Определение возможностей и специфики использования общих финансово-валютных инструментов в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) с учетом имеющегося ретроспективного международного опыта. **Методология.** Методологической основой исследования являются методы анализа и синтеза, метод обобщения, метод аналогий. Проводится ретроспективный анализ практик применения инструментов международной валютно-финансовой интеграции на материалах Евразийской комиссии, ЕАЭС и Совета экономической взаимопомощи. **Результаты.** Обоснована необходимость совершенствования валютно-финансового механизма взаимодействия стран ЕАЭС как элемента экономической интеграции. Определяются возможности и ограничения применения опыта организации взаиморасчетов в рамках Совета экономической взаимопомощи в современных условиях на пространстве ЕАЭС. **Выводы.** Проведенный анализ существующей в ЕАЭС валютно-финансовой архитектуры позволяет сделать вывод о целесообразности поиска новых механизмов расчетов во взаимной торговле стран ЕАЭС. Создание в Евразийском экономическом союзе платежной системы с внедрением согласованной общей расчетной денежной единицы может ускорить внешнеторговый оборот, уменьшить макроэкономические риски и снизить зависимость от валютных издержек.

Ключевые слова: экономическая интеграция, Евразийский экономический союз, ЕАЭС, валютно-финансовая интеграция, единая валюта, переводной рубль, платежные системы

Для цитирования: Остапенко В. А., Шадыбеков К. Б., Шишкараев Э. К. Экономическая интеграция: перспективы формирования общих валютно-финансовых механизмов ЕАЭС в контексте международного опыта // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 2. С. 22–31. EDN: RQIFXL

Economic Integration: Prospects for the Formation of Common Monetary and Financial Mechanisms of the EAEU in the Context of International Experience

Vladislav A. Ostapenko^{a,*}, Kuvanychbek B. Shadybekov^b, Esen K. Shishkaraev^b

^a State University of Management, Moscow, Russian Federation

*e-mail: ostapenko-guu@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5918-4703

^b Eurasian Economic Commission, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

In the context of developing integration forms of economic interaction within the Eurasian Economic Union, one of the pressing issues is the monetary and financial integration of the Union member states. It is particularly important in the context of geopolitical changes, sanctions restrictions, and the use of financial and payment instruments as a means of pressure. **Aim.** The purpose of this article is to determine the possibilities and specifics of using common financial and currency instruments in the Eurasian Economic Union (EAEU), taking into account the existing retrospective international experience. **Methods.** The methodological basis of the study is the methods of analysis and synthesis, the method of generalization, the method of analogies. A retrospective analysis of the practices of applying international monetary and financial integration instruments is conducted using materials from the EU, the EAEU and the CMEA. **Results.** The need to improve the monetary and financial mechanism of interaction between the EAEU countries as an element of economic integration is substantiated. The possibilities and limitations of applying the experience of organizing mutual settlements within the CMEA in modern conditions in the EAEU space are determined. **Conclusions.** Our analysis of the existing monetary and financial architecture within the EAEU suggests the feasibility of exploring new settlement mechanisms for mutual trade between EAEU countries. The creation of a payment system within the EAEU with a new regional currency will facilitate increased foreign trade turnover, reduce macroeconomic risks, and lessen dependence on the reserve currencies of unfriendly countries.

Keywords: economic integration, Eurasian Economic Union, EAEU, monetary and financial integration, single currency, transferable ruble, payment systems

For citation: Ostapenko V. A., Shadybekov K. B., Shishkaraev E. K. Economic Integration: Prospects for the Formation of Common Monetary and Financial Mechanisms of the EAEU in the Context of International Experience // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 22–31. (In Russ.) EDN: RQIFXL

Введение

В современном мире интеграционные процессы развиваются в условиях усиливающейся экономической конкуренции и геополитической неопределенности, что определяет необходимость гибких и адаптивных форм взаимодействия между государствами. На сегодняшний день в мире, по данным Всемирной торговой организации, действуют около 362 региональных торговых соглашений и многосторонних экономических интеграционных объединений регионального и субрегионального уровней [3].

Интеграционная успешность подобных объединений характеризуется выстраиванием экономического пространства, в границах которого формируется благоприятная конкурентная атмосфера, развиваются масштабные производственные системы, повышается привлекательность бизнес-среды и инвестиционного климата. Именно эти обстоятельства стали важным фактором, способствовавшим развитию Евразийского экономического союза (ЕАЭС, Союз) и углублению евразийской интеграции.

Как известно, экономический союз как форма интеграционного объединения является только одной из стадий экономической интеграции. Как правило, согласно классификации, представленной американским экономистом венгерского происхождения Белой Балассой, интеграционное объединение в ходе своего постепенного развития проходит несколько стадий [13]: зона свободной торговли — таможенный союз — общий рынок — экономический союз — валютный союз — политический союз. Каждая из этих форм проходит свой этап созревания и становления и по мере социально-экономической, политической и институциональной зрелости переходит на более высокую ступень интеграционного развития.

Из существующих в современном мире интеграционных объединений лишь Европейский союз в полной мере достиг ступени, когда, помимо единого экономического пространства, имеется единая

валюта и отмечается высокая степень финансово-валютной интеграции, характерная для экономического и валютного союза.

Между тем многие региональные экономические объединения, несмотря на заявленную цель по углублению сотрудничества, не продвигаются дальше стадий таможенного союза или общего рынка. Этот же тезис касается и Евразийского экономического союза, который находится пока на стадии формирования общих рынков и реализации принципов свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

В свою очередь, ключевыми факторами для дальнейшего развития, после того как обеспечена свобода перемещения товаров, капитала, услуг и рабочей силы, расширена емкость рынка, устранены имеющиеся барьеры и т. д., становятся согласованная экономическая политика и валютно-финансовая интеграция.

Поэтому стремление стран ЕАЭС к углублению экономической интеграции, особенно в условиях глобальной геополитической турбулентности, финансовой нестабильности и санкционных ограничений, является закономерным. В этой связи уже давно идет обсуждение валютно-финансовой интеграции как одного из возможных инструментов диверсификации валютных рисков, снижения транзакционных издержек и повышения финансовой устойчивости евразийского экономического пространства.

Проблемы формирования общей платежно-расчетной инфраструктуры Евразийского экономического союза

Текущая валютно-финансовая архитектура Евразийского экономического союза характеризуется разнообразием валют (российский рубль, казахский тенге, белорусский рубль, кыргызский сом, армянский драм, а также евро, доллар и другие валюты в расчетах). А финансовая интеграция ограничена пока уровнем координации монетарной политики при отсутствии единой платежной инфраструктуры.

Вместе с тем геополитическая напряженность и использование валютных инструментов в геополитике создали ситуацию, когда страны начали реализовывать механизмы решения возникающих проблем в финансово-валютной сфере. В частности, на заседании Высшего Евразийского экономического совета, состоявшемся в 2018 г., Президент Российской Федерации В. В. Путин заострил внимание коллег — глав государств Союза на необходимости разработки общей платежно-расчетной инфраструктуры ЕАЭС с учетом усиления турбулентности геополитической неопределенности и важности снижения зависимости от внешних платежных систем.

В развитие предложенной инициативы в октябре 2019 г. была утверждена Концепция формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза¹, где одним из ключевых направлений валютно-финансовой интеграции определено развитие единого платежного пространства, основной целью которого, как гласит концепция, «выступает повышение доступности, качества, безопасности и надежности услуг, снижение издержек, содействие интеграционным процессам в финансовой сфере»². В частности, предусматривается обеспечение устойчивости национальных платежных систем государств — членов ЕАЭС, что способствует укреплению их экономического суверенитета.

В рамках реализации вышеназванной концепции Евразийский банк развития запустил собственную расчетно-клиринговую структуру, функционирующую в национальных валютах стран ЕАЭС. Практика показала успешность ее применения для проведения трансграничных платежей с использованием национальных платежных систем. Значимым преимуществом введенной системы стала возможность обеспечения расчетов в национальных валютах, избегая широко распространенной системы SWIFT и необходимой конвертации валюты.

Не исключено, что именно фактор платежных рисков стал триггером рассмотрения в Ереване (март 2022 г.) на заседании Совета Евразийской экономической комиссии вопроса о поэтапном переходе на

¹ О Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2019 № 20 [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ddd/Kontseptsiya-OFR.pdf> (дата обращения: 12.01.2026).

² Там же.

расчеты в национальных валютах при проведении таможенных платежей в Евразийском экономическом союзе и принятии соответствующего решения¹.

Более того, академик С. Ю. Глазьев в 2022 г. предложил в рамках расширения экономического сотрудничества между ЕАЭС и КНР разработать проект независимой валютно-финансовой системы². В ее основе виделась новая международная валюта, курс которой рассчитывался бы как индекс курсов национальных валют стран-участниц и цен на биржевые товары.

Возможности введения единой валюты на пространстве Евразийского экономического союза

Идеи о единой евразийской валюте перманентно являются предметом дискуссий. К примеру, еще 9 декабря 2010 г. в рамках Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств рассматривался вопрос о единой валюте. Итогом стали утвержденные согласованные принципы и условия перехода на единую валюту сообщества, с перспективой выхода на межгосударственное соглашение, направленное на гармонизацию валютной политики и формирование институтов для полноценной реализации идеи³.

В современном мире идея использования странами единой валюты или коллективного денежно-валютного инструмента не нова, имеется как историческая, так и современная практика. Сложившаяся теоретическая и прикладная база позволяет сформулировать понятийный аппарат коллективной валюты как денежной единицы, используемой в качестве средства денежного обращения одновременно несколькими государствами.

В современной науке допускается двойное толкование «единой валюты» [1; 4]. Первое состоит в том, что она рассматривается как национальная валюта одной страны, используемая другими странами в качестве платежного средства внутри своих стран. Второе понимание сводится к тому, что несколькими странами создается специальная денежная единица — единая коллективная валюта как платежное средство. При этом единая валюта используется:

- а) как внутренние деньги на территории участников;
- б) как общая расчетная единица во взаимных торгово-экономических операциях между государствами.

Введение единой валюты для группы стран способствует дальнейшему расширению объемов взаимного товарообмена (работ, услуг) и интеграции национальных финансовых рынков.

Наиболее известными коллективными валютами в мировой практике являются: а) евро — в еврозоне 27 стран Европы, в 2026 г. присоединится Болгария; б) франк КФА ВСЕАО (франк Западноафриканского экономического и валютного союза) — коллективная валюта для семи стран; в) франк КФА ВЕАС (франк Центральноафриканского экономического и валютного сообщества) — коллективная валюта шести государств; г) восточно-карибский доллар, который используют восемь стран региона [12].

Особый валютный режим у сукре, являющейся коллективной валютой для Боливии, Венесуэлы, Гондураса, Кубы, Никарагуа и Эквадора, но выступающей в качестве безналичной расчетной единицы. Особенность в том, что каждая из этих стран в качестве внутреннего платежного средства использует собственные валюты, а сукре является расчетной единицей при взаимных межгосударственных расчетах.

Выбор странами решения в пользу введения коллективной валюты зависит от совокупности потенциальных выгод и издержек для каждой страны, готовой взять на себя все последствия принятого валютного решения. В науке этот выбор объясняет теория оптимальных валютных зон с точки зрения

¹ Бойко А. Страны ЕАЭС договорились о переходе на расчеты в нацвалютах [Электронный ресурс] // Ведомости. 18.03.2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/03/18/914184-eaes-perehode-natsvalyutah> (дата обращения: 12.01.2026).

² ЕАЭС и Китай разработают проект независимой валютно-финансовой системы: информационное сообщение [Электронный ресурс] // Sputnik Кыргызстан. 14.03.2022. URL: <https://ru.sputnik.kg/20220314/eaes-china-valyutnaya-sistema-1062841261.html> (дата обращения: 12.01.2026).

³ О мероприятиях на 2011–2013 гг. и последующие годы по реализации приоритетных направлений развития ЕврАзЭС. Решение Межгосударственного совета Евразийского экономического сообщества от 09.12.2010 № 533 [Электронный ресурс] // ЕврАзЭС. URL: <https://evrazes.com/print/measure/45> (дата обращения: 12.01.2026).

экономической оправданности объединения стран в единую валютную зону (теория Роберта Манделла, канадского экономиста, лауреата Нобелевской премии по экономике 1999 г.) [14].

Возвращаясь к вопросу о введении единой валюты на Евразийском экономическом пространстве (как обсуждают в экспертных кругах, под условным названием «алтын»), отметим, что данная инициатива представляет сложный экономический, политический и институциональный выбор. Сделать который непросто, особенно, как справедливо оценивают эксперты [5], на фоне демонстрации странами ЕАЭС значительной макроэкономической разнородности в части уровня ВВП, структуры и степени открытости национальных экономик, готовности противостоять внешним рискам и других различий. Такая гетерогенность становится существенным барьером на пути к формированию единой евразийской монетарной политики, поскольку выгода одной страны может стать издержкой для других.

Кроме того, для монетарного единства в Союзе крайне важно иметь ключевые институты, позволяющие осуществлять общую финансово-валютную интеграцию. А именно — наднациональный центральный банк, механизмы фискальной координации и трансфертов, делегирования некоторых национальных денежно-кредитных функций в наднациональные институты и т. д. Согласно духу и букве Договора о ЕАЭС, содержательным базисом перехода к единой валюте может стать только полная согласованность макроэкономической политики. Причем крайне чувствительным становится вопрос национальной валютной суверенности.

В этих условиях идея «алтына» остается преимущественно символической, не имея под собой ни экономической, ни институциональной базы. Представляется, что в ближайшей перспективе реалистичными будут расширение взаиморасчетов в национальных валютах, согласованность региональной макроэкономической политики и развитие финансовых инструментов.

Аналогичная ситуация наблюдается и в рамках Союзного государства России и Беларуси, где введение единой валюты сдерживается отсутствием макроэкономической конвергенции, структурными и циклическими различиями в экономиках сторон, а также неготовностью делегировать суверенные полномочия по денежно-кредитному регулированию на наднациональный уровень.

Несмотря на декларируемую приверженность валютной интеграции, которая обозначена как цель в договоре 1999 г.¹, формирование единой валютной зоны и валюты в Союзном государстве откладывается вследствие имеющихся экономических разногласий. Фундаментом разногласий является стремление одной из сторон Союза сохранить валютно-финансовую самостоятельность и экономический суверенитет, отсутствие соответствующих ключевых институтов (единого центрального банка, фискального режима и т. д.). Исходя из чего вопрос единой валюты в рамках уже Евразийского экономического пространства представляется отдаленной перспективой до того времени, когда выбор между выгодой и издержками станет более очевидным для всех союзных стран. Поэтому на данный момент, когда спираль геополитических и геоэкономических изменений стремительно растет, суверенные союзные партнеры ведут многовекторную равноудаленную политику, продолжается развитие и укрепление национальных суверенных идентичностей. На наш взгляд, следует перейти от идеи единой валюты к рассмотрению иных альтернативных механизмов валютного единства.

В этом контексте интересен уже зарекомендовавший себя достаточно эффективно исторический прецедент, имевший место в недавнем прошлом, — система взаиморасчетов, функционировавшая в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ).

Применение переводного рубля: опыт Совета экономической взаимопомощи

В период с 1964 по 1990 гг. в СЭВ действовал уникальный валютно-финансовый механизм — многосторонняя клиринговая система расчетов, основанная на использовании коллективной валюты, известной как переводной рубль. Участниками данной системы являлись десять государств: Советский

¹ Договор о создании Союзного государства (подписан 08.12.1999, вступил в силу 26.01.2000) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 5. Ст. 458.

Союз, Германская Демократическая Республика, Румыния, Венгрия, Болгария, Монголия, Польша, Чехословакия, Вьетнам и Куба.

Уникальность переводного рубля с точки зрения теории и практики была в том, что он фактически имел все атрибуты денежной единицы, а именно, его можно было использовать: для выражения стоимости товаров и услуг во внешнеторговом контракте между участниками СЭВ (валюта цены); как платежный инструмент для покрытия взаимных обязательств внутри организации (валюта платежа); в качестве средства выражения суммы обязательств в рамках системы взаиморасчетов (валюта долга).

Общий объем операций с переводным рублем, осуществленных во время деятельности СЭВ с 1964 по 1990 гг., согласно отдельным источникам [2], оценивался в размере свыше 4,5 трлн переводных рублей, что эквивалентно приблизительно 6,25 трлн долл. США.

Право эмитировать переводной рубль закреплялось исключительно за специально образованным институтом — Международным банком экономического сотрудничества (МБЭС), причем ни одна страна СЭВ не вправе была проводить самостоятельную эмиссию переводной денежной единицы. К ключевым задачам Международного банка экономического сотрудничества были отнесены:

- налаживание между странами — участницами СЭВ расчетов и кредитование внешнеэкономических операций в переводных рублях;
- реализация банковских операций в конвертируемых валютах.

В отличие от Европейской валютной системы, введенной в рамках Европейского экономического сообщества (ЕЭС) в 1979 г., финансовый механизм стран СЭВ, реализовывавшийся через МБЭС, представлял собой неотъемлемый элемент системы межгосударственных расчетов. Если еврозона использует евро как для внутренних, так и для международных транзакций, то переводной рубль не вытеснял и не ограничивал применение национальных валют государств — членов СЭВ [9].

Общей валютой страны — участницы СЭВ распоряжались в процессе осуществления внешнеэкономической деятельности (внутри СЭВ) как инструментом расчетов при торговле товарами и услугами. Если же возникал дефицит расчетных средств, то государства вправе были прибегнуть к кредитованию со стороны МБЭС.

Примечательно, что переводной рубль не выпускался в виде банкнот, монет или казначейских билетов. Его предназначение было в том, чтобы быть исключительно клиринговой валютой и служить в товарообороте на пространстве СЭВ расчетной единицей и валютой цены. В качестве валюты платежа без обмена на национальные валюты переводной рубль обеспечивал товарооборот внутри СЭВ (промышленной продукции, энергоресурсов, транспорта, продукции сельского хозяйства, товаров народного потребления и т. д.). В качестве валюты цены в переводных рублях отражалась стоимость контрактов на поставку товаров, оказание услуг, выполнение каких-либо производственных и иных работ, также они применялись при составлении сметы для реализации крупных межгосударственных проектов. Кроме того, в переводных рублях, как валюте долга, выражались межгосударственные кредиты, долги и обязательства стран, а также различных юридических лиц как субъектов торгово-экономических отношений [6].

В целом эксперты выделяют ряд специфических особенностей, присущих системе расчетов в переводных рублях между странами СЭВ. Так, по мнению М. Г. Никитиной и Д. Б. Миранькова, характерными признаками переводного рубля являются следующие:

- «переводной рубль стал первой в мире коллективной валютой, получившей широкое применение в международной расчетной практике;
- переводной рубль являлся валютой межстранового оборота, его использование находилось только в прерогативе государств, которые в свою очередь наделяли необходимыми полномочиями центральные или внешнеторговые банки (по одному в каждой из стран). Использование переводного рубля негосударственными структурами и физическими лицами не предусматривалось;
- торговля на базе мировых цен, формировавшихся в регионах со свободно конвертируемыми валютами, и механизм курсовых котировок к этим валютам не позволяли переводному рублю получить статус коллективного представителя денежных единиц создавших его стран;

- механизм расчетно-платежной системы переводного рубля был достаточно эффективен, поскольку обеспечивал рост взаимного товарообмена в странах СЭВ, способствовал усилению и углублению сотрудничества в производственных, инвестиционных и других сферах;
- расчеты в переводных рублях способствовали ведению внешнеэкономической деятельности между участвующими странами без нарушений взаимных платежных балансов и чрезвычайного расходования золотовалютных резервов» [10].

В сравнении с так называемой доллароцентричной системой, имеющей привилегированный статус в современной мировой валютно-финансовой сфере, переводной рубль, выполняя международные финансовые функции, применялся на принципе равноправия участников без предоставления кому-либо односторонних преимуществ. Переводная система позволяла изолировать страны СЭВ от негативного влияния и потенциальных рисков, в отличие от ситуации, когда доминирующая валюта потенциально могла стать инструментом влияния. Специфичность переводного рубля исключала монетарный контроль со стороны основного привилегированного эмитента.

С 1 января 1991 г. система межгосударственных расчетов в переводных рублях была официально ликвидирована, и взаимные платежи между странами бывшего СЭВ стали осуществляться в свободно конвертируемой валюте. Упразднение многосторонней клиринговой системы было обусловлено не экономическими или функциональными недостатками самого механизма, а глубоким политическим кризисом, охватившим государства — участников Совета экономической взаимопомощи и сопровождавшимся ростом межгосударственной напряженности.

Несмотря на прекращение ее функционирования, внедрение первой в мировой практике наднациональной клиринговой валюты представляет собой значительное достижение передовой экономической мысли. Опыт, полученный благодаря находившемуся в обращении более четверти века переводному рублю, послужил основой для других расчетных моделей, в частности, появившейся на 15 лет позже (в 1979 г.) коллективной расчетной единицы (ЭКЮ), введенной в странах Европейского экономического сообщества [8].

В контексте современных дискуссий о возможностях валютной интеграции в рамках Евразийского экономического союза анализ опыта СЭВ приобретает особую актуальность. Сложность использования этого опыта в современных условиях функционирования ЕАЭС обусловлена отсутствием системы директивного государственного планирования и рыночными принципами ценообразования [7]. Вместе с тем, несмотря на некоторые различия в экономических системах и институциональных основах, исторический прецедент создания коллективной расчетной валюты демонстрирует потенциальную жизнеспособность региональных финансовых механизмов, ориентированных на существенное снижение зависимости от доминирующих мировых валют.

В ситуации усиления геополитической нестабильности и санкционного давления вопрос о развитии собственных инструментов расчетов и накопления в ЕАЭС вновь выходит на повестку дня, что делает анализ опыта применения переводного рубля не только научно значимым, но и практически востребованным. Все большую актуальность приобретает задача поиска надежных механизмов расчетов во взаимной торговле стран ЕАЭС.

Сегодня, в век стремительного развития информационных технологий, цифровая валюта могла бы стать одним из таких механизмов — формой региональных расчетных единиц на евразийском экономическом пространстве, способствуя оперативным трансграничным платежам между странами Союза. Подобные цифровые инструменты¹ обеспечивают стабильность рыночной стоимости и возможность обмена валюты на товар без дополнительных издержек, нивелируя негативные факторы влияния на рынок эмитентов доминирующих валют. Конечно, это потребует инвестиций в цифровую инфраструктуру, разработку совместных стандартов, учета возможных рисков, но в перспективе значительно укрепит экономическую связь стран Союза.

¹ Прим.: цифровые токены (стейблкоины), стоимость которых может быть привязана к фиксированной экономической единице или реальному активу (энергоресурсы, драгоценные металлы).

В контексте рассматриваемых механизмов создание в границах Евразийского экономического пространства платежной системы, основанной на взаимовыгодных принципах с учетом исторических прецедентов и современных реалий, является наиважнейшей задачей. Ее решение позволило бы активизировать внешнеэкономические межгосударственные отношения внутри ЕАЭС, снизить издержки стран-участниц от геополитического политико-экономического давления [11].

Заключение

В условиях растущей геополитической нестабильности особую актуальность приобретает создание механизма расчетов в коллективной региональной валюте с учетом современной технологизации. Перспективным может стать возрождение института «переводного рубля» — наднациональной клиринговой единицы, успешно применявшейся в рамках Совета экономической взаимопомощи. Например, целесообразно использовать переводной рубль («алтын») или его цифровой аналог в качестве расчетной валюты при торговле стратегическими энергоресурсами: нефтью, природным газом, углем, электроэнергией и другими видами топлива. Такой подход позволит минимизировать валютные риски, снизить зависимость от иностранных платежных систем и обеспечить устойчивость взаимных поставок в условиях внешнего давления и обеспечения энергетической безопасности странам — участникам использования расчетной валюты «алтын».

Воссоздание переводного рубля для энергетического сектора ЕАЭС логично опиралось бы на исторический опыт СЭВ, адаптированный к современным рыночным условиям. В отличие от прошлого, новая версия переводного рубля «алтын» могла бы функционировать не как универсальная расчетная единица во всей внешней торговле, а как специализированный инструмент — «энергетическая валюта» — с привязкой к корзине национальных валют стран-участниц и/или к биржевым ценам на энергоносители. Это позволило бы сохранить макроэкономическую автономию государств, одновременно создавая устойчивый механизм взаиморасчетов в ключевом секторе евразийской экономики. Подобная инициатива соответствовала бы заявленной в Концепции формирования общего финансового рынка ЕАЭС цели развития единого платежного пространства и укрепления экономического суверенитета Союза.

В итоге анализ опыта валютной интеграции на региональном уровне свидетельствует о том, что переход к единой валюте (расчетам) возможен лишь при устойчивой макроэкономической конвергенции, развитых институциональных механизмах координации и политической воле к делегированию полномочий. А исторический опыт СЭВ и современные модели коллективных валют подтверждают: успех валютной интеграции зависит не столько от технической готовности, сколько от глубины экономической взаимозависимости и доверия между участниками.

Список литературы

1. *Бланшар О.* Макроэкономика : учебник. М. : Высшая школа экономики, 2010. 671 с.
2. *Борисов С. М.* Рубль: золотой, червонный, советский, российский... : Проблема конвертируемости : учеб. пособие / предисл. Ю. А. Константинова. М. : ИНФРА-М, 1997. 287 с.
3. *Глазьев С. Ю., Андропова И. В.* [и др.] Евразийская экономическая интеграция: теория и практика : учеб. пособие / под ред. А. К. Камалян. М. : Проспект, 2023. 645 с.
4. *Еременко А. А.* Единая валюта в интеграционных группировках : дис. ... канд. экон. наук. Москва, 2000. 186 с. EDN: NLTCTP
5. *Захарова С. В., Соколова О. Ю.* Общая макроэкономическая характеристика стран-членов ЕАЭС // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество : ежегодник / ИНИОН РАН. Москва, 2022. Вып. 5, ч. 1. С. 435–439. EDN: NPVFAУ
6. *Катасонов В. Ю.* Экономика Сталина / отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2014. 416 с.
7. *Кузнецов А. В.* Переводной рубль как уникальный проект международных валютных отношений // Вопросы политической экономии. 2023. № 2. С. 102–114. EDN: ZTESGA. DOI: 10.5281/zenodo.7987853

8. Лукашевич Д. А. Отказ СССР от международных расчетов с использованием «переводного рубля» и переход к расчетам в свободно конвертируемой валюте (1989–1991). Историко-правовой аспект // Закон и право. 2020. № 11. С. 46–49. EDN: EQAKZM. DOI: 10.24411/2073-3313-2020-10518
9. Мазанов Г. Г. Международные расчеты стран — членов СЭВ (Вопросы развития и совершенствования). Москва : Финансы, 1970. 110 с.
10. Никитина М. Г., Мираньков Д. Б. Банковские институты СЭВ в условиях современности // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Экономика и управление. 2013. Т. 26 (65), № 1. С. 101–108. EDN: VEBHBF
11. Семеко Г. В. Дедолларизация и развитие альтернативных моделей межгосударственных платежей (на примере ЕАЭС) // Россия: тенденции и перспективы развития : ежегодник / ИНИОН РАН. Москва, 2023. Вып. 18, ч. 1. С. 258–262. EDN: XJUQSH
12. Сухарев А. Н. Единые валюты в современном мире и перспективы создания единой валюты в ЕвразЭС // Финансы и кредит. 2014. № 17 (593). С. 2–9. EDN: SCDCLN
13. Balassa B. The Theory of Economic Integration. Homewood, Ill : R. D. Irwin, 1961. 328 p.
14. Mundell R. A Theory of Optimum Currency Areas // American Economic Review. 1961. Vol. 51, No. 11. P. 657–665.

Об авторах:

Остапенко Владислав Анатольевич, кандидат экономических наук, доцент, Государственный университет управления (Москва, Российская Федерация);
e-mail: ostapenko-guu@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5918-4703

Шадыебеков Куванычбек Баймуратович, кандидат юридических наук, доцент, помощник члена Коллегии (министра) по энергетике и инфраструктуре, Евразийская экономическая комиссия (Москва, Российская Федерация);
e-mail: shadybekov@mail.ru; ORCID: 0009-0009-9386-9509

Шишкараев Эсен Козубаевич, советник Секретариата члена Коллегии (министра) по энергетике и инфраструктуре, Евразийская экономическая комиссия (Москва, Российская Федерация);
e-mail: shishkaraevesen@gmail.com; ORCID: 0009-0008-6819-3730

References

1. Blanchard, O. Macroeconomics : textbook. Moscow : Higher School of Economics, 2010. 671 p. (In Russ.)
2. Borisov, S. M. Ruble: Gold, Red, Soviet, Russian...: The Problem of Convertibility: textbook / preface by Yu. A. Konstantinov. Moscow : INFRA-M, 1997. 287 p. (In Russ.)
3. Glazyev, S. Yu., Andronova, I. V. [et al.] Eurasian Economic Integration: Theory and Practice : textbook manual / ed. by A. K. Kamalyan. Moscow : Prospect, 2023. 645 p. (In Russ.)
4. Eremenko, A. A. Single Currency in Integration Groups: dissertation for the degree of candidate of economic sciences. Moscow, 2000. 186 p. (In Russ.) EDN: NLTCTP
5. Zakharova, S. V., Sokolova, O. Yu. General Macroeconomic Characteristics of the EAEU member countries // Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation : yearbook, Moscow, October 6–7, 2021. Issue 5. Part 1. Moscow : Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences, 2022. P. 435–439. P. 435–439. (In Russ.) EDN: NPVFAY
6. Katasonov, V. Yu. Stalin’s Economy / ed. O. A. Platonov. Moscow : Institute of Russian Civilization, 2014. 416 p. (In Russ.)
7. Kuznetsov, A. V. Transferable Ruble as a Unique Project of International Monetary Relations // Problems in Political Economy. 2023. No. 2. P. 102–114. (In Russ.) EDN: ZTESGA. DOI: 10.5281/zenodo.7987853
8. Lukashevich, D. A. The USSR’s Refusal of International Settlements Using the “Transferable Ruble” and the Transition to Settlements in Freely Convertible Currency (1989–1991). Historical and Legal Aspects // Law and Right. 2020. No. 11. P. 46–49. (In Russ.) EDN: EQAKZM. DOI: 10.24411/2073-3313-2020-10518

9. Mazanov, G. G. International Settlements of the CMEA Member Countries (Issues of development and improvement). Moscow : Finance, 1970. 110 p. (In Russ.)
10. Nikitina, M. G., Mirankov, D. B. Banking Institutions of the CMEA in Modern Conditions // Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Tauride National University. Series: Economics and Management. 2013. Vol. 26 (65), No. 1. P. 101–108. (In Russ.) EDN: VEBHBF
11. Semeko, G. V. De-dollarization and the Development of Alternative Models of Interstate Payments (Using the EAEU as an Example) // Russia: Development Trends and Prospects : yearbook. Moscow : Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences, 2023. Issue 18, Part 1. P. 258–262. (In Russ.) EDN: XJUQSH
12. Sukharev, A. N. Single Currencies in the Modern World and Prospects of Creation of Single Currency in EURASEC // Finance and Credit. 2014. No. 17 (593). P. 2–9. (In Russ.) EDN: SCDCLN
13. Balassa, B. The Theory of Economic Integration. Homewood, Ill : R. D. Irwin, 1961. 328 p.
14. Mundell, R. A Theory of Optimum Currency Areas // American Economic Review. 1961. Vol. 51, No. 11. P. 657–665.

About the authors:

Vladislav A. Ostapenko, PhD in Economics, Associate Professor, State University of Management (Moscow, Russian Federation);
e-mail: ostapenko-guu@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5918-4703

Kuvanychbek B. Shadybekov, PhD in Jurisprudence, Assistant to the Member of the Board (Minister) for Energy and Infrastructure, Eurasian Economic Commission (Moscow, Russian Federation);
e-mail: shadybekov@mail.ru; ORCID: 0009-0009-9386-9509

Esen K. Shishkaraev, Advisor to the Secretariat of the Member of the Board (Minister) for Energy and Infrastructure, Eurasian Economic Commission (Moscow, Russian Federation);
e-mail: shishkaraevesen@gmail.com; ORCID: 0009-0008-6819-3730

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Остапенко В. А., Шадыбеков К. Б., Шишкараев Э. К., 2026

Роль национальных валют стран ЕАЭС в условиях дедолларизации мировой экономики

Акматалиева А. С.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Западный филиал, Калининград, Российская Федерация
e-mail: aas.250580@mail.ru

РЕФЕРАТ

Цель. В статье анализируются современные тенденции трансформации мировой валютной системы, связанные с усилением процесса дедолларизации и переходом к использованию национальных валют во внешнеторговых расчетах, в частности, на пространстве Евразийского союза (ЕАЭС) и в странах БРИКС. **Методология.** Исследование базируется на системном анализе макроэкономических показателей, статистической обработке данных платежных систем, а также на сравнительно-правовом методе оценки новых финансовых инструментов (CBDC, BRICS Bridge).

Результаты. Выявлено, что к началу 2026 г. доля расчетов в национальных валютах внутри ЕАЭС достигла рекордных 93%, что знаменует собой завершение этапа «вынужденной» дедолларизации и переход к этапу «институциональной» интеграции. Установлено, что рубль занял доминирующее положение (около 75% взаиморасчетов), выполняя функцию региональной валюты-лидера. Проанализированы парадоксальные эффекты данного процесса: укрепление доллара на фоне падения его доли в резервах. Обоснована ключевая роль цифровых валют центральных банков (CBDC) и платформы BRICS Bridge как технологической основы для следующего этапа интеграции.

Выводы. Доказано, что ЕАЭС выступает глобальным лидером по уровню дедолларизации торговли, формируя устойчивую модель многополярной финансовой системы. Дальнейшее развитие требует углубления гармонизации валютной политики и управления накопленными дисбалансами (проблема «токсичных» остатков национальных валют).

Ключевые слова: дедолларизация, ЕАЭС, национальные валюты, международные расчеты, трансформация валютной системы, российский рубль, цифровые валюты центробанков (CBDC), BRICS Bridge, валютная интеграция

Для цитирования: Акматалиева А. С. Роль национальных валют стран ЕАЭС в условиях дедолларизации мировой экономики // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 2. С. 32–42. EDN: ZUNVNU

The Role of the National Currencies of the EAEU Countries in the Context of the de-Dollarization of the Global Economy

Aida S. Akmatallieva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Western Branch, Kaliningrad, Russian Federation
e-mail: aas.250580@mail.ru

ABSTRACT

Aim. The article analyzes current trends in the transformation of the global monetary system related to the intensification of the process of de-dollarization and the transition to the use of national currencies

in foreign trade settlements, particularly in the EAEU and BRICS countries. **Methods.** The study is based on a systematic analysis of macroeconomic indicators, statistical processing of payment system data, and a comparative legal method for evaluating new financial instruments (CBDC, BRICS Bridge).

Results. It was revealed that by the beginning of 2026, the share of settlements in national currencies within the EAEU had reached a record-breaking 93%, marking the end of the “forced” de-dollarization phase and the transition to the “institutional” integration phase. It was established that the ruble had taken a dominant position (approximately 75% of mutual settlements), serving as the regional leading currency. The paradoxical effects of this process were analyzed: the strengthening of the dollar despite its declining share in reserves. The key role of central bank digital currencies (CBDCs) and the BRICS Bridge platform as a technological foundation for the next stage of integration has been substantiated.

Conclusions. It has been proven that the EAEU is a global leader in terms of the level of de-dollarization of trade, forming a sustainable model of a multipolar financial system. Further development requires deepening the harmonization of monetary policies and managing accumulated imbalances (the problem of “toxic” balances of national currencies).

Keywords: de-dollarization, EAEU, national currencies, international settlements, transformation of the currency system, Russian ruble, digital currencies of central banks (CBDCs), BRICS Bridge, currency integration

For citation: Akmatalieva A. S. The Role of the National Currencies of the EAEU Countries in the Context of the de-Dollarization of the Global Economy // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 32–42. (In Russ.) EDN: ZUNVNU

Введение

Современный этап развития международных экономических отношений характеризуется фундаментальным сдвигом парадигмы финансовых взаимодействий. Доллароцентричная модель, сложившаяся после Второй мировой войны, сталкивается с беспрецедентными вызовами. Политика санкционного давления, замораживание золотовалютных резервов и использование доллара как инструмента геополитического влияния стимулируют страны Глобального Юга и Евразийского региона к поиску альтернативных механизмов расчетов [1; 2]. Президент РФ В. В. Путин в июне 2025 г. подчеркнул необходимость создания независимой цифровой платформы расчетов, что стало логическим продолжением стратегии снижения зависимости от западной финансовой инфраструктуры.

Процесс трансформации мировой валютной системы, ускорившийся в 2022–2025 гг. под влиянием геополитических факторов и санкционного давления, привел к формированию устойчивых региональных платежных контуров [3; 10]. Наиболее ярко эта тенденция проявилась на пространстве Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС, Союз), где доля расчетов в национальных валютах достигла беспрецедентных значений, превысивших 90% [5; 7].

Актуальность темы обусловлена тем, что к началу 2026 г. процесс дедолларизации перешел из фазы теоретических дискуссий в плоскость операционного управления для компаний-экспортеров и импортеров. Проблема заключается в противоречии между политической волей к отказу от доллара и сохраняющимися структурными барьерами: низкой ликвидностью национальных валют, неразвитостью механизмов хеджирования рисков и фрагментарностью платежной инфраструктуры¹.

Целью данной статьи является комплексный анализ современных механизмов расширения использования национальных валют в международных расчетах, оценка их эффективности и определение перспектив развития в контексте евразийской экономической интеграции.

¹ Максимкин А. Дедолларизация 2.0 и «нерезидентский рубль»: как меняются расчеты в 2026 [Электронный ресурс] // РБК Компании. 16.12.2025. URL: <https://companies.rbc.ru/news/1wzmNNI7J1/dedollarizatsiya-20-i-nerezidentskij-rubl-kak-menyayutsya-rascheti-v-2026/?ysclid=ml44smam94980900301> (дата обращения: 18.01.2026).

Материалы и методы

Теоретической базой исследования послужили работы в области международной макроэкономики и теории оптимальных валютных зон (Р. Манделл). Методологическая основа включает анализ статистических данных Центрального банка РФ, Народного банка Китая, а также отчетов Международного валютного фонда за период 2022–2025 гг. Для оценки структурных сдвигов применялся метод сравнительного анализа долей валют в структуре экспортно-импортных операций. При изучении новых платежных инструментов («нерезидентский рубль», цифровые валюты) использован кейс-метод, позволяющий выявить практические аспекты функционирования данных механизмов¹.

Динамика и масштабы дедолларизации в ЕАЭС

Проведенный анализ показывает, что Евразийский экономический союз стал глобальным лидером по темпам отказа от доллара во взаимной торговле. По итогам 2025 г. доля расчетов в национальных валютах внутри ЕАЭС достигла 93%. Для сравнения: в 2020 г. этот показатель составлял лишь около 25%, что демонстрирует беспрецедентную скорость трансформации².

Как отметил вице-премьер РФ А. Оверчук, российский рубль играет в этом процессе ключевую роль, занимая около 75% всех взаиморасчетов в Союзе. Это делает рубль де-факто основной расчетной единицей евразийского пространства, что подтверждается и данными «Т-Банка»: в апреле 2025 г. доля рубля в расчетах за российский экспорт впервые превысила 50%, достигнув 52,3%³.

Отдельные страны-члены демонстрируют еще более высокие показатели. Председатель правления Национального банка Беларуси Р. Головченко сообщил, что доля расчетов Беларуси с партнерами по ЕАЭС в национальных валютах достигла 95%. При этом на Белорусской валютно-фондовой бирже доллар составляет лишь 16% торгов, тогда как российский рубль — более половины, а юань — 22%⁴.

Генеральный секретарь СНГ С. Лебедев отметил, что «последние отчеты показывают, что доля национальных валют во взаимных расчетах в СНГ неуклонно растет. Она достигла 96% для СНГ и приближается к 93% для ЕАЭС в 2024–2025 годах». Это, по его словам, показывает «устойчивую тенденцию к дедолларизации и использованию национальных валют в торговле»⁵.

В торговле России с партнерами по ЕАЭС активно формируются новые валютные пары: рубль — тенге, рубль — белорусский рубль, рубль — армянский драм, рубль — киргизский сом. По данным заместителя министра экономического развития России Д. Вольвача, эти пары активно прописываются в практике банков и торговых организаций, что создает прочную основу для дальнейшего расширения использования национальных денег.

Анализ структуры расчетов показывает существенную асимметрию в использовании различных национальных валют. Российский рубль занимает доминирующее положение, выступая основной расчетной единицей евразийского пространства. В 2025 г. доля рубля в расчетах за товары и услуги в ЕАЭС достигла 82,5%, увеличившись с 71,6% в 2020 г. В торговле Кыргызстана с Россией доля рубля составляет 98,3% в экспортных операциях и 96,4% в импортных. Казахстан активно использует тенге (до 48,7% в расчетах с Кыргызстаном) [8], однако доллар сохраняет значительные позиции в торговле Казахстана (56,9% в расчетах с Кыргызстаном). Юань постепенно увеличивает свое присутствие: в 2025 г. его доля во взаимных расчетах ЕАЭС достигла 1,5%. Во внешнеторговых расчетах стран ЕАЭС с остальным миром

¹ Дедолларизация мировой экономики: в поисках нового равновесия [Электронный ресурс] // ECONS.ONLINE. 11.11.2025. URL: <https://econs.online/articles/opinions/dedollarizatsiya-mirovoy-ekonomiki-v-poiskakh-novogo-ravnovesiya/> (дата обращения: 17.01.2026).

² Доля расчетов в национальных валютах в ЕАЭС достигла 93% [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ. 18.04.2025. URL: <https://e-cis.info/news/568/126737/?ysclid=mly58e5oqq932978405> (дата обращения: 19.01.2026).

³ Рубль впервые занял 1-е место в расчетах за экспорт из РФ [Электронный ресурс] // Т-Банк. 29.06.2025. URL: <https://www.tbank.ru/invest/social/articles/LexxFreeman/8b41e908-75ec-467d-8598-a1710486ac34/?ysclid=mly5dk875v32523257&author=profile> (дата обращения: 19.01.2026).

⁴ Share of national currencies in Belarus's settlements with EAEU partners reaches 95% — National Bank head [Электронный ресурс] // Interfax. 23.06.2025. URL: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/112184/> (дата обращения: 22.01.2026).

⁵ CIS countries almost fully switch to payments in national currencies — CIS sec gen [Электронный ресурс] // Interfax. 26.12.2025. URL: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/115478/> (дата обращения: 22.01.2026).

доля юаня составляет уже 26,9%, тогда как доля доллара снизилась с 44,5% до 20% за последние два года [14; 15].

Белорусский рубль, армянский драм и казахстанский тенге используются в ограниченных объемах, что создает определенные дисбалансы в распределении выгод от эмиссионного дохода и требует развития механизмов рециркуляции накопленных остатков.

Также необходимо отметить, что произошли тектонические изменения в структуре внешнеторговых расчетов Российской Федерации. Если по итогам 2021 г. доля доллара и евро в расчетах за российский экспорт превышала 80%, то к концу 2025 г. доля расчетов в национальных валютах достигла рекордных 90%. Особенно показательна динамика в двусторонних отношениях с Китаем: доля рубля и юаня в товарообороте превысила 85%, что стало возможным благодаря интеграции Системы быстрых платежей (СБП) с китайской CIPS.

И в глобальном масштабе можно наблюдать аналогичный тренд. Китайская валюта обошла евро и вышла на второе место (6,3%) в сфере торгового оборота. В международных платежах доля юаня выросла с 2,2% в 2021 г. до 3,6% в первом полугодии 2025 г.

По результатам анализа данных МВФ можно выявить важную особенность: доля доллара в резервах снизилась (до 55–56% в 2024 г. по сравнению с 70% в начале 2000-х гг.) в результате его номинального укрепления по отношению к валютам развивающихся стран.

Данный парадокс объясняет заведующий кафедрой финансового менеджмента РЭУ имени Г. В. Плеханова К. Ордов: «Перевод двусторонней или многосторонней торговли из долларовых расчетов в расчеты в национальных валютах влечет за собой дополнительные объемы эмиссии этих валют — в объемах, необходимых для замещения американской валюты. Тем самым эти валюты проседают по отношению к доллару»¹.

По данным МВФ за второй квартал 2025 г., можно отметить, что доллар потерял всего около 0,4% своей доли, а номинальное падение составило 1,5%. Это подтверждает тезис о том, что дедолларизация носит структурный, а не спекулятивный характер.

Ключевым результатом адаптации к новым условиям стало появление гибридных платежных инструментов. Широкое распространение получил механизм «нерезидентского рубля» — расчеты в российской валюте между нерезидентом и резидентом, проводимые через счета в зарубежных банках, работающих с рублевой ликвидностью. Как отмечает эксперт по внешнеэкономической деятельности и трансграничным платежам А. Максимкин, это позволяет импортерам легально уходить от рисков блокировки долларовых транзакций и ускорять сделки².

Одновременно с этим активно развивается инфраструктура цифровых валют. В 2025 г. страны БРИКС перешли к активному тестированию платформы BRICS Bridge, которая позволит проводить трансграничные платежи в цифровых валютах центробанков, минуя SWIFT и корсчета западных банков. Профессор А. Пономаренко подчеркивает, что такие системы, как проект Mariana, основаны на автоматическом определении обменных курсов и не требуют унификации монетарной политики стран-участниц.

По информации вице-президента Ассоциации банков России О. Прексина, расчетной единицей в BRICS Bridge станет золотой стейблкоин (от англ. stable coin — «стабильная монета»), привязанный к правам заимствования МВФ. Новая система позволит снизить банковскую комиссию за переводы минимум вдвое (с текущих 6% до 3% и ниже) и может повысить товарооборот между странами-участницами на 7–10%³.

Параллельно развивается инициатива Индии по взаимному подключению цифровых валют центробанков (CBDC) стран БРИКС+, которая может быть включена в повестку саммита 2026 г. [12]. Это

¹ Доллар уходит с миром [Электронный ресурс] // Эксперт. 26.06.2024. URL: <https://expert.ru/amp/ekonomika/dollar-ukhodit-s-mirom/> (дата обращения: 19.01.2026).

² Максимкин А. Дедолларизация 2.0 и «нерезидентский рубль»: как меняются расчеты в 2026 [Электронный ресурс] // РБК Компании. 16.12.2025. URL: <https://companies.rbc.ru/news/1wzmNNI7J1/dedollarizatsiya-20-i-nerezidentskij-rubl-kak-menyayutsya-rascheti-v-2026/?ysclid=ml45smat94980900301> (дата обращения: 18.01.2026).

³ Михедова Л. Мост для трансграничных переводов [Электронный ресурс] // Эксперт. 30.08.2025. URL: <https://expert.ru/amp/ekonomika/most-dlya-transgraniichnykh-perevodov/> (дата обращения: 19.01.2026).

создает предпосылки для формирования «трехурневой» системы: 1) расчеты в фиатных национальных валютах, 2) межбанковские расчеты через CBDC, 3) резервные функции золота и стейблкоинов.

Перспективные направления развития расчетов в национальных валютах

Ключевым направлением дальнейшего углубления валютной интеграции выступает создание общего финансового рынка ЕАЭС. Как отметил Д. Вольвач, заместитель Министра экономического развития Российской Федерации в 2021–2025 гг., «в ЕАЭС сейчас активно ведется работа по формированию общего финансового рынка. Прорабатываются соглашения о взаимном допуске ценных бумаг, брокеров и дилеров, банковских и страховых организаций. Их заключение позволит сформировать интеграционную инфраструктуру финансовых рынков»¹. Это, по мнению Д. Вольвача, «послужит хорошей основой для взаимного насыщения наших рынков финансами и финансовыми деривативами, роста их инвестиционной привлекательности, обмена лучшими практиками, а также будет способствовать повышению финансовой устойчивости экономик государств-членов»².

Важным выводом для понимания перспектив является отсутствие практического запроса на создание единой наднациональной валюты ЕАЭС. Д. Вольвач подчеркнул: «Тема создания единой валюты Евразийского экономического союза и Союзного государства России и Беларуси сейчас не находится на практической траектории. Сейчас нет запроса на создание новой валюты или единой валюты, товароборот хорошо обслуживается национальными денежными единицами»³.

Таким образом, перспективы развития связаны не с введением новой расчетной единицы, а с углублением и совершенствованием существующей системы расчетов в национальных валютах.

Наиболее перспективным технологическим направлением выступает внедрение цифровых валют центральных банков (CBDC) для трансграничных расчетов. Как отмечает эксперт в области финансов, глобальной макроэкономики, цифровизации и инноваций Г. В. Семеко, «одним из важнейших направлений интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе в настоящее время является совершенствование расчетов и платежей между странами. Расчеты в цифровых валютах имеют значительные преимущества перед современной платежной практикой, основанной на корреспондентских соглашениях между банками. В частности, они характеризуются высокой скоростью операций, более низкими издержками, большей надежностью, прозрачностью и т. д.»⁴.

Россия, Казахстан и Кыргызстан уже приняли концепции выпуска суверенных цифровых валют для внутренних розничных платежей. Следующим этапом может стать расширение использования этих валют для оптовых операций и взаимных расчетов, а в перспективе — переход к расчетам с использованием общей цифровой валюты на единой платежной платформе на основе технологии распределенного реестра.

Важным направлением выступает развитие биржевой торговли валютными парами стран ЕАЭС [5; 9]. Как отметил глава Национального банка Беларуси Р. Головченко, «на торгах на Белорусской валютно-фондовой бирже с начала года доллар составил лишь 16%. Юань его опередил с 22%, а на российский рубль пришлось более половины. Это открытый рынок. Цифры наглядно демонстрируют, что спрос на доллары невелик»⁵. Д. Вольвач также подчеркнул, что «мы увеличили взаимные транзакции, допустили все нацвалюты на нашу биржу». Это создает основу для формирования объективных рыночных курсов и снижения зависимости от кросс-курсов через доллар.

Ключевой проблемой, требующей решения для дальнейшего расширения использования национальных валют, является обеспечение возможностей их рециркуляции — инвестирования накопленных

¹ In the Ministry of Economic Development reported about the lack of demand for a single currency of the EAEU and the Union State [Электронный ресурс] // Izvestia. 24.01.2025. URL: <https://en.iz.ru/en/1827466/2025-01-24/ministry-economic-development-reported-about-lack-demand-single-currency-eaeu-and-union-state> (дата обращения: 22.01.2026).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Семеко Г. В. Интеграция платежного пространства Евразийского экономического союза: потенциал суверенных цифровых валют [Электронный ресурс] // Россия и современный мир. 2023. № 3. URL: <http://rossovmir.ru/en/article.php?id=4361> (дата обращения: 22.01.2026).

⁵ Share of national currencies in Belarus's settlements with EAEU partners reaches 95% — National Bank head [Электронный ресурс] // Interfax. 23.06.2025. URL: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/112184/> (дата обращения: 22.01.2026).

остатков в финансовые инструменты стран-эмитентов. Как показывает опыт расчетов России с Индией (проблема «зависших» рупий), без развитых механизмов обратного инвестирования накопление крупных остатков национальных валют может стать сдерживающим фактором. В ЕАЭС эта проблема стоит менее остро благодаря большей сбалансированности торговых потоков, однако ее решение требует углубления интеграции фондовых рынков и создания общих инвестиционных инструментов.

Исследование позволяет выявить ряд следующих проблем, которые требуют решения для дальнейшего расширения использования национальных валют.

Доминирование российского рубля (свыше 80% расчетов) над остальными национальными валютами создает асимметрию в распределении выгод от эмиссии и требует развития двусторонних валютных пар.

Данные МВФ показывают более высокую волатильность валют развивающихся стран, и это требует развития механизмов хеджирования валютных рисков для участников ВЭД [6; 11].

Уровень развития национальных платежных систем и их совместимость различаются по странам Союза, что создает операционные сложности.

Как отметил Р. Головченко, самый правильный и быстрый путь — обеспечение ценообразования национальных товаров и услуг в национальных валютах. Как только цены будут устанавливаться в национальных валютах, это естественным образом будет стимулировать и расчеты.

Срочность создания альтернативных механизмов расчетов и оценка их эффективности

Достигнутые к началу 2026 г. показатели дедолларизации в ЕАЭС (93–95% расчетов в национальных валютах) создают иллюзию завершенности процесса [4; 13]. Однако системный анализ выявляет принципиально иную картину: высокая доля нацвалют достигнута преимущественно за счет эффекта «вынужденной замены» доллара на рубль при отсутствии полноценной инфраструктуры рециркуляции, хеджирования и клиринга. В этих условиях отсрочка в создании альтернативных механизмов расчетов несет прямые риски отката дедолларизации и потери управляемости внешнеторговыми потоками.

Анализ динамики дисбалансов позволяет выделить три временных горизонта с принципиально разными последствиями.

1. Горизонт 0–6 месяцев (текущая ситуация): доминирование рубля (82,5% расчетов) при ограниченной ликвидности тенге, драма, сома и белорусского рубля пока компенсируется встречными торговыми потоками. Однако устойчивость системы обеспечивается лишь при сохранении положительного сальдо торговли России с партнерами.

2. Горизонт 6–24 месяца (критическое окно): при сохранении текущих темпов гармонизации финансовых рынков (создание общего депозитария, взаимный допуск ценных бумаг, унификация валютного регулирования) возможно формирование механизмов рециркуляции. Пропуск этого окна приведет к накоплению «токсичных остатков» нацвалют — ситуация, аналогичная проблеме «зависших рупий» в торговле России с Индией (накоплено более 8 млрд долл. в эквиваленте нерепатрируемых средств).

3. Горизонт свыше 24 месяцев (зона неприемлемого риска): без оперативного внедрения клиринговой платформы и пула ликвидности страны с меньшими валютами (Кыргызстан, Армения, в перспективе — Таджикистан) будут вынуждены вернуться к доллару как к промежуточному инструменту для расчетов с третьими странами, что снизит долю нацвалют внутри ЕАЭС до 60–65%, по расчетам автора.

Таким образом, оперативность разработки альтернативных механизмов является не конкурентным преимуществом, а требованием сохранения уже достигнутого уровня дедолларизации.

На основе анализа данных Центрального банка РФ, ЕЭК и пилотных проектов (BRICS Bridge, «нерезидентский рубль») автором произведена количественная оценка эффективности альтернативных расчетных механизмов по трем критериям: снижение транзакционных издержек (п.п. от текущих 6–8% при долларовых расчетах через недружественные банки), ускорение расчетов, устойчивость к санкционным рискам (см. таблицу).

Сравнительная оценка эффективности существующих и перспективных механизмов
 Table. Comparative assessment of the effectiveness of existing and promising mechanisms

Механизм	Снижение издержек	Ускорение	Санкционная устойчивость	Текущий статус
Прямые корсчета в нацвалютах (без доллара-посредника)	1,8–2,3 п.п.	с 3–5 дней до 6–12 часов	средняя (зависит от банков-нерезидентов)	массово внедрен
Механизм «нерезидентского рубля»	2,5–3,0 п.п.	2–4 часа	высокая (операции вне SWIFT)	ограниченно внедрен
Клиринг на базе единого расчетного депозитария ЕАЭС (гипотетический)	4,0–5,0 п.п.	до 1 часа	очень высокая	проектный статус
CBDC + платформа BRICS Bridge (в стадии тестирования)	3,5–4,0 п.п.	10–30 секунд	максимальная	пилот 2025–2026

Источник: авторские расчеты на основе данных ЦБ РФ, отчетов ЕЭК за 2024–2025 гг., материалов пилотных тестирований BRICS Bridge

Интерпретация полученных оценок позволяет сделать следующие выводы об эффективности.

1. Наиболее эффективным в краткосрочном горизонте (0–12 месяцев) является масштабирование механизма «нерезидентского рубля» на все страны ЕАЭС с созданием единых правил открытия рублевых счетов для нерезидентов. Его эффективность подтверждена практикой 2024–2025 гг., где доля таких операций выросла с 5% до 18% во взаимной торговле Россия — Казахстан.

2. Наиболее эффективным в среднесрочном горизонте (12–24 месяца) является создание единого расчетного депозитария ЕАЭС с функцией автоматического неттинга. Его потенциальная эффективность (снижение издержек на 4–5 п.п.) сопоставима с внедрением CBDC, но требует меньших инвестиций в унификацию протоколов цифровых валют.

3. CBDC и BRICS Bridge обладают максимальным долгосрочным потенциалом, однако их текущая эффективность ограничена асинхронностью запуска суверенных цифровых валют странами ЕАЭС (Россия — с 2025 г. в режиме пилота, Казахстан — с 2026 г., Беларусь — проект, Армения и Кыргызстан — на стадии концепций). Без синхронизации к концу 2026 г. эффективность BRICS Bridge для внутрисоюзных расчетов останется нулевой.

Форсированное создание альтернативных механизмов должно быть встроено в общую логику формирования общего финансового рынка ЕАЭС, однако приоритетность требует пересмотра. Если текущая дорожная карта (соглашения о взаимном допуске ценных бумаг, брокеров, страховщиков) рассчитана на 5–7 лет, то механизмы рециркуляции и клиринга должны быть запущены в течение 18–24 месяцев как неотъемлемая часть «быстрой интеграции».

Автором предлагается следующая трехуровневая модель перспективного развития.

Уровень 1 (0–12 месяцев, оперативный). Закрепление на уровне ЕЭК обязательного правила ценообразования экспортно-импортных контрактов внутри ЕАЭС в национальных валютах без привязки к доллару или евро. Уже сейчас, как отметил глава Национального банка Беларуси, самый правильный и быстрый путь — обеспечение ценообразования национальных товаров в национальных валютах.

Уровень 2 (12–24 месяца, приоритетный). Создание единого клирингового хаба ЕАЭС на базе расширенного функционала Евразийского банка развития (ЕАБР) с функцией автоматического неттинга встречных требований и фондирования краткосрочных дисбалансов за счет пула ликвидности, формируемого центральными банками.

Уровень 3 (24–36 месяцев, стратегический). Полноценное внедрение трансграничных расчетов в цифровых валютах центральных банков с подключением к платформе BRICS Bridge после синхронизации национальных CBDC-протоколов.

Реализация данной модели к 2028 г. позволит не только сохранить долю расчетов в национальных валютах на уровне 93–95%, но и качественно улучшить за счет снижения волатильности (через механизмы хеджирования внутри клирингового хаба) и расширить валютный состав (увеличение доли тенге, драма, сома с текущих единиц процентов до 15–20%).

Таким образом, можно утверждать, что наиболее актуальным приоритетом евразийской валютной интеграции является не дальнейшее наращивание доли национальных валют (которая близка к естественному пределу), а ускоренное создание институциональной основы для их оборота и клиринга. Критически значимой является оперативность, то есть горизонт 18–24 месяца служит «последним безопасным окном». Без реализации механизмов уровней 1 и 2 в указанные сроки достигнутая дедолларизация окажется обратной, а страны ЕАЭС столкнутся с эффектом «скрытой долларизации» через кросс-курсы и офшорные расчеты.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы о перспективах использования национальных валют во внешнеторговых расчетах в ЕАЭС.

Во-первых, количественные показатели использования национальных валют достигли рекордных значений (93–95%), что выводит ЕАЭС в мировые лидеры процесса дедолларизации. Это создает прочную основу для дальнейшего углубления экономической интеграции.

Во-вторых, перспективы развития связаны не с увеличением доли национальных валют (которая близка к максимуму), а с качественным совершенствованием механизмов расчетов: формированием общего финансового рынка, развитием биржевой торговли национальными валютами, внедрением цифровых валют центральных банков для трансграничных платежей.

В-третьих, ключевым фактором дальнейшего прогресса выступает решение проблемы асимметрии в использовании различных национальных валют и создание эффективных механизмов рециркуляции накопленных остатков. Это требует углубления интеграции фондовых рынков и развития инвестиционных инструментов, номинированных в национальных валютах.

В-четвертых, создание единой наднациональной валюты ЕАЭС не рассматривается как практическая задача на текущем этапе. Оптимальной моделью представляется «валютное многообразие» при доминировании наиболее ликвидной региональной валюты (российского рубля) и развитии двусторонних валютных пар.

В-пятых, технологическим приоритетом выступает внедрение цифровых валют центральных банков для трансграничных расчетов, что позволит повысить скорость, снизить издержки и обеспечить независимость от внешней платежной инфраструктуры.

В-шестых, наиболее актуальным приоритетом интеграционной повестки является не дальнейшее наращивание доли нацвалют (она близка к предельной — 93–95%), а форсированное создание механизмов их рециркуляции и хеджирования. Оперативность здесь критически значима: при отсутствии общего депозитарно-клирингового модуля ЕАЭС к 2027 г. страны-участницы столкнутся с эффектом «токсичных остатков» (по аналогии с проблемой рупий в торговле РФ — Индия), что способно откатить долю расчетов в нацвалютах до 60–65%. Следовательно, срочность внедрения альтернативных механизмов сопоставима со срочностью перехода на них.

Ключевой проблемой, требующей оперативного решения, является отсутствие институциональной основы для рециркуляции накопленных остатков национальных валют. При сохранении текущих темпов формирования общего финансового рынка ЕАЭС (прогнозный срок — 5–7 лет) нарастают риски «валютного коллапса»: дисбаланс в 75–82% в пользу рубля создает у стран с меньшей валютой стимулы для возврата к доллару в двусторонней торговле. Следовательно, оперативная (в течение 18–24 месяцев) разработка механизмов неттинга и клиринга на базе цифровых платформ (например, расширение пилота BRICS Bridge на все страны ЕАЭС) является не желательной, а критически необходимой мерой. Промедление снизит эффективность уже достигнутой дедолларизации на 30–40% по оценке автора, так

как без ликвидного вторичного рынка нацвалюты останутся «расчетными, но не сберегательными» инструментами.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку конкретных механизмов рециркуляции национальных валют, анализ оптимальных моделей валютного курсообразования в региональном платежном кластере, а также на изучение возможностей интеграции платежных систем ЕАЭС с аналогичными системами стран БРИКС и ШОС.

Список литературы

1. *Александров Д. Г.* Перспективы отказа от использования доллара США: национальные валюты и платежные системы // Инновации и инвестиции. 2023. № 2. С. 131–135. EDN: BQQXMZ
2. *Антропов В. В.* Развитие расчетов в национальных валютах как фактор интенсификации предпринимательской деятельности в ЕАЭС // Экономика. Налоги. Право. 2023. Т. 16, № 5. С. 93–103. EDN: CDSPSN. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-5-93-103
3. *Безбородов Ю. С., Пономоренко В. Е., Лунев А.* Валютная интеграция евразийских государств: от протокооперации к симбиозу и обратно // Российское право: образование, практика, наука. 2025. № 1. С. 32–41. DOI: 10.34076/2410-2709-2025-145-1-32-41
4. *Безбородов Ю. С., Пономоренко В. Е.* Есть ли шанс у валютной интеграции в ЕАЭС // Банковское право. 2025. № 2. С. 43–54. EDN: QUIWUJ. DOI: 10.18572/1812-3945-2025-2-43-54
5. *Гончаренко М. А., Хомякова Л. И.* Использование национальных валют и расчетов в них странами ЕАЭС и СНГ в современных условиях // Экономика. Налоги. Право. 2023. № 6. С. 99–107. EDN: XHYUON. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-6-99-107
6. *Гречко В. А.* Обзор цифровых валют центрального банка стран — членов ЕАЭС: механизмы использования в международных расчетах // Мировая экономика: современные тенденции развития : материалы II Междунар. конкурса эрудитов по мировой экономике, Минск, 1–3 апр. 2024 г. / Белорус. гос. ун-т. Минск : БГУ, 2024. С. 13–17.
7. *Задворнев Д. В.* Особенности и тренды Евразийской интеграции в условиях формирования многополярного мира // Новизна. Эксперимент. Традиции. 2023. Т. 9, № 3 (23). С. 22–28. EDN: NBKMWI
8. *Изотов В. С., Мешкова Т. А., Теплов А. С.* Перспектива формирования единого финансового рынка ЕАЭС с точки зрения российских интересов: возможности и ограничения // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15, № 3. С. 129–152. EDN: AKTNPK. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-03-05
9. *Кузнецов Ю. В., Уткин В. С.* Возможности расчетов в национальных валютах со странами — партнерами России по интеграционным объединениям // Экономическая политика. 2020. Т. 15, № 6. С. 66–89. EDN: PUWWHX. DOI: 10.18288/1994-5124-2020-6-66-89
10. *Локтионов З. И.* Фрагментация мировой финансовой системы как фактор трансформации глобальной экономической системы // Journal of Monetary Economics and Management. 2025. № 8. С. 268–273. EDN: OGQOAK. DOI: 10.26118/2782-4586.2025.31.18.083
11. *Мишина В. Ю., Хомякова Л. И.* Дедолларизация и расчеты в национальных валютах: евразийский и латиноамериканский опыт // Вопросы экономики. 2020. № 9. С. 61–70. EDN: OCHIZY. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-9-61-79
12. *Оглоблина Е. В., Макарова В. В.* Цифровые валюты центральных банков: международный опыт и риски развития // Теория и практика общественного развития. 2025. № 10. С. 170–181. EDN: QNIOQP. DOI: 10.24158/tipor.2025.10.19
13. *Сайкина А. А., Иванущенко А. В.* Проблема дедолларизации расчетов взаимной торговли государств — членов ЕАЭС в условиях цифровизации // Финансовый бизнес. 2024. № 10. С. 124–130. EDN: YMFFKE
14. *Холопов А. В.* Резервные валюты: возможны ли изменения? // Мировая экономика и международные отношения. 2025. Т. 69, № 9. С. 5–15. EDN: IRAUDT. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-9-5-15
15. *Хомякова Л. И., Хомякова М. А.* Возможности использования национальных валют в международных расчетах на пространстве ЕАЭС и развитие платежно-расчетных механизмов стран —

участниц ЕАЭС и БРИКС // Экономические науки. 2024. № 6. С. 394–398. EDN: ALNIBM. DOI: 10.14451/1.235.394

Об авторе:

Акматалиева Аида Сатылгановна, кандидат экономических наук, доцент кафедры таможенного дела, Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Калининград, Российская Федерация);
e-mail: aas.250580@mail.ru

References

1. Alexandrov, D. G. Prospects for Refusing the US Dollar: National Currencies and Payment Systems // Innovation & Investment. 2023. No. 2. P. 131–135. (In Russ.) EDN: BQQXMZ
2. Antropov, V. V. Development of Settlements in National Currencies as a Factor of Intensification of Entrepreneurial Activity in the EAEU // Economics. Taxes & Law. 2023. Vol. 16, No. 5. P. 93–103. (In Russ.) EDN: CDSPSN. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-5-93-103
3. Bezborodov, Yu. S., Ponamorenko, V. E. Is there a chance for currency integration in the EAEU // Banking Law. 2025. No. 2. P. 43–54. (In Russ.) EDN: QUIWLJ. DOI: 10.18572/1812-3945-2025-2-43-54
4. Bezborodov, Yu. S., Ponamorenko, V. E., Lunev, A. Currency Integration of Eurasian States: From Protocol Cooperation to Symbiosis and Back // Russian Law: Education, Practice, Science. 2025. No. 1. P. 32–41. (In Russ.) DOI: 10.34076/2410-2709-2025-145-1-32-41
5. Goncharenko, M. A., Khomyakova, L. I. The Use of National Currencies and Settlements in Them by the EAEU and CIS Countries in modern Conditions // Economics, Taxes & Law. 2023. No. 6. P. 99–107. (In Russ.) EDN: XHYUON. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-6-99-107
6. Grechko, V. A. Overview of Digital Currencies of the Central Banks of the EAEU Member States: Mechanisms of Use in International Settlements // World Economy: Current Development Trends : Proceedings of the II International Competition of Erudits on the World Economy, Minsk, April 1–3, 2024 / Belarusian State University. Minsk : BSU, 2024. P. 13–17. (In Russ.)
7. Zadvornev, D. V. Specific Features and Trends of Eurasian Integration under the Conditions of Multipolar World Formation // Novelty. Experiment. Traditions. 2023. Vol. 9, No. 3 (23). P. 22–28. (In Russ.) EDN: NBKMWI
8. Izotov, V. S., Meshkova, T. A., Teplov, A. S. Creating a Common EAEU Financial Market: Opportunities and Limitations from the Perspective of Russia's National Interests // International Organisations Research Journal. 2020. Vol. 15, No. 3. P. 129–152. (In Russ.) EDN: AKTNPK. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-03-05
9. Kuznetsov, Yu. V., Utkin, V. S. Current Possibilities of Bank Settlements in National Currencies of Russia's Partner Countries in International Economic Associations // Economic Policy. 2020. Vol. 15, No. 6. P. 66–89. (In Russ.) EDN: PUWWHX. DOI: 10.18288/1994-5124-2020-6-66-89
10. Loktionov, Z. I. Fragmentation of the Global Financial System as a Factor in the Transformation of the Global Economic System // Journal of Monetary Economics and Management. 2025. No. 8. P. 268–273. (In Russ.) EDN: OGQOAK. DOI: 10.26118/2782-4586.2025.31.18.083
11. Mishina, V. Yu., Khomyakova, L. I. Dedollarization and settlements in national currencies: Eurasian and Latin American experience // Voprosy Ekonomiki. 2020. No. 9. P. 61–70. (In Russ.) EDN: OCHIZY. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-9-61-79
12. Ogloblina, E. V., Makarova, V. V. Central Bank Digital Currencies: International Experience and Development Risks // Theory and Practice of Social Development. 2025. No. 10. P. 170–181. (In Russ.) EDN: QNIOQP. DOI: 10.24158/tpor.2025.10.19
13. Saykina, A. A., Ivanushchenko, A. V. The Problem of Dedollarization of Mutual Trade Settlements of the EAEU Member States in the Context of Digitalization // Financial Business. 2024. No. 10. P. 124–130. (In Russ.) EDN: YMFFKE

14. Kholopov, A. V. Reserve Currencies: Are Changes Possible? // World Economy and International Relations. 2025. Vol. 69, No. 9. P. 5–15. (In Russ.) EDN: IRAUDT. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-9-5-15
15. Khomyakova, L. I., Khomyakova, M. A. Opportunities for Using National Currencies in International Settlements in the EAEU Space and the Development of Payment and Settlement Mechanisms in the EAEU and BRICS Member States // Economic Sciences. 2024. No. 6. P. 394–398. (In Russ.) EDN: ALNIBM. DOI: 10.14451/1.235.394

About the author:

Aida S. Akmatalieva, PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Customs Affairs, Western Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Kaliningrad, Russian Federation);
e-mail: aas.250580@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Акматалиева А. С., 2026

Трансарктический транспортный коридор как фактор интеграции Евразийского экономического пространства

Зайков К. С.^{*}, Новичкова Е. А.

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Архангельск, Российская Федерация

^{*} e-mail: k.zaikov@narfu.ru

ORCID: 0000-0001-6479-416X

РЕФЕРАТ

Цель. Целью статьи является анализ трансарктического транспортного коридора как системообразующего фактора интеграции евразийского экономического пространства в условиях трансформации глобальной экономики и усиления геополитической конкуренции. Особое внимание уделяется роли Северного морского пути в формировании новых транспортно-логистических связей между Европой и Азией. **Методы.** Исследование основано на комплексном междисциплинарном подходе, включающем методы неореализма, неомарксизма и геоэкономического анализа. Используются сравнительно-исторический, структурно-логистический и системный методы для оценки эволюции транспортных маршрутов и их влияния на международные экономические связи. **Результаты.** В статье показано, что трансарктический транспортный коридор обладает значительным интеграционным потенциалом за счет сокращения расстояний и времени перевозок между ключевыми экономическими центрами Евразии. Установлено, что развитие Северного морского пути способствует перераспределению торговых потоков, усилению ресурсной и транзитной роли Арктики, а также углублению экономического взаимодействия между Россией, Европейским союзом и государствами Азии, несмотря на инфраструктурные ограничения и санкционное давление. **Выводы.** Сделан вывод о том, что Трансарктический транспортный коридор может стать одним из ключевых элементов новой архитектуры евразийской интеграции при условии модернизации инфраструктуры и обеспечения устойчивой навигации. Развитие данного маршрута рассматривается как стратегический инструмент укрепления экономической связанности Евразии в условиях глобальной нестабильности.

Ключевые слова: трансарктический транспортный коридор, Северный морской путь, Евразийское экономическое пространство, евразийская интеграция, транспортная инфраструктура, международная торговля

Для цитирования: Зайков К. С., Новичкова Е. А. Трансарктический транспортный коридор как фактор интеграции Евразийского экономического пространства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 2. С. 43–57. EDN: RCNEDA

The Trans-Arctic Transport Corridor as a Factor in the Integration of the Eurasian Economic Space

Konstantin S. Zaikov^{*}, Ekaterina A. Novichkova

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation

^{*} e-mail: k.zaikov@narfu.ru

ORCID: 0000-0001-6479-416X

ABSTRACT

Aim. The purpose of this article is to analyze the Trans-Arctic Transport Corridor as a key factor in the integration of the Eurasian economic space amid global economic transformation and growing geopolitical competition. Special attention is paid to the role of the Northern Sea Route in shaping new transport and logistics links between Europe and Asia. **Methods.** The study is based on a comprehensive interdisciplinary approach combining the methods of neorealism, neo-Marxism, and geo-economic analysis. Comparative historical, structural-logistical, and systems approaches are applied to assess the evolution of major transport routes and their impact on international economic relations. **Results.** The article demonstrates that the Trans-Arctic Transport Corridor has significant integration potential due to reduced distances and transit times between major Eurasian economic centers. It is established that the development of the Northern Sea Route contributes to the redistribution of trade flows, strengthens the resource and transit role of the Arctic, and enhances economic interaction among Russia, the European Union, and Asian countries, despite existing infrastructure constraints and external pressure. **Conclusions.** The study concludes that the Trans-Arctic Transport Corridor can become a core element of a new Eurasian integration framework provided that infrastructure modernization and sustainable navigation are ensured. The development of this route is viewed as a strategic instrument for strengthening Eurasian economic connectivity under conditions of global instability.

Keywords: Trans-Arctic Transport Corridor, Northern Sea Route, Eurasian economic space, Eurasian integration, transport infrastructure, international trade

For citation: Zaikov K. S., Novichkova E. A. The Trans-Arctic Transport Corridor as a Factor in the Integration of the Eurasian Economic Space // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 43–57. (In Russ.) EDN: RCNEDA

Введение

Трансарктический транспортный коридор (ТАТК) представляет собой комплексный инфраструктурный проект, призванный интегрировать Северный морской путь (СМП) в систему глобальных транспортных потоков между Европой и Азией, тем самым способствуя углублению экономической и политической интеграции Евразии. В контексте современных изменений мировой экономики и геополитического соперничества инициативы по развитию арктических транспортных маршрутов приобретают важное стратегическое значение.

Методология

Исследование построено на двух уровнях. На *теоретико-аналитическом* уровне использованы три подхода.

Неореализм применен для объяснения стратегического поведения России, Китая и ЕС в Арктике: контроль России над СМП через систему разрешений и ледокольную проводку интерпретируется как инструмент сдерживания, а стремление Китая к «Полярному Шелковому пути» — как попытка диверсификации транзитных рисков в обход Малаккского пролива.

Неомарксизм позволил проанализировать перераспределение добавленной стоимости: транзит по СМП сокращает логистические издержки европейских импортеров китайской продукции на 15–20%, что укрепляет позицию России как «инфраструктурного ядра» и одновременно усиливает зависимость периферийных портов (Мурманск, Петропавловск-Камчатский) от инвестиционных циклов.

Геоэкономика использована для квантификации конкурентных преимуществ.

На *методологическом* уровне применялись:

- сравнительно-исторический метод — для сопоставления эволюции транспортных артерий Евразии;

- структурно-логистический метод — для выявления узких мест (дефицит ледоколов Arc-7, ограниченная пропускная способность пролива Вилькицкого);
- системный метод — для рассмотрения ТАТК как элемента единой мультимодальной сети, интегрированной с Транссибом, БАМом и речными путями.

Определение термина «Евразийское пространство»

В научной литературе отсутствует единое определение Евразийского пространства [4; 17]. Для целей настоящего исследования выделяются три ключевых измерения, значимых для анализа Трансарктического транспортного коридора.

Географическое измерение. Евразия представляет собой единый суперконтинент площадью 53,6 млн кв. км (36% суши) без естественной границы между Европой и Азией [17, с. 19]. Именно огромные расстояния между западным и восточным флангами материка (от 8 до 12 тыс. км) создают спрос на оптимальные логистические решения. ТАТК, сокращая путь между Европой и Азией на 35–40% по сравнению с Суэцким маршрутом (см. табл. 2, с. 52), превращает географическую данность в экономическое преимущество.

Геополитическое измерение. В современных условиях Евразия — это арена столкновения интересов России, Китая и западных держав, причем некоторые исследователи отмечают, что прежняя мощь России в Евразии нивелируется быстрорастущими экономиками Китая и Индии [25, с. 31–32]. Трансарктический транспортный коридор, проходящий через акватории, находящиеся под юрисдикцией Российской Федерации (внутренние воды, территориальное море, исключительная экономическая зона) [6, с. 143–144], становится инструментом транспортного суверенитета России. Он предлагает альтернативу коммуникациям, контролируемым НАТО (Суэцкий канал, Гибралтар), и укрепляет позиции РФ как «транзитного ядра» Евразии [23, с. 150].

Экономическое измерение. Евразийское экономическое пространство понимается как интеграционное объединение, охватывающее весь материк и направленное на устойчивое экономическое развитие через межгосударственное взаимодействие, в первую очередь в рамках ЕАЭС и ЕЭП [4, с. 20–21]. ТАТК выполняет в этом пространстве три интеграционные функции.

1. Логистическую — связывает европейские и азиатские рынки кратчайшим морским путем (Роттердам — Шанхай за 18–20 суток против 35–40 суток через Суэц) [10; 20].
2. Ресурсную — обеспечивает вывоз стратегических полезных ископаемых российской Арктики (97% никеля, 99% кобальта, 76% редкоземельных металлов РФ) [5, с. 83].
3. Системообразующую — интегрирует морской сегмент СМП с континентальными железнодорожными магистралями (Транссиб, БАМ) и речными путями, формируя мультимодальный каркас Евразии [20, с. 25; 23, с. 152].

Таким образом, ТАТК является не пассивным маршрутом, а активным механизмом, превращающим географическую Евразию в экономически связанное пространство.

Историческая ретроспектива развития главных транспортных артерий мировой торговли и трансформация Северного морского пути

Евразийское экономическое пространство территориально соответствует крупнейшему материковому планету (53,6 млн кв. км, 36% суши). Основной преградой для развития торговли здесь выступают огромные расстояния, разделяющие страны тысячами километров. Поиск оптимальных логистических коридоров всегда был исторической проблемой [4; 17].

Великий шелковый путь (ВШП) (I в. до н. э. — XV в. н. э.) протяженностью 7–12 тыс. км соединял Китай со Средиземноморьем. Его развитие стимулировалось спросом на уникальные товары (шелк, пряности) и контролем империй над караванными маршрутами. Упадок ВШП был вызван систематическими грабежами, распадом контролировавших его государств и отсутствием единой инфраструктуры [1; 7; 22].

Северный морской путь начал осваиваться в XVI–XVII вв. в ходе мангазейских походов, которые способствовали развитию северных портов и колонизации Сибири. Экспедиции В. Баренца расширили климатические знания об Арктике [16, с. 627]. Плавание С. И. Дежнева в 1648 г. доказало существование пролива между Евразией и Америкой [21, с. 36]. М. В. Ломоносов теоретически обосновал возможность прохода вдоль северных берегов Евразии [16, с. 628].

Первое успешное сквозное прохождение СМП совершила экспедиция А. Норденшельда на судне «Вега» (1878–1880 гг.), подтвердив принципиальную возможность регулярного судоходства [Там же].

В XX в. развитие маршрута продолжилось: основание Мурманского порта (1915 г.), экспедиция О. Ю. Шмидта на «Александре Сибирякове» (1932 г.), впервые прошедшая путь за одну навигацию. Это привело к созданию Главсевморпути и институциональному оформлению управления Арктикой [Там же, с. 629]. В годы Великой Отечественной войны СМП использовался для ленд-лизских поставок [Там же]. Новый этап начался со спуска на воду атомного ледокола «Ленин» (1959 г.) и обеспечения круглогодичной навигации к 1978 г.

Максимальные показатели грузооборота по СМП в советский период зафиксированы в 1987 г. — свыше 6,6 млн т. С 1991 г. путь открыт для международного судоходства, но интерес к его эксплуатации снизился. Возобновление инвестиционной активности началось в 2010-е гг. на фоне таяния арктических льдов, что удлинит навигационный период и упростило добычу полезных ископаемых [24].

Арктический регион обладает значительной долей мировых запасов стратегических металлов: здесь сосредоточено более 10% мировых запасов никеля и титана, около 19% платины, а также значительные объемы кобальта, палладия и серебра [5, с. 83]. При этом основная часть арктических минерально-сырьевых ресурсов (свыше 90% никеля, кобальта, олова и циркона) приходится на российскую зону Арктики, что делает Россию ключевым игроком в глобальной цепочке поставок этих металлов [Там же].

По данным на 2025 г. в российской Арктике сосредоточено 76% разведанных запасов редкоземельных металлов РФ, а также 95–100% добычи ниобия, тантала, циркония, галлия и рубидия — элементов, критически важных для оборонной и высокотехнологичной промышленности. Дополнительно на долю российской Арктики приходится 97% запасов никеля и кобальта страны, 48% меди, а также более половины запасов серебра, что подтверждает статус региона как национальной ресурсной кладовой. Северный морской путь выступает единственной экономически эффективной транспортной артерией для вывоза этих ресурсов на мировые рынки, напрямую связывая арктические месторождения с потребителями в Европе и Азии без необходимости использования альтернативных сухопутных или южных морских маршрутов.

Наличие природных ресурсов в сочетании с инфраструктурой СМП сделало арктические проекты России привлекательными для иностранных инвесторов (Total, Linde, Mitsui, CNPC и др.), а также для неарктических государств — наблюдателей Арктического совета (Китай, Франция, Германия, Индия, Япония, Корея и др.) [24, с. 5]. Однако специфика СМП связана с климатическими условиями и правом России осуществлять контроль за навигацией: в соответствии со ст. 5.1 Кодекса торгового мореплавания РФ, акватория СМП включает внутренние воды, территориальное море, прилежащую зону и исключительную экономическую зону РФ [6, с. 143–144].

Военная доктрина РФ 2014 г. закрепила Арктику как регион защиты национальных интересов в мирное время. В 2010-е гг. Россия нарастила военное присутствие, но уровень тяжелых вооружений остался значительно ниже советского (это демонстрируют коэффициенты [24, с. 6]: подводные лодки — 0,17, авиация — 0,25 от уровня 1980-х гг.), что свидетельствует об оборонительном характере присутствия [Там же, с. 5–6].

В условиях санкционного давления после 2022 г. сотрудничество с западными компаниями было свернуто, что ознаменовало «поворот на Восток» — переориентацию на Китай и Индию. Тем не менее даже в 2025 г. страны ЕС продолжают импортировать российский СПГ (около 4 млрд куб. м за январь — февраль 2025 г.) из-за погодных условий и сокращения атомной генерации [18, с. 186].

Инфраструктурные вызовы остаются существенными. Средний возраст атомных ледоколов достигает 28 лет, коэффициент их технической готовности не превышает 0,78 [20, с. 13]. Спутниковое покрытие

восточного сектора Арктики — не более 40%, задержка передачи данных — до четырех часов [15, с. 93]. Судам без ледового класса разрешено плавание с 1 июля по 15 ноября; для круглогодичной навигации требуются ледоколы Arc 4–9 и Icebreaker 6–7. Для достижения высоких объемов грузоперевозок необходимо увеличение численности современных ледокольных судов [Там же].

Несмотря на санкционные и инфраструктурные проблемы, в 2023 г. зафиксирован рекордный объем грузоперевозок по СМП (показано на рис. 1) — 31,5 млн т, включая транзит (свыше 2,1 млн т). Совокупный объем в 2024 г. достиг 37,9 млн т (см. табл. 2, с. 52). Таким образом, СМП продолжает развиваться как международный транзитный коридор, а его интеграционный потенциал для Евразии остается высоким [10; 20].

Рис. 1. Количество разрешений, полученных на проход по СМП, 2015–2025 гг., шт.

Fig. 1. Number of Permits Granted for Transit through the Northern Sea Route (NSR), 2015–2025 (units)

Источник: Реестр разрешений на плавание судов в акватории Севморпути

[Электронный ресурс] // Главсевморпуть. Росатом. URL: <https://clck.ru/3RRcfb> (дата обращения: 23.12.2025)

Однако к существующим вызовам развития Северного морского пути также добавляется конкуренция со стороны традиционных морских коридоров, а также геополитическая нестабильность и санкционное давление, оказываемое на Россию со стороны государств Запада.

Антироссийские санкции вводятся с 2014 г. и прошли три этапа (табл. 1, с. 48). На первом этапе (2014–2017 гг.) ограничения носили в основном персональный и секторальный характер, продемонстрировав технологическую и инвестиционную зависимость российских арктических проектов от западных партнеров. На втором этапе (2017–2022 гг.) санкции затронули крупные компании и банки, что привело к снижению инвестиционной активности. Третий этап (с 2022 г.) характеризуется полномасштабным санкционным давлением: разрыв отношений с большинством западных компаний, прекращение или замораживание совместных проектов, отказ от поставок критического оборудования [18, с. 186].

Уход западных компаний после 2022 г. был масштабным, но неравномерным. Норвежская Equinor и сингапурский трейдер Trafigura полностью вышли из проектов; British Petroleum заявила о выходе, но фактически сохранила участие; французская TotalEnergies продолжает работу в проекте «Ямал СПГ», заморозив участие в «Арктик СПГ-2»; немецкая Wintershall Dea утратила контроль над активами. Азиатские партнеры, напротив, в основном сохранили или усилили присутствие. Китайские CNPC и Silk Road Fund продолжают участвовать в «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ-2»; индийские компании (Oil India, Indian Oil, Bharat Petroresources) расширяют сотрудничество, включая инфраструктурные проекты вдоль СМП. Японские Mitsui и JOGMEC заморозили участие, но не вышли полностью [3, с. 15].

Этапы введения антироссийских санкций
Table 1. Phases of the Implementation of Anti-Russian Sanctions

Этап	Период	Формат санкций	Арктическая специфика
1	2014–2017 гг.	Персональные санкции, секторальные ограничения	Проявление технологической и инвестиционной уязвимости
2	2017–2022 гг.	Санкции против физических и юридических лиц, в том числе крупных компаний и банков	Осложнения в отношениях с иностранными компаниями, снижение инвестиционной активности
3	2022 г. — по наст. время	Полномасштабное санкционное давление	Прекращение реализации проектов, резкий отток инвестиций, разрыв отношений с зарубежными компаниями, снижение объема грузоперевозок

Источник: составлено по [18, с. 186; 26, с. 9]

Ключевым технологическим ограничением стал дефицит судов ледового класса Arc-7 для перевозки СПГ. Российский заказ на 15 газозовов на судостроительном комплексе «Звезда» находится в стадии строительства (суда «Алексей Косыгин», «Петр Столыпин» близки к завершению). Однако из-за ухода южнокорейской верфи DSME (ныне Hanwha) и французской GTT (мембранные системы хранения СПГ) строительство нескольких судов («Петр Капица», «Лев Ландау», «Жорес Алферов») было остановлено; Hanwha завершила их за свой счет и ищет альтернативных покупателей [26, с. 9]. Это привело к сдвигу сроков запуска «Арктик СПГ-2» на 2–3 года, но не остановило полностью транзит по СМП.

Несмотря на санкции, в 2023–2024 гг. объем перевозок по СМП достиг рекордных значений (31,5 млн т в 2023 г., 37,9 млн т в 2024 г.), а международный транзит превысил 2,1 млн т. Россия переориентировала экспорт энергоносителей на азиатские рынки, частично заместив западные технологии и инвестиции китайскими и индийскими. Даже Европа, декларируя отказ от российского газа, в отдельные месяцы 2025 г. импортировала до 4 млрд куб. м СПГ из РФ — из-за погодных условий и сокращения собственной генерации. Таким образом, санкционное давление замедлило, но не блокировало развитие СМП как международного транзитного коридора.

Несмотря на текущий разрыв отношений между ЕС и Россией, Европа получает значительную выгоду при использовании Северного морского пути, так как основным экспортером для нее является Китай. Коэффициент торгово-экономической связанности (КТЭС) ЕС и Китая устойчив на протяжении периода 2014–2025 гг. и находится в диапазоне 0,02–0,023, что означает, что объем двусторонней торговли составляет примерно 2% от суммарного ВВП двух экономик — довольно высокий показатель, учитывая их экономические мощности (представлено на рис. 2). Евросоюзу важно сохранить торгово-экономические отношения с Китаем, особенно на фоне обострения конфликта с США из-за Гренландии, на который президент США Д. Трамп отреагировал обещанием ввести дополнительные торговые барьеры¹.

В период 2014–2018 гг. КТЭС России и ЕС колебался в пределах 0,010–0,013, показывая умеренную торгово-экономическую взаимосвязь, которая была особенно сильна в энергетической отрасли — ЕС на протяжении более чем десяти лет был главным импортером российского газа. После 2019 г. показатель начал снижаться, а после 2022 г. резко упал, что отражает структурные изменения в экономических отношениях и торговой политике. В целом на данном хронологическом отрезке он снизился более чем в четыре раза, что напрямую связано с постепенным усилением санкционного давления на Россию со стороны стран Запада и закрытием многих совместных экономических проектов и инициатив.

Тем не менее сотрудничество осуществляется в ограниченном масштабе, особенно в условиях возникновения форс-мажорных ситуаций. Несмотря на декларированное намерение Европейского союза полностью прекратить импорт российских энергетических ресурсов к 2027 г., фактическая динамика закупок свидетельствует о значительном расхождении между стратегическими установками и текущей практикой.

¹ США за девять месяцев нарастили экспорт СПГ на 22% [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/25710485> (дата обращения: 20.01.2026).

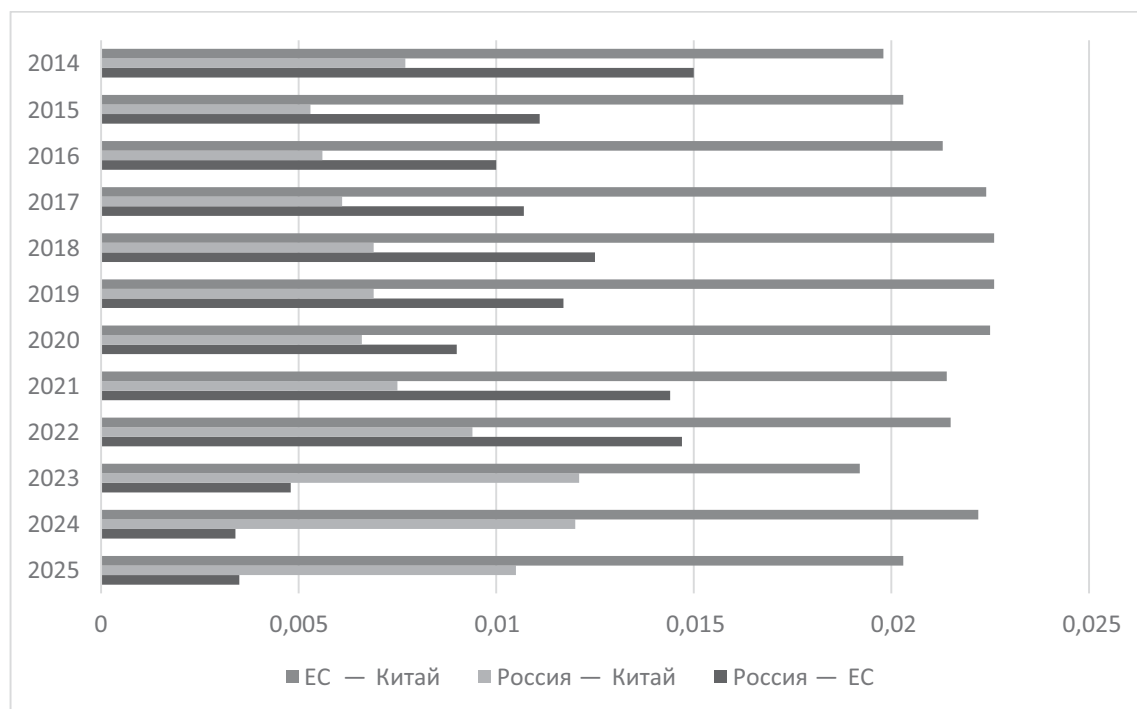

Рис. 2. Коэффициент торгово-экономической связанности ЕС — России, России — Китая, ЕС — Китая, 2014–2025 гг.

Fig. 2. Trade and Economic Relatedness Coefficient between the EU and Russia, Russia and China, and the EU and China, 2014–2025

Источник: рассчитано авторами по данным: World Economic Outlook (October 2025)

[Электронный ресурс] // International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/datasets/WEO> (дата обращения: 23.12.2025)

Согласно аналитическим данным исследовательского центра Bruegel, в январе и феврале 2025 г. страны ЕС импортировали около 4 млрд куб. м сжиженного природного газа из Российской Федерации¹. Аналогичная ситуация повторилась в начале текущего года: Европейский союз вновь импортировал российский СПГ вследствие погодных условий и сокращения атомной генерации во Франции².

Можно сделать вывод, что торгово-экономические отношения между ЕС и Россией сохраняются, несмотря на кризисное состояние, а развитые исторические и инфраструктурные связи дают благоприятный прогноз на возобновление полномасштабного сотрудничества, в особенности на фоне Гренландского кризиса и потери США как экспортера СПГ. Кроме того, кратчайший транспортный коридор, связывающий Европу с Китаем, — СМП — входит в зону исключительных интересов РФ, так что необходимость в использовании данной артерии для международного транзита говорит о потенциальной нормализации отношений ЕС и России, что станет новым структурным витком евразийской интеграции на фоне параллельной интенсификации отношений России и Китая.

КТЭС Китая и России (показано на рис. 2) с 2014 по 2023 г. увеличился почти в 1,6 раза, отражая укрепление торгово-экономической взаимосвязи между странами. На фоне секторальных ограничений и антироссийских санкций, а также изменений в макроэкономическом контексте возникает необходимость переосмысления подхода к международному сотрудничеству в энергетической сфере. В этих условиях Россия стремится выстраивать новые форматы взаимодействия с ключевыми партнерами

¹ Russia boost LNG supplies to Europe by 5% in 2M 2025 — analytical center [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.com/economy/1923585> (дата обращения: 18.01.2026).

² Европа забирает весь ямальский СПГ: поставки «Газпрома» также вышли на максимум [Электронный ресурс] // EurAsia Daily. URL: <https://clck.ru/3RSLhs> (дата обращения: 20.01.2026).

в Азии, в первую очередь с Китаем. В экспертном сообществе неоднозначно оценивались перспективы присутствия Китая в Арктике в качестве стратегического партнера России; часть исследователей указывала на потенциальную «китайскую угрозу», связывая ее с различиями в интерпретации международно-правовых документов, регулирующих арктическую проблематику, включая Договор о Шпицбергене 1920 г. и Конвенцию ООН по морскому праву [13, с. 25]. Китайская концепция Арктики как «общего наследия человечества» предполагает интернационализацию Северного морского пути, что вступает в противоречие с официальной позицией Российской Федерации, рассматривающей СМП как национальную транспортную артерию, проходящую в водах под ее суверенитетом и юрисдикцией [Там же]. В то же время ряд экспертов подчеркивают значительный потенциал российско-китайского сотрудничества в Арктике, прежде всего в энергетической сфере. Участие китайских компаний в качестве партнеров и инвесторов способствует привлечению капитала, передаче технологий и диверсификации финансовых рисков при реализации крупных арктических проектов [Там же].

Три центра экономической силы на Евразийском материке — Россия, ЕС и Китай — формируют новую институциональную структуру региона в контексте интеграционных процессов. Несмотря на кризисы в отношениях и столкновение национальных интересов, в том числе в Арктике, сотрудничество углубляется и становится все более важным для поддержания стабильного экономического развития государств, укрепляя их взаимозависимость. Тем не менее такая система формирует серьезную угрозу для экономического и политического суверенитета страны, так как ставит ее в прямую зависимость от иностранных экономик. ЕС находился в зависимости от нефтегазовых ресурсов России и с отказом от них был вынужден пойти на менее выгодные соглашения о поставках СПГ с США; на данном этапе, учитывая конфликт интересов между Европой и Америкой по Гренландии, Евросоюз вновь вынужденно возвращается к необходимости поставок СПГ из России. Россия же испытывает дефицит в технологических областях, поэтому после свертывания многих проектов и введения новых пакетов санкций была вынуждена переориентировать экономику на сотрудничество с государствами Востока. Хотя такая инициатива обсуждалась давно, события 2022 г. заставили совершить резкий скачок вместо плавного перехода. Учитывая сказанное выше, важно отметить потребность в соблюдении баланса между сохранением стратегической самостоятельности России и выстраиванием архитектуры международного сотрудничества [12, с. 121–122]. КНР подходит к данному вопросу более прагматично и лучше сохраняет экономическую стабильность в современных геополитических реалиях. Китай не ограничивается сотрудничеством в Арктике с Россией — государство активно проявляло интерес к строительству газопровода на Аляске и выражает желание присоединиться к проекту и на сегодняшний день¹. Более того, в 2010-е гг. КНР стремилась укрепить позиции в Арктике через сотрудничество со странами Скандинавии: Швецией и Норвегией. Китай реализует многокомпонентную экономическую стратегию, ориентированную на углубление экономического сотрудничества через торговлю, инвестиции, инфраструктуру и участие в арктических проектах, одновременно адаптируя свои подходы к политическим условиям региона и взаимодействию с Россией до 2030 г. [14, с. 435–436]. Важно также отметить слабое влияние на китайскую экономику со стороны США через введение торговых тарифов: 125%, что вместе с базовой пошлиной 20% составило 145%. Однако недавнее исследование Кильского института показало, что экспортеры не почувствовали обременения, так как на них пришлось только 4% дополнительных расходов, а оставшиеся 96% легли на американцев, при том что объемы торговли значительно сократились, в отличие от экспортных цен². При этом КНР также сталкивается с существенными экономическими вызовами, среди которых особенно выделяются инволюция, избыточные производственные мощности и угроза окончательного погружения экономики в дефляционное состояние³. Несмотря на большой потенциал евразийской интеграции, вследствие геополитической нестабильности в регионе и нарушения традиционных

¹ Минфин США: Китай выразил интерес к участию в проекте газопровода на Аляске [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8162316> (дата обращения: 21.12.2025).

² Eigentor: Amerikaner bezahlen fast vollständig für Trumps Zölle [Электронный ресурс] // Kiel Institut. URL: <https://www.kielinstitut.de/de/publikationen/aktuelles/eigentor-amerikaner-bezahlen-fast-vollstaendig-fuer-trumps-zoelle/> (дата обращения: 21.01.2026).

³ Проблемы Китая заставили экономистов вспомнить об инволюции [Электронный ресурс] // Финанс. URL: <https://clck.ru/3RSNsR> (дата обращения: 21.01.2026).

цепочек грузопотоков торговая взаимосвязанность неравномерна. Расчет индекса интенсивности двусторонних товаропотоков (рис. 3) показывает, что после 2022 г. торговая ориентация России претерпела структурный сдвиг в сторону Китая при одновременном резком снижении торговой интенсивности с Европейским союзом. В то же время торговые связи Китая и ЕС сохраняют устойчивый характер и превышают среднемировой уровень, что свидетельствует о сохраняющейся взаимной экономической значимости сторон.

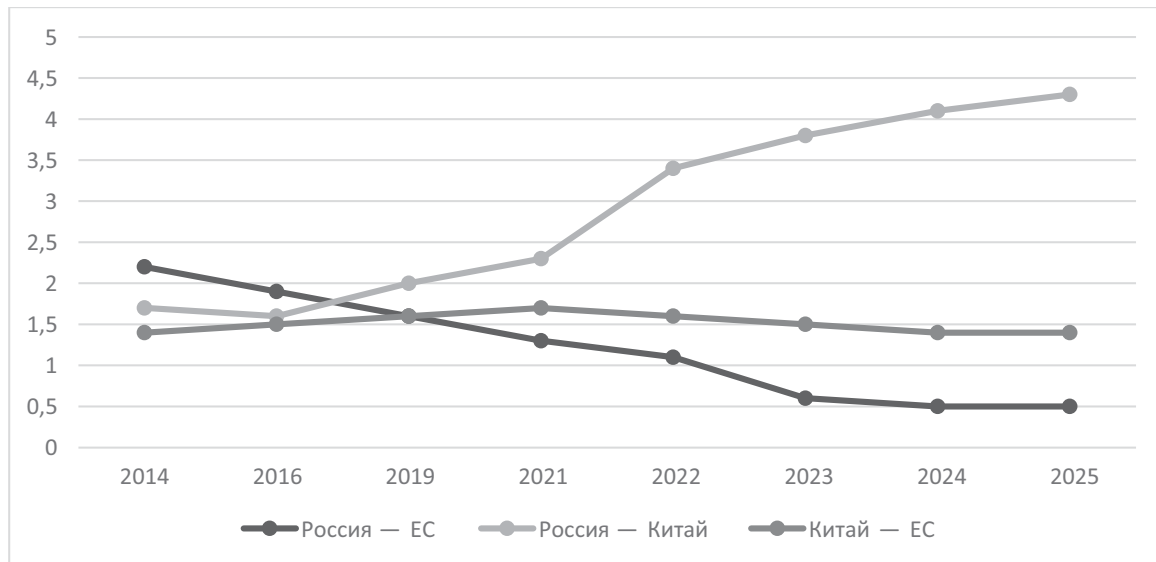

Рис. 3. Индекс интенсивности двусторонних товаропотоков ЕС — России, России — Китая, ЕС — Китая, 2014–2025 гг.

Fig. 3. Trade Intensity Index between the EU and Russia, Russia and China, and the EU and China, 2014–2025

Источник: составлено по данным: World Economic Outlook (October 2025)

[Электронный ресурс] // International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/datasets/WEO> (дата обращения: 23.12.2025)

Хотя Россия на данный момент ограничивается в торгово-экономическом развитии санкционным давлением и не поддерживает активное сотрудничество с Европой, ЕС и КНР стабильно совершают поставки; большая часть из них приходится на морское судоходство через Суэцкий канал, однако сохраняющиеся тенденции к удорожанию торговли через данный регион, геополитическая нестабильность и атаки кораблей хуситами в Красном море¹ уменьшают привлекательность торгового пути, так что некоторые судна стали ходить через мыс Доброй Надежды, обгибая южную часть Африки². Это вновь поднимает вопрос об эффективности использования СМП как главной магистрали между Европой и Азией. Тем не менее открытым остается вопрос высокой стоимости технического оснащения необходимой инфраструктуры и самих грузоперевозок, так как для круглогодичной навигации требуются ледоколы классов Arc 4–9 и Icebreaker 6–7. Эта проблема также формирует и новые возможности, в особенности для поиска альтернативных транспортных узлов других видов с целью замены отдельных участков логистических цепочек и, как следствие, интеграции с другими транспортными коридорами.

Перспективы интеграции Северного морского пути в глобальную логистику обусловлены его уникальными географическими преимуществами, как уже было указано выше. Ключевым фактором становится синхронизация развития СМП с инициативами Китая в рамках проекта «Один пояс — один путь» и модернизацией Транссибирской магистрали. Взаимодействие с Индией и государствами АСЕАН

¹ Обгибая Африку: почему морская торговля европейцев с Китаем вернулась к маршрутам 18 века? [Электронный ресурс] // Вокруг Света. URL: <https://clck.ru/3RSZLi> (дата обращения: 21.01.2026).

² Там же.

открывает дополнительные возможности для диверсификации грузопотоков [20, с. 25]. При этом сохраняется необходимость обеспечения сбалансированности ориентации на азиатские рынки и поддержания сотрудничества с европейскими партнерами, прежде всего в области экологических стандартов и цифровизации транспортных процессов.

Таблица 2

Грузооборот транспортных артерий Евразии (млн т)
Table 2. Cargo Turnover of Eurasian Transport Corridors (million tonnes)

Год	Суэцкий канал*	СМП**	Транссиб***
2014	963	3,98	109
2015	999	5,39	113
2016	–	7,27	117
2017	1000	10,7	120
2018	1140	19,7	128
2019	1207	31,5	132
2020	1169	32,98	144
2021	1275	34,87	149
2022	1410	34,12	–
2023	1568	36,25	–
2024	524	37,9	–

Источник: составлено авторами по данным: * Suez Canal Traffic Statistics [Электронный ресурс] // Suez Canal Authority. URL: <https://www.suezcanal.gov.eg/English/Navigation/Pages/NavigationStatistics.aspx>; ** NSR transit statistics [Электронный ресурс] // Centre for high north logistics. URL: <https://chnl.no/> (дата обращения 21.01.2026); *** [2]

Успех СМП как элемента глобальной логистической системы будет зависеть от способности Российской Федерации преодолеть инфраструктурные ограничения, адаптироваться к новым финансовым реалиям (включая расчеты в юанях и формирование синдикатов азиатских страховых организаций) и предложить международному сообществу модель арктического сотрудничества, сочетающую экономические интересы с экологической ответственностью [20, с. 25].

Несмотря на финансирование модернизации структуры Северного морского пути как важного инфраструктурного и геополитического объекта России, вопрос о высокой стоимости, необходимости технологического оснащения и поэтапном выстраивании системы, которое может занять несколько десятилетий, остается открытым. Кроме того, несмотря на таяние арктических льдов и потенциальную возможность увеличения навигационного периода, СМП все еще остается нестабильной магистралью вследствие экстремальных погодных условий. Требование строительства ледокольных судов для перевозки грузов, исключительный интерес России в акватории Севморпути в контексте международного права и общего обострения разногласий между державами в Арктике, характеризующегося в том числе возрастанием роли неарктических держав — в первую очередь Китая, который активно продвигает собственные инициативы для интеграции с СМП (как Полярный Шелковый путь), — также делают регион нестабильным для наращивания международных перевозок и международного транзита. По этим же причинам интеграционная функция для Евразийского региона не может реализовываться в полной мере, несмотря на высокий потенциал и заинтересованность в использовании Северного морского пути как арктических, так и неарктических держав. Однако недавний проект России сможет как решить краткосрочные проблемы, так и заложить фундамент для долгосрочного сотрудничества.

Проект Трансарктического транспортного коридора и его перспективы

Инициатива создания Трансарктического транспортного коридора (ТАТК) была детально обсуждена в рамках VI Международного арктического форума «Арктика — территория диалога» (2025 г.).

Президент РФ В. В. Путин поставил задачу превратить СМП в «ключевой участок Трансарктического транспортного коридора, который пройдет от Санкт-Петербурга через Мурманск до Владивостока. Он призван соединить мировые промышленные, сельскохозяйственные, энергетические центры и потребительские рынки более коротким, безопасным, экономически выгодным маршрутом» [9, с. 177].

В отличие от сухопутного Экономического пояса Шелкового пути (протяженность 7–12 тыс. км, высокая стоимость перевозок) ТАТК предлагает морской гибридный маршрут с сокращением расстояния на 35–40% по сравнению с Суэцким каналом, но сталкивается с необходимостью круглогодичной ледокольной проводки.

Основная цель проекта — формирование экономически эффективного, безопасного и сокращенного маршрута транзитных перевозок между Европой и Азией, обеспечивающего доступ к рынкам Юго-Восточной Азии, Индии, государств Персидского залива и Африки, а также решение задач северного завоза и развития арктических регионов России [11, с. 139]. Специфика ТАТК — ориентация на круглогодичную навигацию за счет атомного ледокольного флота и модернизации портов, а также интеграция с международными коридорами (например, «Север — Юг») [Там же].

Первый этап развития предполагает гибридный формат: координацию СМП с речными сетями, железными дорогами (Транссиб, БАМ), автомобильными магистралями и авиалиниями. Это позволит компенсировать дефицит ледокольных судов, обеспечить большую провозную способность для международного транзита и снизить нагрузку на инфраструктуру СМП. Диверсификация грузовых потоков также будет способствовать углублению евразийской интеграции и укреплению геополитического суверенитета РФ как «транзитного ядра» Евразии.

Гидрографические ограничения (мелководье, узкие проливы Вилькицкого и Санникова) затрудняют проход крупнотоннажных судов с осадкой свыше 12–13 м [19, с. 35]. Экологические риски связаны с увеличением перевозок углеводородов — необходимо соблюдение требований ИМО и Полярного кодекса [8, с. 50]. Кроме того, высокая капиталоемкость инфраструктурных проектов и зависимость от мировых сырьевых рынков остаются системными ограничениями.

РФ выступает одновременно транзитным государством, пользователем и главным политическим субъектом ТАТК. Однако зависимость от иностранных технологий и инвестиций создает уязвимости. Поэтому ключевая задача — достижение технологического и инфраструктурного суверенитета (развитие собственного судостроения, цифровых навигационных систем, страховых механизмов в юанях и т. д.). Укрепление национальных секторов не означает изоляции, а направлено на обеспечение устойчивости проекта в условиях геополитической турбулентности. ТАТК также позиционируется как безопасная и экологичная альтернатива конкурирующим арктическим маршрутам (США, Канада, ЕС).

Успех ТАТК зависит от синхронизации с китайской инициативой «Один пояс — один путь», модернизации Транссиба, сотрудничества с Индией и государствами АСЕАН, а также — в долгосрочной перспективе — от восстановления кооперации с европейскими партнерами в области экологических стандартов и цифровизации [20, с. 25]. Несмотря на сохраняющиеся ограничения, ТАТК уже сегодня формируется как ключевой элемент новой архитектуры евразийской интеграции.

Заключение

Подводя итог, следует подчеркнуть, что Трансарктический транспортный коридор формируется как ключевой элемент евразийской транспортно-логистической архитектуры, способный существенно повлиять на конфигурацию межконтинентальных грузопотоков. Его интеграционный потенциал выходит за рамки национального инфраструктурного проекта: ТАТК может стать системообразующим фактором экономической связанности между государствами Евразийского экономического союза, странами Азии и Ближнего Востока. Интеграция морского сегмента СМП с континентальными железнодорожными (Транссиб, БАМ) и речными маршрутами создает предпосылки для формирования единой мультимодальной транспортной системы, повышающей конкурентоспособность евразийского пространства в глобальной транспортной архитектуре.

Вместе с тем реализация этого потенциала сдерживается совокупностью инфраструктурных, технологических и институциональных ограничений. Гидрографические особенности (мелководье, узкие проливы), экологические требования Полярного кодекса, высокая капиталоемкость специализированного флота и портовой инфраструктуры требуют согласованных решений на межгосударственном и межотраслевом уровнях. Ключевым фактором успешного развития ТАТК становится не только масштаб инвестиций, но и уровень координации транспортной политики, гармонизации нормативно-правовых режимов и внедрения цифровых механизмов управления трансграничными грузопотоками.

При выстраивании долгосрочной стратегии, основанной на развитии национального технологического производства и инфраструктуры, Россия может укрепить свои позиции как ключевой интегратор арктического и континентального транспортного пространства. Трансарктический транспортный коридор следует рассматривать как долгосрочную платформу евразийской интеграции, способствующую пространственной связанности, экономической кооперации и устойчивому развитию арктических и приарктических территорий. Его поэтапная реализация способна усилить роль Евразии как самостоятельного центра мировой транспортной системы, одновременно обеспечивая России статус системообразующего ядра этого процесса.

Список литературы

1. *Аборвалова О. Н.* Европейская торговля в эпоху средневековья // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2011. № 4. С. 2. EDN: OOUHCR
2. *Александрова М. Е., Кизим О. В.* Международные транспортные коридоры как фактор развития международного транзита России // E-Scio. 2021. № 9 (60). С. 124–134. EDN: EBZORB
3. *Бадылевич Р. В.* Тенденции и перспективы привлечения иностранных инвестиций в арктические мегапроекты в условиях геополитической напряженности // Арктика и Север. 2023. № 51. С. 5–27. EDN: ASMQQT. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.51.5
4. *Боргарелло К.* Евразийское пространство: проблема определения // Постсоветский материк. 2018. № 3 (19). С. 15–24. EDN: YQIJRR
5. *Волков А. В., Бортников Н. С., Лобанов К. В.* [и др.] Месторождения стратегических металлов арктического региона // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. 2019. № 16. С. 80–84. EDN: OUKZFL. DOI: 10.31241/FNS.2019.16.016
6. *Гудев П. А.* Северный морской путь: проблемы легитимизации национального статуса в рамках международного права: часть I // Арктика и Север. 2020. № 40. С. 142–164. EDN: THZSCS. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.142
7. *Дацко А. А., Южакова Т. Л.* Этапы и факторы развития Великого Шелкового пути // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2021. № 61. С. 47–50. EDN: ULYJYW. DOI: 10.24412/3453-9875-2021-61-47-50
8. *Журавель В. П.* Актуальные проблемы экологической безопасности в Арктике // Арктическое обозрение. 2017. № 3. С. 50–54. EDN: KVKOWG
9. *Журавель В. П.* К итогам VI Международного арктического форума «Арктика — территория диалога» — 2025 // Арктика и Север. 2025. № 59. С. 169–189. EDN: HFVGGB. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2025.59.169
10. *Журавель В. П.* Северный морской путь: оценки и прогнозы // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2023. № 2. С. 125–135. EDN: HYFJPB. DOI: 10.15211/vestnikieran22023125135
11. *Журавель В. П., Гриняев С. Н.* Трансарктический транспортный коридор: политико-экономический и стратегический потенциал для России // Арктика и Север. 2025. № 60. С. 135–151. EDN: COYHXC. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2025.60.135
12. *Журавель В. П., Тимошенко Д. С.* Российская Арктика в период санкционного давления и геополитической нестабильности // Арктика и Север. 2022. № 49. С. 105–124. EDN: KEVGUA. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.49.105

13. *Зайков К. С., Спиридонов А. А., Фадеев А. М.* Сотрудничество России и Китая в Арктике в энергетической сфере: стратегический взгляд // Арктика и Север. 2024. № 54. С. 22–37. EDN: RCCVXK. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2024.54.22
14. *Захарьев Я. О.* Экономическая стратегия КНР в Скандинавии (Часть 2) // Экономические отношения. 2018. Т. 8, № 3. С. 419–436. EDN: YLHDZR. DOI: 10.18334/eo.8.3.38708
15. *Зефиоров В. И., Тимошилова П. С.* Морская логистика Северного морского пути // Вестник Академии знаний. 2023. № 2–55. С. 91–94. EDN: IUWJKM
16. *Калиненко Н. Л.* Великий Северный морской путь // Образование и право. 2024. № 5. С. 627–630. EDN: HGUOYB. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-5-627-630
17. *Лагутина М. Л., Темнышев М. Л.* Эволюция понятия «Евразия» в современном гуманитарном знании // Современные евразийские исследования. 2016. № 1. С. 17–25. EDN: WYOKQX
18. *Моисеев В. В., Трут В. П., Сиваченко Л. А.* Антироссийские санкции: история и современность // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. № 2. С. 183–192. EDN: RBTLVI. DOI: 10.15688/jvolsu4.2024.2.16
19. *Неронов Н. Н., Медведкин Е. В.* Гидрография в Арктическом регионе // Арктика: экология и экономика. 2011. № 3–3. С. 28–35. EDN: PXCZIB
20. *Саламатов В. Ю., Метелева Е. А., Проскурин А. В.* Интеграция Северного морского пути с международными транспортными коридорами // Российский внешнеэкономический вестник. 2025. № 7. С. 7–27. EDN: STSODU. DOI: 10.24412/2072-8042-2025-7-7-27
21. *Серикова У. С.* История освоения Арктики // История и педагогика естествознания. 2016. № 4. С. 35–40. EDN: ZADRBN
22. *Тезджан М.* Торговля с Востоком в эллинистический и римский периоды и борьба за восточно-западную торговлю на Кавказе // Кавказ и глобализация. 2012. № 4. С. 142–158. EDN: QZFXEB
23. *Beloglazova M. V.* Transport Corridors as a Geopolitical Instrument // Russia in Global Affairs. 2026. No. 24-1. P. 149–152. EDN: BJHUU. DOI: 10.31278/1810-6374-2026-24-1-149-152
24. *Didenko N. I., Cherenkov V. I.* Economic and geopolitical aspects of developing the Northern Sea Route // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science : Part 3. History and Modernity. Saint Petersburg, 18–19.04.2018. P. 012012. EDN: YBNLRZ. DOI: 10.1088/1755-1315/180/1/012012
25. *Gleason A.* Eurasia: What is it? Is it? // Journal of Eurasian Studies. 2010. No. 1. P. 26–32. DOI: 10.1016/j.euras.2009.11.002
26. *Urbasos I. A.* Western sanctions on icebreakers stall Russia’s Arctic LNG expansion [Electronic resource]. Madrid: Elcano Royal Institute, 2024. (ARI 88/2024). URL: <https://media.realinstitutoelcano.org/wp-content/uploads/2024/06/ari88-2024-urbasos-western-sanctions-on-icebreakers-stall-russias-arctic-lng-expansion.pdf> (accessed: 21.01.2026).

Об авторах:

Зайков Константин Сергеевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой регионоведения, международных отношений и политологии, Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Российская Федерация);
e-mail: k.zaikov@narfu.ru; ORCID: 0000-0001-6479-416X

Новичкова Екатерина Андреевна, магистрант, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Российская Федерация);
e-mail: novichkovaekaterina1917@gmail.com; ORCID: 0009-0006-9079-364X

References

1. *Aborvalova, O. N.* European Trade in the Middle Ages // Russian Journal of Education and Psychology. 2011. No. 4. P. 2. (In Russ.) EDN: OOUHCR

2. Aleksandrova, M. E., Kizim, O. V. International Transport Corridors as a Factor in the Development of Russia's International Transit // *E-Scio*. 2021. No. 9–60. P. 124–134. (In Russ.) EDN: EBZORB
3. Badylevich, R. V. Trends and Prospects for Attracting Foreign Investment in Arctic Megaprojects under Geopolitical Tension // *Arctic and North*. 2023. No. 51. P. 5–27. (In Russ.) EDN: ASMKQT. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.51.5
4. Borgarello, K. Eurasian Space: The Problem of Definition // *Post-Soviet Continent*, 2018. No. 3–19. P. 15–24. (In Russ.) EDN: YQJRR
5. Volkov, A. V., Bortnikov, N. S., Lobanov, K. V., Galyamov, A. L., Chicherov, M. V. Deposits of Strategic Metals in the Arctic Region // *Proceedings of the Fersman Scientific Session of GI KNC RAS*. 2019. No. 16. P. 80–84. (In Russ.) EDN: OUKZFL. DOI: 10.31241/FNS.2019.16.016
6. Gudev, P. A. Northern Sea Route: Problems of Legitimizing National Status within International Law: Part I // *Arctic and North*. 2020. No. 40. P. 142–164. (In Russ.) EDN: THZSCS. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.142
7. Datsko, A. A., Yuzhakova, T. L. Stages and Factors of Development of the Great Silk Road // *Norwegian Journal of Development of the International Science*. 2021. No. 61. P. 47–50. (In Russ.) EDN: ULYJYW. DOI: 10.24412/3453-9875-2021-61-47-50
8. Zhuravel, V. P. Current Problems of Environmental Safety in the Arctic // *Arctic Review*. 2017. No. 3. P. 50–54. (In Russ.) EDN: KVKOWG
9. Zhuravel, V. P. Results of the VI International Arctic Forum “Arctic — Territory of Dialogue” — 2025 // *Arctic and North*. 2025. No. 59. P. 169–189. (In Russ.) EDN: HFVGGB. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2025.59.169
10. Zhuravel, V. P. Northern Sea Route: Assessments and Forecasts // *Scientific-Analytical Bulletin of IE RAS*. 2023. No. 2. P. 125–135. (In Russ.) EDN: HYFJPB. DOI: 10.15211/vestnikieran2023125135
11. Zhuravel, V. P., Grinyaev, S. N. Trans-Arctic Transport Corridor: Political, Economic, and Strategic Potential for Russia // *Arctic and North*. 2025. No. 60. P. 135–151. (In Russ.) EDN: COYHXC. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2025.60.135
12. Zhuravel, V. P., Timoshenko, D. S. Russian Arctic under Sanctions Pressure and Geopolitical Instability // *Arctic and North*. 2022. No. 49. P. 105–124. (In Russ.) EDN: KEVGUA. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.49.105
13. Zaikov, K. S., Spiridonov, A. A., Fadeev, A. M. Cooperation between Russia and China in the Arctic Energy Sector: A Strategic Perspective // *Arctic and North*. 2024. No. 54. P. 22–37. (In Russ.) EDN: RCCVXK. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2024.54.22
14. Zakharyev, Ya. O. Economic Strategy of China in Scandinavia (Part 2) // *Economic Relations*. 2018. Vol. 8, No. 3. P. 419–436. (In Russ.) EDN: YLHDZR. DOI: 10.18334/eo.8.3.38708
15. Zefirov, V. I., Timoshilova, P. S. Maritime logistics of the Northern Sea Route // *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2023. No. 2–55. P. 91–94. (In Russ.) EDN: IUWJKM
16. Kalinenko, N. L. The Great Northern Sea Route // *Education and Law*. 2024. No. 5. P. 627–630. (In Russ.) EDN: HGUOYB. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-5-627-630
17. Lagutina, M. L., Temnyshev, M. L. Evolution of the Concept of “Eurasia” in Contemporary Humanitarian Knowledge // *Contemporary Eurasian Studies*. 2016. No. 1. P. 17–25. (In Russ.) EDN: WYOKQX
18. Moiseev, V. V., Trut, V. P., Sivachenko, L. A. Anti-Russian Sanctions: History and Modernity // *Volgograd State University Bulletin. Series 4: History. Regional Studies. International Relations*. 2024. No. 2. P. 183–192. (In Russ.) EDN: RBTLVI. DOI: 10.15688/jvolsu4.2024.2.16
19. Neronov, N. N., Medvedkin, E. V. Hydrography in the Arctic Region // *Arctic: Ecology and Economy*. 2011. No. 3–3. P. 28–35. (In Russ.) EDN: PXCZIB
20. Salamatov, V. Yu., Meteleva, E. A., Proskurin, A. V. Integration of the Northern Sea Route with International Transport Corridors // *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2025. No. 7. P. 7–27. (In Russ.) EDN: STSOUD. DOI: 10.24412/2072-8042-2025-7-7-27
21. Serikova, U. S. History of Arctic Exploration // *History and Pedagogy of Natural Sciences*. 2016. No. 4. P. 35–40. (In Russ.) EDN: ZADRBN

22. Tezjan, M. Trade with the East in the Hellenistic and Roman Periods and the Struggle for East-West trade in the Caucasus // *Caucasus and Globalization*. 2012. No. 4. P. 142–158. (In Russ.) EDN: QZFXEB
23. Beloglazova, M. V. Transport Corridors as a Geopolitical Instrument // *Russia in Global Affairs*. 2026. No. 24–1. P. 149–152. EDN: BJHUU. DOI: 10.31278/1810-6374-2026-24-1-149-152
24. Didenko, N. I., Cherenkov, V. I. Economic and Geopolitical Aspects of Developing the Northern Sea Route // *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science : Part 3. History and Modernity*. Saint Petersburg, 18–19.04.2018. P. 012012. EDN: YBNLRZ. DOI: 10.1088/1755-1315/180/1/012012
25. Gleason, A. Eurasia: What is it? Is it? // *Journal of Eurasian Studies*. 2010. No. 1. P. 26–32. DOI: 10.1016/j.euras.2009.11.002
26. Urbasos, I. A. Western Sanctions on Icebreakers stall Russia’s Arctic LNG Expansion [Electronic resource]. Madrid : Elcano Royal Institute, 2024. (ARI 88/2024). URL: <https://media.realinstitutoelcano.org/wp-content/uploads/2024/06/ari88-2024-urbasos-western-sanctions-on-icebreakers-stall-russias-arctic-lng-expansion.pdf> (accessed: 21.01.2026).

About the authors:

Konstantin S. Zaikov, Doctor of Science (History), Associate Professor, Head of the Department of Regional Studies, International Relations and Political Science, Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation);
e-mail: k.zaikov@narfu.ru; ORCID: 0000-0001-6479-416X

Ekaterina A. Novichkova, Master Student, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation);
e-mail: novichkovaekaterina1917@gmail.com; ORCID: 0009-0006-9079-364X

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Зайков К. С., Новичкова Е. А., 2026

Морские коммуникации в пространственной организации арктической версии «Большой игры»¹

Козьменко С. Ю.

ФИЦ «Кольский научный центр РАН», Апатиты, Российская Федерация

e-mail: fregat306@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3728-8357

РЕФЕРАТ

В статье анализируются роль и значение морских коммуникаций в пространственной организации арктической версии «Большой игры», основными акторами которой выступают Россия, Китай и США. «Большая игра» тоже выходит на новый уровень. Если в XIX в. сторонами противостояния были великие державы морского и континентального свойства, имеющие существенный опыт имперского развития, то сейчас на наших глазах разворачивается межконтинентальная (Америка — Евразия) арктическая версия «Большой игры» по оси меридиана сопряжения двух полушарий. Основой этой версии является достижение контроля над арктическими морскими коммуникациями для организации наиболее рациональных цепочек поставок по линии Америка — Азия. **Цель.** Обоснование позиционирования России в контурах стратегической инициативы «Сделаем Россию снова великой» на полях современной версии «Большой игры» в новых геополитических условиях развития концепции «Сделаем Америку снова великой» (Make America Great Again, MAGA) и заката глобального ультралиберального мирового порядка, основанного на «правилах». **Задачи.** Определить линии вероятного межконтинентального (Америки и Евразии) противостояния на морских коммуникациях Арктики по меридиану сопряжения двух полушарий. Уточнить и регламентировать возможности согласования военно-политической и экономической деятельности в Арктике. **Методология.** Стратегическое планирование в сочетании с инструментарием пространственной экономики и западной версии последней, известной как теория «новой экономической географии». Это позволяет обосновать значение морских коммуникаций в современной версии «Большой игры» и в динамике перспективного развития Российской Арктики. **Выводы.** На фоне реализации концепции MAGA в западном полушарии на полях современной (арктической) версии «Большой игры» создаются благоприятные условия для развития стратегической инициативы «Сделаем Россию снова великой» в восточном полушарии. Это будет способствовать ее гарантированному выходу в Северную Атлантику с черноморского и балтийского направлений, а также укреплению позиций в Северной Евразии и северном сегменте Индо-Пацифика.

Ключевые слова: Арктика, «Большая игра», концепция MAGA, инициатива «Сделаем Россию снова великой», Большая Евразия, Индо-Пацифика

Для цитирования: Козьменко С. Ю. Морские коммуникации в пространственной организации арктической версии «Большой игры» // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 2. С. 58–67. EDN: QNMCEA

¹ Работа выполнена в рамках темы FMEZ–2026–0029 «Научные основы развития энергетического, транспортного и рыбохозяйственного комплексов Западной Арктики РФ в современных условиях» по государственному заданию ФИЦ «Кольский научный центр РАН».

Maritime Communications in the Spatial Organization of the Arctic Version of the “Great Game”

Sergey Yu. Kozmenko

Kola Research Center of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russian Federation

e-mail: fregat306@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3728-8357

ABSTRACT

The article analyzes the role and importance of maritime communications in the spatial organization of the Arctic version of the “Great Game”, the main actors of which are Russia, China and the United States. The “Great Game” is also reaching a new level. If in the 19th century the parties to the confrontation were the great powers of the maritime and continental nature, having significant experience of imperial development, now the intercontinental (America — Eurasia) Arctic version of the “Great Game” is unfolding before our eyes along the meridian axis of the interface of the two hemispheres. The basis of this version is to achieve control over Arctic maritime communications in order to organize the most rational supply chains along the America — Asia line. **Aim.** Substantiation of Russia’s positioning in the contours of the strategic initiative “Let’s Make Russia Great Again” on the margins of the modern version of the “Great Game” in the new geopolitical conditions of the development of the MAGA (Make America Great Again) concept and the decline of the global ultra-liberal world order based on “rules”. **Tasks.** To determine the lines of probable intercontinental (America and Eurasia) confrontation on the Arctic sea communications along the meridian of the interface of the two hemispheres. To clarify and regulate the possibilities of coordinating military, political and economic activities in the Arctic. **Methods.** Strategic planning combined with the tools of spatial economics and the Western version of the latter, known as the theory of “new economic geography”. This makes it possible to substantiate the importance of maritime communications in the modern version of the “Great Game” and in the dynamics of the prospective development of the Russian Arctic. **Conclusions.** Against the background of the implementation of the MAGA concept in the western hemisphere, favorable conditions are being created in the fields of the modern (Arctic) version of the “Great Game” for the development of the strategic initiative “Let’s Make Russia Great Again” in the eastern hemisphere. This will contribute to its guaranteed access to the North Atlantic from the Black Sea and Baltic directions, as well as strengthen its position in Northern Eurasia and the northern segment of the Indo-Pacific.

Keywords: The Arctic, the “Great Game”, the MAGA concept, the “Make Russia Great Again” initiative, Greater Eurasia, Indo-Pacifica

For citation: Kozmenko S. Yu. Maritime Communications in the Spatial Organization of the Arctic Version of the “Great Game” // *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 58–67. (In Russ.) EDN: QNMCEA

Введение

Сложившиеся за долгие годы в сознании образы «властелинов моря» и «повелителей суши» [1], претендующих на мировое господство в геополитической «Большой игре», символизируют единство и противоположность морского и континентального начала в динамике мирового развития. При этом критерием определения стратегической позиции суверенного государства на геополитическом атласе современного мира является уровень доминирования либо морской силы [8, с. 271; 9, с. 575, 605; 14], либо земной массы [11; 12; 13¹], последняя воплощается в понятии «сердцевинной земли» (Heartland) и здесь (по Х. Макиндеру) геополитическая максима такова: кто владеет «сердцевинной землей», то есть доминирует, имеет гарантированный доступ к пространству и ресурсам Heartland, тот владеет

¹ Русский перевод: Макиндер Х. Круглая Земля и обретение мира [Электронный ресурс] // «Космополис». 2007. № 16. URL: <https://intelros.ru/?newsid=357&ysclid=mpbdcwci2947750284> (дата обращения: 18.05.26).

Мировым островом (Евразией как материком), а кто владеет Мировым островом, тот владеет миром. Географически Heartland охватывает северную и внутреннюю части материка Евразии, простирается на юг от арктического побережья до срединных пустынь, и широкий перешеек между Балтийским и Черным морями образует его западные пределы. Следовательно, это «огромнейшая естественная крепость на земле» [13, с. 195–197] и, как понятие и представление, «обеспечивает достаточный физико-географический базис для стратегической мысли» [Там же, с. 201]. Х. Макиндер, вспоминая свое детство (1870-е гг.), писал, что тогда «еще никто не оспаривал господства Британии над океаном, и единственную опасность для своей заморской империи она видела в это время в азиатском курсе [position] России... Британская морская мощь и российская сухопутная мощь твердо владели центром международно-политической сцены» [Там же].

Развитие современной арктической версии «Большой игры»

Модернизация доктрины Монро в современных реалиях глобального либерального проекта, реализация которого под эгидой США стала действительно реальной после окончания холодной войны и приобщения России к этому процессу, означает развитие геополитической эпопеи «Большая игра» в Арктике.

Справедливости ради следует отметить, что сторонами «Большой игры» являются великие державы, суверенные государства, имеющие существенный (вековой и более) опыт имперского развития (об этом см. подробнее [4]). США наряду с Россией являются ключевыми игроками «Большой игры», в том числе и в арктической версии. С позиций современной глобальной геополитики [2; 3] в версию «Большой игры» следует также включать Индию и Китай, позиционирующих себя как «приарктические государства», Великобританию — как «ближайшего соседа Арктики», и Объединенные Арабские Эмираты, которые реализуют собственную полярную стратегию.

Также наглядный пример интенсификации сотрудничества государств — членов БРИКС, направленного на развитие логистики в Арктике, позволит России диверсифицировать экспорт углеводородного сырья. Более того, как отмечают специалисты, «сфера логистики, как и сфера борьбы с происходящими в регионе климатическими изменениями, является общим интересом для большинства членов БРИКС» [10, с. 81].

В рамках БРИКС основной тренд развития «Большой игры» задают Россия, Индия, Китай (РИК) как геостратегический треугольник конвергенции интересов этих стран, направленных на обеспечение евразийской безопасности, а также США и «Сообщество единой судьбы» и Индо-Пацифика¹.

В последние годы в США набирает обороты процесс отмены глобализации и лидерства страны в динамике мирового развития. Америка сосредоточивается на значимости и ценности национальных интересов собственной страны. Это является центральной идеей концепции MAGA (Make America Great Again, «Сделаем Америку снова великой»).

Основные направления современного развития этих двух великих держав изложены в Стратегии национальной безопасности Соединенных Штатов Америки (ноябрь 2025 г.²) и Концепции внешней политики Российской Федерации (март 2023 г.³); функциональные доминанты этих документов явно пересекаются в Арктике, особенно в проблематике контроля над морскими коммуникациями региона.

Концепция MAGA в русле доктрины Монро подтверждает сложившуюся геополитическую традицию поддержания лидерства США как в Западном полушарии, так и в общемировом масштабе посредством, во-первых, доминирования США на морских коммуникациях, особенно в критически значимых регионах, что означает обязательный контроль над проливами, соединяющими крупные морские бассейны —

¹ Кортунюв А. Индо-Пацифика или Сообщество единой судьбы? [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indo-patsifika-ili-soobshchestvo-edinoj-sudby/> (дата обращения: 04.05.2026).

² Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов Америки, ноябрь 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://pda.warandpeace.ru/ru/reports/view/203664/> (дата обращения: 27.01.2026).

³ Концепция внешней политики Российской Федерации. Указ Президента РФ № 229, 31.03.2023 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/copy/70811> (дата обращения: 27.01.2026).

океаны, то есть обязательно «иметь ключи» от проливов. Это достигается силами одиннадцати авианосных ударных групп ВМС США, которые явно или неявно (гибридно) обеспечивают мировой баланс сил в пользу США часто даже без применения оружия, а всего-то посредством демонстрации силы и флага в критических акваториях¹. Это сопровождается проведением квалифицированных информационных компаний всеми доступными СМИ.

Во-вторых, обеспечение лидирующей конкурентной позиции доллара в мировых хозяйственных комбинациях и его присутствие в золотовалютных резервах в странах, способствующих обеспечению национальной безопасности США. Одной из задач концепции является увеличение этого показателя: в начале 2000-х гг. доля доллара в совокупных мировых резервах составляла 62%, а в 2025 г. только 40%. Здесь понятно, что «ключи от доллара» были получены по результатам Бреттон-Вудской конвенции 1944 г. и явились своего рода призом победителя во Второй мировой войне. А поскольку с 1972 по 2024 г. (9 июля 2024 г. закончился срок договора о продаже нефти Саудовской Аравией исключительно за доллары) существовала система нефтедоллара, то нефть превратилась в третью точку опоры мирового доминирования США, а после 2024 г. повысилась актуальность геополитического и экономического присутствия США в нефтедобывающих странах Персидского залива, Венесуэле и др. [6].

Задачи концепции MAGA предполагают наличие проамериканских элит в критических точках по первой и третьей позициям. Таким образом, все происходящее в Венесуэле («нефть-элита») полностью соответствует логике концепции MAGA, которая была запущена в ходе предвыборной кампании 2023–2024 гг. и усилилась в дальнейшем. В это время в американской прессе появились статьи типа “Make Greenland Great Again” и “Make Arctic Great Again”, в которых обосновывается американская территориальная экспансия в Гренландии и Канаде, из чего создается впечатление, что США собираются контролировать Северный полюс². Конечно, на севере Западного полушария, входящего в сферу влияния США, простирается Западная Арктика с арктическими коммуникациями, в том числе Центральным фарватером, проходящим севернее широты 82°N. Эти коммуникации (Северо-Восточный, включающий Северный морской путь, и Северо-Западный проходы) вместе с Панамским каналом соединяют северные акватории Атлантического и Тихого океанов, на побережьях которых на востоке и западе США сосредоточено более 80% американской экономики. И «ключи от этих коммуникаций и арктических проливов», по логике концепции MAGA и доктрины Монро, должны быть у США. К тому же напомним, что на юге Западного полушария у южной оконечности Америки, то есть в сфере влияния США, существуют еще два пролива — Магелланов и Дрейка. Так что можно ожидать усиления активности США на островах архипелага Огненная Земля.

Доминирующая риторика в современной геополитике США MAGA: провести ревизию «хозяйства» Западного полушария и предпринять серию гибридных операций для того, чтобы «получить ключи» от критически значимых для национальной безопасности США территорий, объектов и активов. В общем, *business as usual* (все как обычно). Вполне понятно и осязаемо, что контрольная связка всех ключей должна храниться у хозяина. При этом «мы (американцы. — С. К.) не позволим конкурентам из другого (восточного. — С. К.) полушария размещать войска или другие угрожающие возможности, а также владеть или контролировать стратегически важные активы в нашем полушарии»³. В этом состоит содержание следствия Трампа из доктрины Монро. Современная интерпретация доктрины Монро в контурах концепции MAGA на основании следствия Трампа не допускает не только доминирования каких-либо стран (кроме США) в Западном полушарии, но и проведения этими странами любой деятельности, не соответствующей национальным интересам США.

Что касается Гренландии, в концепции MAGA остров находится в Западном полушарии, а владеет этим островом, причем на не вполне понятных основаниях, маленькая Дания из восточного полушария.

¹ Новая морская реальность. Каковы будут последствия бесчинств йеменских хуситов? [Электронный ресурс] // Версия. 2024. № 10. С. 2. URL: <https://versia.ru/kakovy-budut-posledstviya-beschinstv-jemenskix-xusitov> (дата обращения: 04.05.2026).

² Чемодан без ручки: Украина в новой геополитической реальности [Электронный ресурс] // Аргументы недели. 2025. № 1. С. 6. URL: <https://argumenti.ru/politics/2025/01/933669> (дата обращения: 04.05.2026).

³ Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов Америки, ноябрь 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://pda.warandpeace.ru/ru/reports/view/203664/> (дата обращения 27.01.2026).

Это геополитический прецедент — «ключи от Гренландии» должны быть в США. И не более того. Никакого практического интереса даже для размещения системы противоракетной обороны (ПРО) этот остров не имеет.

Стратегия национальной обороны США (январь 2026 г.), «Восстанавливая мир посредством силы ради нового золотого века Америки»¹, планирует «обеспечить соблюдение доктрины Монро в наше время», при этом ключевыми районами Западного полушария от Арктики до Южной Америки названы Гренландия, Американский (Мексиканский) залив и Панамский канал², а также арктические проливы, в том числе Северо-Западный проход.

Таким образом, «Большая игра» выходит на новый уровень. Если раньше сторонами противостояния были великие державы морского и континентального свойства, то сейчас на наших глазах развивается межконтинентальная (Америка — Евразия) арктическая партия или даже противостояние в Арктике между Западным и Восточным полушариями.

Позиции России и США при определении границ полушарий

Следование духу доктрины Монро в современной интерпретации концепции MAGA непременно приведет к делимитации границ разграничения сферы влияния США (Западного полушария) и остального мира. Обычно, как показывает мировая практика, эта процедура проводится, что называется, «по согласованию сторон».

Поскольку Стратегия³ свидетельствует о снижении заинтересованности США в политической и экономической деятельности как в Европе, так и в Африке, которые по существу являются частью «большого острова», то есть принадлежат к континентальной цивилизации в терминологии «Большой игры», то восточная демаркационная линия Западного полушария пройдет скорее всего по меридиану 10°W, оставив Европу и Африку на востоке. При этом в Западном полушарии окажутся как Гренландия с Исландией, так и Азорский архипелаг с островами Зеленого мыса.

Далее посмотрим на восток. Географически восточное полушарие ограничено на востоке меридианом 180°O и W, западная и восточная долгота совмещаются. К востоку от этого меридиана в Западном полушарии остаются Берингов пролив, Чукотский полуостров и Чукотское море, остров Врангеля, Геральд и другие острова Чукотского моря, а также как минимум половина Берингова моря. Кроме того, там же окажется российская территория к западу от Берингова пролива протяженностью в (180 – 169) × 47,2 (длина дуги параллели в 1° на широте Берингова пролива). Итого порядка 520 км. Если западную границу Западного полушария отнести еще на 10° к западу, то «потери» российской территории могут увеличиться на 10 × 47,2 = 472 км, всего 1000 км плюс порт Певек и часть Восточно-Сибирского моря; при таком раскладе Берингово море оказывается внутренним американским морем. Таким образом, при соприкосновении концепции MAGA и стратегической инициативы «Сделаем Россию снова великой» региональный конфликт, видимо, обеспечен. Берингов пролив и Берингово море представляют не столько экономический интерес с позиции владения природными ресурсами континентального шельфа последнего, сколько возможность «получить ключи» от «ворот в Арктику» со стороны Тихого океана. При этом вторые ворота (Фареро-Исландский порог, зона разграничения пространства Атлантического и Северного Ледовитого океанов) также находятся в Западном полушарии в районе Гренландии. При наличии контроля Америки над обоими входами велик соблазн «запереть» российский флот в бескрайних ледовых просторах Арктики.

Гипотетическое доминирование США в Гренландии дает возможность участвовать в разделе арктического континентального шельфа, в частности, подводного хребта Ломоносова площадью 1800 км²,

¹ Стратегия национальной обороны США. Восстанавливая мир посредством силы ради нового золотого века Америки [Электронный ресурс]. 26.01.2026. URL: <https://inosmi.ru/20260126/strategiya-276812978.html?ysclid=mkz1w0xe88218608652> (дата обращения 29.01.2026).

² Доктрина Монро официально вступила в силу [Электронный ресурс] // Аргументы недели. 2026. № 3. С. 2. URL: <https://argumenti.ru/politics/2026/01/984463> (дата обращения: 04.05.2026).

³ Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов Америки, ноябрь 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://pda.warandpeace.ru/ru/reports/view/203664/> (дата обращения: 27.01.2026).

который простирается между российскими и гренландскими берегами. А продолжением какой континентальной окраины является этот хребет — евразийской или североамериканской, можно спорить до бесконечности.

Отдельный вопрос — Северный морской путь (СМП), который является частью Северо-Восточного прохода. СМП определяется Россией как национальная морская транспортная магистраль, а на Западе пытаются закрепить за этим маршрутом международный статус, называя Северо-Восточный проход «Трансарктическим торговым коридором»¹.

Следует отметить, что пройти морем из Атлантического океана в Тихий северным путем можно двумя базовыми маршрутами: западным (Северо-Западный проход) и восточным (Северо-Восточный проход, включающий СМП). Кратчайшее расстояние между линией слияния Атлантического и Северного Ледовитого океанов (Фареро-Исландский порог, около 60°N; 10°W) и Берингова пролива (60°N; 169°W) в среднем по широте обеих точек составляет в западном варианте $(169 - 10) \times 47,2 = 7500$ км, а в восточном $(10 + 180 + 11) \times 47,2 = 9500$ км.

Однако, несмотря на большую 2000-километровую протяженность, восточный маршрут представляется более предпочтительным ввиду обеспеченности системами безопасности и инфраструктурой мореплавания, особенно в современных условиях глобального потепления. Однако это климатическое преимущество не постоянно. Авторский комментарий по вопросу обоснования цикличности образования/таяния арктического льда в пределах актуальных горизонтов планирования представлен в [7, с. 151–153].

Региональные приоритеты внешней политики России и США

Последнее десятилетие привнесло существенные изменения во внешнюю политику России, которые воплотились в логике и смыслах специальной военной операции (СВО). За этот период концепции внешней политики России принимались дважды — в 2016² и 2023³ гг. В авторской статье [5] показано принципиальное отличие Концепции-2023, которая впервые определяется документом стратегического планирования⁴, то есть по существу выводит Россию из однополярного глобального либерального проекта и сложившегося после окончания холодной войны порядка, основанного на правилах, в сферу осознания и защиты собственных национальных интересов. Россия, имеющая более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности и практически трехсотлетний период имперского развития, сегодня представляет собой, как это признано официально на государственном уровне, по существу государство-цивилизацию, обширную евразийскую и евро-тихоокеанскую державу⁵, которая может выступать в качестве одного из суверенных центров мирового развития⁶. По существу, современная внешняя политика России встраивается в реализацию стратегической инициативы «Сделаем Россию снова великой».

В обеих концепциях наиболее приоритетным (первым из десяти) региональным направлением внешней политики являются соседние с Россией государства. В Концепции-2016 это были страны СНГ, а в Концепции-2023 — страны ближнего зарубежья, связанные с Россией многовековыми традициями совместной государственности, что существенно. Это, по логике Концепции-2023, как республики бывшего СССР, включая страны Балтии, так и Финляндия с Польшей как части Российской империи. К этой категории можно отнести страны междуречья Вислы и Эльбы, которые вместе с Россией и другими странами образуют Евразию, или «сердцевинную землю» — Heartland, способную конкурировать с Америкой за доминирование на геополитическом атласе современного мира.

¹ Военный Арктический совет Ассоциации Севморпути [Электронный ресурс] // Аргументы недели. 2026. № 3. С. 4. URL: <https://argumenti.ru/politics/2026/01/984465> (дата обращения: 04.05.2026).

² Концепция внешней политики Российской Федерации. Указ Президента РФ № 640. 30.11.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 20.09.2023).

³ Концепция внешней политики Российской Федерации. Указ Президента РФ № 229. 31.03.2023 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/copy/70811> (дата обращения: 27.01.2026).

⁴ Там же, п. 1.

⁵ Там же, п. 4.

⁶ Там же, п. 5.

Следует отметить, что среди приоритетов Концепции-2023 на второй позиции находится Арктика как региональное пространство актуальной версии «Большой игры», сторонами которой в недалеком будущем станут США и страны Западного полушария, а также Россия и страны Евразии, несмотря на то, что по значимости в Концепции-2023 США находятся только на девятой (из десяти) позиции, а страны Латинской Америки — на седьмой, на одну позицию выше Евросоюза и НАТО (восьмая позиция). Региональные направления внешней политики России, непосредственно не участвующие в арктической версии «Большой игры» располагаются так: 3-я позиция — Евразия (Китай и Индия), далее (4-я) страны Азиатско-Тихоокеанского региона и члены блока АСЕАН, 5-я — Исламский мир, 6-я и 10-я позиции — Африка (ЮАР и Египет) и Антарктида.

Приоритеты внешней политики США определяются по-прежнему интерпретацией доктрины Монро, но с учетом концепции MAGA. Основные направления этой политики представлены в Стратегии национальной безопасности США¹, основными принципами которой являются: целенаправленное определение национальных интересов; мир через силу; предрасположенность к невмешательству; гибкий реализм; верховенство наций; суверенитет и уважение; баланс сил; поддержка американских рабочих; справедливость, а также компетентность и заслуги.

Центральным для деятельности США сегментом на геополитическом атласе мира является Западное полушарие² — это пространство призвано (доктрина Монро в современной интерпретации) обеспечивать национальные интересы США как «у себя дома», то есть на внутреннем контуре, чем следует заниматься постоянно, вдумчиво и скрупулезно, так и на внешнем контуре — только в случаях возникновения угрозы национальной безопасности страны. В стратегии Западное полушарие именуется «нашим», то есть американским³. Для этого США усиливают военное присутствие на этом региональном направлении посредством корректировки американского глобального военного присутствия, в т. ч. береговой охраны и военно-морского флота, для контроля над морскими коммуникациями Западного полушария в целях пресечения нежелательной миграции и транзита запрещенных веществ, а также намерено предотвращать доминирование на морских коммуникациях представителей Восточного полушария.

Региональные направления внешней политики России и США в целом ожидаемо совпадают. США планируют взаимодействовать с Азией (Евразия как континент не выделяется) в плане обеспечения экономического будущего и предотвращения военной конфронтации по принципу «лидерства с позиции силы», а также с Европой (США не рассматривает Евросоюз в качестве субъекта внешней политики) по логике “Make Europe Great Again” на основе дружественных США развитых стран (это традиционно Великобритания и Ирландия), а также государств, способных по уровню военно-политического и экономического развития быть партнерами США.

Целью США в этом регионе является «предоставление Европе возможности твердо стоять на ногах и действовать как группа объединенных суверенных государств, в том числе взяв на себя основную ответственность за собственную оборону, не находясь под влиянием какой-либо внутренней противоборствующей силы»⁴. При этом необходимо положить конец восприятию НАТО как постоянно расширяющегося альянса и предотвратить этот процесс в реальности.

Следует подчеркнуть, что отношения США и России Стратегия национальной безопасности США⁵ рассматривает только сквозь призму украинского конфликта и видит приоритеты России только в сфере ядерной энергетики, особенно в области Стратегических ядерных сил (СЯС).

Кроме того, среди региональных направлений внешней политики США выделяются Ближний Восток и Африка. Там все как обычно. Однако стратегия⁶, как и Концепция внешней политики Российской

¹ Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов Америки, ноябрь 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://pda.warandpeace.ru/ru/reports/view/203664/> (дата обращения: 27.01.2026).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Федерации¹, не уделяют должного внимания ни России, ни США, хотя последние и являются уже долгие годы постоянными участниками «Большой игры», двумя великими ядерными державами и победителями во Второй мировой войне.

Заключение

Логика концепции MAGA и максима «мир через силу» свидетельствуют о том непреложном факте, что с закатом глобального либерального проекта уходит в прошлое «дипломатия доллара», модернизированная доктрина Монро возвращает мир к уже забытой «дипломатии канонеров», которая в XXI в. превратилась в «дипломатию ядерного сдерживания». В терминологии «Большой игры» это звучит так: кто владеет СЯС, тот владеет миром. При этом отметим, что среди ядерных держав реальной мощью обладают только Россия и США, поскольку ядерное оружие мало иметь на складе, надо подтвердить характеристики последнего в ходе многочисленных полевых испытаний. Исходя из этих соображений существует мнение, что в основе нового мирового порядка будут стоять именно великие ядерные державы — США, Россия и, возможно, Китай².

США убирает свой «ядерный зонтик» от Европы. Поэтому, что ожидаемо (интервью С. Караганова Т. Карлсону³), Европа остается за Россией, цель которой «образумить» Европу. Желательно без применения даже тактического ядерного оружия.

Список литературы

1. *Ивашов Л. Г.* Геополитика русской цивилизации. Москва : Институт русской цивилизации, 2015. 800 с. EDN: XDCIJT
2. *Кефели И. Ф., Абылгазиев И. И., Ильин И. В.* [и др.] Глобальная геополитика : монография. 2-е изд. Москва : Изд-во МГУ. 2017. 280 с. ISBN: 978-5-19-011221-4.
3. *Кефели И. Ф., Малафеев О. А.* Математические начала глобальной геополитики. Санкт-Петербург : Изд-во Политехн. ун-та, 2013. 204 с. ISBN: 978-5-7422-4098-3. EDN: SJHSHF
4. *Козьменко С. Ю.* Морские и континентальные контуры геополитического статуса современной России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19. № 2 (52). С. 23–32. EDN: SCQHHQ
5. *Козьменко С. Ю., Козьменко А. С.* Новые условия развития «Большой игры» в Арктике и приоритеты актуальной концепции внешней политики России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17, № 4 (46). С. 52–61. EDN: MXZXOV. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-04-52-61
6. *Козьменко С. Ю., Козьменко А. С.* Планирование развития арктических морских коммуникаций в эпоху гибридной войны // Арктика и Север. 2025. № 59. С. 44–62. EDN: ТААНMS. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2025.59.44
7. *Козьменко С. Ю., Козьменко А. С.* Планирование экономического присутствия России в Арктике // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2024. Т. 27, № 2 (84). С. 146–157. EDN: YPLFCB. DOI: 10.37614/2220-802X.2.2024.84.011
8. *Колумб Ф.* Морская война, ее основные принципы и опыт / рус. пер. Н. П. Азбелева. Москва, Санкт-Петербург : Terra Fantastica. 2003. 668 с. ISBN: 5-17-016752-0.
9. *Мэхэн А. Т.* Влияние морской силы на французскую революцию и Империю / пер. Н. Л. Кладо, в 2-х томах. Москва, Санкт-Петербург : Terra Fantastica. 2002.

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Указ Президента РФ № 229. 31.03.2023 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/sovy/70811> (дата обращения: 27.01.2026).

² Дух Анкориджа испустил дух? Что происходит в российско-американских отношениях, и как Россия, США и Китай разделили мир между собой [Электронный ресурс] // Версия. 2026. № 1. С. 6–7. URL: <https://versia.ru/chto-proisxodit-v-rossijsko-amerikanskix-otnosheniyax-i-kak-rossiya-ssha-i-kitaj-razdelili-mir-mezhdu-soboj> (дата обращения: 04.05.2026).

³ *Крымский В.* Принуждение к боли. Есть мнение, что по Европе нужно нанести упреждающий ядерный удар — а стоит ли оно того? [Электронный ресурс] // Версия. 2026. № 3. С. 2. URL: <https://versia.ru/est-mnenie-chto-po-evrope-nuzhno-nanesti-uprezhdajushhij-yadernyj-udar-a-stoit-li-ono-togo> (дата обращения: 04.05.2026).

10. Стрельникова И. А., Майоров М.Г., Попов Д. И. Расширение БРИКС: последствия для арктического сотрудничества в сфере логистики // Анализ и прогноз. 2024. № 3. С. 71–82. EDN: FGFWBI. DOI: 10.20542/afij-2024-3-71-82
11. Mackinder H. J. *Democratic Ideals and Reality*. New York : Henry Holt and Co., 1942. (First published in 1919). National Defense University Press Publications, Washington, DC, 1996. 213 p.
12. Mackinder H. J. The Geographical Pivot of History // *The Geographical Journal*. 1904. Vol. 23, No. 4 (Apr., 1904). P. 298–321. DOI: 10.2307/1775498
13. Mackinder H. J. The Round World and the Winning of Peace // *Foreign Affairs*. Vol. 21, No. 4 (Jul., 1943). P. 595–605. DOI: 10.2307/20029780
14. Mahan A. T. *The Influence of sea Power upon History 1660–1783*. Boston : Little, Brown, and Company. 1890 / пер. Н. П. Азбелева. Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на историю. Москва, Санкт-Петербург : Terra Fantastica. 2002. 636 с.

Об авторе

Козьменко Сергей Юрьевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина — обособленное подразделение ФГБУН «Федеральный исследовательский центр КНЦ РАН» (Апатиты, Российская Федерация);
e-mail: fregat306@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3728-8357

References

1. Ivashov, L. G. *Geopolitics of Russian Civilization*. Moscow : Institute of Russian Civilization, 2015. 800 p. (In Russ.) EDN: XDCIJT
2. Kefeli, I. F., Abylgaziev, I. I., Ilyin, I. V. [et al.] *Global Geopolitics : monograph*. 2nd ed. Moscow : Publishing house of Moscow State University. 2017. 280 p. ISBN: 978-5-19-011221-4. (In Russ.)
3. Kefeli, I. F., Malafeev, O. A. *Mathematical Principles of Global Geopolitics*. St. Petersburg : Publishing house of the Polytechnic University, 2013. 204 p. ISBN: 978-5-7422-4098-3. (In Russ.) EDN: SJHSFH
4. Kozmenko, S. Yu. *Maritime and Continental Contours of the Geopolitical Status of Modern Russia // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2025. Vol. 19, No. 2 (52). P. 23–32. (In Russ.) EDN: SCQH HQ
5. Kozmenko, S. Yu., Kozmenko, A. S. *New Conditions for the Development of the “Great Game” in the Arctic and Priorities of the Current Concept of Russia’s Foreign Policy // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2023. Vol. 17, No. 4 (46). P. 52–61. (In Russ.) EDN: MXZXOB. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-04-52-61
6. Kozmenko, S. Yu., Kozmenko, A. S. *Planning the Development of Arctic Maritime Communications in the Era of Hybrid Warfare // Arctic and North*. 2025. No. 59. P. 44–62. (In Russ.) EDN: TAAHMS. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2025.59.44
7. Kozmenko, S. Yu., Kozmenko, A. S. *Planning Russia’s Economic Presence in the Arctic // North and Market: Formation of Economic Order*. 2024. Vol. 27, No. 2 (84). P. 146–157. (In Russ.) EDN: YPLFCB. DOI: 10.37614/2220-802X.2.2024.84.011
8. Colomb, F. *Naval Warfare, Its Basic Principles and Experience / transl. by N. P. Azbelev*. Moscow, St. Petersburg : Terra Fantastica. 2003. 668 p. ISBN: 5-17-016752-0. (In Russ.)
9. Mahan, A. T. *The Influence of Naval Power on the French Revolution and the Empire / transl. by N. L. Klado*, in 2 vol. Moscow, St. Petersburg : Terra Fantastica. 2002. (In Russ.)
10. Strelnikova, I. A., Mayorov, M. G., Popov, D. I. *BRICS Expansion: Implications for Logistics Cooperation in the Arctic // Analysis and Forecasting*. 2024. No. 3, P. 71–82. (In Russ.) EDN: FGFWBI. DOI: 10.20542/afij-2024-3-71-82
11. Mackinder, H. J. *Democratic Ideals and Reality*. New York : Henry Holt and Co., 1942. (First published in 1919). National Defense University Press Publications, Washington, DC, 1996. 213 p.

12. Mackinder, H. J. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. 1904. Vol. 23, No. 4 (Apr., 1904). P. 298–321. DOI: 10.2307/1775498
13. Mackinder, H. J. The Round World and the Winning of Peace // Foreign Affairs. Vol. 21, No. 4 (Jul., 1943). P. 595–605. DOI: 10.2307/20029780
14. Mahan, A. T. The Influence of Sea Power upon History 1660–1783. Boston : Little, Brown, and Company. 1890 / transl. by N. P. Azbelev. Moscow, St. Petersburg: Terra Fantastica, 2002. 636 p.

About the author:

Sergey Yu. Kozmenko, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, G. P. Luzin Institute of Economic Problems, separate division of the Federal Research Center of the Kola Science Center of the Russian Academy of Science (Apatity, Russian Federation);
e-mail: fregat306@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3728-8357

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Козьменко С. Ю., 2026

Коридор «Север — Юг» в формирующемся мироустройстве: транспортный и туристический потенциал взаимодействия России со странами Глобального Юга¹

Санин А. Ю.¹, Кулаковская В. А.^{2,*}

¹ Государственный океанографический институт имени Н. Н. Зубова, Росгидромет, Москва, Российская Федерация

² Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, Москва, Российская Федерация

* e-mail: kulakovskayava@imemo.ru

ORCID: 0000-0001-6463-6858

РЕФЕРАТ

В условиях усиления внешнеэкономического и геополитического разворота России на Восток возрастает значение развития транспортных маршрутов, связывающих Россию со странами Глобального Юга, среди которых особое место занимает международный транспортный коридор «Север — Юг». Его развитие способно внести существенный вклад как в увеличение входящего туристического потока, так и в адаптацию России к усилению роли стран Южной Азии и Африки в мировой экономической системе. **Цель.** Обоснование необходимости освоения потенциала коридора «Север — Юг» для развития транспортных перевозок и укрепления социально-культурных, в частности, туристических связей между Россией и странами Ближнего Востока, а также анализ факторов, сдерживающих его развитие. **Методология:** системный подход, исторический анализ, методы логического анализа и синтеза, пространственный анализ и картографический метод. **Результаты.** Выявлены наиболее перспективные виды туризма, способные привлечь иностранных рекреантов на Северный Кавказ и в Россию в целом, среди которых выделяются горнолыжный, бальнеологический, железнодорожный и круизный туризм. **Выводы.** Транспортный коридор «Север — Юг» обладает значительным потенциалом для кратного увеличения как объемов транзитных перевозок, так и входящих туристических поездок. Рост числа последних имеет важное значение для достижения целевых показателей, закрепленных в стратегических документах развития туристической отрасли Российской Федерации. Развитие коридора «Север — Юг» также будет способствовать укреплению социальных и культурных связей между Россией и странами Ближнего Востока в условиях современных геополитических трансформаций.

Ключевые слова: коридор «Север — Юг», туризм, виды туризма, Северный Кавказ, транзитные перевозки, транспортная система

Для цитирования: Санин А. Ю., Кулаковская В. А. Коридор «Север — Юг» в формирующемся мироустройстве: транспортный и туристический потенциал взаимодействия России со странами Глобального Юга // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 2. С. 68–80. EDN: QORSCX

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

The North–South Corridor in the Emerging World Order: Transport and Tourism Potential for Russia’s Interaction with Countries of the Global South

Alexander Yu. Sanin^a, Valentina A. Kulakovskaya^{b, *}

^aZubov State Oceanological Institute, Roshydromet, Moscow, Russian Federation

^bPrimakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

* e-mail: kulakovskayava@imemo.ru

ORCID: 0000-0001-6463-6858

ABSTRACT

In the context of Russia’s growing foreign economic and geopolitical reorientation toward the East, the development of transport routes connecting Russia with the countries of the Global South is becoming increasingly important, among which the International North–South Transport Corridor (INSTC) occupies a special position. Its development can make a substantial contribution both to the growth of inbound tourism flows and to Russia’s adaptation to the increasing role of South Asian and African countries within the global economic system. **Aim.** The study aims to substantiate the necessity of unlocking the potential of the North-South Transport Corridor for the development of freight transportation and the strengthening of socio-cultural, particularly tourism-related, ties between Russia and the countries of the Middle East, as well as to analyze the factors constraining its development.

Methods. The methodological framework of the study is based on a systems approach, historical analysis, methods of logical analysis and synthesis, spatial analysis, and cartographic methods. **Results.** The study identifies the most promising types of tourism capable of attracting foreign visitors to the North Caucasus and Russia as a whole, including ski tourism, balneological tourism, railway tourism, and cruise tourism. **Conclusions.** The North-South Transport Corridor possesses significant potential for a multiple increase in both transit freight volumes and inbound tourist flows. The growth of the latter is essential for achieving the target indicators established in the strategic development documents of the Russian tourism sector. The development of the North-South Transport Corridor will also contribute to strengthening social and cultural ties between Russia and the countries of the Middle East amid ongoing geopolitical transformations.

Keywords: North–South Transport Corridor, tourism, types of tourism, North Caucasus, transit transportation, transport system

For citation: Sanin A. Yu., Kulakovskaya V. A. The North–South Corridor in the Emerging World Order: Transport and Tourism Potential for Russia’s Interaction with Countries of the Global South // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 68–80. (In Russ.) EDN: QORSX

Введение

На всех этапах исторического развития международный транспортный коридор (МТК) «Север — Юг» обладал значительным транспортным потенциалом, к которому в последние десятилетия добавилось развитие международного туризма. Однако в настоящее время транспортный и туристический потенциал коридора, в отличие от первых двух из трех выделенных авторами исторических этапов его развития, реализуется лишь в малой степени. Ограниченная реализация возможностей коридора «Север — Юг» обусловлена воздействием комплекса сдерживающих факторов, которые могут быть объединены в пять групп: экономические, политические, технологические, логистические и социальные. Раскрытие потенциала коридора возможно лишь при смягчении негативного воздействия всех выделенных групп факторов.

В последние десятилетия Китай активно развивает инициативу «Один пояс, один путь» [7; 8; 14; 17; 18], включающую несколько международных транспортных коридоров. В настоящее время ключевое значение среди них сохраняют морские маршруты, проходящие вдоль южного побережья Азии и далее либо вокруг Африки, либо через Суэцкий канал. Вместе с тем их использование осложняется сохраняющейся геополитической нестабильностью в ряде регионов. Интерес России заключается в том, чтобы как можно больше международных транспортных маршрутов частично или полностью проходили через ее территорию, что создает возможности для получения экономических выгод и способствует укреплению экономических и иных отношений между Россией, Китаем, Индией и другими государствами-партнерами.

Одним из таких направлений является коридор «Север — Юг». Он связывает европейскую часть России (а через нее и европейские страны) со странами Южной Азии, посредством морских коммуникаций — с Китаем и другими странами Восточной Азии. В модернизацию и развитие инфраструктуры коридора вкладываются значительные финансовые ресурсы¹.

Коридор «Север — Юг» включает как минимум три основных направления: морское — через Каспийское море, западное — через территорию Азербайджана, восточное — через Казахстан и страны Средней Азии. Коридор обладает значительным, однако в настоящее время недостаточно реализованным транспортным, туристическим и геополитическим потенциалом.

В связи с разворотом России на Восток и постановкой задач по привлечению иностранных туристов возрастает значение транспортного коридора «Север — Юг» как в экономическом и геополитическом, так и в рекреационном аспектах. По состоянию на май 2026 г. последствия обострения геополитической ситуации на Ближнем Востоке остаются до конца не определенными. Вместе с тем с высокой долей вероятности можно предположить, что одним из последствий станет дальнейший рост значимости сухопутных транспортных маршрутов, а также укрепление экономических связей между странами, расположенными в зоне функционирования коридора «Север — Юг», в условиях противодействия негативному воздействию внешних игроков.

Рекреационный потенциал коридора объясняется потенциально высокой туристической привлекательностью Поволжья, Центра и Юга России для жителей Ирана и Ближнего Востока в целом. Вместе с тем осведомленность иностранных туристов о возможностях отдыха в России остается ограниченной. Существенными сдерживающими факторами выступают транспортные и визовые ограничения, языковой барьер, а также сложившиеся представления и стереотипы о России, не всегда соответствующие действительности.

Туристический потенциал коридора «Север — Юг» заметно возрастает вследствие сокращения туристического потока из России в европейские страны [1], а также в связи с реализацией проекта «Каспийский кластер» в Республике Дагестан в рамках федерального проекта создания новых круглогодичных курортов «Пять морей и озеро Байкал»², завершение которого запланировано на 2035 г. Однако негативное влияние на развитие туристической инфраструктуры может оказать ускоренное снижение уровня Каспийского моря и его отступление, осложняющие создание новых объектов туристической инфраструктуры и функционирование уже существующих.

В исследовании авторами поставлены и решены следующие задачи:

- 1) выявить и охарактеризовать основные исторические этапы развития коридора «Север — Юг»;
- 2) выявить, охарактеризовать и типизировать факторы, сдерживающие развитие коридора, его транспортного и туристического потенциала, на основе чего разработать меры по снижению негативного воздействия каждой группы факторов;
- 3) выявить и охарактеризовать наиболее вероятные сценарии развития железнодорожных грузоперевозок в рамках коридора «Север — Юг»;
- 4) оценить туристический потенциал коридора «Север — Юг».

¹ Академик Глазьев С. Ю. о стратегическом проекте России «Большая Евразия» [Электронный ресурс] // Евразийский клуб. URL: <https://eurasian-club.com/akademik-glazev-s-yu-o-strategicheskom-proekte-rossii-bolshaya-evraziya-3752/> (дата обращения: 04.03.2025).

² Материалы совещания по вопросу создания федеральных круглогодичных курортов, 28.03.2024 [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73754> (дата обращения: 04.11.2025).

Функционирование транспортного коридора «Север — Юг» в разные исторические периоды: этапы развития коридора

Этап 1. «Из варяг в арабы». Один из двух ключевых торговых путей для Древней Руси.

Этап 2. Волжский путь. В XVI в. Россия присоединяет Казанское и Астраханское ханства и впервые берет под контроль значительную его часть. Несколько снижается его значение в результате получения Российской империей доступа к Балтийскому и Черному морям в XVIII в. (и в настоящее время через эти два моря идет более половины морских перевозок страны). К 1828 г. граница России была отодвинута на юг и стала примерно соответствовать современной границе Азербайджана и Ирана [10]. В результате путь фактически оказался под контролем только Российской империи и Персии, что облегчило использование коридора.

Этап 3. Современный. Начинается со второй половины XIX в. Первые десятилетия этапа характеризуются рядом важных событий: появляются железные суда, оснащенные двигателями, существенно большие по тоннажу, чем были до этого (еще в большей степени изменения коснулись морских судов, что снизило значение коридора), часть перевозок начали осуществляться по построенной до Баку железной дороге, в Каспийском регионе начинается добыча нефти, которая (вместе с нефтепродуктами) с тех пор составляет значительную долю перевозимых грузов.

Во времена Гражданской войны Волжский путь был ареной столкновений «красных» и «белых». Следует отметить и его роль в Великой Отечественной войне. Основным нефтедобывающим регионом в СССР в то время был Каспийский, и для перевозок он играл ключевую роль. Руководство Германии стремилось захватить месторождения и (или) сделать невозможными поставки нефти и нефтепродуктов для нужд Красной Армии и страны в целом. Победа в Сталинградской битве позволила ликвидировать угрозу перекрытия Волжского пути. Значение последнего было и в том, что по нему через Персию осуществлялось до 24% поставок военных грузов в рамках ленд-лиза [17; 18].

Важную роль коридор «Север — Юг» продолжал играть и после Великой Отечественной войны. К 1983 г. объем торговли между СССР и Ираном достиг 5 млн т [Там же]. Большая часть перевозок проходила по железной дороге через Азербайджанскую и Армянскую ССР и погранпункт Джульфа на территории современной Нахичеванской автономной республики Азербайджана. По этому же маршруту следовал пассажирский поезд Москва — Тегеран; в советское время в основном по нему перевозили бумагу из Финляндии, следовательно, СССР имел возможность некоторого заработка на транзите.

После распада СССР из-за конфликта Азербайджана и Армении данная железная дорога перестала функционировать, что сделало сквозные железнодорожные перевозки через Закавказье невозможными и резко снизило объемы перевозок по транспортному маршруту в целом. Политический фактор, в частности отношения между странами, через которые проходит коридор, начинает в значительной мере сдерживать его развитие.

Оценки транспортного потенциала коридора «Север — Юг»

Потенциал железнодорожных перевозок по коридору «Север — Юг» оценивается не менее чем в 25–27 млн т [Там же]. Существуют и более оптимистичные прогнозы: объем грузоперевозок только по железной дороге Махачкала — Бандер — Аббас к 2030 г. может достигнуть 40–45 млн т грузов в год [Там же], тогда как совокупный объем перевозок по коридору в целом в случае модернизации 11 «узких мест» способен составить 80–100 млн т [9]. Более детализированный перечень «узких мест», касающихся не только непосредственно коридора, но и сопряженной с ним транспортной инфраструктуры, представлен специалистами Евразийского банка развития¹. Однако, по мнению аналитиков N-Trans Lab, ключевым ограничением остается необходимость строительства новой электрифицированной железной

¹ Международный транспортный коридор «Север — Юг»: инвестиционные решения и мягкая инфраструктура [Электронный ресурс] // Евразийский банк развития. URL: https://vinokurov.info/wp-content/uploads/2022/10/edb_2022_report-2_instc_rus.pdf (дата обращения: 24.05.2026).

дороги на территории Ирана с использованием колеи российского стандарта — 1520 мм. Реализация данной инициативы является наиболее дорогостоящим проектом среди рассматриваемых и потребует инвестиций в размере 15 млрд долл. США¹. При этом представляются маловероятными риски недостаточной загрузки коридора товарами для перевозки, что обусловлено значительным объемом товарооборота между Россией и Китаем, тенденцией к его дальнейшему росту, увеличением объемов торговли с Индией, а также современными геополитическими условиями. Некоторые аналитики обоснованно рассматривают коридор «Север — Юг» в качестве частичной альтернативы восточному маршруту через Сибирь при осуществлении торговли с КНР.

Неоднократно предлагались радикальные способы модернизации коридора, включая создание водного канала через территорию Ирана между Персидским заливом и Каспийским морем, а также строительство канала, соединяющего Каспийское и Черное моря на юге России.

Китай осуществляет масштабные инвестиции в международные инфраструктурные проекты, представляющие для него стратегический интерес, в том числе в рамках инициативы «Один пояс, один путь». В 2019 г. накопленный объем инвестиций Китая в страны — участницы проекта превысил 110 млрд долл. США, что составляет порядка 40% прямых иностранных инвестиций Китая [6]. При этом ориентировочная стоимость строительства канала через территорию Ирана оценивается в десятки млрд долл. США². Прямой интерес России и стран Ближнего Востока, особенно на фоне начавшегося в 2026 г. геополитического конфликта в регионе, состоит в привлечении части этих инвестиций на приемлемых условиях [12].

Объем экспорта в Иран, Индию, Пакистан, страны Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии — целевые для России страны, тяготеющие к коридору, — составил в 2023 г. 225 млн т. Объем импорта из указанных стран в том же году достиг 8 млн т³. Следовательно, достижение объемов перевозок на уровне 80–100 млн т в случае модернизации инфраструктуры представляется вполне реалистичным, особенно с учетом объемов торговли с Китаем (47 млн т в 2025 г.⁴).

Современное состояние коридора «Север — Юг» и факторы, сдерживающие его развитие

МТК «Север — Юг» не противоречит широтным транспортным коридорам, а напротив, может дополнить и укрепить их [3; 6; 7; 11; 15].

В долгосрочной перспективе роль «мировой фабрики» товаров и «главного драйвера мировой экономики» вместе с Китаем (или даже вместо Китая) может начать играть Индия, ожидается увеличение роли Африки [4; 19]. Так, в 2018 г. на первое место в мире по темпам экономического роста вышла Эфиопия (благодаря копированию китайских методов управления) [6]. В настоящее время Южная Азия и Африка весьма привлекательны для транснациональных компаний в связи с дешевой рабочей силой и наличием многих видов природных ресурсов. Создание транспортной инфраструктуры в рамках коридора «Север — Юг» позволит расширить взаимодействие с этими растущими рынками. В недавнем прошлом роль «мировой фабрики» вместо стран Запада начали играть Китай и другие страны Восточной Азии. Инфраструктура России, в частности, портовая и железнодорожная, оказалась не совсем готова к таким глобальным изменениям, ее модернизация происходила и продолжается сейчас скорее «по их факту», а не «для подготовки к ним». В случае с будущим Африки (с ее огромным ресурсным и демографическим потенциалом), Индии и всей Южной Азии коридор «Север — Юг» предоставляет возможность нашей стране «сыграть на опережение».

¹ Поколейческий конфликт [Электронный ресурс] // АО «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6663745> (дата обращения: 24.05.2026).

² Строительство канала из Каспия в Персидский залив: Иран согласен, а Россия? [Электронный ресурс] // RCMM. URL: <https://rcmm.ru/dorozhnoe-stroitelstvo/25302-stroitelstvo-kanala-iz-kaspiya-v-persidskiy-zaliv-iran-soglasen-a-rossiya.html> (дата обращения: 08.11.2025).

³ «Из варяг в персы»: перспективы развития МТК «Север — Юг» [Электронный ресурс] // NTransLab. URL: <https://ntranslab.ru/analytic/doklady/iz-varyag-v-persy-perspektivy-razvitiya-mtk-sever-yug/> (дата обращения: 04.03.2026).

⁴ В 2025 году товарооборот России и Китая вырос более чем на 3% [Электронный ресурс] // ФГБУ «Редакция “Российской газеты”». URL: <https://rg.ru/2026/05/18/v-2025-godu-tovarooborot-rossii-i-kitaya-vyros-bolee-chem-na-3.html> (дата обращения: 24.05.2026).

Развитие перевозок в Евразии в меридиональном направлении в целом и по коридору «Север — Юг» в частности может привести к формированию так называемого «транспортного креста» их маршрутов, проходящих в широтном (в том числе Транссибирская магистраль и ее продолжение в Европе) и меридиональном направлении. Интерес России состоит в том, чтобы такой «крест» полностью или частично сформировался на ее территории, например, в Поволжье [18] или на Урале, что будет способствовать развитию транспортных центров, которые станут его «узлами».

Результаты и их обсуждение

Россия и Иран имеют общие геополитические, экономические интересы, важнейшие из них перечислены в табл. 1 [16].

Таблица 1

Общие интересы России и Ирана и возможная роль коридора «Север — Юг» в их реализации
 Table 1. Shared interests of Russia and Iran and the potential role of the North — South Corridor in their realization

Общий интерес государств	Возможная роль коридора в его реализации
Новые пути для ввоза импортных товаров	Россия может завозить товары из Индии, Китая и Восточной Азии в целом, Юго-Восточной Азии, Африки и других регионов мира. Иран может ввозить российские и европейские товары, а также из Китая и Восточной Азии
Новые пути для вывоза экспортных товаров	По коридору возможна транспортировка товаров из России и стран-партнеров на Ближний Восток, в Африку, Южную и Восточную Азию
Снижение негативного влияния санкций Запада	Вклад в решение задач по организации так называемого «параллельного импорта»
Рост доходной части бюджетов стран	Активизация внешней торговли, что позволит увеличить экспортные поступления и налоговые отчисления
Минимизация геополитических рисков	Уменьшить негативные последствия сценариев, при которых для России или Ирана будет ограничено вплоть до полного перекрытия использование других морских и сухопутных путей (через Черное, Красное, Балтийское моря и т. д.)
Развитие регионов	Содействие развитию тех регионов России и Ирана, по которым проходит коридор
Потребность в активизации въездного туризма, взаимные туристические поездки	Вклад в увеличение потока туристов. Имеются возможности для перевозок морским, железнодорожным и автобусным транспортом

Источник: составлено авторами

Достижение количественных показателей грузоперевозок по коридору «Север — Юг», указанных выше, затруднено без использования потенциала его железнодорожной составляющей. Для этого необходима реализация одного из следующих сценариев.

Сценарий 1. Восстановление перевозок через территорию Армении.

Сценарий 2. Соединение железных дорог Азербайджана и России, с одной стороны, и Ирана, с другой, благодаря завершению строительства дороги Астара — Решт (северный Иран).

Сценарий 3. Обеспечение перевозок через Туркменистан и Казахстан.

Факторы сдерживания развития коридора «Север — Юг»

В настоящее время развитие коридора сдерживается десятками факторов, которые могут быть объединены в группы, перечисленные ниже; для каждой из выделенных групп предложены меры по смягчению их негативного воздействия, учитывающие особенности данной группы.

1. *Логистические факторы.* К ним относится отсутствие железных дорог на некоторых участках или их слабая пропускная способность. Так, большинство железных дорог Ирана неэлектрифицированы и имеют лишь одну колею, как и среднеазиатские дороги и участок на юге Азербайджана от Ширвана до границы. Узким местом является и недостаточная ширина автомобильных дорог

в России и частично в Казахстане. К этой группе факторов относится и малая пропускная способность ряда автодорожных и железнодорожных погранпереходов, необходимость строительства обходов населенных пунктов для автомобильных дорог, малая пропускная способность каспийских и волжских портов. Для внутренних водных путей в России характерны недостаточные глубины на отдельных участках. Для «восточного», «среднеазиатского» звена сдерживающую роль играет и многочисленность государственных границ с таможенным контролем на них. Освоение рекреационного потенциала сдерживает отсутствие или недостаточное количество сквозных пассажирских автобусных, железнодорожных и морских маршрутов на многих участках, например, на участке Баку — Дербент, сложность пересечения границ некоторых государств. В 2026 г. на стыке логистических и геополитических факторов добавляется «белый лебедь» для коридора «Север — Юг» — частичное перекрытие Ормузского пролива, что, в отличие от перечисленного выше, уже оказывает на коридор заметное положительное воздействие¹.

2. *Технологические факторы* усугубляют воздействие первой группы факторов и относятся к инфраструктуре, обеспечивающей транспортное и рекреационное функционирование коридора. Они включают в себя износ речных и морских судов — их средний возраст здесь составляет 35 лет². К этой группе факторов относится и несовершенная система регулирования железнодорожного транспорта, качество дорожного покрытия и степень износа инфраструктуры, регулирующей перевозки, различная ширина железнодорожной колеи в России и Иране и т. д. Раскрытие рекреационного потенциала коридора сдерживает слабый уровень развития рекреационной инфраструктуры и низкая степень ее комфортности.
3. *Экономические, в частности, санкционные факторы* включают отсутствие доступа к платежным системам у России и Ирана, ограничения на торговлю рядом товаров [13 и др.]. На стыке санкционных и геополитических факторов можно отметить снижение объемов торговли с Европой после 2022 г. (в дальнейшем его воздействие может усилиться вследствие ухудшения экономической ситуации в Европе в 2026 г.), что может привести к нехватке грузов для перевозок даже в случае, если сдерживающее воздействие всех остальных факторов удастся нивелировать. Впрочем, снижение объемов торговли с Европой, скорее всего, компенсируется их ростом для торговли с Китаем, Индией и другими странами Глобального Юга.
4. *Геополитические (политические) факторы* — отношения, сложившиеся между Россией, странами Европы и странами, принадлежащими к коридору «Север — Юг». Особенно важными представляются отношения с Индией и Китаем, что во многом определяет экономический фактор — объем торговли с ними, который в случае с Китаем достиг 240 млрд долл. США в 2025 г.³ Факторы данной группы определяют востребованность маршрута, влияют на решение вопросов, связанных с его модернизацией и повышением эффективности функционирования. К сдерживающим политическим факторам относится нерегулярный характер работы межгосударственных структур, регулирующих функционирование коридора [18].
5. *Социальные факторы*: языковые и культурные барьеры, сдерживающие раскрытие туристического потенциала коридора. Слабый уровень культурного взаимодействия может отталкивать и деловые круги в странах, входящих в коридор, от активизации сотрудничества друг с другом.

Приведенная классификация факторов в достаточной мере условна, некоторые из них относятся к двум или даже более чем к двум выделенным группам.

Для каждой из выделенных групп факторов были предложены решения, которые позволят смягчить их сдерживающее воздействие (табл. 2). Если фактор относится более чем к одной группе, для смягчения

¹ NYT: между Россией и Ираном резко вырос объем торговли через Каспийское море [Электронный ресурс] // АО «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8652864> (дата обращения: 14.05.2026).

² Аналитика транспортных коридоров [Электронный ресурс] // Морские вести России. URL: <https://morvesti.ru/analitika/1685/113640/> (дата обращения: 04.03.2026).

³ Ушаков: товарооборот РФ и КНР за 2025 год достиг почти \$240 млрд [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/27447685> (дата обращения: 14.05.2026).

его негативного влияния необходимо применение рекомендаций, предложенных для всех групп факторов, к которым он относится.

Таблица 2

**Группы факторов, сдерживающие развитие коридора «Север — Юг»,
и возможные решения по снижению их негативного влияния**

Table 2. Groups of factors constraining the development of the North — South Corridor and possible solutions to mitigate their negative impact

Название группы	Возможные решения, смягчающие их воздействие на туризм	Возможные решения, смягчающие их воздействие на транзит грузов
Логистические	Организация «сквозных» железнодорожных и автобусных пассажирских перевозок (а также на отдельных отрезках коридора), поддержка круизного туризма в Каспийском море	В первую очередь — строительство железной дороги Астара — Решт. Во вторую — модернизация существующих железных дорог на их «узких» участках и строительство обходных автодорог вдоль городов
Технологические	Привлечение инвестиций в развитие туристической инфраструктуры странами, через которые проходит транспортный коридор. Важную роль здесь сыграет строительство нового курорта в России между Махачкалой и Дербентом в рамках проекта «Пять морей и озеро Байкал».	Обновление речных и морских судов либо отказ от речных и морских перевозок в пользу автомобильных и железнодорожных перевозок. Обновление оборудования на контрольно-пропускных пунктах на границах
Санкционные	Усиление международного сотрудничества для обеспечения возможности финансовых расчетов в валютах стран, по которым проходит коридор	Активизация торговых отношений со странами, не соблюдающими санкционные ограничения, а также торговля товарами и услугами, не подпадающими под санкции. Внедрение, оптимизация и распространение платежных систем, не подлежащих санкциям, например, «Мир», Union Pay и др. Дипломатические усилия по смягчению санкций
Геополитические и политические	Разработка рекомендаций по поведению для туристов, информационная работа с ними. Консульская работа с туристами при необходимости	Взаимные уступки стран друг другу для смягчения накопившихся конфликтов, обсуждение накопившихся проблем и поиск их решения; «выдавливание» и ограничение влияния внешних игроков из региона в тех случаях, если они оказывают деструктивное воздействие. Обеспечение регулярной и эффективной работы межгосударственных структур, отвечающих за функционирование коридора
Социальные	См. «Геополитические и политические»	Информационная работа по снижению негативного воздействия данной группы факторов. Распространение интернета и ИИ, что позволит смягчить языковые и культурные барьеры

Источник: составлено авторами

Туристический потенциал коридора «Север — Юг»

В Стратегии развития туризма в РФ до 2035 г. планируется увеличение объема экспорта туристических услуг до 10,75 млрд долл. [5] и необходимость роста к 2035 г. ее вклада в ВВП страны до 5% [2]. По

данным Росстата, в 2025 г. в России зафиксировано 8,1 млн туристических прибытий¹. Для реализации заявленных планов кроме увеличения количества внутренних туристических поездок необходим рост въездного рекреационного потока. Для достижения целевого объема экспорта туристических услуг без роста числа рекреантов необходим уровень трат примерно в 1400 долл. США на одного туриста. Но многие из них являются ими лишь формально или посещают Россию ненадолго (например, туристы из Китая и Казахстана в приграничных регионах), и такая сумма трат представляется нереалистичной.

Транспортный коридор «Север — Юг» здесь может внести определенный вклад, что подтверждается ростом доли Ирана и стран Ближнего Востока среди иностранцев, посещающих Россию².

После ухудшения отношений с европейскими странами, отменой прямого авиасообщения, поездов во все страны на запад от России, кроме Беларуси, многих автобусных перевозок, а также закрытия границ стран Восточной Европы для россиян новые зарубежные туристические маршруты представляются весьма востребованными. У РЖД имеется определенный опыт организации туристических поездок, в том числе и международных³. Так, кроме реализуемых уже на протяжении нескольких лет туров в Беларусь, в мае 2025 г. был реализован пробный тур в КНДР⁴.

Представляется перспективным при сохранении и углублении дружеских отношений с Ираном восстановление пассажирского сообщения по маршруту Махачкала — Тегеран. Запуск пассажирских и (или) экскурсионных поездов мог бы способствовать развитию въездного туризма — такая задача ставилась на самом высоком уровне⁵. В России, в частности в горах Кавказа, развиты виды рекреации, отсутствующие на Ближнем Востоке: горнолыжная и бальнеологическая [2], что могло бы привлечь туристов из Ирана и других стран Ближнего Востока. Так, процент оздоровительного и активного туризма для региона в сумме составляет 52% [Там же], среди них горнолыжный и бальнеологический туризм составляют существенную часть, как и пешеходный (горные походы), они также могут быть интересны иностранцам.

Значительная часть иностранных туристов предпочтет в качестве транспорта использовать самолет, но остальные могут рассмотреть как поезд, так и международные автобусы.

Потенциал российско-иранских взаимных туристических поездок реализуется в малой степени: в 2024 г., по данным Росстата, РФ посетило 57 тыс. туристов из Ирана. Зафиксировано увеличение турпотока на 52%, но пока такая сравнительно большая цифра — следствие «эффекта низкой базы».

Прирост турпотока по коридору «Север — Юг» может обеспечить создание всесезонного туристического комплекса «Каспийский прибрежный кластер» в рамках проекта «Пять морей и озеро Байкал» на побережье Каспийского моря между Махачкалой и Дербентом в Республике Дагестан. К 2030 г. здесь планируется создать более 14,5 тыс. мест размещения, а туристический поток может составить 700 тыс. чел. в год⁶. Представляется вполне вероятным, что часть из них может приезжать из Азербайджана и Ирана по коридору «Север — Юг».

В ходе совещания по вопросу создания федеральных круглогодичных курортов 28 марта 2024 г.⁷ руководитель Республики Дагестан С. А. Меликов отметил, что потенциал Каспийского кластера — 170 млн туристов в связи с близостью (по его словам, в «паре часов лета») Ирана, Турции и других стран. Такая оценка кажется весьма завышенной, однако при создании инфраструктуры высокого уровня комфорта, дипломатической и информационной поддержке представляется вполне реалистичным туристический поток из перечисленных стран объемом в несколько сот тысяч человек и более.

¹ Туризм в России [Электронный ресурс] // Росстат. URL: <https://ps.rosstat.gov.ru/tourism> (дата обращения: 04.03.2026).

² Иностраный турпоток в Россию в летнем сезоне 2025 года: предварительные итоги [Электронный ресурс] // АТОР. URL: <https://www.atorus.ru/article/inostrannyi-turpotok-v-rossiyu-v-letnem-sezone-2025-goda-predvaritelnye-itogi-64018> (дата обращения: 04.03.2026).

³ Инфраструктурные проекты ОАО «РЖД»: «Белорусский вояж» [Электронный ресурс] // РЖД. URL: <https://www.rzd.ru/ru/10419/page/103290?id=19493> (дата обращения: 04.03.2026).

⁴ Инфраструктурные проекты ОАО «РЖД» [Электронный ресурс] // РЖД. В Корею. URL: <https://www.rzd.ru/ru/10419/page/103290?id=21021> (дата обращения: 04.03.2026).

⁵ Путин провел совещание в Дагестане [Электронный ресурс] // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/strana/north_caucasian/articles/2023/06/29/982974-putin-provel-dagestane-soveshanie (дата обращения: 04.03.2026).

⁶ Материалы совещания по вопросу создания федеральных круглогодичных курортов. 28.03.2024 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73754> (дата обращения: 04.11.2025).

⁷ Там же.

Заключение

Транспортный и туристический потенциал коридора «Север — Юг» в настоящее время, в отличие от первых двух этапов его исторического развития, реализован лишь в малой степени. Вместе с тем функционирование коридора способствует укреплению политических, экономических, социальных (в частности, туристических) и культурных связей между входящими в него странами и населяющими их народами. Сотрудничество между Россией и Ираном дополнительно стимулируется санкциями, введенными Западом в отношении наших стран [13; 16]. Наличие надежных транспортных маршрутов, предусматривающих использование различных видов транспорта, позволяет снизить остроту рисков, связанных с санкционными ограничениями, и минимизировать их негативное воздействие.

Инвестиции в развитие инфраструктуры коридора «Север — Юг» позволят России и странам Закавказья, Средней Азии и Ближнего Востока подготовиться к ожидаемым структурным изменениям мировой экономики, связанным с возможным смещением ее «центра тяжести» из Восточной Азии в Южную Азию и Африку. Однако для раскрытия транспортного потенциала коридора необходимо смягчений негативного воздействия факторов, сдерживающих его развитие, которые могут быть объединены как минимум в пять основных групп: логистические, экономические (в том числе санкционные), геополитические (политические), социальные и технологические. Аналогичным образом могут быть систематизированы и факторы, способствующие развитию коридора «Север — Юг». С апреля 2026 г. особое значение среди них приобрели ограничения использования Ормузского пролива, а также стабильно высокие объемы торговли с Индией и Китаем.

В научной литературе потенциальный объем грузоперевозок по коридору «Север — Юг» в среднесрочной и долгосрочной перспективе оценивается от 25 до 100 млн т в год при условии модернизации существующих инфраструктурных ограничений, крупнейшим из которых является строительство новой железной дороги через Иран. При этом значительные объемы товарооборота с Китаем и усложнение использования альтернативных маршрутов по геополитическим причинам делают сценарий недостаточной загрузки коридора маловероятным.

Туристический потенциал коридора «Север — Юг» заслуживает отдельного внимания. В отличие от транзитного потенциала, он остается сравнительно слабо изученным в научной литературе и недостаточно представленным в информационном пространстве. При создании комфортных условий для перемещения автомобильным, железнодорожным и морским транспортом, а также при сохранении относительно стабильной геополитической обстановки на Ближнем Востоке вероятность существенного роста въездного туристического потока из стран региона достаточно высока. Использование наземных видов транспорта в дополнение к авиасообщению либо в качестве его альтернативы позволит туристам знакомиться с достопримечательностями не только в пункте назначения, но и по маршруту следования. На юге России развиты различные виды туризма, способные привлечь рекреантов из стран Ближнего Востока, включая круизный, железнодорожный, бальнеологический и горнолыжный туризм. Заинтересовать могут и возможности для экологического туризма [20], который позволяет знакомиться с уникальными ландшафтами Кавказских гор (западная часть Северного Кавказа входит в список Всемирного природного наследия ЮНЕСКО). Росту туристического потока будет способствовать устранение сдерживающих факторов, прежде всего логистических ограничений, чему, в частности, может содействовать создание нового курорта в Республике Дагестан.

Список литературы

1. *Акимова О. Е., Кожухова М. Т., Айбазова М. С.* Развитие туризма в России на современном этапе: вызовы и перспективы // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5: Экономика. 2025. № 1 (355). С. 17–27. EDN: OIEBFN. DOI: 10.53598/2410-3683-2025-1-355-17-27
2. *Ахмедова Л. Ш., Солтанмурадова З. И., Дандамаева Р. Г., Идзиев Г. И.* Анализ современного состояния и тенденции развития туристической сферы в регионах Северного Кавказа // Юг России: экология, развитие. 2024. Т. 19, № 2. С. 104–116. EDN: TMJZLA. DOI: 10.18470/1992-10982024-2-10

3. Бром А. Е., Моисеенко А. М., Колов А. В. Тенденции и проблемы развития международного транспортного коридора «Север — Юг» // Московский экономический журнал. 2020. № 12. С. 49. EDN: CYTRSK. DOI: 10.24411/2413-046X-2020-10839
4. Галищева Н. В. Глобализация индийской экономики: тенденции и перспективы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 2 (53). С. 71–89. EDN: YZHWVF. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-2-53-71-89
5. Гвоздева М. А., Баринова В. А., Леваков П. А. Трансформация туризма в парадигме устойчивого развития // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 4. С. 59–70. EDN: LXUKHL
6. Глазьев С. Ю. Как построить Большое евразийское партнерство? // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15, № 3. С. 9–14. EDN: DVSUCK. DOI: 10.22394/2073-2929-2021-03-9-14
7. Золотых В. Р., Ахметзянова Д. И. Участие России в реализации китайского проекта «Один пояс — один путь»: возможности и риски // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2021. Т. 5, № 2. С. 205–210. EDN: CZRLSN. DOI: 10.35634/2587-9030-2021-5-2-205-210
8. Кожокин Е. М. Транспортный коридор Север — Юг в условиях новой реальности // Геоэкономика энергетики. 2022. № 4 (20). С. 36–55. EDN: JUHRPL. DOI: 10.48137/26870703_2022_20_4_36
9. Крылатов А. Ю., Федорова М. А., Раевская А. П. Оценка влияния международного транспортного коридора «Север — Юг» на транзитное время движения региональных и мировых грузопотоков // Экономика региона. 2025. Т. 21, № 2. С. 332–348. EDN: MANPOB. DOI: 10.17059/ekon.reg.2025-2-61
10. Кулагина Л. М., Дунаева Е. В. Граница России с Ираном (история формирования). М. : ИВ РАН, 1998. 119 с. ISBN: 5-89282-098-X.
11. Лузинян С. Г., Семенова Н. К. Международный коридор «Север — Юг»: транспортный проект или большая политика? // Азия и Африка сегодня. 2023. № 12. С. 5–14. EDN: SJKGLM. DOI: 10.31857/S032150750029003-5
12. Мамедова Н. В., Галищева Н. В., Масумова Н. Р. Внешнеэкономические связи азиатских государств (на примере Индии, Ирана и Турции). М. : МГИМО-Университет, 2019. 167 с. ISBN: 978-5-9228-2076-9.
13. Мамедова Н. М. Иран и западные санкции // Полицентричный мир. 2024. Т. 1 (1–2). С. 24–32. EDN: FYIBPX. DOI: 10.20542/pwj-2024-1(1-2)-24-32
14. Небренчин А. С., Небренчин С. М. Перспективы участия РФ в китайском геоэкономическом проекте «Один пояс, один путь» // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2018. № 1. Часть 2. С. 282–287. EDN: VQGNIO
15. Полищук А. И., Соболева А. С., Карими Риabi Э. Развитие российско-иранских культурных связей в начале XXI в. // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18, № 2. С. 368–386. EDN: XTRJFJ. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-368-386
16. Сейеди Асл С., Забардаст Аламдари Ш. Новая динамика и перспективы в отношениях между Ираном и Россией // Вестник международных организаций. 2025. Т. 20, № 1. С. 89–105. EDN: TYSYXJ. DOI: 10.17323/1996-7845-2025-01-05
17. Цветков В. А., Зоидов К. Х., Медков А. А. Формирование эволюционной модели транспортно-транзитной системы России в условиях интеграции и глобализации. СПб. : Нестор-История, 2014. 800 с. ISBN: 978-5-4469-0417-4. EDN: TISNGF
18. Цветков В. А., Зоидов К. Х., Медков А. А. Формирование новой эволюционной концепции увеличения грузовой базы транспортных коридоров «Север — Юг» // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. № 9. С. 229–244. EDN: TFQGX
19. Шавлай Э. П. Экономическое сотрудничество Индии и Китая — искусство балансирования // Terra Economicus. 2021. Т. 19, № 3. С. 65–77. EDN: VJHUCL. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-3-65-77
20. Danish, Wang Z. Dynamic Relationship between Tourism Economic Growth and Environmental Quality // Journal of Sustainable Tourism. 2019. Vol. 26 (11). P. 1928–1943. DOI: 10.1080/09669582.2018.1526293

Об авторах:

Санин Александр Юрьевич, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Государственный океанографический институт имени Н. Н. Зубова, Росгидромет (Москва, Российская Федерация);
e-mail: eather86@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9171-4345

Кулаковская Валентина Андреевна, научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН (Москва, Российская Федерация);
e-mail: kulakovskayava@imemo.ru; ORCID: 0000-0001-6463-6858

References

1. Akimova, O. E., Kozhukhova, M. T., Aibazova, M. S. Development of Tourism in Russia at the Present Stage: Challenges and Prospects // *Bulletin of Adyghe State University. Series 5: Economics*. 2025. No. 1 (355). P. 17–27. (In Russ.) EDN: OIEBFN. DOI: 10.53598/2410-3683-2025-1-355-17-27
2. Akhmedova, L. Sh., Soltanmuradova, Z. I., Dandamaeva, R. G., Idziev, G. I. Analysis of the Current State and Development Trends of the Tourism Sector in the Regions of the North Caucasus // *South of Russia: Ecology, Development*. 2024. Vol. 19, No. 2. P. 104–116. (In Russ.) EDN: TMJZLA. DOI: 10.18470/1992-10982024-2-10
3. Brom, A. E., Moiseenko, A. M., Kolov, A. V. Trends and Problems in the Development of the International North — South Transport Corridor // *Moscow Economic Journal*. 2020. No. 12. P. 49. (In Russ.) EDN: CYTRSK. DOI: 10.24411/2413-046X-2020-10839
4. Galishcheva, N. V. Globalization of the Indian Economy: Main Trends and Prospects // *MGIMO Review of International Relations*. 2017. Vol. 10 (2). P. 71–89. (In Russ.) EDN: YZHWVF. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-2-53-71-89
5. Gvozdeva, M. A., Barinova, V. A., Levakov, P. A. Transformation of Tourism within the Sustainable Development Paradigm // *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 59–70. (In Russ.) EDN: LXKHL
6. Glazyev, S. Yu. How to Build the Greater Eurasian Partnership? // *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2021. Vol. 15, No. 3. P. 9–14. (In Russ.) EDN: DVSUCK. DOI: 10.22394/2073-2929-2021-03-9-14
7. Zolotikh, V. R., Akhmetzyanova, D. I. Russia's Participation in the Implementation of China's Belt and Road Initiative: Opportunities and Risks // *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 2021. Vol. 5, No. 2. P. 205–210. (In Russ.) EDN: CZRLSN. DOI: 10.35634/2587-9030-2021-5-2-205-210
8. Kozhokin, E. M. The North — South Transport Corridor in the Context of New Realities // *Energy Geoeconomics*. 2022. No. 4 (20). P. 36–55. (In Russ.) EDN: JUHRPL. DOI: 10.48137/26870703_2022_20_4_36
9. Krylatov, A. Yu., Fedorova, M. A., Raevskaya, A. P. Assessing the Impact of the International North — South Transport Corridor on Transit Time of Regional and Global Freight Flows // *Economy of Region*. 2025. Vol. 21, No. 2. P. 332–348. (In Russ.) EDN: MANPOB. DOI: 10.17059/ekon.reg.2025-2-61
10. Kulagina, L. M., Dunaeva, E. V. *The Russia — Iran Border: Formation History*. Moscow : Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 1998. 119 p. ISBN: 5-89282-098-X. (In Russ.)
11. Luzinyan, S. G., Semenova, N. K. The International North — South Corridor: A Transport Project or Big Politics? // *Asia and Africa Today*. 2023. No. 12. P.5–14. (In Russ.) EDN: SJKGLM. DOI: 10.31857/S032150750029003-5
12. Mamedova, N. V., Galishcheva, N. V., Masumova, N. R. // *Foreign Economic Relations of Asian States (Case Studies of India, Iran, and Turkey)*. Moscow : MGIMO University, 2019. 167 p. ISBN: 978-5-9228-2076-9. (In Russ.)

13. Mamedova, N. M. Iran and Western sanctions // Polycentric World. 2024. Vol. 1 (1–2). P. 24–32. (In Russ.) EDN: FYIBPX. DOI: 10.20542/pwj-2024-1(1-2)-24-32
14. Nebrenchin, A. S., Nebrenchin, S. M. Prospects for Russia’s Participation in China’s Geo-Economic Project “One Belt, One Road” // Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. 2018. P. 282–287. (In Russ.) EDN: VQGNIO
15. Polishchuk, A. I., Soboleva, A. S., Karimi Riabi, E. Development of Russian-Iranian Cultural Relations in the Early 21st Century // Vestnik RUDN. International Relations. 2018. Vol. 18, No. 2. P. 368–386. (In Russ.) EDN: XTRFJF. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-368-386
16. Seyedi Asl, S., Zabardast Alamdari, Sh. New Dynamics and Prospects in Iran — Russia Relations // International Organisations Research Journal. 2025. Vol. 20, No. 1. P. 89–105. (In Russ.) EDN: TYSYXJ. DOI: 10.17323/1996-7845-2025-01-05
17. Tsvetkov, V. A., Zoidov, K. Kh., Medkov, A. A. Formation of an Evolutionary Model of Russia’s Transport and Transit System under Integration and Globalization. Saint Petersburg : Nestor-Istoriya, 2014. 800 p. ISBN: 978-5-4469-0417-4. (In Russ.) EDN: TISNGF
18. Tsvetkov, V. A., Zoidov, K. Kh., Medkov, A. A. Formation of a New Evolutionary Concept for Increasing the Freight Base of the North — South Transport Corridors // Regional Problems of Economic Transformation. 2014. No. 9. P. 229–244. (In Russ.) EDN: TFQGX
19. Shavlay, E. P. Economic Cooperation between India and China: The Art of Balancing // Terra Economicus. 2021. Vol. 19, No. 3. P. 65–77. (In Russ.) EDN: VJHUCL. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-3-65-77
20. Danish, Wang, Z. Dynamic Relationship between Tourism Economic Growth and Environmental Quality // Journal of Sustainable Tourism. 2019. Vol. 26, No. 11. P. 1928–1943. DOI: 10.1080/09669582.2018.1526293

About the authors:

Alexander Yu. Sanin, PhD in Geography, Senior Research Fellow, N. N. Zubov State Oceanographic Institute, Roshydromet (Moscow, Russian Federation);
e-mail: eather86@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9171-4345

Valentina A. Kulakovskaya, Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation);
e-mail: kulakovskayava@imemo.ru; ORCID: 0000-0001-6463-6858

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Санин А. Ю., Кулаковская В. А., 2026

Правовое обеспечение формирования единого цифрового транспортного пространства ЕАЭС: вызовы и пути решения

Дроздова М. А.

Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: drozdova@pgups.ru

ORCID: 0000-0001-9691-0575

РЕФЕРАТ

В статье исследуются вопросы международно-правового регулирования единого цифрового транспортного пространства ЕАЭС. Актуальность обусловлена необходимостью устранения правовых барьеров и гармонизации законодательства государств-членов с международными стандартами.

Цель. Целью статьи является разработка рекомендаций по совершенствованию регулирования цифрового документооборота в транспорте и логистике ЕАЭС. **Задачи:** анализ международных стандартов, выявление коллизий, определение стратегии гармонизации, изучение практики Суда ЕАЭС, сравнительно-правовой анализ с ЕС. **Методология.** При проведении исследования автор использовал формально-юридический, сравнительно-правовой методы, системный анализ, дедукцию и абстрагирование. **Результаты.** Универсальные конвенции (CMR, МДП, eTIR) и Типовой закон ЮНСИТРАЛ образуют нормативный фундамент для цифровой интеграции. Предложена гармонизация через отсылочные нормы и принцип системной интеграции. Обоснована необходимость параллельного движения: присоединение к eTIR и разработка акта ЕАЭС по образцу регламента ЕС eFTI. Практика Суда ЕАЭС подтверждает роль судебных механизмов в устранении барьеров. Требуется имплементация принципов функциональной эквивалентности, технологической нейтральности и однократного предоставления данных. **Выводы.** Формирование единого цифрового транспортного пространства ЕАЭС должно сочетать адаптацию универсальных стандартов, опыт ЕС и собственное наднациональное регулирование. Разработка акта ЕАЭС о единых требованиях к электронному обмену информацией повысит эффективность перевозок и совместимость с цифровыми системами партнеров в рамках международных коридоров Европа — Азия.

Ключевые слова: ЕАЭС, цифровое транспортное пространство, международное транспортное право, электронный документооборот, принцип функциональной эквивалентности, eFTI, eTIR, Суд ЕАЭС, транспортная интеграция, гармонизация законодательства

Для цитирования: Дроздова М. А. Правовое обеспечение формирования единого цифрового транспортного пространства ЕАЭС: вызовы и пути решения // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 2. С. 81–90. EDN: YAOXKB

Legal Framework for the Formation of a Single Digital Transport Space of the EAEU: Challenges and Solutions

Maria A. Drozdova

Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: drozdova@pgups.ru

ORCID: 0000-0001-9691-0575

ABSTRACT

This article examines the international legal regulation of the EAEU's unified digital transport space. Its relevance stems from the need to remove legal barriers and harmonize the legislation of member states with international standards. **Aim.** The article aims to develop recommendations for improving the regulation of digital document flow in transport and logistics within the EAEU. **Tasks.** Analyze international standards, identify conflicts, define a harmonization strategy, study the practice of the EAEU Court, and conduct a comparative legal analysis with the EU. **Methods.** In conducting the study, the author used formal legal and comparative legal methods, systems analysis, deduction, and abstraction. **Results.** Universal conventions (CMR, TIR, eTIR) and the UNCITRAL Model Law form the normative foundation for digital integration. Harmonization through reference norms and the principle of systemic integration is proposed. The need for parallel developments is substantiated: accession to eTIR and the development of an EAEU act modeled on the EU eFTI Regulation. The practice of the EAEU Court confirms the role of judicial mechanisms in removing barriers. The principles of functional equivalence, technological neutrality, and single data provision must be implemented. **Conclusions.** The development of a unified digital transport space within the EAEU should combine the adaptation of universal standards, EU experience, and its own supranational regulation. The development of an EAEU act on uniform requirements for electronic information exchange will improve transportation efficiency and compatibility with partner digital systems within the Europe — Asia international corridors.

Keywords: EAEU, digital transport space, international transport law, electronic document management, principle of functional equivalence, eFTI, eTIR, Court of the EAEU, transport integration, legislative harmonization

For citation: Drozdova M. A. Legal Framework for the Formation of a Single Digital Transport Space of the EAEU: Challenges and Solutions // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 81–90. (In Russ.) EDN: YAOXKB

Введение

В 2022–2025 гг. основным трендом развития международного сотрудничества стала его регионализация. При этом, несмотря на рост геополитической напряженности в отдельных регионах, между странами евразийского пространства, такими как Индия, Китай, Иран и государства — участники ЕАЭС, сотрудничество интенсивно развивалось [2; 5; 6]. Создание новых производственных цепочек повлекло необходимость развития логистической инфраструктуры для обеспечения бесшовной логистики. Смена экономико-технологического уклада диктует необходимость внедрения технологий Индустрии 4.0 не только в рамках национальных транспортно-логистических экосистем, но и в формате создания единой цифровой инфраструктуры ЕАЭС для транспорта в целях обеспечения конкурентоспособности стран ЕАЭС и их партнеров [1; 3; 7; 8].

Данные процессы актуализировали необходимость совершенствования правового регулирования трансграничного обмена транспортной информацией и унификации требований к электронным документам. В соответствии со ст. 86–87 Договора о ЕАЭС государства-члены осуществляют скоординированную транспортную политику, направленную на формирование общего рынка транспортных услуг¹. В Декларации «Евразийский экономический путь»² предусмотрено развитие цифровых механизмов взаимодействия в транспортной сфере до 2030 г.

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 26.02.2026).

² Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь». Принята 25.12.2023 [Электронный ресурс] // Евразийский экономический союз. URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/165/7894/> (дата обращения: 16.05.2026).

Международно-правовые стандарты взаимного признания транспортных документов в условиях цифровизации

Процесс формирования единого транспортного пространства, являющийся краеугольным камнем современной экономической интеграции, неразрывно связан с созданием эффективных международно-правовых механизмов, обеспечивающих юридическую значимость документов, сопровождающих груз, за пределами государства их выдачи. В условиях цифровой трансформации экономики этот вопрос приобретает новое измерение, требуя пересмотра устоявшихся подходов к форме, способам передачи и признанию транспортной и таможенной документации. Анализ эволюции универсальных международных договоров в этой сфере позволяет выявить фундаментальные правовые принципы, на которых основывается современное регулирование, и оценить уровень их адаптации к вызовам цифровой эпохи.

Фундамент международно-правового регулирования автомобильных грузоперевозок был заложен Конвенцией о договоре международной дорожной перевозки грузов (далее — Конвенция CMR, Конвенция), заключенной в Женеве 19 мая 1956 г.¹ Конвенция сформировала унифицированный правовой режим международной автомобильной перевозки и закрепила правовую природу транспортной накладной как доказательства заключения договора перевозки, его условий и принятия груза перевозчиком (ст. 4–6). При этом отсутствие или неправильность накладной не влияет на действительность договора и исключает квалификацию накладной как ценной бумаги.

Дополнительный протокол 2008 г. к Конвенции CMR, касающийся электронной накладной (e-CMR), закрепил принцип функциональной эквивалентности электронной и бумажной форм документа². Электронная накладная признается юридически равнозначной традиционной форме при условии обеспечения идентификации сторон и целостности данных. Унифицированные требования CMR (международная транспортная накладная) и e-CMR (электронная международная транспортная накладная) обеспечивают механизм взаимного признания транспортных документов: накладная, оформленная в одном государстве-участнике, подлежит признанию на территории других государств-участников без повторного подтверждения ее юридической силы. Это формирует основу для трансграничного электронного документооборота и служит нормативной основой для цифровой транспортной интеграции.

Следующим этапом в развитии универсальных правовых стандартов стало принятие Комиссией ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) в 2017 г. Типового закона об электронных передаваемых записях³. В отличие от Конвенции CMR, которая регулирует конкретный вид документа (транспортную накладную), Типовой закон ЮНСИТРАЛ носит комплексный характер. Его цель — устранить правовые препятствия для использования электронных аналогов любых передаваемых документов или инструментов, включая коносаменты, складские свидетельства, векселя и другие ценные бумаги, широко используемые в международной торговле и на транспорте.

Типовой закон 2017 г. развивает и детализирует принцип функциональной эквивалентности, устанавливая четкие критерии, которым должна соответствовать электронная передаваемая запись, чтобы считаться юридически равнозначной бумажному документу. К таким критериям относятся надежность метода идентификации записи как соответствующей бумажному оригиналу, обеспечение ее целостности (т. е. неизменности с момента создания), а также возможность осуществления контроля над ней, аналогичного владению бумажным документом. Хотя Типовой закон в силу своей природы не является обязательным, он играет роль гармонизатора для национальных регулирований. Он предлагает национальным законодателям выверенную современную модель правового регулирования, способную обеспечить совместимость национальных правовых систем в условиях цифровизации экономической

¹ Конвенция о договоре международной дорожной перевозки грузов (CMR) [рус., англ.] : заключена в г. Женеве 19.05.1956 // United Nations Treaty Series. 1961. Vol. 399. P. 189–240. Register No. 5742.

² Additional Protocol to the Convention on the Contract for the International Carriage of Goods by Road concerning the electronic consignment note (e-CMR): The agreement was concluded in Geneva on 20.02.2008 [Электронный ресурс] // Official website of the United Nations. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XI-B-11-b&chapter=11&clang=_en (дата обращения: 26.02.2026).

³ Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных передаваемых записях (2017 г.). Принят Комиссией ООН по праву международной торговли 13.07.2017 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ). URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/ecommerce/modellaw/electronic_transferable_records (дата обращения: 26.02.2026).

и транспортной деятельности. Таким образом, Типовой закон ЮНСИТРАЛ создает доктринальную и нормативную основу, на которую могут и должны опираться как отдельные государства, так и интеграционные объединения, включая ЕАЭС, при формировании собственных правовых механизмов признания электронных транспортных и иных коммерческих документов.

Параллельно с развитием института транспортной накладной в сфере договорного права не менее важные процессы происходили и в области таможенного регулирования транзитных перевозок. основополагающим актом здесь выступает Таможенная конвенция о международной перевозке грузов (TIR Convention) с применением книжки международных дорожных перевозок (МДП) 1975 г., которая закрепила международный режим транзита, основанный на взаимном признании таможенных документов (ст. 2)¹. Развитие цифрового формата данного режима получило нормативное закрепление в Приложении 11 к Конвенции, установившем правовую основу функционирования международной системы eTIR.

С правовой точки зрения система eTIR не изменяет положения Конвенции МДП, а обеспечивает их реализацию посредством электронного обмена данными. В соответствии с Приложением 11 электронные данные, переданные через систему eTIR, признаются функциональным эквивалентом книжки МДП и обладают юридической силой для компетентных органов государств-участников. Обязательность применения механизма eTIR вытекает из международно-правовой природы Конвенции МДП: государства-участники обязаны обеспечивать функционирование процедуры транзита в соответствии с ее положениями, включая цифровую форму, предусмотренную Приложением 11. Это формирует нормативную основу взаимного признания электронных транзитных данных и создает правовые предпосылки для цифровой интеграции транспортных коридоров.

Внедрение eTIR является важнейшим шагом на пути к формированию единого цифрового транспортного пространства. Оно демонстрирует эволюцию правового механизма от признания документа к признанию данных, что является характерной чертой современного этапа развития международного права. Приложение 11 к Конвенции МДП, наряду с Дополнительным протоколом к CMR и Типовым законом ЮНСИТРАЛ, формирует тот нормативный фундамент, на котором может и должна строиться дальнейшая цифровая интеграция, включая разработку соответствующих правовых актов в рамках таких региональных объединений, как ЕАЭС. В совокупности эти документы подтверждают, что международное сообщество выработало эффективные правовые инструменты, позволяющие обеспечить юридическую значимость электронных транспортных и таможенных документов, создавая предпосылки для беспрепятственного движения товаров в условиях цифровой экономики.

Проблемы формирования единого цифрового транспортного пространства ЕАЭС: коллизии норм и выбор стратегии гармонизации

Формирование единого цифрового транспортного пространства ЕАЭС происходит в сложной нормативной среде, где универсальные международные конвенции, наднациональное право Союза и национальные законодательства государств-членов вступают в сложное взаимодействие. Анализ международно-правовых стандартов (Конвенция CMR с Дополнительным протоколом 2008 г., Конвенция МДП с Приложением 11 о системе eTIR, Регламент ЕС 2020/1056² и Типовой закон ЮНСИТРАЛ 2017 г.) позволяет выявить ключевые правовые проблемы. Наиболее значимыми являются проблема коллизий между универсальными договорами и правом ЕАЭС, а также вопрос выбора стратегии гармонизации законодательства в сфере цифрового транспортного документооборота.

Одним из комплексных вопросов интеграционного права является определение иерархии норм, когда государства — члены регионального объединения связаны обязательствами по универсальным

¹ Customs Convention on the International Transport of Goods under Cover of TIR Carnets (TIR Convention) = Таможенная конвенция о международной перевозке грузов с применением книжки МДП (Конвенция МДП). Заключена в г. Женеве 14.11.1975 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3894/ (дата обращения: 26.02.2026).

² Регламент Европейского парламента и Совета Европейского союза 2020/1056 от 15.07.2020 об электронной информации о грузовых перевозках (текст имеет значение для ЕЭП): PE/27/2020/INIT [Электронный ресурс] // Официальный журнал Европейского союза. 2020. L 249, 31 июля. С. 33–48. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/BG/TXT/?uri=CELEX:32020R1056> (дата обращения: 26.02.2026).

договорам и одновременно участвуют в наднациональном правопорядке. Все государства — члены ЕАЭС (Россия, Беларусь, Казахстан, Армения, Кыргызстан) являются участниками ключевых конвенций — СМР и Конвенции МДП. Гипотетическая ситуация: если в праве ЕАЭС появится норма, устанавливающая иные требования к электронной накладной, чем Дополнительный протокол к СМР, возникнет коллизия. Какому обязательству следовать — по универсальной Конвенции или по праву Союза?

Ст. 6 Договора о ЕАЭС устанавливает примат права Союза над национальным законодательством, но не регулирует соотношение с международными договорами государств-членов с третьими сторонами. Согласно принципу *pacta sunt servanda* (ст. 26 Венской конвенции 1969 г.¹), государство не может отказаться от обязательств перед другими участниками Конвенции СМР, даже если они противоречат праву ЕАЭС. Выход видится в принципе системной интеграции: нормы различных режимов должны толковаться согласованно. При разработке актов ЕАЭС следует исходить из необходимости их совместимости с универсальными стандартами. Практическим инструментом могло бы стать включение в акты ЕАЭС оговорки о том, что они применяются без ущерба для обязательств по Конвенции СМР и Конвенции МДП.

Второй стратегический вопрос: нуждается ли ЕАЭС в разработке собственного аналога Регламента ЕС 2020/1056 (eFTI) или достаточно присоединения к системе eTIR? Система eTIR (Приложение 11 к Конвенции МДП) представляет собой механизм цифровизации таможенного транзита, обеспечивающий функциональный эквивалент книжки МДП. Она предусматривает обмен данными исключительно между таможенными администрациями. Регламент ЕС 2020/1056 (eFTI) имеет иной предмет регулирования: он создает правовую базу для обмена с контролирующими органами широким спектром значимой информации о перевозке (транспортные накладные, документы на опасные грузы, страховка и т. д.) в отношениях между перевозчиками и государством.

Присоединение к системе eTIR необходимо, но недостаточно, поскольку таможенный транзит охватывает лишь часть транспортных операций. Современная перевозка сопровождается множеством не только таможенных, но и иных разрешений, что требует разработки аналога eFTI в ЕАЭС. Для интенсификации цифровой интеграции необходимы сложение целостной правовой системы за рамками таможенного регулирования и гармонизация требований к электронному документообороту. Концептуальной основой для этого может стать Типовой закон ЮНСИТРАЛ 2017 г., основанный на функциональной эквивалентности и технологической нейтральности. Принятие собственного правового акта позволит ЕАЭС стать самостоятельным центром регулирования, обеспечив интероперабельность с системами ЕС и Китая.

Оптимальная стратегия для ЕАЭС — параллельное движение по двум направлениям: обеспечение присоединения государств-членов к системе eTIR (модернизация таможенного транзита) и разработка собственного акта права ЕАЭС, устанавливающего единые требования к электронному обмену транспортной информацией по образцу eFTI, с опорой на принципы Типового закона ЮНСИТРАЛ. Такой комплексный подход позволит реализовать потенциал цифровой транспортной интеграции и обеспечить формирование единого цифрового транспортного пространства ЕАЭС.

Судебная практика Суда ЕАЭС по вопросам транспортной интеграции и устранения барьеров

Судебные механизмы выступают ключевым элементом правового регулирования транспортной интеграции, обеспечивая единообразное толкование и применение норм интеграционного права. В ЕАЭС эту функцию выполняет Суд ЕАЭС, правовой статус и компетенция которого закреплены в Статуте, являющемся неотъемлемой частью Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. Миссия Суда заключается в обеспечении единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза. Обращение к официальному сайту Суда ЕАЭС

¹ Венская конвенция о праве международных договоров. Заключена в г. Вене 23.05.1969 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

позволяет выявить значительный массив судебной практики, имеющей прямое отношение к транспортной проблематике и смежным вопросам, влияющим на свободу перемещения товаров. По состоянию на февраль 2026 г. в базе Суда содержится значительное количество дел, классифицированных по различным сферам правового регулирования, причем наиболее релевантными для настоящего исследования являются дела, отнесенные к категории «Функционирование Таможенного союза», поскольку таможенное администрирование неразрывно связано с транспортными операциями и документооборотом.

Особого внимания заслуживают отдельные консультативные заключения Большой коллегии Суда ЕАЭС, которые стали ключевым механизмом для единообразного понимания и применения норм права Союза в сфере транспорта. Так, в заключении от 7 апреля 2025 г. № P-5/24¹ Суд по запросу Республики Беларусь дал разъяснения о соотношении общих норм Договора о торговле услугами (Раздел XV) и специальных норм в области транспорта (Раздел XXI), подчеркнув приоритет последних в вопросах регулирования деятельности воздушного транспорта. Это заключение подтвердило самостоятельность роли скоординированной транспортной политики, а также подчеркнуло запрет на ее подмену общими правилами внутреннего рынка, что критически важно для формирования единого транспортного пространства без правовых коллизий.

Аналогичную роль важности суда ЕАЭС как гаранта соблюдения согласованных принципов интеграции сыграло и заключение от 25 апреля 2025 г. № P-2/25², принятое по заявлению Кыргызской Республики. В нем Большая коллегия разъяснила положения Порядка регулирования доступа к услугам железнодорожного транспорта, включая основы тарифной политики. Суд, в частности, исследовал вопросы соблюдения принципа унифицированности тарифов, придя к выводу о необходимости единообразного применения правовых норм при установлении ценовых пределов. Таким образом, через механизм официального толкования Суд ЕАЭС не только устраняет неопределенности в правовом регулировании, но и способствует последовательной реализации скоординированной политики, что создает основу для предсказуемых и недискриминационных условий транспортной деятельности в рамках Союза.

Важным источником для понимания подходов Суда ЕАЭС к толкованию права Союза является Обобщение правовых позиций и практики Суда ЕАЭС, подготовленное Верховным Судом Российской Федерации по состоянию на 1 сентября 2024 г. В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, содержащимися в постановлении от 26 ноября 2019 г. № 49³, при толковании и применении норм права Союза, принятых в сфере таможенного регулирования, судам следует учитывать акты Суда ЕАЭС, вынесенные по результатам рассмотрения споров, связанных с реализацией положений Договора, иных международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза. Данное Обобщение содержит систематизацию ключевых правовых позиций Суда ЕАЭС, сформированных за период с декабря 2015 г. по сентябрь 2024 г. [4]. Это положение имеет фундаментальное значение для понимания места транспортной интеграции в системе права ЕАЭС, поскольку свобода движения товаров неразрывно связана с эффективной работой транспортно-логистического комплекса.

Еще одна важная правовая позиция сформулирована в Консультативном заключении Большой коллегии Суда от 23 ноября 2021 г., где разъяснено соотношение различных видов политики в рамках ЕАЭС: Договор предусматривает, что в Союзе путем реализации указанных видов политик предусмотрена различная степень интеграции в зависимости от конкретных сфер отношений⁴. Транспортная политика,

¹ Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 07.04.2025 № P-5/24 «О разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/25b00005/> (дата обращения: 15.05.2026).

² Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 25.04.2025 № P-2/25 «О разъяснении положений пунктов 8, 9, 10 и 13 Порядка регулирования доступа к услугам железнодорожного транспорта, включая основы тарифной политики» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/25b00025/> (дата обращения: 15.05.2026).

³ О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 49 от 26 ноября 2019 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 2. С. 3–12.

⁴ Консультативное заключение Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 23.11.2021 (по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений статьи 92 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.) [Электронный ресурс] // Суд Евразийского экономического союза. 2021. URL: [https://courteurasian.org/upload/iblock/ea5/ЕЭК%20\(промышленная%20политика\)%20-%20Консультативное%20заключение%20-%2023.11.2021.pdf](https://courteurasian.org/upload/iblock/ea5/ЕЭК%20(промышленная%20политика)%20-%20Консультативное%20заключение%20-%2023.11.2021.pdf) (дата обращения: 26.02.2026).

согласно Договору о ЕАЭС, относится к сферам, где проводится скоординированная политика, что предполагает гармонизацию национального законодательства государств-членов, но не создание единого наднационального регулятора в полном объеме. Практическое значение деятельности Суда ЕАЭС для транспортной интеграции подтверждается и политическими заявлениями на высшем уровне: как отмечалось на внеочередном заседании Евразийского межправительственного совета 24 августа 2023 г., механизм устранения барьеров должен в полной мере использовать компетенцию суда Союза с внедрением инструментов ответственности и взыскания за нарушение внутренних правил рынка.

В контексте цифровизации транспортного документооборота особое значение приобретает вопрос о том, насколько активно Суд ЕАЭС будет участвовать в толковании новых норм, связанных с электронными документами. Судебная практика Суда ЕАЭС и Суда ЕС подтверждает, что транспортная интеграция является не только результатом политического и экономического сотрудничества, но и правовым процессом, основанным на обязательности исполнения норм интеграционного права и наличии эффективных механизмов судебного контроля. Анализ доступной судебной практики позволяет сделать вывод о том, что Суд ЕАЭС сформировал фундаментальные принципы толкования основополагающих принципов функционирования Союза, включая свободу движения товаров и устранение барьеров. Однако специализированных дел, непосредственно касающихся электронного документооборота на транспорте, в практике Суда пока не выявлено, что объясняется как относительной новизной данной проблематики, так и недостаточным развитием наднационального регулирования в этой сфере. В отсутствие четких норм права ЕАЭС об электронных транспортных документах хозяйствующие субъекты лишены возможности оспаривать действия национальных органов, отказывающих в признании электронных документов, именно в Суде Союза, поскольку такие споры относятся к сфере применения национального, а не наднационального права, что служит дополнительным аргументом в пользу необходимости развития права ЕАЭС в сфере цифрового транспортного документооборота.

Сравнительно-правовой анализ регулирования цифрового транспортного документооборота в ЕС и ЕАЭС

Регламент (ЕС) 2020/1056 об электронной информации о грузовых перевозках (eFTI) сформировал комплексную модель правового регулирования цифрового транспортного документооборота. В соответствии со ст. 4 Регламента компетентные органы государств-членов обязаны принимать информацию о перевозках в электронной форме, представляемую через сертифицированные цифровые платформы. Ст. 7 устанавливает требования к таким платформам, обеспечивающим достоверность, целостность и доступность данных.

Тем самым в праве ЕС закреплены три ключевых принципа: юридическое равенство электронной и бумажной форм, технологическая нейтральность и обязанность органов публичной власти принимать электронные данные. Регламент носит комплексный характер и распространяется на широкий круг нормативных требований в сфере транспортной деятельности.

В праве ЕАЭС аналогичный наднациональный акт отсутствует. Договор о ЕАЭС закрепляет проведение скоординированной транспортной политики (ст. 86–87), однако не устанавливает обязательного механизма признания электронных транспортных данных. Решения Евразийской экономической комиссии регулируют отдельные элементы цифровизации, включая транзит и навигационное отслеживание, но не формируют целостного режима электронного обмена информацией.

Следовательно, различие между моделями ЕС и ЕАЭС заключается не в признании самой необходимости цифровизации, а в степени нормативной институционализации соответствующих механизмов. ЕС реализовал модель обязательного признания электронных данных на наднациональном уровне, тогда как в ЕАЭС цифровая трансформация пока развивается преимущественно в формате координации и гармонизации.

Анализ права ЕАЭС позволяет констатировать отсутствие комплексного акта, аналогичного Регламенту eFTI. Договор о ЕАЭС 2014 г. в разделе XXI (ст. 86–88) закладывает лишь общие основы транспортной

политики, не детализируя вопросы электронного документооборота. Решения Евразийской экономической комиссии, регулирующие отдельные аспекты транспортной деятельности, также не создают целостной системы цифрового взаимодействия.

Вместе с тем определенные шаги в направлении цифровизации предпринимаются. Так, реализация положений Соглашения о применении в ЕАЭС навигационных пломб отслеживания перевозок позволит исключить риски распространения нелегальных грузоперевозок. Однако документ охватывает лишь один из элементов цифровизации транспортной деятельности.

Что касается принципа «однократного предоставления данных», то в праве ЕАЭС он пока не получил нормативного закрепления применительно к транспортной сфере. Государства — члены Союза сохраняют право устанавливать собственные требования к форме и порядку представления транспортных документов, что создает для перевозчиков необходимость многократного предоставления одной и той же информации различным контролирующим органам при пересечении границ. Это существенно снижает потенциальный эффект от цифровизации и создает административные барьеры, которые призваны устранять единый рынок.

С учетом выявленных различий, перед ЕАЭС стоит задача выбора стратегии дальнейшего развития правового регулирования цифрового транспортного документооборота. Представляется, что оптимальным подходом является разработка собственного акта права ЕАЭС (рекомендации или — в перспективе — международного договора в рамках Союза), который установил бы единые требования к электронному обмену транспортной информацией по образцу Регламента eFTI.

При разработке такого акта в рамках ЕАЭС целесообразно опираться на следующие принципы, зарекомендовавшие себя в международной практике.

1. Принцип функциональной эквивалентности, детально разработанный в Типовом законе ЮНСИТРАЛ 2017 г. Согласно этому принципу, электронная передаваемая запись признается функционально эквивалентной бумажному документу, если используется надежный метод для:
 - идентификации этой электронной записи в качестве электронной передаваемой записи;
 - обеспечения возможности контроля над этой электронной записью с момента ее создания до прекращения ее действия;
 - сохранения целостности этой электронной записи.
2. Понятие контроля рассматривается в Типовом законе как функциональный эквивалент владения бумажным документом.
3. Принцип однократного предоставления данных может быть реализован в праве ЕАЭС путем создания сертифицированных цифровых платформ, аналогичных предусмотренным ст. 7 Регламента eFTI. Такие платформы должны обеспечивать достоверность, целостность, безопасность и доступность данных, а также возможность их использования компетентными государственными органами. Внедрение этого принципа требует не только технических, но и правовых решений: необходимо нормативно закрепить обязанность контролирующих органов принимать информацию из таких платформ и не требовать ее повторного предоставления.
4. Принцип технологической нейтральности должен быть заложен в основу любого акта ЕАЭС в сфере цифрового документооборота, чтобы не препятствовать технологическому развитию и не создавать преференций для отдельных поставщиков технологических решений. Как отмечается в материалах ЮНСИТРАЛ, технологическая нейтральность позволяет обеспечить возможность использования всех технологий и всех моделей, таких как реестры, токены и распределенные реестры.
5. Принцип совместимости с универсальными международными системами, включая eTIR и e-CMR. Государства — члены ЕАЭС являются участниками Конвенции МДП, и их интеграция в систему eTIR позволит существенно ускорить таможенные формальности при трансграничных перевозках. Разрабатываемый акт ЕАЭС должен не дублировать, а дополнять эти универсальные механизмы, обеспечивая их бесшовную интеграцию в общую систему цифрового транспортного пространства Союза.

Принципиальное значение имеет вопрос о правовой форме будущего акта. Учитывая, что транспортная политика относится к сферам скоординированной (согласованной) политики, оптимальным

представляется принятие рекомендации ЕЭК — ориентира для гармонизации национальных законодательств государств-членов. По мере накопления практик цифровой транспортной интеграции назреет необходимость заключения международного договора в рамках ЕАЭС, устанавливающего обязательные для всех государств-членов требования к электронному транспортному документообороту.

Так, успешная имплементация рассмотренных принципов в право ЕАЭС позволит не только повысить эффективность транспортно-логистических операций, но и обеспечить совместимость цифровых транспортных систем ЕАЭС с аналогичными системами других интеграционных объединений и государств, что особенно важно в контексте развития международных транспортных коридоров, связывающих Европу и Азию.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что проанализированные универсальные международные конвенции сформировали нормативный фундамент признания электронных транспортных и транзитных документов. Типовой закон ЮНСИТРАЛ 2017 г. развил данные положения, предложив универсальную модель функциональной эквивалентности и обеспечения целостности электронных записей.

В праве ЕАЭС цифровая транспортная интеграция развивается в рамках скоординированной политики, закрепленной ст. 86–87 Договора о Союзе и в Декларации «Евразийский экономический путь».

Однако отсутствие комплексного наднационального акта в рамках ЕАЭС, аналогичного Регламенту (ЕС) 2020/1056, ограничивает институционализацию принципа обязательного признания электронных транспортных данных.

Оптимальная модель дальнейшего развития предполагает:

- полную интеграцию государств-членов в систему eTIR;
- разработку акта права ЕАЭС, устанавливающего единые требования к электронному обмену транспортной информацией с учетом универсальных международных стандартов.

Такой подход позволит обеспечить правовую совместимость евразийского цифрового транспортного пространства с международными режимами и усилить нормативную основу транспортной интеграции.

Список литературы

1. *Бахатов Р. М.* Цифровизация отрасли транспорта и логистики в России на современном этапе // *Russian Economic Bulletin*. 2023. Т. 6, № 1. С. 271–275. EDN: VPFOOM
2. *Глазьев С. Ю.* Идеи и реалии современного евразийства // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2021. Т. 15, № 4. С. 9–10. EDN: LPPPKF. DOI: 10.22394/2073-2929-2021-04-9-10
3. *Иванова В. А., Мартынова Д. Д.* Цифровизация и ее применение в индустрии 4.0 на транспорте // XVII неделя науки молодежи СВАО : сборник статей по итогам работы научных конференций и круглых столов. Москва : Стратегема-Т, 2022. С. 603–607. EDN LUSWTE
4. *Кадышева О. В.* Роль консультативных заключений в международном правосудии и в практике Суда ЕАЭС // *Право*. 2022. Т. 15, № 1. С. 208–231. EDN: SBKYHZ. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.1.208.231
5. *Кривогуз М., Фесенко Д.* ЕАЭС в мировых интеграционных процессах // *Россия и новые государства Евразии*. 2024. № I (LXII). С. 9–24. EDN: LZJFWX. DOI: 10.20542/2073-4786-2024-1-9-24
6. *Мясникович М. В., Ковалёв В. С.* Новые страницы интеграции в Евразийском экономическом союзе // *Россия в глобальной политике*. 2023. Т. 21, № 2. С. 207–218. EDN: BRLPEO. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-2-207-218
7. *Репкина О. Б.* Перспективы цифровой трансформации транспортной отрасли // *Путеводитель предпринимателя*. 2024. Т. 17, № 2. С. 9–13. EDN: CRRYHF. DOI: 10.24182/2073-9885-2024-17-2-9-13
8. *Харитоновна П. В.* Влияние цифровой экономики на развитие транспортной отрасли // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2022. № 2 (48). С. 101–105. EDN: ZZBOGG. DOI: 10.18324/2224-1833-2022-2-101-105

Об авторе:

Дроздова Мария Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры логистики и коммерческой работы, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: drozdova@pgups.ru; ORCID: 0000-0001-9691-0575

References

1. Bakhatov, R. M. Digitalization of the Transport and Logistics Industry in Russia at the Present Stage // Russian Economic Bulletin. 2023. Vol. 6, No. 1. P. 271–275. (In Russ.) EDN: VPFOOM
2. Glazyev, S. Yu. Ideas and Realities of Contemporary Eurasianism // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2021. Vol. 15, No. 4. P. 9–10. (In Russ.) EDN: LPPPKF. DOI 10.22394/2073-2929-2021-04-9-10
3. Ivanova, V. A., Martyanova, D. D. Digitalization and Its Application in Industry 4.0 in Transport // XVII Week of Youth Science in the North-Eastern Administrative District : collection of articles based on the results of scientific conferences and round tables. Moscow : Stratagema-T Publishing House, 2022. P. 603–607. (In Russ.) EDN: LUSWTE
4. Kadysheva, O. V. The Role of Advisory Opinions in International Justice and in the Practice of the EAEU Court // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2022. Vol. 15, No. 1. P. 208–231. (In Russ.) EDN: SBKYHZ. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.1.208.231
5. Krivoguz, M., Fesenko, D. The EAEU in Global Integration Processes // Russia and the New States of Eurasia. 2024. No. I (LXII). P. 9–24. (In Russ.) EDN: LZJFWX. DOI: 10.20542/2073-4786-2024-1-9-24
6. Myasnikovich, M. V., Kovalev, V. S. New Pages of Integration in the Eurasian Economic Union // Russia in Global Politics. 2023. Vol. 21, No. 2. P. 207–218. (In Russ.) EDN: BRLPEO. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-2-207-218
7. Repkina, O. B. Prospects for the Digital Transformation of the Transport Industry // Entrepreneur's Guide. 2024. Vol. 17, No. 2. P. 9–13. (In Russ.) EDN: CRRYHF. DOI: 10.24182/2073-9885-2024-17-2-9-13
8. Kharitonova, P. V. The Impact of Digital Economy on the Development of the Transport Industry // Issues of Social-Economic Development of Siberia. 2022. No. 2 (48). P. 101–105. (In Russ.) EDN: ZZBOGG. DOI: 10.18324/2224-1833-2022-2-101-105

About the author:

Maria A. Drozdova, PhD in Jurisprudence, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Logistics and Commercial Work, Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: drozdova@pgups.ru; ORCID: 0000-0001-9691-0575

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Дроздова М. А., 2026

Пробелы правового регулирования цифровой трансформации отрасли утилизации отходов Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь¹

Кривко Л. В.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

e-mail: krivko.lv@yandex.ru

ORCID: 0009-0002-6853-6621

РЕФЕРАТ

Цель. Статья посвящена определению пробелов национального правового сопровождения процессов цифровой трансформации утилизации отходов для последующей оптимизации инфраструктуры обращения с отходами производства и потребления в масштабе Союзного государства России и Беларуси. **Методы.** Методологическая основа исследования — системно-институциональный и доктринальный подходы, а также формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Основной методологический прием исследования — функционально-секторальный анализ. **Результаты.** Терминологическая неопределенность категорий «вторичные ресурсы» и «вторичное сырье» создает сложности правового обоснования прав и обязанностей и объективно создает сложности цифровой трансформации отрасли утилизации отходов производства и потребления. Современное правовое регулирование цифровой трансформации процесса утилизации отходов не включает нормативное обоснование ответственности за необеспечение цифровой адаптивности и безопасности. Внедрение беспилотных систем в процессы утилизации отходов производства и потребления в настоящее время реализуется в рамках законодательства макроэкономического, а не отраслевого уровня. Должен быть нормативно определен порядок применения беспилотных летательных аппаратов для инвентаризации мусорных полигонов с точки зрения применения аэрофото- и тепловизионной съемки, сканирования территорий. Продолжают оставаться нормативно не обоснованными вопросы лицензирования операторов беспилотных систем, сертификации программного обеспечения, а также защита информации, собираемой в многоуровневом процессе утилизации отходов. Отдельная правовая проблема как отраслевого, так и национального масштаба — отсутствие категориального определения электронных отходов, порядка их утилизации. **Выводы.** Нормативно-правовая база регулирования отрасли утилизации отходов на уровне Союзного государства России и Беларуси не сформирована на достаточном уровне для решения задач цифровизации и в целом обеспечения реализации концепции как национального, так и межнационального устойчивого развития. Цифровая трансформация системы утилизации отходов в нормативном отношении больше сосредоточена на контрольном компоненте. Отраслевые планы не учитывают нормы активного использования систем искусственного интеллекта, интернета вещей, обеспечения кибербезопасности. К числу проблем правового регулирования можно отнести территориальное неравенство цифровизации, декларативную ответственность, отсутствие категориальной определенности.

Ключевые слова: утилизация отходов, цифровизация, правовые акты, циркулярная экономика, электронные отходы, беспилотные системы, интернет вещей, экологические правоотношения

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ.

Для цитирования: Кривко Л. В. Пробелы правового регулирования цифровой трансформации отрасли утилизации отходов Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 2. С. 91–101. EDN: YAYQDE

Gaps in the Legal Regulation of the Digital Transformation of the Waste Disposal Industry in the Union State of the Russian Federation and the Republic of Belarus

Lyudmila V. Krivko

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

e-mail: krivko.lv@yandex.ru

ORCID: 0009-0002-6853-6621

ABSTRACT

Aim. The article is devoted to identifying gaps in the legal support of digital transformation processes in waste disposal in Russia for the subsequent optimization of the infrastructure for managing production and consumption waste on the scale of the Union State of the Russian Federation and the Republic of Belarus. **Methods.** The research methodological framework is based on systemic-institutional and doctrinal approaches, as well as formal-legal and comparative-legal methods. The primary methodological approach is functional-sectoral analysis. **Results.** The terminological ambiguity surrounding the categories “secondary resources” and “secondary raw materials” creates difficulties in the legal justification of rights and obligations and, objectively, complicates the digital transformation of the industrial and consumer waste disposal industry. Current legal regulation of the digital transformation of the waste disposal process does not include a regulatory justification for liability for failure to ensure digital adaptability and security. The introduction of unmanned systems into industrial and consumer waste disposal processes is currently being implemented within the framework of macroeconomic, rather than industry-specific, legislation. The use of unmanned aerial vehicles for landfill inventory must be regulated, including the use of aerial photography, thermal imaging, and site scanning. Licensing of unmanned system operators, software certification, and the protection of information collected during the multi-level waste management process remain unfounded. A separate legal problem, both at an industry and national level, is the lack of a categorical definition of electronic waste and the procedure for its disposal. **Conclusion.** The regulatory framework for waste disposal within the Union State of Russia and Belarus is not sufficiently developed to address digitalization challenges and, more generally, to ensure the implementation of both national and international sustainable development concepts. Regulatory efforts to digitalize the waste disposal system are more focused on the control component. Industry plans do not take into account regulations for the active use of artificial intelligence systems, the Internet of Things, or cybersecurity. Issues with legal regulation include territorial inequalities in digitalization, declaratory liability, and a lack of categorical clarity.

Keywords: waste disposal, digitalization, legislation, circular economy, e-waste, unmanned systems, Internet of Things, environmental legal relations

For citation: Krivko L. V. Gaps in the Legal Regulation of the Digital Transformation of the Waste Disposal Industry in the Union State of the Russian Federation and the Republic of Belarus // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 91–101. (In Russ.) EDN: YAYQDE

Введение

Устойчивое развитие является стратегической основой функционирования большинства региональных интеграционных объединений, в том числе Союзного государства России и Беларуси. В современной интерпретации концепция устойчивого развития рассматривает не только социально-экономиче-

ские, но и экологические аспекты, предполагает реализацию интересов текущего поколения без вреда будущим поколениям [16].

Внимание к вопросам сохранения и воспроизводства биосферы актуализирует проблему обеспечения эффективного функционирования отрасли утилизации отходов производства и потребления. По данным информационно-аналитического портала Союзного государства (<https://soyuz.by/>), основу государственной политики Российской Федерации и Республики Беларусь составляет единство приоритетов в области обращения с отходами, в том числе их повторное использование и обработка как вторичных материальных ресурсов. При этом следует отметить, что в соответствии с Договором о создании Союзного государства вопросы утилизации отходов не определены в числе предметов исключительного (ст. 17) и/или совместного ведения (ст. 18)¹.

По оценкам представителей бизнеса, на сегодняшний день цифровизация отрасли утилизации отходов делает актуальным облачные вычисления и анализ больших данных, а с 2027 г. — интернет вещей, искусственный интеллект, дроны, блокчейн и автономное вождение [12].

Реализуемая в Российской Федерации и Республике Беларусь модель управляемой цифровой трансформации с активной ролью государственных структур вполне оправдана, так как позволяет снижать риски оппортунистического поведения усложненного субъектного состава цифровизации экономических отношений национального и межнационального уровней.

Цель исследования — определение направлений совершенствования законодательства для обеспечения оптимизации инфраструктуры обращения с отходами производства и потребления, в т. ч. в масштабе Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования формируют системно-институциональный и доктринальный подходы, а также формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Основной методологический прием исследования — функционально-секторальный анализ, предполагающий рассмотрение правового регулирования цифровой трансформации отрасли утилизации отходов с точки зрения таких компонентов, как искусственный интеллект (ИИ); интернет вещей (IoT); беспилотные системы; кибербезопасность.

В свою очередь, под цифровой трансформацией понимается реальное изменение существующих бизнес-процессов с помощью цифровых технологий и на основе оцифрованных данных, в частности переход к удаленному мониторингу и контролю процессов, выполнение бизнес-процессов на основе заданного алгоритма [10].

Результаты

Терминологическая неопределенность категорий «вторичные ресурсы» и «вторичное сырье» создает сложности правового обоснования прав и обязанностей, порождает противоречивую судебную практику и, как следствие, объективно создает сложности цифровой трансформации отрасли утилизации отходов производства и потребления. В данном случае категория «вторичные материальные ресурсы» более сопряжена с действующим законодательством и хозяйственной практикой. Категорию «вторичные материальные ресурсы» следует внести в Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (далее — 89-ФЗ) и процессы правореализации «как отходы производства и потребления, для которых существует возможность повторного использования, в т. ч. и после дополнительной обработки».

Правовое регулирование цифровой трансформации процесса утилизации отходов в настоящее время не включает нормативное обоснование ответственности государственных и негосударственных

¹ Договор о создании Союзного государства [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46990/ (дата обращения: 14.05.2026).

институциональных структур за необеспечение цифровой адаптивности и безопасности, что требует внесения изменения в КоАП, Уголовный кодекс РФ, 89-ФЗ, Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». Формирование на федеральном уровне единого концептуального подхода к организации процессов жизненного цикла информационно-программных средств в сфере утилизации отходов производства и потребления позволит устранить региональное неравенство доступа к современным технологическим решениям проблемы экологического мониторинга и контроля за счет формирования единых платформенных решений на международном уровне.

Правовое регулирование внедрения беспилотных систем в процессы утилизации отходов производства и потребления в настоящее время реализуется в рамках законодательства макроэкономического, а не отраслевого уровня. Применительно к решению задачи утилизации отходов должен быть нормативно определен порядок применения беспилотных летательных аппаратов для инвентаризации мусорных полигонов с точки зрения применения аэрофото- и тепловизионной съемки, сканирования территорий. Также продолжают оставаться нормативно не обоснованными вопросы лицензирования операторов беспилотных систем, сертификации программного обеспечения, а также защиты информации, собираемой в многоуровневом процессе утилизации отходов.

Отдельная правовая проблема как отраслевого, так и национального масштаба — отсутствие единого подхода и категориального определения электронных отходов, порядка их утилизации и ответственности в рамках реализации концепции регионального интеграционного устойчивого развития. Единое нормативное закрепление срока хранения электронных отходов (11 месяцев), а также их определение как «вышедшее из использования электротехническое и электронное оборудование (включая узлы, части, детали)» повысят уровень категориальной определенности правоприменения.

Обсуждение

В соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 15.12.2023 № 3664-р «О стратегическом направлении в области цифровой трансформации отрасли экологии и природопользования, относящейся к сфере деятельности Министерства природных ресурсов и экологии РФ»¹ целевой установкой цифровой трансформации отрасли экологии и природопользования является достижение высокой степени «цифровой зрелости» за счет внедрения и последующего углубленного использования цифровых технологий в рамках создания и развития государственных информационных систем. Утилизация отходов в рамках «стратегии» цифровой трансформации продолжает рассматриваться с позиции контролирующих функций, а не предотвращения и ликвидации накопленного вреда, на что также обращено внимание в монографическом исследовании под редакцией Г. В. Выпханова [4] и в исследовании Т. В. Закупень [5].

В рамках национального проекта «Экологическое благополучие» не обозначены целевые установки цифровой трансформации отрасли, в том числе с позиции решения проблемы утилизации отходов производства и потребления, хотя проблема утилизации отходов рассматривается по существу проекта.

Целевыми установками национального проекта «Экологическое благополучие» обозначены ликвидация объектов накопленного вреда окружающей среде, применение вторичных ресурсов, вторичного сырья из отходов в отраслях экономики. Аналогичная цель определена в Национальной стратегии развития экономики замкнутого цикла (циркулярной экономики) Республики Беларусь на период до 2035 года, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29.05.2024 № 393, и в Стратегии по обращению с отходами производства и потребления Республики Беларусь².

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15.12.2023 № 3664-р «О стратегическом направлении в области цифровой трансформации отрасли экологии и природопользования, относящейся к сфере деятельности Министерства природных ресурсов и экологии РФ» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312250116> (дата обращения: 01.04.2026).

² Постановление Совета Министров Республики Беларусь 18.08.2025 № 444 «О Стратегии по обращению с отходами производства и потребления в Республике Беларусь» [Электронный ресурс]. URL: https://priroda-brest.by/wp-content/uploads/2025/09/strategia_othody_444.pdf (дата обращения: 01.04.2026).

Анализ российского законодательства выявил наличие правовых коллизий в части категориального обоснования составляющих процесса экономики замкнутого цикла. Проблема терминологической определенности обозначена и в исследованиях А. В. Хорошавина [17]. В частности, Федеральный закон от 14.07.2022 № 268-ФЗ¹ включил термин «вторичные ресурсы» («отходы, которые или части которых могут быть повторно использованы для производства товаров, выполнения работ, оказания услуг или получения энергии и которые получены в результате раздельного накопления, сбора или обработки отходов либо образованы в процессе производства») в Федеральный закон № 89-ФЗ и термин «вторичное сырье» («продукция, полученная из вторичных ресурсов непосредственно (без обработки) или в соответствии с технологическими процессами, методами и способами, предусмотренными документами в области стандартизации Российской Федерации, которая может использоваться в производстве другой продукции и (или) иной хозяйственной деятельности») в Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды».

ГОСТ 30772-2001 «Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Термины и определения», ГОСТ 54098-2010 «Ресурсосбережение. Вторичные материальные ресурсы. Термины и определения» содержат определение вторичных материальных ресурсов как отходов производства и потребления, образующихся в народном хозяйстве, для которых существует возможность повторного использования непосредственно или после дополнительной обработки. Минприроды России в своем письме от 13.07.2023 № 25-47/25610 «О побочных продуктах производства» предоставило хозяйствующим субъектам право самостоятельно осуществлять отнесение веществ и (или) предметов, образующихся при производстве основной продукции, в том числе при выполнении работ и оказании услуг, и не являющихся целью данного производства (работ или услуг), к отходам либо побочным продуктам. В данном случае более экономически полным является определение, представленное в ГОСТ 54098-2010, так как определяет возможность наличия добавленной стоимости и снимает бюрократические сложности правового определения прав и обязанностей владельцев отходов для цифровизации процессов утилизации.

Отраслевое применение технологий интернета вещей регулируется комплексом федеральных законов, подзаконных актов и отраслевых стандартов. Основной акцент делается на процессы мониторинга, учета и оптимизации утилизации.

Так, в соответствии с действующим законодательством² операторы систем коммунального твердого мусора обязаны внедрять автоматизированные системы учета и мониторинга отходов, включая IoT-датчики для контейнеров (датчики заполненности, GPS-трекинг мусоровозов); вводится государственный информационный реестр отходов, куда интегрируются данные IoT-устройств для отслеживания перемещения отходов I–IV классов опасности. Однако ответственность операторов нормативно не определена.

Национальный стандарт ГОСТ Р 70717-2023³ определяет применение IoT для «умных» контейнеров: датчики ультразвука / весы, облачные платформы для прогнозирования маршрутов мусоровозов.

В рамках правового обоснования процессов удаленного мониторинга и учета отходов производства и потребления продолжает оставаться актуальной проблема транспарентности. По оценкам Л. Е. Коробка, транспарентность выступает условием экологических правоотношений: цифровые технологии используются при реализации отдельных организационно-правовых мер, направленных на обеспечение доступа к экологической информации в области обращения с отходами; в использовании интегративных аналитических панелей или интерактивных карт; доступе к национальным информационным экологическим системам и реестрам, электронным моделям территориальных схем обращения с отходами [10].

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “Об отходах производства и потребления” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 14.07.2022 № 268-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48176> (дата обращения: 01.04.2026); Постановление Арбитражного суда кассационной инстанции Ф06-594/2025 от 24.02.2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/IQ8XYPWTBaNW/> (дата обращения: 02.04.2026).

² См.: Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=503925#h1445> (дата обращения: 02.04.2026); Постановление Правительства РФ от 13.05.2022 № 868 «О единой федеральной государственной информационной системе учета отходов от использования товаров» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/350346581> (дата обращения: 02.04.2026).

³ ГОСТ Р 70717-2023 «Обращение с отходами. Обработка твердых коммунальных отходов для подготовки к дальнейшей утилизации. Общие требования». Утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 10.04.2023 № 214-ст [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1301395304> (дата обращения: 02.04.2026).

С другой стороны, правовое регулирование должно обеспечивать прозрачность деятельности субъектов формирования и складирования отходов потребления для повышения достоверности статистического учета и реализации механизма ответственности за нарушение экологических норм и правил. Правовое обоснование мер по обеспечению прозрачности заложено постановлением Правительства РФ от 13.05.2022 № 868 «О единой федеральной государственной информационной системе учета отходов от использования товаров», которое определило, что «поставщики информации обеспечивают полноту, достоверность, актуальность информации и своевременность ее размещения в системе учета отходов» (п. 13).

Однако правовое регулирование цифровой трансформации процесса утилизации отходов должно включать нормативное обоснование ответственности за необеспечение цифровой адаптивности и безопасности в рамках доктрины «расширенной ответственности производителя» [3; 13], так как существующая система правовых институтов охраны окружающей среды «носит преимущественно декларационный характер, поскольку механизмы юридической ответственности остаются недостаточно действенными, а процедуры контроля не обеспечивают необходимую полноту и оперативность выявления нарушений» [9]. Например, нормы Федерального закона № 89-ФЗ¹ не содержат практико-ориентированных механизмов экономического стимулирования субъектов отрасли утилизации отходов в части внедрения механизмов замкнутого цикла, технологического развития и ускорения процессов цифровой трансформации отрасли. В свою очередь, отсутствие прозрачных методик оценки вреда выступает фактором деактивации реализации административных и уголовных норм ответственности. На данную проблему обращает внимание и В. О. Кулаков [11].

В распоряжении Правительства Российской Федерации от 15.12.2023 № 3664-р выделена проблема отсутствия единого цифрового пространства в отрасли, как и проблема отсутствия единых платформенных решений. Разработка и утверждение Положения по организации процессов жизненного цикла информационно-программных средств заложило бы основу создания и эксплуатации отечественных платформенных решений с учетом стратегической задачи распространения на уровне Союзного государства в рамках деятельности по утилизации отходов производства и потребления. При разработке данного положения следует опираться на опыт Федеральной таможенной службы РФ² в части учета решений Евразийской экономической комиссии при описании процессов жизненного цикла программных средств.

Учитывая опыт Российского экологического оператора по формированию информационного реестра отечественных IT-решений в области экологии и обращения с твердыми коммунальными отходами (на 09.02.2026 в реестр включено 32 единицы программного обеспечения), необходимо определить нормы, обеспечивающие решение проблем совместимости информационных систем (например, ФГИС «Чистый воздух» и ФГИС «Объекты, оказывающие негативное воздействие на окружающую среду», региональных и муниципальных систем мониторинга), цифровизации, обеспечения безопасности данных и стандартизации программного обеспечения, использования блокчейн-отчетности.

Беспилотные авиационные системы (БАС) применяются для мониторинга свалок, инспекции полигонов, доставки датчиков, сортировки отходов и оптимизации логистики мусоровозов. Регулирование сочетает авиационные, экологические и цифровые нормы. Основные акты — Федеральный закон № 89-ФЗ, Приказ Минприроды от 31.03.2025 № 157 «Об утверждении Правил инвентаризации объектов размещения отходов производства и потребления», Воздушный кодекс РФ и Постановление Правительства РФ от 25.05.2019 № 658³.

¹ Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=503925#h1445> (дата обращения: 02.04.2026).

² Приказ ФТС РФ от 28.06.2021 № 535 «Об утверждении положения по организации процессов жизненного цикла информационно-программных средств в таможенных органах» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/607871803> (дата обращения: 02.04.2026).

³ Постановление Правительства РФ от 25.05.2019 № 658 «Об утверждении Правил государственного учета беспилотных гражданских воздушных судов с максимальной взлетной массой от 0,15 килограмма до 30 килограммов, сверхлегких пилотируемых гражданских воздушных судов с массой конструкции 115 килограммов и менее, ввезенных в Российскую Федерацию или произведенных в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/72255560/> (дата обращения: 02.04.2026).

Основным механизмом внедрения беспилотных систем в приоритетных отраслях экономики стали экспериментальные правовые режимы¹, которые позволяют компаниям тестировать беспилотные автоматизированные системы в реальных условиях, временно отступая от некоторых жестких норм действующего законодательства. Важнейшим этапом стало утверждение национального проекта «Беспилотные авиационные системы», который задает вектор нормативного регулирования до 2030 г. Законодательство в этой сфере фокусируется на упрощении процедур сертификации, интеграции беспилотников в единое воздушное пространство и установлении правил использования радиочастотного спектра.

В российском законодательстве есть несколько подходов к определению «беспилотная авиационная система». Так, Воздушный кодекс РФ определяет БАС «как комплекс взаимосвязанных элементов, включающий в себя одно или несколько беспилотных воздушных судов, средства управления полетом одного или нескольких беспилотных воздушных судов (станцию внешнего пилота и линию управления беспилотными воздушными системами и контроля беспилотной авиационной системы), а также средства осуществления взлета и посадки беспилотных воздушных судов».

В свою очередь, ГОСТ Р 57258-2016² определяет БАС как «комплекс, включающий одно или несколько беспилотных воздушных судов, оборудованных системами навигации и связи, средствами обмена данными и полезной нагрузкой, а также наземные технические средства передачи-получения данных, используемые для управления полетом и обмена данными о параметрах полета, служебной информацией и информацией о полезной нагрузке такого или таких воздушных судов, и канал связи со службой управления воздушным движением». Представляется, что определение БАС, включенное в ГОСТ Р 57258-2016, более емкое и имеет межотраслевой характер, может быть модифицировано для нормативного обоснования категории «беспилотная система».

Современные исследователи, анализируя нормы регулирования использования БАС, делают вполне справедливые выводы о том, что:

- правовое обеспечение эксплуатации беспилотных летательных аппаратов относится к публичному праву и связано с сертификацией, лицензированием, авиационной безопасностью, проектированием, производством и эксплуатацией;
- правовое регулирование хозяйственных отношений с БАС осуществляется как авиационным законодательством, так и законодательством иной отраслевой принадлежности (гражданское, административное, уголовное) [15];
- практика хозяйственной деятельности в условиях цифровизации требует разработки нормативного документа, который бы в совокупности регулировал правореализацию в части использования беспилотных летательных аппаратов [14];
- завершение экспериментальных правовых режимов применительно к БАС не должно сосредотачиваться только на корректировках авиационного законодательства, отраслевые правовые нормы также должны уточняться;
- требуются нормы, расширяющие правовое регулирование БАС с точки зрения поставки, аренды, оборотоспособности, утилизации.

При наличии стратегического внимания к вопросам безопасности и ответственности сохраняются существенные пробелы: не определены механизм возмещения вреда и конкретный круг субъектов ответственности, а макроэкономическая ориентация на экспериментальные правовые режимы не обеспечивает системного отраслевого регулирования рисков внедрения систем обеспечения кибербезопасности.

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации³ не определяет содержание или возможные направления правового толкования кибербезопасности. По оценкам экспертов, несмотря

¹ Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45796> (дата обращения: 02.04.2026).

² ГОСТ Р 57258-2016 «Системы беспилотные авиационные. Термины и определения». Утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 10.11.2016 № 1674 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200141433> (дата обращения: 30.03.2026).

³ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71556224/> (дата обращения: 02.04.2026).

на масштабные разработки в области обеспечения кибербезопасности, не решены многие вопросы в области правового регулирования кибербезопасности критической инфраструктуры; отсутствует комплексный подход к решению вопросов нормативного обеспечения кибербезопасности отрасли утилизации отходов производства и потребления с привлечением всех субъектов, предусмотренных ст. 2 Федерального закона от 26.07.2017 № 187-ФЗ [1; 8].

Несмотря на социально-экономическую значимость отрасли утилизации отходов производства и потребления, эксперты сходятся во мнении, что отраслевая цифровая трансформация требует большого количества затрат на создание цифровой инфраструктуры [2; 6] и стратегически будет масштабировать проблему утилизации отходов различных информационных устройств. Так, Г. О. Ярыгин отмечает, что цифровизация сопровождается значительными экологическими рисками, которые главным образом связаны с «чрезмерным объемом электронных устройств, находящихся в обращении, коротким периодом жизненного цикла устройств, малыми объемами или невозможностью переработки электронного мусора, высокой энергоемкостью инфраструктуры»¹.

С июня 2021 г. действует Соглашение о сотрудничестве государств — участников СНГ в области обращения с отходами электронного и электротехнического оборудования, участником которого является и Российская Федерация. Данное Соглашение направлено на формирование региональной системы обращения с электронными отходами как источником вторичных материальных ресурсов.

Однако, по оценкам Я. С. Казатенкова, нормативное обоснование процессов утилизации электронных отходов в настоящее время является не полным: «отсутствует единое официальное определение электронных отходов, законодательно не детализируется порядок их сбора и переработки» [7]. Например, в Приказе Минприроды РФ от 11.06.2021 № 399 «Об утверждении требований при обращении с группами однородных отходов I–V классов опасности», в ГОСТ Р 70146-2022 «Отходы электроники и электробытовой техники. Общие требования к организациям, осуществляющим деятельность по сбору, транспортированию, обработке и утилизации отработавшего электрического и электронного оборудования» установлены требования при обращении с группой однородных отходов «Батареи и аккумуляторы, утратившие потребительские свойства», «Оборудование компьютерное, электронное, электрическое, оптическое, утратившее потребительские свойства», «Отходы электролитов аккумуляторов и аккумуляторных батарей». Приказом Минприроды РФ от 11.06.2021 № 399 установлен срок хранения отходов в течение 36 месяцев, что противоречит 89-ФЗ, который предполагает максимальный срок хранения отходов 11 месяцев.

Заключение

Нормативно-правовая база цифровой трансформации бизнес-моделей в сфере утилизации отходов производства и потребления и межгосударственного регулирования данных процессов не сформированы на достаточном уровне для решения задач цифровизации и в целом обеспечения реализации концепции устойчивого развития. Необходимо внесение изменений в Договор о создании Союзного государства в части расширения перечня предметов совместного ведения (ст. 18) областью утилизации отходов производства и потребления, а также вопросами цифровизации.

Цифровая трансформация системы утилизации отходов производства и потребления в нормативном отношении больше сосредоточена на контрольном компоненте. Отраслевые планы несколько игнорируют нормы активного использования ИИ, IoT, обеспечения кибербезопасности, фокусируясь на экономических индикаторах. Также к числу проблем правового регулирования можно относить национальное территориальное неравенство цифровизации, декларативную ответственность, отсутствие категориальной определенности.

В рамках Союзного государства России и Беларуси необходима разработка и последующая реализация Стратегии экономики замкнутого цикла, которая в том числе должна включать вопросы унификации

¹ Ярыгин Г. О. Экологизация цифровизации [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ekologizatsiya-tsifrovizatsii/> (дата обращения: 02.04.2026).

нормативных требований в области обращения электронных отходов. Указанная стратегия создаст обоснование модульного закона Союзного государства об утилизации отходов производства и потребления.

Список литературы

1. *Баландин А. Ю.* Кибербезопасность и информационная безопасность. Демаркация правовых категорий // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 3. С. 260–270. EDN: DQTEHX. DOI: 10.24412/1608-8794-2023-3-260-270
2. *Березюк М. В., Румянцева А. В.* Цифровизация отрасли обращения с твердыми коммунальными отходами с целью повышения эффективности обработки // Экономика высокотехнологичных производств. 2025. Т. 6, № 4. С. 489–507. EDN: KRXMFV. DOI: 10.18334/evp.6.4.124281
3. *Брославский Л. И.* Проблемы совершенствования законодательства об отходах: расширенная ответственность производителя // Экологическое право. 2024. № 6. С. 13–20. EDN: HBPKDD. DOI: 10.18572/1812-3775-2024-6-13-20
4. Государственная экологическая политика и актуальные правовые проблемы обращения с отходами / под ред. Г. В. Выпханова. М. : Проспект, 2025. 335 с. ISBN: 978-5-392-44026-9.
5. *Закупень Т. В.* Правовое регулирование переработки промышленных отходов: проблемы и перспективы «зеленой» экономики. М. : Статут, 2022. 330 с. ISBN: 978-5-8354-1851-0.
6. *Иорданова А. В., Юшин В. В., Подколзин П. Л., Гладилин Д. Е.* Перспективы развития отрасли обращения с отходами в рамках концепции Индустрии 4.0 // Отходы и ресурсы. 2022. Т. 9, № 2. EDN: ADZLTZ. DOI: 10.15862/111TOR222
7. *Казатенков Я. С.* Понятие «электронные отходы» и правовые основы обращения с электронными отходами в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5 (221). С. 162–165. EDN: FUMBKJ
8. *Кайгородова О. С.* Нормативно-правовое обеспечение кибербезопасности: защищены ли мы? // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 155–161. EDN: MCGOBB. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-155-161
9. *Ковалев Л. В.* Национальная цель «Экологическое благополучие» как инструмент модернизации государственного управления в Российской Федерации // Вестник науки. 2025. Т. 5, № 11 (92). С. 763–781. EDN: VTKJAP
10. *Коробка Л. Е.* Цифровая трансформация в области обращения с отходами потребления: теоретико-правовые аспекты // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20, № 9. С. 178–187. EDN: WFDJBC. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.178-187
11. *Кулаков В. О.* Проблемы уголовной ответственности за нарушение требований в области обращения с отходами // Молодой ученый. 2022. № 21 (416). С. 561–562. EDN: KFNWAW
12. *Куценко А. С., Аверина Ю. М., Осипов Г. А.* Перспективы цифровизации обращения с отходами в Российской Федерации // Успехи в химии и химической технологии. 2023 Т. XXXVII. № 17. С. 69–71. EDN: ВН1АUE
13. *Марьин Е. В.* О некоторых вопросах экономико-правового обеспечения управления в области обращения с отходами // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 4 (53). С. 281–284. EDN: WKDEWQ. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.53.437
14. *Матасова Д. Д.* О перспективных направлениях развития гражданско-правового регулирования использования беспилотных летательных аппаратов // Право и государство. 2019. № 10 (178). С. 98–100. EDN: QEFARE
15. *Полетыкин Д. А.* Правовое регулирование использования беспилотных летательных аппаратов в Российской Федерации: текущее состояние и перспективы развития // Юридическая наука. 2023. № 9. С. 143–153. EDN: IWZLQG
16. *Торопыгин А. В., Ирошкина Т. В.* Деятельность ЕАЭС по достижению целей устойчивого развития // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18, № 4. С. 109–119. EDN: SQOIRA. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-04-109-119

17. *Хорошавин А. В.* Проблемы правового регулирования, препятствующие построению эффективной системы утилизации отходов в Российской Федерации // *Государство и право*. 2022. № 10. С. 93–99. EDN: OSTRAU. DOI: 10.31857/S102694520017334-8

Об авторе:

Кривко Людмила Владимировна, доктор экономических наук, доцент, доцент кафедры правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация);
e-mail: krivko.lv@yandex.ru; ORCID: 0009-0002-6853-6621

References

1. Balandin, A. Yu. Cyber Security and Information Security. Demarcation of Legal Categories // *Legal Policy and Legal Life*. 2023. No. 3. P. 260–270. (In Russ.) EDN: DQTEHX. DOI: 10.24412/1608-8794-2023-3-260-270
2. Berezyuk, M. V., Rumyantseva, A. V. Digitalization of the Municipal Solid Waste Management Industry in order to Increase the Processing Efficiency // *High-tech Enterprises Economy*. 2025. Vol. 6, No. 4. P. 489–507. (In Russ.) EDN: KRXMFV. DOI: 10.18334/evp.6.4.124281
3. Broslavsky, L. I. Problems of Improving Waste Treatment Laws: Extended Producer Responsibility // *Environmental Law*. 2024. No. 6. P. 13–20. (In Russ.) EDN: HBPKDD. DOI: 10.18572/1812-3775-2024-6-13-20
4. *State Environmental Policy and Current Legal Issues of Waste Management* / ed. by G. V. Vypkhanov. Moscow : Prospect, 2025. 335 p. ISBN: 978-5-392-44026-9 (In Russ.)
5. Zakupen, T. V. Legal Regulation of Industrial Waste Processing: Problems and Prospects of a “Green” Economy. Moscow : Statut, 2022. 330 p. ISBN: 978-5-8354-1851-0. (In Russ.)
6. Iordanova, A. V., Yushin, V. V., Podkolzin, P. L., Gladilin, D. E. Prospects for the Development of the Waste Management Industry within the Framework of the Industry 4.0 Concept // *Russian Journal of Resources, Conservation and Recycling*. 2022. Vol. 9, No. 2. (In Russ.) EDN: ADZLTZ. DOI: 10.15862/11ITOR222
7. Kazatenkov, Ya. S. The Concept of ‘Electronic Waste’ and the Legal Basis of Treatment with Electronic Waste in the Russian Federation // *Law and State: Theory and Practice*. 2023. No. 5 (221). P. 162–165. (In Russ.) EDN: FUMBKJ
8. Kaigorodova, O. S. Regulatory and Legal Support of Cybersecurity: Are We Protected? // *Law and Order: History, Theory, Practice*. 2023. No. 4 (39). P. 155–161. (In Russ.) EDN: MCGOBB. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-155-161
9. Kovalev, L. V. National Goal “Environmental Well-Being” as a Tool for Modernizing Public Administration in the Russian Federation // *Vestnik Nauki*. 2025. Vol. 5, No. 11 (92). P. 763–781. (In Russ.) EDN: VTKJAP
10. Korobka, L. E. Digital Transformation in the Field of Consumer Waste Management: Theoretical and Legal Aspects // *Actual Problems of Russian Law*. 2025. Vol. 20, No. 9. P. 178–187. (In Russ.) EDN: WFDJBC. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.178-187
11. Kulakov, V. O. Problems of Criminal Liability for Violation of Requirements in the Field of Waste Management // *Young Scientist*. 2022. No. 21 (416). P. 561–562. (In Russ.) EDN: KFHWAW
12. Kutsenko, A. S., Averina, Yu. M., Osipov, G. A. Prospects for Digitalization of Waste Management in the Russian Federation // *Advances in Chemistry and Chemical Technology*. 2023. Vol. XXXVII. No. 17. P. 69–71. (In Russ.) EDN: BHIAUE
13. Maryin, E. V. On Some Issues of Economic and Legal Support of Management in the Field of Waste Management // *Business. Education. Law*. 2020. No. 4 (53). P. 281–284. (In Russ.) EDN: WKDEWQ. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.53.437
14. Matasova, D. D. On the Promising Directions for the Development of Civil-Legal Regulation of the Use // *Law and State: The Theory and Practice*. 2019. No. 10 (178). P. 98–100. (In Russ.) EDN: QEFARE

15. Poletykin, D.A. Legal Regulation of Relations with the Use of Unmanned Aerial Vehicles in the Russian Federation: Current State and Prospects of Development // Legal Science. 2023. No. 9. P. 143–153. (In Russ.) EDN: IWZLQG
16. Toropygin, A. V., Iroshkina, T. V. Activities of the EAEU Countries to achieve the Implementation of Sustainable Development Goals // Eurasian integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18, No. 4. P. 109–119. (In Russ.) EDN: SQOIRA. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-04-109-119
17. Khoroshavin, A. V. Problems of Legal Regulation Hindering the Establishment of an Effective Waste Recycling System in the Russian Federation // State and Law. 2022. No. 10. P. 93–99. (In Russ.) EDN: OCTRAU. DOI: 10.31857/S102694520017334-8

About the author:

Lyudmila V. Krivko, Doctor of Science (Economy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation);
e-mail: krivko.lv@yandex.ru; ORCID: 0009-0002-6853-6621

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кривко Л. В., 2026

Правовое регулирование осуществления ЕЭК исполнительно-распорядительных полномочий: проблемы реализации и опыт ЕС

Артеменко Т. Д.

Управление по законотворческой деятельности Правительства Калининградской области, Калининград, Российская Федерация

e-mail: t.artemenko@gov39.ru

ORCID: 0000-0002-2538-1677

РЕФЕРАТ

Настоящее исследование посвящено изучению исполнительных и распорядительных полномочий Евразийской экономической комиссии, порядку их осуществления, объему и их влиянию на развитие интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе. **Цель.** Выявить существенные характеристики исполнительно-распорядительной функции Евразийской экономической комиссии, проблемы их реализации, а также определить возможные пути решения данных проблем для использования в деятельности Евразийской экономической комиссии с учетом релевантного опыта Европейской комиссии. **Задачи.** Рассмотреть специфику и сущность исполнительно-распорядительной функции Евразийской экономической комиссии, а также систему аналогичных полномочий Европейской комиссии. Проанализировать учредительные договоры Евразийского экономического союза и Европейского союза, иные международные договоры данных интеграционных объединений и соответствующую правоприменительную практику. **Методология.** В ходе исследования использовались общенаучные методы познания — анализ, синтез, индукция, дедукция. Также в работе использовались специальные юридические методы — формально-юридический, технико-юридический, метод юридической аналогии, а также сравнительно-правовой метод. **Результаты.** В результате проведенного исследования установлено, что исполнительные и распорядительные полномочия занимают важное место в практике Евразийской экономической комиссии. Вместе с тем при их осуществлении возникает ряд проблем, которые возможно решить посредством внедрения предложенных нами мер, основанных в том числе на положительном опыте Европейской комиссии по реализации исполнительно-распорядительной функции. В частности, выявлены проблемы разграничения исполнительных актов и других правовых актов Евразийской экономической комиссии, определения нормативности решения или распоряжения Евразийской экономической комиссии, порядка подготовки Коллегией Евразийской экономической комиссии проектов правовых актов всех политических органов Евразийского экономического союза и другие. **Выводы.** Констатация выявленных в статье проблем в сфере осуществления Евразийской экономической комиссией исполнительно-распорядительных полномочий обуславливает целесообразность внесения изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе и другие акты, составляющие право Евразийского экономического союза, а также издание новых актов, которые будут регулировать вопросы, которые до настоящего времени не регламентированы правом Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Европейский союз, Евразийская экономическая комиссия, Европейская комиссия, исполнительные полномочия, распорядительные полномочия, правотворчество

Для цитирования: Артеменко Т. Д. Правовое регулирование осуществления ЕЭК исполнительно-распорядительных полномочий: проблемы реализации и опыт ЕС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 2. С. 102–113. EDN: YCJPEE

Legal Regulation of the EEC's Executive and Administrative Powers: Implementation Issues and EU Experience

Timofei D. Artemenko

Department for Legislative Activity of the Government of the Kaliningrad Region, Kaliningrad, Russian Federation
e-mail: t.artemenko@gov39.ru
ORCID: 0000-0002-2538-1677

ABSTRACT

This study is devoted to the examination of the executive and administrative powers of the Eurasian Economic Commission, the procedure for their exercise, their scope, and their impact on the development of integration processes within the Eurasian Economic Union. **Aim.** To identify the essential characteristics of the executive and administrative function of the Eurasian Economic Commission, the problems of its implementation, and to determine possible ways of addressing these problems for their use in the activities of the Eurasian Economic Commission, taking into account the relevant experience of the European Commission. **Tasks.** To examine the specific features and essence of the executive and administrative function of the Eurasian Economic Commission, as well as the system of analogous powers of the European Commission. To analyse the founding treaties of the Eurasian Economic Union and the European Union, other international treaties of these integration associations, and the relevant law-enforcement practice. **Methods.** The research employed general scientific methods of cognition — analysis, synthesis, induction, and deduction. The study also used special legal methods, including the formal legal method, the technical legal method, the method of legal analogy, and the comparative legal method. **Results.** The study establishes that executive and administrative powers occupy an important place in the practice of the Eurasian Economic Commission. At the same time, a number of problems arise in the course of their exercise, which can be resolved through the implementation of the measures proposed by the author, based, inter alia, on the positive experience of the European Commission in exercising the executive and administrative function. In particular, the study identifies problems relating to the delimitation of executive acts from other legal acts of the Eurasian Economic Commission; the determination of the normative nature of a decision or order of the Eurasian Economic Commission; the procedure for the preparation by the board of the Eurasian Economic Commission of draft legal acts of all political bodies of the Union, and others. **Conclusions.** The identification of the problems revealed in the article in the sphere of the exercise by the Eurasian Economic Commission of executive and administrative powers substantiates the expediency of introducing amendments to the Treaty on the Eurasian Economic Union and other acts constituting the law of the Eurasian Economic Union, as well as the adoption of new acts regulating issues that have not yet been governed by the law of the Eurasian Economic Union.

Keywords: Eurasian Economic Union, European Union, Eurasian Economic Commission, European Commission, executive powers, administrative powers, law-making

For citation: Artemenko T. D. Legal Regulation of the EEC's Executive and Administrative Powers: Implementation Issues and EU Experience // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 102–113. (In Russ.) EDN: YCJPEE

Введение

В соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе (далее — Договор о ЕАЭС, Учредительный договор) Евразийская экономическая комиссия (далее — ЕЭК, Комиссия) является

регулирующим органом Евразийского экономического союза (далее — Союз), обеспечивающим условия функционирования и развития интеграционных процессов [11, с. 169–172]. Несмотря на относительно низкое положение в институциональной системе ЕАЭС [7], Комиссия наряду с правотворческой и контрольно-надзорной функциями обладает значительными исполнительно-распорядительными полномочиями, реализуемыми посредством издания соответствующих правовых актов. В связи с чем последняя очень тесно связана с правотворческой функцией.

Из толкования совокупности положений п. 1, п. 11, п. 22, абзаца первого п. 31 Положения о Евразийской экономической комиссии (далее — Положение о ЕЭК) следует, что Комиссия имеет двухуровневую структуру, которая позволяет распределить полномочия между Советом и Коллегией Комиссии. При этом исполнительным органом Комиссии является Коллегия, а Совет осуществляет общее руководство Комиссией и общее регулирование интеграционных процессов в Союзе [5, с. 249].

Как показывает анализ правоприменительной практики за 2024 г., Евразийской экономической комиссией было принято 246 распоряжений, из них Коллегией — 209 распоряжений, Советом — 37. При этом за тот же период ЕЭК было принято 310 решений. Таким образом, без учета исполнительных решений акты распорядительного характера занимают более 40% из числа всех обязательных к исполнению правовых актов, принимаемых ЕЭК в рамках осуществления своих полномочий¹. Это подтверждает ключевую роль исполнительно-распорядительных полномочий в обеспечении эффективного функционирования Евразийского экономического союза.

Исследование

Исполнительные полномочия ЕЭК

Исполнительно-распорядительная функция играет важную роль в деятельности Комиссии, поскольку ее реализация позволяет, во-первых, исполнительными актами регулировать вопросы, не урегулированные положениями Договора ЕАЭС, международных договоров, акты иных органов Союза, при этом не внося в них непосредственно изменения, во-вторых, распоряжениями регулировать все организационные вопросы, возникающие в деятельности Комиссии. При этом правовая природа исполнительных и распорядительных полномочий, при помощи которых ЕЭК по большей части регулирует интеграционные процессы в ЕАЭС, вытекает из статуса Коллегии Комиссии как исполнительного органа Союза.

Согласно абзацу пятому п. 1 ст. 6, ст. 18 Договора о ЕАЭС, п. 48 Положения о ЕЭК, Комиссия в рамках своей компетенции и при реализации любых полномочий вправе принимать три вида правовых актов: решения, распоряжения и рекомендации, из которых первые два являются обязательными к исполнению [3, с. 73–74]. При этом все три вида актов в соответствии с п. 1 ст. 6 Договора о ЕАЭС составляют право Союза [12, с. 53]. В отличие от распорядительной функции, для реализации исполнительных полномочий правом ЕАЭС не предусмотрено специальных видов правовых актов Комиссии, в связи с чем они осуществляются посредством издания решений по общему правилу, что несколько усложняет анализ практики и разграничение исполнительных актов от всех других.

В отличие от права Европейского союза (далее — ЕС), где существуют специальные «исполнительные» и «делегированные» акты, которые закреплены за Европейской комиссией (далее — ЕК), в ЕАЭС такие виды актов не выделены. Данное обстоятельство затрудняет разграничение исполнительных решений от иных актов Комиссии. С одной стороны, при ограничительном подходе к термину «исполнительный акт», а также с учетом роли Комиссии, в том числе как исполнительного органа, можно сказать, что все акты, принимаемые ЕЭК, по своей сути являются исполнительными актами. С другой стороны, некоторые ученые придерживаются противоположного мнения и считают, что исполнительно-распорядительная функция подразумевает обеспечение лишь организационной и сугубо хозяйственной деятельности [15, с. 122–123].

Вместе с тем, на наш взгляд, ни один из указанных подходов не является верным и не отражает сути исполнительных актов Комиссии. Так, если с распорядительными полномочиями вопросов не

¹ Правовой портал [Электронный ресурс] // Евразийский экономический союз. URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru> (дата обращения: 15.02.2025).

возникает, ввиду того, что для них предусмотрены специальные акты (распоряжения), то касательно исполнительных актов не все так однозначно. Такое положение дел следует из буквального толкования термина «исполнительные акты», при котором из общего пласта правовых актов ЕЭК можно выделить определенный спектр решений Комиссии, обладающих соответствующими признаками, позволяющих отнести их к исполнительным актам — т. е. актам, принятым во исполнение той или иной нормы Учредительного договора и иных международных договоров, составляющих первичное право Союза.

Таким образом, предлагаемый и используемый нами подход является «золотой серединой» между расширительным и ограничительным толкованием термина «исполнительные полномочия». При этом следует отметить, что в отличие от исполнительных полномочий реализация самостоятельной правотворческой функции основывается на нормах первичного права Союза, устанавливающих общие полномочия Комиссии в той или иной сфере без конкретизации таковых.

Примерами целесообразности такого толкования могут служить Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 29.01.2024 № 9¹, в части, касающейся обеспечения исполнения на территории Союза технических регламентов, Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 28.05.2024 № 60², которым, в частности, утверждены справочники форм обучения, видов родства, причин инвалидности и т. д., используемые в сфере трудовой миграции и социальной защиты, а также Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.04.2015 № 30 «О мерах нетарифного регулирования», которое принято в соответствии со ст. 46 Договора о ЕАЭС и п. 4 и 37 Протокола о мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран (приложение № 7 к Договору о ЕАЭС).

Таким образом, анализ вышеуказанных актов свидетельствует об исполнительном характере таких актов, поскольку все они были приняты во исполнение тех или иных норм первичного права (Договора о ЕАЭС и международных договоров в рамках ЕАЭС), содержащих полномочие Комиссии на совершение определенных действий.

В связи с изложенным представляется целесообразным при толковании исполнительных актов Комиссии использовать метод буквального толкования, что позволит разграничить исполнительные акты Комиссии и все другие виды актов.

Распорядительные полномочия ЕЭК

Исполнительно-распорядительные полномочия, как и контрольные (надзорные) и ряд других полномочий, предоставленных Комиссии правом ЕАЭС, она осуществляет посредством издания правовых актов [2]. В связи с чем указанные функции так или иначе тесно переплетены с правотворческой функцией, являющейся, на наш взгляд, основополагающим элементом правового положения ЕЭК как регулирующего, исполнительного и контрольно-надзорного органа Союза [16, с. 138].

Согласно п. 13 Положения о ЕЭК распоряжения носят организационно-распорядительный и ненормативный характер. Об этом свидетельствует анализ правоприменительной практики Комиссии и национального правового регулирования государств — членов ЕАЭС. Например, распоряжением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10.12.2024 № 195³ внесены изменения в состав Консультативного комитета по международной деятельности; распоряжением Совета Евразийской

¹ Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 29.01.2024 № 9 «О перечне международных и региональных (межгосударственных) стандартов, а в случае их отсутствия — национальных (государственных) стандартов, в результате применения которых на добровольной основе обеспечивается соблюдение требований технического регламента Таможенного союза “О безопасности упаковки” (ТР ТС 005/2011), и перечне международных и региональных (межгосударственных) стандартов, а в случае их отсутствия — национальных (государственных) стандартов, содержащих правила и методы исследований (испытаний) и измерений, в том числе правила отбора образцов, необходимые для применения и исполнения требований технического регламента Таможенного союза “О безопасности упаковки” (ТР ТС 005/2011) и осуществления оценки соответствия объектов технического регулирования» [Электронный ресурс]. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01443462/err_30012024_9 (дата обращения: 15.02.2025).

² Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 28.05.2024 № 60 «О справочниках, используемых в сфере трудовой миграции и социальной защиты» [Электронный ресурс]. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01446117/err_31052024_60 (дата обращения: 15.02.2025).

³ Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10.12.2024 № 195 «О внесении изменений в состав Консультативного комитета по международной деятельности» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/430/9730/> (дата обращения: 15.02.2025).

экономической комиссии от 17.05.2017 № 15¹ Коллегии Комиссии было дано поручение совместно с уполномоченными органами государств — членов Евразийского экономического союза обеспечить подготовку и принятие определенных правовых актов; распоряжения Правительства Российской Федерации в соответствии с ч. 2 ст. 5 Федерального конституционного закона от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» являются ненормативными актами; распоряжения Премьер-министра Республики Беларусь также являются ненормативными актами в соответствии с ч. 2 ст. 4 Закона Республики Беларусь от 17.07.2018 № 130-З «О нормативных правовых актах»². Кроме того, согласно Определению Верховного Суда Российской Федерации от 19.08.2019 № 307-ЭС19-4440 по делу № А56-104785/2018³ ненормативный правовой акт — это акт индивидуального характера, устанавливающий, изменяющий или отменяющий права и обязанности конкретных лиц.

В отличие от распоряжений решения являются нормативными правовыми актами. В соответствии с Протоколом об общих принципах и правилах конкуренции (Приложение № 19 к Договору) ЕЭК в том числе осуществляет контроль за соблюдением общих правил конкуренции на трансграничных рынках [14, с. 165]. При этом практика Комиссии в рамках реализации указанных полномочий свидетельствует о том, что Комиссия не только констатирует наличие признаков нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках, но и накладывает штрафы на соответствующие хозяйствующие субъекты путем издания решений [9, с. 375].

Вместе с тем указанные правовые акты, издаваемые ЕЭК в сфере конкуренции, по своей сути относятся к актам ненормативного характера, поскольку направлены на установление, изменение или отмену прав и обязанностей конкретных лиц, указанных в соответствующем акте, что порождает правовую неопределенность.

Таким образом, представляется целесообразным устранить данную правовую неопределенность посредством внесения изменений в абзац первый п. 13 Положения о ЕЭК, дополнив его после слов «государств-членов» словами «а также решения ненормативного характера».

Кроме того, в деятельности ЕЭК сложилась практика, в соответствии с которой Коллегия Комиссии осуществляет подготовку не только своих проектов правовых актов, но и актов всех других органов Союза: Совета ЕЭК, Евразийского межправительственного Совета и Высшего Евразийского экономического совета (далее — Высший совет). Согласно указанной практике Коллегия ЕЭК посредством издания распоряжения вносит проект правового акта на рассмотрение Совету Комиссии, а он, в свою очередь, в случае если это проект акта вышестоящего органа, посредством принятия решения вносит его далее в Евразийский межправительственный совет.

Таким образом, Коллегия Комиссии как наднациональный орган [4, с. 289] ответственна за подготовку правовых актов всех политических органов ЕАЭС, что говорит о чрезвычайной важности Коллегии Комиссии в обеспечении правового развития евразийской интеграции. По мнению А. А. Моисеева, наделение международной организации правами принимать обязательные для государств решения является одним из основных качеств надгосударственности такой организации [13, с. 7].

В этой связи необходимо отметить, что такая важнейшая роль Комиссии по подготовке правовых актов органов Союза перекликается с правом законодательной инициативы Европейской комиссии как ключевого института ЕС, ответственного за подготовку и разработку подавляющего большинства законодательных актов Европейского союза.

Вместе с тем в настоящее время в праве Союза нет самостоятельного акта, устанавливающего порядок проведения рассматриваемой процедуры. В связи с этим представляется целесообразным принятие

¹ Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 17.05.2017 № 15 «Об актах Евразийской экономической комиссии по вопросам регулирования общих рынков лекарственных средств и медицинских изделий в рамках Евразийского экономического союза» [Электронный ресурс]. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01414004/cnco_23052017_15 (дата обращения: 15.02.2025).

² Об этом свидетельствует национальное правовое регулирование государств — членов ЕАЭС. Например, распоряжения Правительства Российской Федерации являются ненормативными актами в соответствии с ч. 2 ст. 5 Федерального конституционного закона от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»; распоряжения Премьер-министра Республики Беларусь также являются ненормативными актами в соответствии с ч. 2 ст. 4 Закона Республики Беларусь от 17.07.2018 № 130-З «О нормативных правовых актах».

³ Определение Верховного Суда РФ от 19.08.2019 № 307-ЭС19-4440 по делу № А56-104785/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-19082019-n-307-es19-4440-po-delu-n-a56-1047852018/> (дата обращения: 15.02.2025).

Советом Комиссии порядка разработки, согласования и внесения проектов правовых актов, что позволит унифицировать подходы к осуществлению данной процедуры и увеличит прозрачность деятельности Комиссии в указанной сфере.

Исполнительные и распорядительные полномочия ЕК

Европейская комиссия в соответствии со ст. 17 Договора о Европейском союзе (ДЕС) осуществляет в том числе исполнительную и управленческую (распорядительную) функции [6, с. 10]. Как следует из положений ст. 290 и 291 Договора о функционировании Европейского союза (ДФЕС), Комиссия может наделяться делегированными и исполнительными полномочиями соответствующими законодательными актами ЕС в целях их несущественного дополнения и обеспечения их единообразной реализации.

В соответствии с п. 2 ст. 291 ДФЕС исполнительные полномочия подразумевают обязанность Комиссии отдельным правовым актом регулировать определенные вопросы во исполнение законодательных актов ЕС, которыми эти вопросы урегулированы не были. При этом в соответствии со ст. 290 ДФЕС Комиссия может наделяться полномочием по изданию делегированных актов (незаконодательных актов), которые направлены на изменение или дополнение отдельных элементов законодательных актов, не имеющих существенного значения.

Осуществление Европейской комиссией распорядительных полномочий, в свою очередь, напрямую вытекает из учредительных договоров ЕС и Договора о Европейском сообществе по атомной энергии (Евратом). Например, согласно ст. 96 ДФЕС Комиссия уполномочена в рамках общей транспортной политики ЕС принимать решения, предписывающие государствам-членам регулировать тарифы, включающие в себя «любые элементы поддержки или защиты в интересах одного или нескольких конкретных предприятий или промыслов» [10, с. 130].

Кроме того, исполнительно-распорядительная функция включает в себя также принятие Комиссией общеобязательных к применению на территории ЕС правил поведения участников общественных отношений, в частности, правила производства и сбыта овощей и фруктов, а также требования к таким товарам. Помимо этого, в рамках рассматриваемых полномочий Комиссия вправе выносить индивидуальные предписания в адрес государств-членов и частных лиц, в том числе при наличии оснований принимать решения об изъятии с рынка продовольственных товаров, а также предварительно согласовывать сделки экономической концентрации в порядке, установленном Регламентом Совета (ЕС) от 20.01.2004 № 139/2004 «О контроле за концентрацией капитала между предприятиями»¹.

Необходимо отметить, что за деятельностью ЕК в части, касающейся принятия исполнительных актов, правом ЕС предусмотрен механизм контроля со стороны Европейского парламента и Совета Европейского союза. Общее положение о контроле за деятельностью Комиссии в данной сфере закреплено в п. 3 ст. 291 ДФЕС, а особенности такого контроля установлены отдельным законодательным актом вторичного права — Регламентом Европейского парламента и Совета (ЕС) от 16.02.2011 № 182/2011 об установлении общих правил и принципов в отношении порядка контроля государств-членов за осуществлением Комиссией исполнительных полномочий².

При этом принятие делегированного акта предваряет рассмотрение его в рамках общественных консультаций, однако механизм прозрачности и подотчетности таких консультаций вызывает вопросы среди научного сообщества, в том числе ввиду отсутствия четкой регламентации правового статуса приглашаемых экспертов и объема их полномочий [19, с. 262].

Правоприменительная практика ЕС свидетельствует о том, что один и тот же законодательный акт ЕС может уполномочивать Комиссию на принятие как исполнительных, так и делегированных актов,

¹ Council Regulation (EC) № 139/2004 of 20.01.2004 on the control of concentrations between undertakings (the EC Merger Regulation) (Text with EEA relevance) [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2004/139> (дата обращения: 15.02.2025).

² Regulation (EU) № 182/2011 of the European Parliament and of the Council of 16 February 2011 laying down the rules and general principles concerning mechanisms for control by Member States of the Commission's exercise of implementing powers [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32011R0182> (дата обращения: 15.02.2025).

в порядках, установленных правом Европейского союза¹. Вместе с тем на практике могут возникать проблемы при реализации Комиссией предоставленных ей полномочий ввиду недостаточно четкого разграничения делегированных и исполнительных полномочий. Вопросы об этом постоянно поднимаются в европейском научном сообществе [20, р. 222–255].

Введение Лиссабонским договором разграничения между делегированными и исполнительными актами не только вызвало конституционные вопросы о природе исполнительной власти, но также поставило вопросы о точном определении и разграничении этих двух типов актов. В связи с чем эта проблема добавилась к уже существующему вопросу разграничения в законодательном акте существенных и несущественных элементов. По мнению З. Хафери (Z. Xhaferri), вопрос определения существенного или несущественного элемента в законодательном акте в настоящее время так же актуален, как и ранее [20, р. 19–23], в том числе ввиду того, что Суд ЕС в своем решении от 27.10.1992 по делу «Федеративная Республика Германия против Комиссии Европейских сообществ» широко истолковал понятие «существенного элемента», что было в полной мере выгодно ЕК, при этом не решив окончательно саму проблему².

Данные вопросы были рассмотрены Судом ЕС еще в одном решении от 18.03.2014 № C-427/12 «Европейская комиссия против Европейского парламента и Совета Европейского союза»³. В данном решении Суд ЕС вместо того, чтобы установить четкие границы между исполнительными и делегированными актами, предпочел предоставить законодательному органу ЕС широкий предел усмотрения в определении вида актов, которыми будет наделяться Комиссия в том или ином случае. Такое регулирование приводит к размытию границ между двумя видами актов, что не способствует обеспечению институционального баланса в ЕС [18, р. 7].

В связи с изложенным можно сделать вывод, что непоследовательная практика ЕК в разных сферах интеграции свидетельствует о том, что как у делегированных, так и у исполнительных актов может быть одна и та же цель, а решение вопроса об определении вида акта, которым необходимо наделить Европейскую комиссию в том или ином случае, полностью возлагается на законодательный орган ЕС, предоставляя ему широкую свободу усмотрения.

Цель Европейской комиссии — усиление своей роли по регулированию европейского правопорядка. Однако в то же время чрезмерное наделение Комиссии делегированными полномочиями может быть чревато ее превращением в институт с практически безграничной дискрецией, что влечет за собой нарушение ряда демократических принципов, в том числе принципов пропорциональности и subsidiarity, предусмотренных правом ЕС.

При этом в настоящее время есть все основания полагать, что новый состав Комиссии под председательством Урсулы Фон дер Ляйен, сформированный осенью 2024 г., продолжит политику расширения властных полномочий Комиссии и усиления ее роли при решении как внутриевропейских, так и вопросов внешних сношений, в том числе в ущерб интересам государств-членов [1].

Проблемы, возникающие при реализации ЕЭК исполнительно-распорядительных полномочий и пути их решения

Исполнительные и распорядительные акты Комиссии занимают более половины всех правовых актов, издаваемых ею в процессе своей деятельности. При этом правовая природа исполнительных и распорядительных полномочий, при помощи которых ЕЭК по большей части регулирует интеграционные процессы в Союзе, вытекает из статуса Комиссии как исполнительного органа Союза.

¹ See Regulation (EU) 2019/1241 of the European Parliament and of the Council of 20.06.2019 on the conservation of fisheries resources and the protection of marine ecosystems through technical measures, amending Council Regulations (EC) № 1967/2006, (EC) № 1224/2009 and Regulations (EU) № 1380/2013, (EU) 2016/1139, (EU) 2018/973, (EU) 2019/472 and (EU) 2019/1022 of the European Parliament and of the Council, and repealing Council Regulations (EC) № 894/97, (EC) № 850/98, (EC) № 2549/2000, (EC) № 254/2002, (EC) № 812/2004 and (EC) № 2187/2005 [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX:32019R1241> (дата обращения: 18.02.2025).

² Judgment of the Court of 27.10.1992. Federal Republic of Germany v Commission of the European Communities (Case-240/90) [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:61990CJ0240> (дата обращения: 02.09.2024).

³ Judgment of the Court (Grand Chamber) of 18.03.2014. European commission v European parliament and Council of the European Union. Case C-427/12 [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62012CJ0427> (дата обращения: 11.02.2025).

Вместе с тем, осуществляя свои функции, ЕЭК сталкивается с рядом проблем, которые целесообразно решать посредством внесения изменений в Учредительный договор и другие акты, составляющие право Союза.

Во-первых, следует обратить внимание на проблему разграничения компетенции между Советом и Коллегией ЕЭК в части, касающейся порядка внесения изменений в акты таможенно-тарифного регулирования, с учетом осуществления ими совместного регулирования в данной сфере. Как следует из сложившейся практики Коллегии Комиссии¹, несмотря на то, что уровень юридической силы технических регламентов не отличается между собой, внесение изменений в технические регламенты, принятые Комиссией Таможенного союза, чаще всего вносятся Коллегией, а в технические регламенты, принятые Советом ЕЭК, — только Советом. При этом из этого правила существуют и исключения².

Кроме того, анализ соответствующей практики свидетельствует о том, что установление ставок ввозных таможенных пошлин, равно как и внесение изменений в них, в том числе изменение ставки, а также внесение изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности ЕАЭС осуществляется Советом и Коллегией Комиссии³.

Таким образом, независимо от того, что Единый таможенный тариф и единая Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности ЕАЭС утверждены Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 14.09.2021 № 80⁴, Совет и Коллегия осуществляют совместное регулирование в указанных сферах, осуществляя зачастую идентичные полномочия, при этом точно установить пределы такого регулирования по итогам анализа правоприменительной практики представляется затруднительным.

Помимо этого, Решением Высшего Евразийского экономического совета от 08.05.2015 № 16⁵ закреплён перечень чувствительных товаров, в отношении которых решение об изменении ставки ввозной таможенной пошлины принимается Советом ЕЭК. При этом внесение изменений в сам перечень, как свидетельствует практика, осуществляется в том числе Коллегией Комиссии⁶, что фактически косвенно предписывает Совету Комиссии совершить то или иное действие. Сложившиеся обстоятельства ставят под вопрос выстроенную институциональную иерархию ЕАЭС, в соответствии с которой именно Совет осуществляет руководство деятельностью Комиссии, но не наоборот.

Таким образом, в целях четкого разграничения компетенции органов ЕАЭС представляется целесообразным внести изменения в п. 2 указанного решения Высшего совета в части, касающейся разграничения полномочий Комиссии по актуализации рассматриваемого перечня, дополнив его после слова «осуществляется» словом «Советом».

Кроме того, в целях исключения правовой неопределенности и дальнейшего единообразия правоприменительной практики, на наш взгляд, целесообразно установить, что изменения в указанное ранее Решение Совета от 14.09.2021 № 80, а также другие акты Совета вносятся исключительно Советом ЕЭК. Следует отметить, что для того, чтобы исключить подобное смешение в будущем в других сферах, потребуется внесение изменений и в другие правовые акты ЕАЭС.

Таким образом, сложившаяся в ЕАЭС практика деятельности Комиссии в рассматриваемой сфере свидетельствует об осуществлении ею в некотором смысле «делегированных» полномочий, по аналогии с тем, как это установлено в ЕС.

¹ См. Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 16.04.2019 № 60, от 20.01.2020 № 12, от 18.10.2022 № 144, от 02.12.2024 № 136 и др.

² См. Решения Совета Евразийской экономической комиссии от 14.05.2024 № 50, от 10.06.2022 № 91 и др.

³ См. Решения Совета Евразийской экономической комиссии от 22.04.2024 № 33, от 26.03.2024 № 27, от 20.02.2024 № 10 и др.

⁴ Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 14.09.2021 № 80 «Об утверждении единой товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых решений Совета Евразийской экономической комиссии» [Электронный ресурс]. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01430209/err_06102021_80 (дата обращения: 18.02.2025).

⁵ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 08.05.2015 № 16 «О перечне чувствительных товаров, в отношении которых решение об изменении ставки ввозной таможенной пошлины принимается Советом Евразийской экономической комиссии» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/291/1594/> (дата обращения: 20.02.2025).

⁶ См. Решения Коллегии Евразийского экономической комиссии от 12.05.2022 № 77, от 20.02.2024 № 10, от 16.07.2024 № 82 и др.

Вторая проблема, на которую стоит обратить внимание, — это отсутствие формального выделения исполнительных актов Комиссии. В Европейском союзе такие акты выделяются приставкой «исполнительный» или «делегированный» в наименовании правового акта.

Решения Комиссии, принимаемые в рамках самостоятельной правотворческой функции, неформально можно отграничить от исполнительных актов по преамбуле соответствующих решений, в которых указываются нормы права ЕАЭС, на основании которых принят правовой акт.

Вместе с тем юридически исполнительные акты не отличить от других, в связи с чем, несмотря на то, что правовое регулирование ЕАЭС в настоящее время существенно отличается от того, которое существует в Европейском союзе, представляется целесообразным выделить из общего числа актов Комиссии исполнительные акты, предусматривая, что такие акты должны иметь в своем наименовании соответствующее указание на предмет правового регулирования, например, «исполнительное решение». Такие изменения позволят провести четкое разграничение исполнительных актов Комиссии и всех остальных актов, а также облегчит работу ученых и практикующих юристов.

Третья проблема — осуществление исполнительных полномочий не только Коллегией, но и Советом ЕЭК. Однако согласно п. 31 Положения о ЕЭК исполнительным органом Союза является только Коллегия, а Совет, в соответствии с п. 22 Положения о ЕЭК, осуществляет общее регулирование интеграционных процессов в Союзе и общее руководство Комиссией. В связи с этим логично, чтобы исполнительные полномочия осуществлял исключительно исполнительный орган Комиссии — Коллегия.

При этом данную проблему можно решить без внесения изменений в Учредительный договор. На наш взгляд, окончательную точку в решении данного вопроса мог бы поставить Суд ЕАЭС, сформулировав новые правовые позиции в рассматриваемой сфере. В связи с чем представляется целесообразным Комиссии обратиться в Суд с заявлением о разъяснении положений Договора в части осуществления Советом ЕЭК исполнительных полномочий, поскольку Суд ЕАЭС вправе осуществлять толкование права Союза как обособленной правовой системы, нормы которой обладают верховенством и прямым действием [8, с. 100].

Заключение

Исполнительно-распорядительная функция ЕЭК, наряду с правотворческой и контрольной (надзорной) функциями, действительно играет центральную роль в ее деятельности и в функционировании Евразийского экономического союза. Эти три функции взаимосвязаны, ведь, как и контрольные (надзорные) полномочия, исполнительно-распорядительные также реализуются посредством издания правовых актов [1]. Наличие у Комиссии данных функций образует основу для эффективного управления и координации интеграционных процессов среди государств-членов.

Исполнительно-распорядительная функция направлена на реализацию норм и правил, которые установлены в рамках ЕАЭС. Эта функция включает в себя не только внедрение новых регуляторных актов, но и организацию практической деятельности по их исполнению. Вместе с тем в деятельности Комиссии по осуществлению исполнительных и распорядительных полномочий существует ряд проблем, которые возможно решить в том числе посредством внесения изменений в Договор о ЕАЭС и другие акты, составляющие право Союза, в частности, с учетом соответствующего положительного опыта Европейской комиссии [1]. Данные изменения будут способствовать повышению эффективности деятельности ЕЭК в данной сфере, что благоприятно отразится на развитии интеграции в рамках ЕАЭС.

Таким образом, функционирование исполнительно-распорядительной функции является основополагающим фактором для эффективной работы ЕЭК и успешной реализации поставленных перед ней задач. Ее реализация, посредством издания правовых актов, позволяет обеспечить стабильное развитие и дальнейшее углубление интеграции в рамках ЕАЭС, создавая тем самым благоприятные условия для экономического роста и повышения благосостояния граждан стран-участниц.

Список литературы

1. *Артеменко Т. Д.* Контрольные (надзорные) полномочия Евразийской экономической комиссии и Европейской комиссии: сравнительно-правовой аспект // *Право и управление. XXI век.* 2024. Т. 20, № 4. С. 50–67. EDN: GPNXGD. DOI: 10.24833/2073-8420-2024-4-73-50-67
2. *Артеменко Т. Д.* Правотворчество Евразийской экономической комиссии как одна из основ развития интеграционных процессов в ЕАЭС // *Актуальные проблемы российского права.* 2024. Т. 19, № 12 (169). С. 152–163. EDN: NQASGO. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.152-163
3. *Бакаева О. Ю.* Акты Евразийской экономической комиссии как источник права ЕАЭС // *Российский журнал правовых исследований.* 2016. Т. 3, № 3 (8). С. 73–74. EDN: ZDMEFF
4. *Бекашев К. А.* Правовой статус Евразийской экономической комиссии // *Lex Russica.* 2013. Т. 95, № 3. С. 286–290. EDN: PZODWZ
5. *Бирюков М. М., Энтин Л. М., Торкунова Е. А., Энтин М. Л.* Европейское право. Основы интеграционного права Европейского Союза и Евразийского экономического союза : учебник. М. : Норма, 2018. 528 с. EDN: XPKBIL
6. *Бугаева А. С.* Эволюция правового статуса Европейской комиссии в организационном механизме Европейского Союза: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 26 с. EDN: QHPQJB
7. *Войников В. В., Артеменко Т. Д.* Право ЕЭК на обращение в суд ЕАЭС: перспективы развития и опыт ЕС // *Московский журнал международного права.* 2023. № 2. С. 24. EDN: BCVDOW. DOI: 10.24833/0869-0049-2023-2-21-37
8. *Войников В. В., Энтина Е. Г., Энтин М. Л.* Перспективы, потребности и подводные камни конституционализации ЕС и ЕАЭС // *Полис. Политические исследования.* 2019. № 4. С. 89–103. EDN: DfVUTP. DOI: 10.17976/jpps/2019.04.07
9. *Колос Д. Г.* Практические вопросы исполнения решений Суда Евразийского экономического союза в сфере конкуренции // *Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений : сборник научных статей / гл. ред. О. И. Чуприс. Вып. 4. Минск : Общество с ограниченной ответственностью «Колорград», 2022. С. 374–382. EDN: TDHRCР*
10. *Право Европейского союза. В 2 т. Том 1. Общая часть в 2 кн. Книга 2 : учебник для вузов / под ред. С. Ю. Кашкина. 4-е изд., пер. и доп. М. : Юрайт, 2020. 299 с. ISBN: 978-5-534-02031-1. EDN: AJSZDA*
11. *Ратушняк Е. С.* Значение создания Евразийской экономической комиссии для развития единого экономического пространства // *Вестник университета.* 2014. № 3. С. 168–172. EDN: RZPCRD
12. *Соколова Н. А.* Евразийский экономический союз: правовая природа и природа права // *Lex russica.* 2017. № 11. С. 47–57. EDN: ZUDYTN. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.132.11.047-057
13. *Фархутдинов И. З.* Действует ли надгосударственность в евразийском пространстве? Интервью с А. А. Моисеевым, доктором юридических наук, деканом факультета международного права Дипломатической академии МИД Российской Федерации // *Евразийский юридический журнал.* 2012. № 8. С. 5–8. EDN: РСВНКТ
14. *Чуприна О. С.* Правовой статус Евразийской экономической комиссии и ее полномочия в сфере контроля за соблюдением единых правил конкуренции // *Modern Science.* 2020. № 7–2. С. 163–166. EDN: ВТТУУН
15. *Шугурова И. В.* Полномочия Евразийской экономической комиссии в сфере научно-технологической интеграции государств-членов ЕАЭС // *Вестник Саратовской государственной юридической академии.* 2020. № 5 (136). С. 114–128. EDN: BYLLAT. DOI: 10.24411/2227-7315-2020-10133
16. *Энтин К. В.* Евразийская экономическая комиссия. Гл. 3.4 // *Суд Евразийского экономического союза и становление права ЕАЭС. М. : Проспект. 2021. С. 134–142.*
17. *Bellenghi G., Vos E.* Rethinking the Constitutional Architecture of EU Executive Rulemaking: Treaty Change and Enhanced Democracy // *European Journal of Risk Regulation.* Cambridge University Press. Cambridge. 2024. Vol. 15, No. 4. P. 793–811. DOI: 10.1017/err.2024.35

18. Brandsma G. J. Delegated and Implementing Acts: Rule-Making by the Commission // Handbook on European Union Public Administration / ed. by G. J. Brandsma. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing, 2024. P. 253–265. DOI: 10.4337/9781802209013.00026
19. Hofmann H. C. H., Rowe G. C., Türk A. H. Delegation and the European Union Constitutional Framework // Administrative Law and Policy of the European Union. Ch. 8. Oxford : Oxford University Press, 2011. P. 222–255. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199286485.003.0008
20. Xhaferri Z. Law and Practices of Delegated Rulemaking by the European Commission // Nijhoff Studies in European Union Law. Vol. 22 / ed. by F. Amtenbrink, R. A. Wessel. Leiden; Boston : Brill Nijhoff, 2022. 153 p. ISBN: 978-90-04-50987-0. DOI:10.1163/9789004523524

Об авторе:

Артеменко Тимофей Дмитриевич, советник государственной гражданской службы Калининградской области 2 класса, ведущий консультант Управления по законотворческой деятельности Правительства Калининградской области, аспирант Высшей школы права Балтийского Федерального университета им. И. Канта (Калининград, Российская Федерация);
e-mail: t.artemenko@gov39.ru; ORCID: 0000-0002-2538-1677

References

1. Artemenko, T. D. Control (Supervisory) Powers of the Eurasian Economic Commission and the European Commission: Comparative Legal Aspect // Journal of Law and Administration. 2024. Vol. 20, No. 4. P. 50–67. (In Russ.) EDN: GPNXGD. DOI: 10.24833/2073-8420-2024-4-73-50-67
2. Artemenko, T. D. Lawmaking by the Eurasian Economic Commission as one of the Foundations for the Development of Integration Processes in the EAEU // Actual Problems of Russian Law. 2024. Vol. 19, No. 12. P. 152–163. (In Russ.) EDN: NQASGO. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.152-163
3. Bakaeva, O. Yu. Acts of the Eurasian Economic Commission as a source of law EAEC // Russian journal of legal studies. 2016. Vol. 3, No. 3 (8). P. 73–74. (In Russ.) EDN: ZDMEFF
4. Bekyashev, K. A. Legal status of the Eurasian Economic // Lex Russica. 2013. Vol. 95, No. 3. P. 286–290. (In Russ.) EDN: PZODWZ
5. Biryukov, M. M., Entin, L. M., Torkunova, E. A., Entin, M. L. European Law. Fundamentals of Integration Law of the European Union and the Eurasian Economic Union : textbook. Moscow : Norma, 2018. 528 p. (In Russ.) EDN: XPKBIL
6. Bugaeva, A. S. Evolution of the legal status of the European Commission in the organizational mechanism of the European Union: abstract of a dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Moscow, 2011. 26 p. (In Russ.) EDN: QHPQJB
7. Voynikov, V. V., Artemenko, T. D. The Eurasian Economic Commission's right to appeal to the Court of Justice of the Eurasian Economic Union: Prospects for development and the European Union experience // Moscow Journal of International Law. 2023. No. 2. P. 21–37. (In Russ.) EDN: BCVDOW. DOI: 10.24833/0869-0049-2023-2-21-37
8. Voynikov, V. V., Entina, E. G., Entin, M. L. Prospects, Needs and Pitfalls of Constitutionalization of the EU and the EAEU // Polis. Political Studies. 2019. No. 4. P. 89–103. (In Russ.) EDN: DfVUTP. DOI: 10.17976/jpps/2019.04.07
9. Kolos, D. G. Practical issues of enforcement of decisions of the Court of the Eurasian Economic Union in the field of competition // Dynamics of legal establishment and law enforcement in the sphere of public law relations: Collection of scientific articles. Iss. 4. Minsk : Limited Liability Company "Kolograd", 2022. P. 374–382. (In Russ.) EDN: TDHRCР
10. Law of the European Union. In 2 Volumes. Vol. 1. General part in 2 books. Book 2 : Textbook / ed by S. Yu. Kashkin. 4th ed., trans. and add. Moscow : Yurait, 2020. 299 p. ISBN: 978-5-534-02031-1. (In Russ.) EDN: AJSZDA

11. Ratushnyak, E. S. The Importance of the Eurasian Economic Commission Establishment for the Common Economic Space // *Vestnik Universiteta*. 2014. No. 3. P. 168–172. (In Russ.) EDN: RZPCRD
12. Sokolova, N. A. The Eurasian Union: The Legal Nature and Nature of Law. *Lex Russica*. 2017. No. 11. P. 47–57. (In Russ.) EDN: ZUDYTN. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.132.11.047-057
13. Farkhutdinov, I. Z. Whether Supranationalism Acting in the Eurasian Space? Interview with A. A. Moiseev, Doctor of Law, Dean of the Faculty of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation // *Eurasian Law Journal*. 2012. No. 8. P. 5–8. (In Russ.) EDN: PCBHKT
14. Chuprina, O. S. Legal status of the Eurasian Economic Commission and its powers in the field of control over compliance with uniform rules of competition // *Modern Science*. 2020. No. 7–2. P. 163–166. (In Russ.) EDN: BTTYUH
15. Shugurova, I. V. Powers of Eurasian Economic Commission in the Field of Science and Technology Integration of the EAEU'S Member States // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2020. No. 5 (136). P. 114–128. (In Russ.) EDN: BYLLAT. DOI: 10.24411/2227-7315-2020-10133
16. Entin, K. V. Eurasian Economic Commission. Chapter 3.4 // *The Court of the Eurasian Economic Union and the formation of the law of the EAEU*. Moscow : Prospect. 2021. P. 134–142. (In Russ.)
17. Bellenghi, G., Vos, E. Rethinking the Constitutional Architecture of EU Executive Rulemaking: Treaty Change and Enhanced Democracy // *European Journal of Risk Regulation*. Cambridge University Press. Cambridge. 2024. Vol. 15, No. 4. P. 793–811. DOI: 10.1017/err.2024.35
18. Brandsma, G. J. Delegated and Implementing Acts: Rule-Making by the Commission // *Handbook on European Union Public Administration* / ed. by G. J. Brandsma. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing, 2024. P. 253–265. DOI: 10.4337/9781802209013.00026
19. Hofmann, H. C. H., Rowe, G. C., Türk, A. H. Delegation and the European Union Constitutional Framework // *Administrative Law and Policy of the European Union*. Ch. 8. Oxford : Oxford University Press, 2011. P. 222–255. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199286485.003.0008
20. Xhaferri, Z. Law and Practices of Delegated Rulemaking by the European Commission // *Nijhoff Studies in European Union Law*. Vol. 22 / ed. by F. Amtenbrink, R. A. Wessel. Leiden; Boston : Brill Nijhoff, 2022. 153 p. ISBN: 978-90-04-50987-0. DOI:10.1163/9789004523524

About the author:

Timofei D. Artemenko, Advisor to the State Civil Service of the Kaliningrad Region, 2nd class, Leading Consultant to the Department for Legislative Activity of the Government of the Kaliningrad Region, Postgraduate Student, I. Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation);
e-mail: t.artemenko@gov39.ru; ORCID: 0000-0002-2538-1677

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Артеменко Т. Д., 2026

Китайская модель защиты национально-государственной идентичности как основа концепции евразийской государственно-правовой модернизации

Рудман М. Н.

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Российская Федерация

e-mail: markrudman@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8837-3690

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются особенности и предпосылки формирования евразийства как «интегрирующей идеологии» для развития национальной государственности и наднациональной интеграции в рамках восточно-евразийского пространства. В качестве объективной основы историко-культурной и геополитической общности народов и государств евразийского пространства выделяется фактор «месторазвития», то есть анализ традиций формирования национально-государственной идентичности евразийских народов опирается на фактор геополитического расположения исторических общностей, оказывающего объективно наибольшее влияние на развитие национальных культур. В содержании статьи выделены ведущие черты евразийской государственно-правовой модернизации и роль наследия западного права в их формировании. Особое внимание уделено стремлению евразийских народов к защите историко-культурной идентичности от влияния ценностей неолиберализма, обуславливающие общие черты модернизации и перспективы формирования евразийского сотрудничества. **Цель.** Выявление особенностей сформировавшейся в Китае модели политики сохранения национально-государственной идентичности как идеологической основы процесса государственно-правовой модернизации. В качестве гипотезы исследования предполагается перспектива рассмотрения китайской политики в сфере защиты национально-государственной идентичности как универсальной в рамках восточно-евразийского пространства модели «консервативной модернизации», продемонстрировавшей свою эффективность через обретение Китайской Народной Республикой статуса мирового экономического и политического лидера при сохранении собственной культурной идентичности. **Методология.** Историзм, системный подход, междисциплинарный синтез (соединение философских, сравнительно-правовых, культурологических и социально-политических подходов). **Результаты.** Проанализирована значимость влияния традиционной конфуцианской доктрины на формирование конституционного строя как характерная черта евразийской идеологии. В качестве ведущей черты конфуцианской этики, закрепленной в действующей Конституции Китайской Народной Республики, выделяется приоритет обязанностей над правами. Из него следует государственная и социальная значимость идеи «служения», которая рассматривается в качестве фундаментальной социальной ценности, исторически формирующей национально-государственную идентичность евразийских народов. Кроме того, исследуется сходство разрабатываемой правительством Китая системы традиционных «парных ценностей» как основ государственной идеологии с базовыми ценностями евразийства как целостной парадигмы развития стран евразийского пространства. Подчеркивается значение усилий по разработке и реализации интеграционных проектов с ведущим участием Китайской Народной Республики и Российской Федерации. **Выводы.** Сделаны обобщающие выводы об отсутствии концептуальных противоречий конфуцианства как основы китайской модели государственно-правовой модернизации и культурно-исторического наследия стран восточно-евразий-

ского пространства, определяющего развитие конституционного строя в рамках национальных моделей государственно-правовой модернизации в рамках указанного региона. Содержательная близость задач государственно-правовой модернизации и методов их осуществления через приоритет защиты национально-государственной идентичности позволяет ставить вопрос о формировании концепции евразийской государственно-правовой модернизации и ее универсальном значении в развитии современного государства и права.

Ключевые слова: восточно-евразийское пространство, национально-государственная идентичность, консервативная модернизация, конфуцианство, конституционализм, евразийская интеграция, правовой регионализм

Для цитирования: Рудман М. Н. Китайская модель защиты национально-государственной идентичности как основа концепции евразийской государственно-правовой модернизации // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 2. С. 114–123. EDN: QLBDNJ

The Chinese Model of Protecting National and State Identity as the Basis of the Concept of Eurasian State and Legal Modernization

Mark N. Rudman

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

e-mail: markrudman@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8837-3690

ABSTRACT

The article examines the features and prerequisites for the formation of Eurasianism as an “integrating ideology” for the development of national statehood and supranational integration within the Eurasian space. As an objective basis for the historical, cultural, and geopolitical commonality of the peoples and states of the Eurasian space, the factor of “place of development” is highlighted. This means that the analysis of the traditions of the formation of the national-state identity of the Eurasian peoples is based on the geopolitical location of historical communities, which has the greatest objective influence on the development of national cultures. The article highlights the key features of Eurasian state and legal modernization and the role of Western legal heritage in their formation. Special attention is paid to the desire of the Eurasian peoples to protect their historical and cultural identity from the influence of the values of neoliberalism, which determines the common features of modernization and the prospects for the formation of Eurasian cooperation. **Aim.** The purpose of this article is to identify the specific features of China’s state-legal modernization process as a universal model of “conservative modernization” within the East Eurasian space, which has demonstrated its effectiveness by allowing China to become a global economic and political leader while preserving its cultural identity. **Methods.** Historicism, systemic approach, and interdisciplinary synthesis (combining philosophical, comparative legal, cultural, and socio-political approaches). **Results.** The article analyzes the significance of the influence of the traditional Confucian doctrine on the formation of the constitutional system as a characteristic feature of the Eurasian ideology. The article highlights the priority of duties over rights as a leading feature of the Confucian ethics enshrined in the current Constitution of the People’s Republic of China. This highlights the state and social significance of the idea of “service”, which is considered a fundamental social value that has historically shaped the national and state identity of the Eurasian peoples. In addition, the article examines the similarities between the Chinese government’s system of traditional “paired values” as the foundation of its state ideology and the basic values of Eurasianism as a holistic paradigm for the development of Eurasian countries. The article emphasizes the importance of efforts to develop and implement integration projects with the leading participation of the People’s Republic of China and the Russian Federation. **Conclusions.** The article concludes that there are no conceptual contradictions

between Confucianism as the foundation of the Chinese model of state-legal modernization and the cultural and historical heritage of the countries of the East Eurasian region, which determines the development of the constitutional system within the national models of state-legal modernization in this region. The substantive proximity of the tasks of state and legal modernization and the methods of their implementation through the priority of protecting national and state identity allows us to raise the issue of the formation of a concept of Eurasian state and legal modernization and its universal significance in the development of the modern state and law.

Keywords: East Eurasian space, national-state identity, conservative modernization, Confucianism, constitutionalism, Eurasian integration, legal regionalism

For citation: Rudman M. N. The Chinese Model of Protecting National and State Identity as the Basis of the Concept of Eurasian State and Legal Modernization // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 114–123. (In Russ.) EDN: QLBDNJ

Введение

Актуальность исследования определяется необходимостью выработки общей для стран евразийского пространства идеологии как естественного ответа на системный кризис глобальной цивилизации, вызванный доказанной в последнее столетие неприемлемостью буквального копирования западной модели цивилизации в странах евразийского пространства. Подобный подход последовательно демонстрировался в исследованиях таких авторов, как С. Ю. Глазьев [1], Р. А. Курбанов [7], В. И. Пантин [8], И. В. Зеленева и В. Д. Агеева [3] и многих других.

Научная новизна состоит в разработке фундаментальных черт евразийской государственно-правовой модернизации как основ евразийской идеологии, призванной обеспечить синтез политики поддержания национально-государственной идентичности стран евразийского пространства и углубления евразийской интеграции.

Содержание и особенности евразийской государственно-правовой модернизации определяются стремлением евразийских народов и выражающих их интересы национальных правительств теоретически определить специфическое для всех евразийских государств, включая Россию, понимание собственной национально-государственной идентичности. Оно опирается на исторически сформировавшиеся у народов Евразии ценности, что объективно делает исходной предпосылкой выработки содержания евразийского права признание обязанности каждого служить фундаментальным для культурно-исторической общности ценностям [4, с. 74].

В концепции евразийской государственно-правовой модернизации неразрывно связаны эффективность государственной политики социальной справедливости с обеспечением национального суверенитета через гарантирование доминирования национального права и законодательства в рамках государств евразийского пространства. Приоритет национального суверенитета отражает тенденцию укрепления регионализма как ведущей черты современного этапа развития мировой цивилизации. При этом многолетний опыт успешного усвоения странами восточно-евразийского пространства фундаментальных достижений западной цивилизации доказывает целесообразность их использования в процессе государственной модернизации. В качестве такого необходимого элемента выступают универсальные элементы и формы западного права, используемые в той или иной степени в государственной политике всех государств рассматриваемого региона. Отсюда следует целесообразность использования при анализе особенностей китайской модели защиты национально-государственной идентичности как основы концепции евразийской государственно-правовой модернизации категории правового регионализма. Содержание данного понятия наиболее точно отражает синтез традиционных ценностей и универсальных институтов западного права, реализуемый в развитии стран восточно-евразийского пространства. Они объективно объединены не только географической близостью, но и сходным по содержанию характером проблем государственно-правовой модернизации и защиты национально-государственной

идентичности. С полным основанием можно утверждать, что наибольших успехов на этом пути достиг современный Китай.

Баланс заимствования универсальных идей и институтов западной цивилизации с ценностями приоритета национальных интересов и традиций

К настоящему времени совокупный опыт стран Западной Европы и восточно-евразийского пространства доказывает, что для максимизации созидательных для общества эффектов научно-технического прогресса, включая техническое перевооружение производственной базы национальных экономик, снижение производственных издержек, снижение инфляции при одновременном росте инвестиций в развитие ресурсосберегающих и наукоемких технологий, необходимо экономически компетентное государственное регулирование. Его эффективность наиболее наглядно проявилась в опыте экономической и государственно-правовой модернизации государств, расположенных на юго-востоке евразийского пространства, прежде всего в Китае, Южной Корее, странах Юго-Восточной Азии [1, с. 157].

Этот опыт показывает необходимость сбалансированного отношения к заимствованию присущих западной цивилизации идей и институтов, которое может быть обеспечено только на основе приоритета национального государства, берущего на себя ответственность за стабильность и поступательное развитие национальной экономики.

Отказ от такого приоритета под влиянием идеологии либеральной глобализации порождает утрату мобилизующего потенциала государственного национализма, что порождает массовые явления социальной апатии и утраты социальной ответственности «человека экономического», осознающего себя «гражданином мира», под которым теперь понимается глобальная цивилизация, но утратившего духовно-ценностную связь с национальным государством как приоритетной сферой личной самореализации. Как отмечает В. И. Пантин, «только евразийская интеграция, опирающаяся на евразийскую идеологию, способна обеспечить действительный суверенитет государств Евразии, их самостоятельное развитие» [8, с. 21].

В настоящее время наиболее эффективную модель реализации рассмотренных основ евразийской государственно-правовой модернизации удалось создать в Китайской Народной Республике. Формулируемые российскими исследователями идеи развития евразийства как целостной парадигмы развития стран восточно-евразийского пространства созвучны содержанию государственной идеологии, разрабатываемой правительством Китая. Значение разработки государственной идеологии как ценностно-теоретической основы евразийской государственно-правовой модернизации в Китае обусловлено его развитием в качестве наиболее успешного восточно-евразийского государства, сочетающего принципиальное сохранения традиционных государственных институтов и ценностей с усвоением достижений западной цивилизации, необходимым для успешного развития экономики.

Китайская модель базовых ценностей в качестве доктринальной основы государственно-правовой модернизации

На XVIII съезде Коммунистической партии Китайской Народной Республики (далее — КНР) были официально заявлены 12 базовых ценностей китайского общества и государства в качестве доктринальной основы развития. Он были разделены на три группы — ценности государства, общества и индивида. Характерным для господствующей в Китае конфуцианской традиции является иерархия указанных понятий, в рамках которой на первое место ставится именно государство, власть и ресурсы которого в решающей степени определяют развитие общества и индивида. К группе ценностей государства отнесены богатство (могущество), демократия («народ — хозяин»), образование (цивилизация), гармония (согласие). В ценности общества входят свобода, равенство, справедливость (беспристрастность), верховенство права (правовое правление). К индивидуальным ценностям китайский законодатель относит патриотизм, преданность делу, честность (добропорядочность), дружбу (дружелюбие) [2, с. 196].

Сравнительно-правовой анализ указанных фундаментальных ценностей китайской культуры с принципами права, выработанными в истории западной цивилизации, приводит отечественных исследователей к выводу о различиях в приоритетах. «Китайская специфика в толковании права обуславливает приоритет ответственности перед свободой, публичных интересов как интересов коллектива или “большой семьи” перед индивидом, долга перед правом. Все указанные приоритеты воплощаются в принципе “гармония — выше конфликта”» [3, с. 739]. Китайские исследователи определяют их значение в качестве смыслового «ядра» современного социализма «с китайской спецификой» [13, с. 154].

Системная концепция двенадцати ценностей в оценке отечественных исследователей феномена евразийства и перспектив формирования на его основе региональной евразийской идеологии, противопоставляемой универсализму западной либеральной демократии, является приемлемой культурно-нравственной базой для формирования на ее основе общей для государств восточно-евразийского пространства консервативной идеологии. Центральное положение Китая на евразийском пространстве и возрастание его экономического могущества обуславливают возможности рассмотрения концепции двенадцати базовых китайских ценностей в качестве универсального «евразийского нарратива» [3, с. 741].

При этом, с нашей точки зрения, указанные различия не следует преувеличивать, отрицая всеобщее значение наследия западной цивилизации и универсальность конфуцианской этики. Их общее содержание на ценностном уровне выражается в том, что вне ценности служения публичным интересам в принципе невозможно становление национальной государственности. Это подтверждается как историей становления западного права, начиная с античных моделей демократии и Римской республики, так и историческим опытом развития государств восточно-евразийского пространства, среди которых одним из наиболее древних является китайское государство.

Трагический путь модернизации Китая, начавшийся еще в конце XIX в. и обусловивший становление современного конституционного строя КНР, привел китайское общество к пониманию необходимости ограниченного усвоения ведущих институтов западной цивилизации для реализации доктрины «самоусиления». В рамках этой концепции китайское правительство, начиная от реформ Дэн Сяопина до «современного китайского марксизма XXI века» Си Цзиньпина, балансирует между консерватизмом и модернизацией [12, с. 8].

Морально-идеологической основой консерватизма в процессе проведения в КНР конституционных реформ, сопровождавших широкомасштабную экономическую модернизацию, являлась этическая доктрина конфуцианства.

Все исследователи сходятся в том, что конфуцианство до настоящего времени оказывает определяющее влияние на развитие китайского общества и государства. «Социализм с китайской спецификой» при более внимательном рассмотрении опирается на синтез идей советского социализма и конфуцианства [Там же, с. 4]. Его результаты в полной мере реализованы в конституционном законодательстве современного Китая.

Положения Конституции КНР отражают готовность китайского государства признать западную модель конституционализма в качестве универсальной ценности, обеспечивающей безопасность и стимулирующей социальную активность граждан. И именно такое стимулирование, разбудившее социальную энергию китайской цивилизации в процессе начатых в 1978 г. реформ, обеспечило впечатляющие успехи китайского общества и государства в экономическом развитии [9, с. 97].

В ст. 53 Конституции КНР наряду с требованием соблюдения конституции и законодательства установлена обязанность каждого гражданина «хранить государственную тайну, беречь общественную собственность, соблюдать трудовую дисциплину и общественный порядок, уважать нормы общественной морали»¹. Расплывчатость понятий, в большей степени относящихся к категориям морали, чем юриспруденции, характерна в равной степени для традиционной конфуцианской литературы и для «социалистических» конституций государств восточно-евразийского пространства. Такой подход опирается на аксио-

¹ Конституция Китайской Народной Республики от 4 декабря 1982 г. (с поправками от 12.04.1988, 29.03.1993, 15.03.1999, 14.03.2004, 11.03.2018) [Электронный ресурс]. URL: <https://huanenet.com/ru/fl/2130.html> (дата обращения: 09.02.2026).

матическое предположение о справедливости государственной политики и ответственности за ее реализацию всех государственных служащих, получающих согласно такому законодательству возможности распоряжаться гражданами как ресурсами для достижения целей государства, которые ни теоретически, ни практически не отделены от корпоративных интересов государственной бюрократии.

Обязанности граждан КНР, согласно тексту Конституции 1982 г., закреплены в одной главе с правами, отражая их равную ценность с точки зрения авторов конституционного акта, не желающих отступать от конфуцианской традиции. Сам конституционный механизм правового регулирования функционирования китайского государства показывает, что Конституция как Основной закон рассматривается в качестве одного из инструментов государственного регулирования и всеобъемлющего контроля государства над обществом. Многие ее положения соответствуют Конституции СССР 1936 г., которую часто называют «конституцией победившего социализма», выражая евразийскую специфику установленной после краха Российской империи системы государственной власти и государственного управления. В этом контексте наиболее наглядной иллюстрацией «обязательственного подхода» к содержанию конституционного акта является ст. 42 Конституции КНР: «Граждане Китайской Народной Республики имеют право на труд и обязаны трудиться». Соединение в одном предложении права на труд и обязанности трудиться наглядно ориентировано на недопущение даже мысли о наличии права в отрыве от корреспондирующей ему обязанности. Определение труда в качестве «почетной обязанности» гражданина несет со стороны государства также воспитывающую функцию и одновременно подчеркивает недопустимость уклонения. Еще более характерным проявлением «обязательственного подхода» является указание в ст. 42 на то, что трудящиеся «должны относиться к своему труду как хозяева страны». Здесь имеет место фиксация в нормативном обязывающем документе «правды», соответствующей выделяемому философом В. Н. Ильиным и историком М. В. Шахматовым «нравственному переживанию долга», характерному, с их точки зрения, для исторически сформировавшегося евразийского государственного идеала [6, с. 68]. В ходе модернизации Китая такое отношение усваивается китайскими реформаторами, рассматривающими его в качестве неотъемлемого элемента конфуцианской традиции государственного регулирования. Как и в российской модернизации, включавшей с 1905 г. те или иные варианты проведения конституционных реформ с учетом исторически сформировавшейся национально-государственной идентичности, китайское государство усваивает в качестве универсальной форму законодательного регулирования социальной жизни через понятие конституции, но включает в нее выработанное конфуцианской традицией приоритета долга каждого перед обществом как перед семьей содержание. При этом господство «правды» реализуется государством через положения Конституции, которые предписывают правильное отношение гражданина к своему долгу в качестве обязательного переживания. Из ст. 41, устанавливающей право на критику в адрес государственных учреждений, следует обязанность не допускать клеветы: «недопустимо оговаривать и порочить людей, фальсифицируя или подтасовывая факты».

Показательным с точки зрения проявления общих свойств политической культуры евразийских народов является характер закрепления в Конституции КНР правового статуса «человека и гражданина». В китайской литературе подчеркивается актуальная для сохранения национально-культурной идентичности идея специфичности использования классических для западного права институтов прав человека: «У китайского народа сложились свои представления о правах человека, эти представления вытекают из исторических условий и конкретных реалий страны, основываются на длительном опыте. В соответствии с этими представлениями в Китае были разработаны соответствующие законы и политические установки» [5, с. 18].

Характерную для евразийских стран традицию многовековой культурно-исторической изоляции выражает тот факт, что в Конституцию КНР включены общепризнанные права человека, но официальная позиция властей состоит в том, что они отражают «китайскую специфику», как и вся система заимствования западных ценностей и институтов. Ведущая роль рассмотренного выше «культурно-исторического наследия» в таком подходе выражается в подчеркивании не общих черт в развитии общества и государства разных народов, на чем основана концепция прав человека, а их различий, обусловленных особенностями исторического процесса формирования локальной цивилизации.

Надо отметить, что такой подход является классическим для культурологии как науки об индивидуальных особенностях локальных цивилизаций. И официальная позиция правительства КНР выражается в придании этим различиям ведущего характера в выработке политики и законодательства. Такое отношение совпадает с исходным тезисом евразийской идеологии, отрицающим утверждение универсальности западной цивилизации и западной концепции прав человека. Как отмечает А. С. Федонова, развитие современного китайского государства опирается на «продвижение» собственной концепции прав человека. Она основана на синтезе доктрин конфуцианства и марксизма [10, с. 385]. При более глубоком анализе это утверждение представляется некорректным, поскольку классическая теория марксизма предполагает наличие развитого гражданского общества, в состоянии которого производитель — рабочий класс — возникает, политически развивается и осваивает основанные на рационализме и предприимчивости методы защиты своих интересов. Во всех государствах восточно-евразийского пространства в силу геополитических и культурно-исторических факторов такой слой, необходимый для экономической и политической модернизации, отсутствовал. Поскольку именно в таких условиях, характерных для восточно-евразийского пространства, в советской России, а затем и в СССР вырабатывалась идеология советского социализма, то более обоснованным следует считать синтез традиционной китайской государственности именно с институтами советского социализма.

Синтез универсальных институтов прав человека и китайской модели защиты национально-государственной идентичности

Понимание соотношения доктрины прав человека и конфуцианской традиции возможно только при учете конфуцианского принципа приоритета коллективных прав, под которыми в рамках понимания государства как «Большой семьи» следует понимать полномочия коллектива-государства устанавливать обязанности индивидов как членов общины. Чтобы стать достойным членом «Большой семьи», каждый индивид обязан выполнять свои обязанности перед коллективом, среди которых первое место занимают самосовершенствование, подчинение законам коллектива-государства, волевая способность ограничивать свои запросы и потребности в интересах «общего блага». То есть основа понимания «человека» в конфуцианстве состоит в его умении играть отведенную ему коллективом-государством социальную роль, а именно — выполнять свои социальные обязательства перед коллективом-государством. Утверждение о том, что в конфуцианской традиции полномочия коллектива-государства преобладают над индивидуальными правами, лишено основания, потому что конфуцианство, а следовательно, и вся система «исторического и культурного наследия» КНР, в принципе не содержит самого понятия индивидуальных прав. Проблема правовой интеграции западной и китайской систем правопонимания в том, что индивидуальные права изначально отрицают обязанность следования социальной роли, на которой держатся порядок и процветание общества согласно конфуцианской доктрине [11, с. 88]. Индивидуальные права, из толкования которых в западной философии права выросли универсальные институты прав человека, в принципе независимы от предписанной социальной роли, и потому с точки зрения конфуцианской традиции представляют собой угрозу коллективу-государству как «Большой семье». Сущность этой угрозы в том, что индивидуальные права, отражая требование признания высшей ценности индивидуальной свободы, отрицают фундаментальные для его функционирования семейные общественные связи и существующую на их основе социальную иерархию, которая и составляет сущность государства.

С нашей точки зрения, исходные положения конфуцианской этики о приоритете публичных интересов, выражаемых в категориях «Большой семьи», представляют собой отражение универсальных ценностей всеобщей истории государства и права. Они в равной степени присущи историческим моделям социального взаимодействия в странах Западной Европы и восточно-евразийского пространства. Неотъемлемыми элементами римского права и становления наций-государств Нового времени в рамках Западной Европы, расширившейся до «Большой Европы», под которой понимаются практически все страны мира, в той или иной степени опирающиеся на ценности, идеи, институты и терминологию исторически сформировавшейся в Западной Европе доктрины «западного права», являлись идеи патрио-

тизма и служения обществу. Если в эпоху Римской республики объектом такого служения, одновременно являвшимся высшей ценностью морально-нравственного и политико-правового характера, являлся «римский народ», то в Китае аналогичные идеи выражались в категориях «Большой семьи». Но ни одна государственно-правовая культура восточно-евразийского пространства, как и «нация-государство» Западной Европы, не могла исторически развиваться без спланированной индивидов в политическую общность — нацию — идеи государственного служения. Исторически обусловленные различия ценностно-правового или геополитического характера обнаруживались в понимании объекта служения, но не в самой его сущности, воплощенной в конфуцианской этике.

Заключение

Таким образом, в результате исторически обусловленной общекультурной близости евразийских народов, развивавших национальную государственность в схожих геополитических условиях, в настоящее время складываются предпосылки для углубления евразийской интеграции. Ее ведущей особенностью является стремление всех ее участников к проведению государственно-правовой модернизации путем синтеза достижений основанной на идеале правового государства западной модели модернизации с основами традиционной национально-государственной идентичности.

Развитие международного сотрудничества на восточно-евразийском пространстве характеризуется рядом общих черт государственно-правовой модернизации, противопоставляемых либеральным традициям западной модернизации. Но способы официального закрепления нормативной базы государственного развития стран восточно-евразийского пространства опираются на универсальные формы систематизации права, выработанные в процессе становления западного права эпохи Просвещения. Такой синтез дает основания для утверждения о реализации в рамках восточно-евразийского пространства специфической формы правового регионализма. В рамках данного понятия оптимальным образом отражается сочетание универсальных ценностей правового государства с региональными историко-культурными особенностями национальных моделей модернизации, воплощенных в системной политике по защите национально-государственной идентичности.

В настоящее время максимальной степени эффективности в реализации характерных для евразийства идей синтеза традиционных ценностей национально-государственной идентичности и правовых институтов западной модернизации удалось добиться в рамках китайской модели правового регионализма, развивающейся на базе доктрины «социализма с китайской спецификой». Эффективное сочетание государственной идеологии традиционных ценностей, способствующей воспроизводству национальной идентичности, с успешной экономической модернизацией, обеспечившее современному Китаю статус мирового лидера, позволяет поставить вопрос о заимствовании китайского опыта правового регионализма для других государств восточно-евразийского пространства.

Развитие евразийской интеграции и объективных общих черт процессов государственно-правовой модернизации большинства евразийских стран дает основания для использования термина «восточно-евразийское пространство». Под ним подразумевается региональная общность народов восточной Евразии, в той или иной степени противопоставляемая западной цивилизации с целью сохранения национально-культурной идентичности и государственного суверенитета. Восточно-евразийское пространство объединено общностью геополитических условий становления национальных культур и государств и сходными проблемами сочетания в развитии универсальных институтов правового государства, исторически присущих для региона Западной Европы, с сохранением основ национально-государственной идентичности.

В контексте евразийской государственно-правовой модернизации восточно-евразийское пространство является геополитическим по содержанию понятием, обозначающим территориальные рамки евразийского региона, страны которого объединены близостью исторических моделей государственности и проблем модернизационного развития, порожденных естественным стремлением сохранения и воспроизводства национально-культурной идентичности, реализуемым в государственной политике. Часто используемое в литературе, затрагивающей вопросы развития евразийства, понятие «евразийского

пространства» представляется некорректным, так как географическая Евразия охватывает страны Азии и Европы.

Анализ китайского опыта государственно-правовой модернизации и его близости в плане стремления к сохранению национально-государственной идентичности с другими странами восточно-евразийского пространства на фоне достигнутых Китаем успехов позволяет утверждать о целесообразности использования опыта китайской «консервативной модернизации» в качестве исходной модели для углубления аналогичных преобразований во всех странах восточно-евразийского пространства. Обобщение исторического опыта и целей государственно-правовой модернизации стран рассматриваемого региона, с нашей точки зрения, позволит сформировать универсальную в его географических пределах концепцию евразийской государственно-правовой модернизации.

Список литературы

1. Глазьев С. Ю. За горизонтом конца истории. М. : Проспект, 2021. 416 с. ISBN: 978-5-392-33676-0. EDN: UJQQSH
2. Дубкова О. В. К проблеме определения базовых ценностей в картине мира китайцев // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 3 (832). С. 193–203. EDN: VOIPCC
3. Зеленева И. В., Агеева В. Д. Идеология евразийской интеграции // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1, № 8. С. 736–745. EDN: YRYDYT
4. Каширкина А. А., Морозов А. Н. Формации правового развития евразийской интеграции и их влияние на правовую систему Российской Федерации // Журнал российского права. 2014. № 8. С. 73–83. EDN: SKHOUP. DOI: 10.12737/5279
5. Кириллова Т. К., Гуткович О. А. Специфика правовой системы Китайской Народной Республики как социалистического государства // Закон. Право. Государство. 2025. № 3 (47). С. 17–20. EDN: DKVPJR
6. Крымов А. В., Романовская В. Б. Евразийская доктрина государства и права : монография ; Министерство образования и науки Российской Федерации. Нижний Новгород : Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2010. 99 с.
7. Курбанов Р. А. Современные формы региональной интеграции сквозь призму евразийского права // Вестник Российской академии наук. 2017. № 5. С. 449–457. EDN: YSDPRH. DOI: 10.7868/S0869587317050048
8. Пантин В. И. Идеологические основы евразийской экономической интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 17–29. EDN: XAKLBP. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-17-29
9. Рудман М. Н. История конституционной модернизации в странах «Большой Европы» и восточно-евразийского пространства. Уфа : УУНИТ, 2024. 106 с. ISBN: 978-5-7477-5989-3. EDN: UDDWDJ
10. Федонова А. С. Китайская концепция прав человека и ее международное продвижение // Молодой ученый. 2022. № 19 (414). С. 383–387. EDN: YOBJIM
11. Холиков Н. А. О сложности модели правовой системы Китайской Народной Республики // Правовая жизнь. 2025. № 1 (49). С. 81–89. EDN: GDEANW
12. Хань И. Китаизация марксизма в XXI веке // Философская мысль. 2025. № 10. С. 1–19. EDN: VLNZUL. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.10.75889
13. Янь Ц., Лю Л., Цзяо М. Мультимодальные метафоры ядерных ценностей китайского социализма в языковом ландшафте // Политическая лингвистика. 2022. № 3 (93). С. 152–159. EDN: GLCYSB

Об авторе:

Рудман Марк Наумович, кандидат исторических наук, магистр права, доцент, доцент кафедры теории государства и права, Уфимский университет науки и технологий (Уфа, Российская Федерация); e-mail: markrudman@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8837-3690

References

1. Glazyev, S. Yu. *Beyond the Horizon of the End of History*. Moscow : Prospekt, 2021. 416 p. ISBN: 978-5-392-33676-0. (In Russ.) EDN: UJOQSH
2. Dubkova, O. V. Revisiting the Problem of Determining Basic Values in the Worldview of the Chinese // *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2020. No. 3 (832). P. 193–203. (In Russ.) EDN: VOIPCC
3. Zeleneva, I. V., Ageeva, V. D. Ideology of Eurasian Integration // *Post-Soviet Studies*. 2018. Vol. 1, No. 8. P. 736–745. (In Russ.) EDN: YRYDYT
4. Kashirkina, A. A., Morozov, A. N. Formations of Legal Development of Eurasian Integration and their Impact on the Legal System of the Russian Federation // *Journal of Russian Law*. 2014. No. 8. P. 73–83. (In Russ.) EDN: SKHOUP. DOI: 10.12737/5279
5. Kirillova, T. K., Gutkovich, O. A. The Specifics of the Legal System of the People’s Republic of China as a Socialist State // *Lex. Jus. Civitas*. 2025. No. 3 (47). P. 17–20. (In Russ.) EDN: DKVPJR
6. Krymov, A. V., Romanovskaya, V. B. *Eurasian Doctrine of State and Law : monograph ; Ministry of Education and Science of the Russian Federation*. Nizhny Novgorod : Publishing house of Nizhny Novgorod State University, 2010. 99 p. (In Russ.)
7. Kurbanov, R. A. Modern Forms of Regional Integration through the Prism of Eurasian Law // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2017. No. 5. P. 449–457. (In Russ.) EDN: YSDPRH. DOI: 10.7868/S0869587317050048
8. Pantin, V. I. The Ideological Foundations of Eurasian Economic Integration // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2022. Vol. 22, No. 1. P. 17–29. (In Russ.) EDN: XAKLBP. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-17-29
9. Rudman, M. N. *History of Constitutional Modernization in the Countries of “Greater Europe” and the East Eurasian Space*. Ufa : UUST, 2024. 106 p. ISBN: 978-5-7477-5989-3. (In Russ.) EDN: UDDWDJ
10. Fedonova, A. S. The Chinese Concept of Human Rights and Its International Promotion // *Young Scientist*. 2022. No. 19 (414). P. 383–387. (In Russ.) EDN: YOBJIM
11. Kholikov, N. A. On the Complexity of the Model of China’s Legal System // *Legal Life*. 2025. No. 1 (49). P. 81–89. (In Russ.) EDN: GDEANW
12. Han, Y. The Sinicization of Marxism in the 21st Century // *Philosophical Thought*. 2025. No. 10. P. 1–19. (In Russ.) EDN: VLNZUL. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.10.75889
13. Yan Qiuju, Liu Lifen, Jiao Min. Multimodal Metaphors of the Core Values of Chinese Socialism in Linguistic Landscapes // *Political Linguistics*. 2022. No. 3 (93). P. 152–159. (In Russ.) EDN: GLCYSB

About the author:

Mark N. Rudman, PhD in History, Master of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation);
e-mail: markrudman@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8837-3690

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Рудман М. Н., 2026

О влиянии Консультативного заключения Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г. на правоприменительную практику государств — членов ЕАЭС

Пастущик А. В.

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

e-mail: anastasia.pastushick@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Цель исследования заключается в объяснении причин неоднозначности восприятия российскими судами Консультативного заключения Суда Евразийского экономического союза от 28 марта 2024 г. Для этого автор подробно анализирует фактические обстоятельства дела, правовые основания вынесения указанного консультативного заключения и его содержание, а также предпринимает попытку определить правовую природу и действительную юридическую силу данного судебного акта.

Методология. Основу методологии исследования составили как общенаучные (анализ, синтез, исторический и системный), так и частно-научные (формально-юридический и сравнительно-правовой) методы. Данные методы применялись при работе с источниками права и правоприменительными актами Евразийского экономического союза, его государств-членов, отечественной и зарубежной доктриной. **Результаты.** Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 28 марта 2024 г. принято с соблюдением его субъектной и предметной юрисдикции, содержит официальное толкование норм права Евразийского экономического союза и имеет целью обеспечение их единообразного применения, а также способно оказать помощь в разрешении конкретного спора. Указанное консультативное заключение не принято во внимание национальными судами по причине его формально рекомендательного характера. **Выводы.** Правовая природа консультативных заключений Суда Евразийского экономического союза не совпадает с правовой природой решений по преюдициальным запросам по ряду процессуальных, субъектных и формальных причин. Правовые позиции из Консультативного заключения Суда Евразийского экономического союза от 28 марта 2024 г. на момент разбирательств в российских судах действовали как обыкновения, исполнение которых добровольно. Они не трансформировались в международно-правовые обычаи, поскольку государствами не было выражено признание их обязательности.

Ключевые слова: консультативное заключение, Суд ЕАЭС, преюдициальный запрос, обыкновение, международно-правовой обычай

Для цитирования: Пастущик А. В. О влиянии Консультативного заключения Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г. на правоприменительную практику государств — членов ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 2. С. 124–133. EDN: YMTUGK

About the Effect of the EAEU Court's Advisory Opinion Dated March 28, 2024 in the Law Practice of the EAEU Member States

Anastasia V. Pastushick

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation

e-mail: anastasia.pastushick@yandex.ru

ABSTRACT

Aim. The purpose of the research is to explain the reasons of the ambiguity of the Russian courts' perception of the Advisory Opinion of the Court of the Eurasian Economic Union dated March 28, 2024. The author describes in details the factual circumstances of the case, the legal grounds for issuing the said advisory opinion and its content, and attempts to determine the legal nature and actual legal force of this judicial act. **Methods.** The research methodology is based on both general scientific methods: analysis, synthesis, historical and systematic, as well as private scientific methods: formal legal and comparative legal. These methods were used when working with sources of law and law enforcement acts of the Eurasian Economic Union, its member states, domestic and foreign doctrine. **Results.** Advisory Opinion of the Court of the Eurasian Economic Union dated March 28, 2024 was adopted in compliance with subject and material jurisdiction contains an official interpretation of the law of the Eurasian Economic Union and aims to ensure their uniform application, is able to help in resolution of concrete dispute. This advisory opinion was not taken into account by the national courts because of its formally recommendatory character. **Conclusions.** The legal nature of the advisory opinions of the Court of the Eurasian Economic Union does not coincide with the legal nature of decisions on prejudicial requests due to a number of procedural, subjective and formal reasons. The legal positions from the Advisory Opinion of the Court of the Eurasian Economic Union dated March 28, 2024 at the time of the proceedings in the Russian courts acted as usage, the execution of which was voluntary. They have not been transformed into international legal customs due to the lack of recognition by States of their binding nature.

Keywords: advisory opinion, EAEU Court, reference for a preliminary ruling, usage, international legal custom

For citation: Pastushick A. V. About the Effect of the EAEU Court's Advisory Opinion Dated March 28, 2024 in the Law Practice of the EAEU Member States // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 124–133. (In Russ.) EDN: YMTUGK

Введение

Данные официального сайта Суда Евразийского экономического союза (далее — Суд ЕАЭС, Суд Союза), приведенные по состоянию на начало апреля 2026 г., позволяют наблюдать тенденцию к увеличению числа запросов на вынесение консультативных заключений по различным вопросам права Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС, Союз). Если в 2016 г. в Суд ЕАЭС было подано всего три таких заявления, то спустя девять лет, в 2025 г., их количество утроилось¹. Заинтересованность в консультативных заключениях Суда ЕАЭС констатирует оценку их в качестве реальных и эффективных инструментов воздействия на функционирование интеграционного и национальных правопорядков. Органы Союза и его государства-члены в большинстве случаев охотно прислушиваются к консультативным заключениям Суда ЕАЭС, несмотря на их формально рекомендательный характер: вносят на их основе дополнения и изменения в свои нормативные правовые акты, цитируют в актах высших судов. Такая практика демонстрирует некоторую парадоксальность, но соответствует общим тенденциям развития сферы международного правосудия. Однако встречаются и консультативные заключения Суда ЕАЭС, воспринимаемые неоднозначно. Крайне редким, но реальным примером тому является Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г., анализу которого посвящена настоящая статья².

¹ Официальный сайт Суда ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: <https://courteurasian.org/> (дата обращения: 15.04.2026).

² Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 28.03.2024 по делу № P-2/24 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Суда ЕАЭС. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-2.24/ (дата обращения: 17.03.2026).

Ratione personae консультативной юрисдикции Суда ЕАЭС

Предметом разъяснения Большой коллегии Суда ЕАЭС в деле № Р-2/24 стали нормы п. 53 и п. 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в ЕАЭС¹. Заявление о разъяснении было подано в Суд ЕАЭС в январе 2024 г. одним его бывшим и двумя действующими сотрудниками на основании п. 46 Статута Суда ЕАЭС².

На настоящий момент заявление по делу № Р-2/24 является единственным случаем в практике Суда ЕАЭС, когда одним из заявителей выступил уже бывший на момент его подачи сотрудник Суда. Однако это не создало препятствий при установлении Судом Союза *ratione personae* своей консультативной юрисдикции несмотря на то, что норма п. 46 Статута Суда ЕАЭС напрямую не конкретизирует, вправе ли инициировать запрос бывшие сотрудники и должностные лица органов Союза. Неопределенность была устранена Постановлением о принятии заявления к производству от 30 января 2024 г.: предусмотренное п. 53 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в ЕАЭС «право на пенсионное обеспечение должностных лиц и сотрудников органов Союза является неотъемлемой частью правового статуса их как международных служащих» и сохраняется после прекращения ими трудовых правоотношений³. Интересно и то, что в данном случае процессуальный, «промежуточный» по сущности акт является источником ценного судебного толкования нормы права Союза, которое может быть неоднократно применено в будущем.

Причины направления в Суд ЕАЭС заявления на разъяснение норм права Союза

29 декабря 2017 г. один из заявителей (далее — заявительница) уволился из Суда ЕАЭС. Суммарный период работы в Суде ЕАЭС составил 2 года 1 месяц 28 дней. В феврале 2023 г. Судом Союза в Минтруд России был направлен комплект документов для признания за заявительницей права на предусмотренную п. 53 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в ЕАЭС пенсию за выслугу лет и ее назначение. Минтруд России на это вынес решение об отказе, сославшись на недостаточность периода замещения заявительницей должностей в Суде ЕАЭС. Камнем преткновения в данном деле стал тот факт, что на момент увольнения заявительницы из Суда ЕАЭС редакция п. 53 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в ЕАЭС содержала требование о замещении должностей в органах Союза на протяжении не менее двенадцати месяцев перед увольнением, а на момент обращения за назначением пенсии редакция указанного пункта была изменена: требование к указанному периоду было увеличено до минимальных трех лет.

Заявительница обжаловала отказ Минтруда России в Тверском районном суде города Москвы, ссылаясь в своем исковом заявлении на применение Минтрудом России неверной редакции п. 53 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в ЕАЭС. Она считала, что право на пенсию за выслугу лет у нее возникло в момент увольнения и должна применяться актуальная на тот момент редакция нормы, предусматривавшая требование к минимальному периоду замещения должностей в органах ЕАЭС в размере двенадцати календарных месяцев. Использование Минтрудом России новой редакции нормы стало нарушением запрета на придание обратной силы регулированию, ухудшающему положение лица. В дополнение к этому в ст. 106.1 Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. указано, что «за лицами, приобретшими право на пенсию за выслугу лет по п. 53 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в ЕАЭС и освобожденными от должностей в ЕЭК или Суде Союза до даты вступления в силу Протокола от 24 марта 2022 г. ... сохраняется право на такую пенсию без учета изменений требуемой продолжительности стажа государственной граждан-

¹ Договор о ЕАЭС от 29.05.2014 (в ред. от 25.05.2023) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 17.03.2026).

² Там же.

³ Постановление о принятии заявления к производству от 30.01.2024 по делу № Р-2/24 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Суда ЕАЭС. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-2.24/ (дата обращения: 19.03.2026).

ской службы»¹. Минтруд России же указал на отсутствие оснований для назначения пенсии, потому что российским законодательством не предусмотрены должность «исполняющий обязанности консультанта» или ее соответствие какой-либо другой должности федеральной государственной гражданской службы, а ст. 106.1 Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. для определения необходимого периода замещения должностей в органах ЕАЭС не применяется. В октябре 2023 г. Тверской районный суд г. Москвы встал на сторону Минтруда России и подтвердил правомерность его решения об отказе².

Ответной реакцией заявительницы на решение Тверского районного суда города Москвы стала подача апелляционной жалобы, после чего в оперативные сроки было подготовлено и направлено в Суд ЕАЭС заявление о разъяснении действия п. 53 и п. 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в ЕАЭС. По итогам всестороннего анализа фактических обстоятельств и обозначенных в заявлении норм права 28 марта 2024 г. Суд ЕАЭС вынес Консультативное заключение.

Содержание Консультативного заключения Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г.

Структура Консультативного заключения Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г. представлена четырьмя разделами: «Вопросы заявителей и обстоятельства дела», «Процедура в Суде», «Выводы Суда» и «Заключительные положения». Перед непосредственным изложением правовых позиций по предмету разъяснения в третьем разделе «Выводы Суда» Суд ЕАЭС подтвердил *ratione materiae* своей консультативной юрисдикции в данном деле: основой возникновения правоотношения по предоставлению должностному лицу или сотруднику органа ЕАЭС пенсионных гарантий является установление его трудовых отношений с таким органом; статус должностного лица или сотрудника органа ЕАЭС как международного служащего включает пенсионные гарантии, как и любые иные социальные гарантии, привилегии и иммунитеты, предусмотренные Договором о ЕАЭС от 29 мая 2014 г.

Изложенные в Консультативном заключении Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г. правовые позиции содержат результат толкования норм права ЕАЭС применительно не только к конкретным фактическим обстоятельствам, но и к «актуальным вопросам общего порядка» — вопросу о соотношении права ЕАЭС и законодательства его государств-членов при регулировании пенсионных гарантий международных служащих Союза. Расширение Судом ЕАЭС в данном случае сферы толкования служит подтверждением имеющихся в юридической доктрине мнений о том, что при реализации консультативной компетенции международные суды вправе выходить за пределы запросов, давать толкование *in abstracto* [1, с. 179; 9, с. 80; 11, с. 181].

По существу обозначенных заявителями вопросов Большая коллегия Суда ЕАЭС представила следующие разъяснения. Нормы п. 53 и п. 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в ЕАЭС предполагают обеспечение государствами — членами Союза соответствия их законодательства и правоприменительной практики в сфере пенсионных гарантий международных служащих Союзу праву ЕАЭС. Нормативное регулирование предоставления таким лицам пенсионных гарантий является прерогативой ЕАЭС.

Норма п. 53 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в ЕАЭС обладает прямым действием, право на пенсию за выслугу лет федеральным государственным гражданским служащим приобретает в момент наступления всех закрепленных в данной норме материально-правовых условий. Протокол от 24 марта 2022 г., увеличивающий требование к обязательному периоду замещения должностей в органах ЕАЭС, специальных положений об обязательности применения изменений к возникшим до их принятия правоотношениям не содержит. Прежняя редакция п. 53 Положения

¹ Договор о ЕАЭС от 29.05.2014 (в ред. от 25.05.2023) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 19.03.2026). {(Протокол о внесении изменений в Договор о ЕАЭС от 29.05.2014 в части пенсионного обеспечения должностных лиц и сотрудников Евразийской экономической комиссии и Суда Евразийского экономического союза, являющихся гражданами Российской Федерации, от 24.03.2022 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 04.10.2022, 3/3942. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=F72200170> (дата обращения: 20.03.2026).

² Решение Тверского районного суда от 31.10.2023 по делу № 02-4594/2023 [Электронный ресурс] // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/civil/details/aca91471-4b21-11ee-a9a3-352c3040d4b4?participant=6рынова/> (дата обращения: 20.03.2026).

о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в ЕАЭС сохраняет свое действие при определении приобретения заявительницей права на пенсию за выслугу лет.

Суд ЕАЭС признал равнозначными понятия «замещение должности» и «занятие должности», а также «период работы» и «период замещения». Он указал на необходимость включения периода работы в органах ЕАЭС в общую продолжительность стажа федеральной государственной гражданской службы должностных лиц и сотрудников из РФ. Ст. 106.1 Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. предполагает сохранение права на пенсию за выслугу лет и без учета изменений требуемой продолжительности периода замещения должностей в органах Союза. Период работы в Суде ЕАЭС в качестве «исполняющего обязанности» также подлежит включению в стаж федеральной государственной гражданской службы, так как соблюдены все условия: у заявительницы имеется трудовой договор (контракт) с Судом ЕАЭС, она выполняла соответствующую должности трудовую функцию, Суд ЕАЭС осуществлял отчисление страховых взносов в Фонд пенсионного и социального страхования РФ.

Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г. подкрепило позицию заявительницы, изложенную в исковом заявлении. Отсутствие особых мнений свидетельствует о единогласии судей Суда ЕАЭС при толковании норм. Однако последующее развитие событий выявило скептичность отношения национального правоприменителя к данному консультативному заключению и институту консультативной юрисдикции в целом.

Восприятие Консультативного заключения Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г.

Суд апелляционной инстанции не принял Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г. во внимание по причине его рекомендательного характера и, более того, счел изложенное в нем толкование ст. 106.1 Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. неверным¹. Второй кассационный суд общей юрисдикции отменил решение суда первой инстанции и апелляционное определение, ссылаясь на позиции Конституционного Суда Российской Федерации «о сохранении ранее приобретенных прав на пенсию в соответствии с условиями и нормами законодательства, действовавшего на момент приобретения права», довод прокурора о нарушении судами нижестоящих инстанций принципа обратной силы и необходимость установления судом юридически значимых обстоятельств в виде наличия у заявительницы достаточных стажа федеральной государственной гражданской службы и периода замещения должности в Суде ЕАЭС². Акт Суда ЕАЭС не упомянут в Определении Второго кассационного суда общей юрисдикции и актах после пересмотра, но согласие с толкованием Суда ЕАЭС в них прослеживается.

Судья анализируемого дела приводит к необходимости исследования правовой природы консультативных заключений Суда ЕАЭС.

Сравнение правовой природы консультативных заключений Суда ЕАЭС и решений по преюдициальным запросам

Суд Евразийского экономического сообщества (далее — Суд ЕврАзЭС, Суд Сообщества), предшественник Суда ЕАЭС, в силу п. 3 ст. 13 Статута Суда ЕврАзЭС был наделен компетенцией по вынесению консультативных заключений рекомендательного характера «по запросам государств — членов ЕврАзЭС, их высших судебных органов, Межгосударственного Совета, Межпарламентской Ассамблеи и Интеграционного Комитета ЕврАзЭС» («абстрактный нормоконтроль»)³. Отличительным моментом было наделение Суда ЕврАзЭС компетенцией по преюдициальному толкованию норм права Таможенного

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 16.07.2024 по делу № 33-24245/2024 [Электронный ресурс] // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/2d18c5c0-1777-11ef-abcb-0f4db69112a8?participant=%D0%B1%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0> (дата обращения: 20.03.2026).

² Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 31.10.2024 по делу № 88-28239/2024 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Второго кассационного суда общей юрисдикции. URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_or=doc&number=13491334&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (дата обращения: 25.03.2026).

³ Статут Суда ЕврАзЭС от 05.07.2010 (в ред. от 10.10.2011) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902279047?ysclid=mo0gew9b4q243435012/> (дата обращения: 26.03.2026).

союза по запросам высших судов его государств-членов. Запрос был обязанностью, если решение национального суда не подлежало обжалованию (на практике обязанность относилась к судам надзорной инстанции и конституционным судам государств — членов Таможенного союза), или правом — в обратной ситуации¹. Неаделение Суда ЕАЭС компетенцией по преюдициальному толкованию стало реакцией государств на вынесенное по преюдициальному запросу Кассационной коллегии Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь Решение Суда ЕврАзЭС от 10 июля 2013 г.² А. С. Исполинов видит в данном Решении проявление «судебного активизма» вследствие попытки Суда ЕврАзЭС «сделать из своего ответа норму права» о юридической силе и действии его преюдициальных заключений [2, с. 47].

Сегодня в отечественной литературе встречается мнение о том, что отсутствие у Суда ЕАЭС компетенции по преюдициальному толкованию права Союза частично компенсируется его консультативной компетенцией [13, с. 124]. Обеим компетенциям присущ ряд общих характеристик: потребность в разъяснении сути нормы права, корреляция интеграционной нормы права и ее правоприменения национальным судебным органом, стремление защиты субъективных прав хозяйствующих субъектов на основе обеспечения единообразного правоприменения. Также практика демонстрирует высокий процент исполнения консультативных заключений Суда ЕАЭС.

Но есть и отличительные черты. Основанием преюдициального запроса служит только конкретный рассматриваемый национальным судом спор, консультативные заключения же выносятся и в отсутствие таких споров. При направлении преюдициального запроса производство по делу в национальном суде приостанавливается; направление запроса на вынесение консультативного заключения подобным механизмом не сопровождается. Круг субъектов, обладающих правом по направлению преюдициального запроса, и круг субъектов, уполномоченных направлять запросы на вынесение консультативных заключений, разнятся, однако формально в силу п. 49 Статута Суда ЕАЭС государства — члены Союза могут наделить вторым и свои судебные органы [3, с. 226]. Решения по преюдициальным запросам окончательны и обязательны, в то время как консультативные заключения в силу п. 98 Статута Суда ЕАЭС обладают лишь рекомендательным характером и потенциально могут не учитываться, как это продемонстрировала на практике ситуация с Консультативным заключением Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г. — отмена решения суда первой инстанции и апелляционного определения обоснована ссылками на позиции Конституционного суда РФ. Орган международного правосудия может быть одновременно наделен компетенцией по преюдициальному толкованию и консультативной компетенцией (как в случае Суда ЕврАзЭС). Таким образом, правовая природа решений по преюдициальному запросу не тождественна правовой природе консультативных заключений.

Консультативные заключения Суда ЕАЭС, обыкновения и международно-правовые обычаи

Изложенные в Консультативном заключении Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г. правовые позиции направлены на достижение Судом ЕАЭС одной из его главных целей — обеспечения единообразного применения норм права Союза [10, с. 160]. О реализации данной цели в случае конкретного консультативного заключения возможно говорить при условии ликвидации Судом ЕАЭС двусмысленности толкования определенной нормы права Союза и наличия фактов следования данному толкованию. Соблюдение первого условия устанавливается при анализе содержания третьего раздела Консультативного заключения Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г.: устранение неясности относительно момента приобретения права на пенсию за выслугу лет по п. 53 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в ЕАЭС; устранение неясности относительно применимой к конкретным правоотношениям редакции указанного пункта в свете соблюдения общеправовых принципов; устранение неясности относительно объемов понятий

¹ Мысливский П. П. Суд Евразийского экономического союза: история создания, правовое регулирование деятельности и судебная практика : учебное пособие. М. : РГУП, 2020. С. 14.

² Решение Суда ЕврАзЭС от 10.07.2013 по делу № ЕврАзЭС — 1-6/1-2013 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Суда ЕАЭС. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eurazes/1-6.1-2013/ (дата обращения: 28.03.2026).

«замещение должности» и «занятие должности», «период работы» и «период замещения»; устранение неясности относительно включения в стаж федеральной государственной гражданской службы периода работы в органах Союза, в том числе в качестве «исполняющего обязанности»; устранение неясности относительно сути обязательств государств — членов ЕАЭС по имплементации пенсионных гарантий должностных лиц и служащих его органов.

Установление соблюдения второго условия осложняется отсутствием в открытом доступе правоприменительных актов органов государств — членов Союза, обладающих полномочиями по признанию пенсионных прав и назначению пенсий, и отсутствием на настоящий момент в доступной практике судов государств — членов Союза соответствующих фактов. К выводу о несоблюдении (или «недостаточном» соблюдении) второго условия приводит и то, что ни одна из инстанций напрямую не сослалась на изложенные в Консультативном заключении Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г. правовые позиции, а применение в новых актах судов первой и апелляционной инстанций к определению наличия у заявительницы права на пенсию материально-правовых условий его приобретения из законодательства, действовавшего на момент такого приобретения, подкрепляется позицией Конституционного Суда РФ, а не Суда ЕАЭС. Представители заявительницы неоднократно на судебных заседаниях подчеркивали необходимость учета национальными правоприменителями консультативных заключений Суда ЕАЭС как таковых и в качестве подкрепления своей позиции фактами использовали и ранее вынесенные акты тех же судов, и акты Верховного Суда РФ^{1, 2}. Однако это учтено не было.

По мнению Т. Н. Нешатаевой, судебные позиции, изложенные в актах рекомендательного характера, действуют как не относящиеся к источникам международного права обыкновения и предполагают добровольность следования им [7, с. 57]. Нарушения обыкновений есть «недружественные акты», которые могут повлечь лишь морально-этическую ответственность [8, с. 144]. В случае с Консультативным заключением Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г. это может быть выражено в форме порицания поведения суда в связи с выразившимся в таком поведении нивелированием авторитета органа международного правосудия, вынесшего консультативное заключение. Однако, как пишет И. И. Лукашук, именно на основе обыкновений формируется большая часть международно-правовых обычаев [4, с. 59]. В случае с консультативным заключением содержание обыкновения составляет правило поведения, ставшее результатом толкования уже существующей нормы. После признания государствами обязательности такого правила (формирование элемента *opinio juris*) оно становится международно-правовым обычаем [14, с. 144]. Отсутствие же элемента *opinio juris* оставляет правило в категории обыкновений, обладающих лишь рекомендательным характером.

По утверждению Л. Оппенгейма, о формировании *opinio juris* и трансформации правила поведения из обычая в обыкновение свидетельствует не любая практика его применения государствами, а только четкая, единообразная и убеждающая в отношении государств к такому правилу как к обязательной норме международного права [15, р. 22–23]. Консультативные заключения Суда ЕАЭС могут способствовать формированию *opinio juris* государств — членов Союза в отношении разъясняемых в них норм и их толкования [6, с. 86]. Практика указывает на следующие способы формирования *opinio juris*: принятие государством — членом Союза нормы в судебном прочтении в качестве новой нормы своего национального законодательства, внесение государством — членом Союза изменений в свое действующее законодательство на основании сформулированного Судом ЕАЭС правила или подтверждение такого правила в акте национального конституционного суда [5, с. 44]. Отнесение же к способам формирования *opinio juris* подтверждения правила в актах иных национальных судов спорно — соответствует ли такая практика обозначенным Л. Оппенгеймом критериям четкости и убедительности? Если акты Верховного Суда РФ или аналогичных по положению национальных

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 19.07.2022 по делу № 33-20457/2022 [Электронный ресурс] // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/ae021280-e011-11ec-987e-d37aea1a3add?caseNumber=33-20457/2022> (дата обращения: 02.04.2026).

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.06.2020 № 303-ЭС20-816 по делу № А51-24425/2018 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=632353&ysclid=mo0hm6kqdn619623799#zbaOtgVkgAUO4H3N/> (дата обращения: 02.04.2026).

судов других государств — членов ЕАЭС могут свидетельствовать о выполнении критерия убедительности ввиду невозможности дальнейшего обжалования таких актов (однако судебный прецедент в Российской Федерации официальным источником права не является), то в случае с актами судов нижестоящих инстанций это сомнительно — такие акты могут быть легко отменены вышестоящими судами.

Правовые позиции Суда ЕАЭС из Консультативного заключения Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г. на момент написания настоящей статьи не приобрели юридическую обязательность. Ни один из вышеперечисленных способов формирования *opinio juris* в отношении них не реализовался. Приведенные представителями заявителя факты учета Тверским районным судом города Москвы и Верховным Судом РФ консультативных заключений Суда ЕАЭС доказательством формирования *opinio juris* правовых позиций из Консультативного заключения Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г. также не являются по ряду причин. Во-первых, там упомянуты иные консультативные заключения Суда ЕАЭС. Во-вторых, отнесение актов судов нижестоящих инстанций к источникам подтверждения *opinio juris* сомнительно. Но данные акты и были представлены в качестве доказательств другого — необходимости учета национальными судами любых инстанций консультативных заключений Суда ЕАЭС в принципе как таковых. В. Л. Толстых в своих трудах пишет про существование консенсуса субъектов международного права относительно юридической обязательности консультативных заключений органов международного правосудия как органов, обладающих высоким авторитетом и гарантов единообразия применения норм международного права. Он даже упоминает потенциальное существование соответствующего международно-правового обычая, однако тут же это критикует: такой обычай будет означать вмешательство в статутные нормы, что «вряд ли будет признано каким-либо международным судом» [12, с. 153]. Исползованные же в акте Второго кассационного суда общей юрисдикции и в новых актах судов первой и апелляционной инстанций правовые позиции Конституционного суда РФ хоть и аналогичны части правовых позиций Суда ЕАЭС, но сформулированы были гораздо ранее — в 2001 г.¹

Заключение

Ситуация с Консультативным заключением Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г. стала свидетельством того, что не все консультативные заключения Суда ЕАЭС имеют одинаковый правовой эффект. Положительное восприятие органами ЕАЭС и его государствами-членами норм права Союза в толковании Суда ЕАЭС и трансформации соответствующих изначально рекомендательных позиций в нормы статутного права являются распространенными явлениями. В качестве объяснения этого могут быть использованы доводы о доверии субъектов мнению авторитетного органа интеграционного правосудия, об убедительности его аргументации, о статусе Суда ЕАЭС как главного юрисдикционного органа Союза. Вопреки этим доводам, Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г., содержащее толкование норм в сфере пенсионного обеспечения должностных лиц и сотрудников органов ЕАЭС и запрошенное заявителями с целью использования его в качестве инструмента для разрешения спора в суде РФ, ожидаемого влияния на правотворческую или правоприменительную практику не оказало. Это указывает на сложность и дискуссионность правовой природы консультативных заключений Суда ЕАЭС.

Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г., равно как и иные консультативные заключения Суда ЕАЭС, с точки зрения правовой природы не аналогично решению (заключению) по преюдициальному запросу. Изложенное в нем толкование норм права Союза на сегодняшний день существует как рекомендательное обыкновение. Возникновение на его основе регионального правового обычая возможно при признании государствами — членами ЕАЭС обязательности применения соответствующих норм права Союза именно в прочтении Суда ЕАЭС. Учет в правоприменительной практике судов

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2001 № 8-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 1 и статьи 2 Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» в связи с жалобами граждан А. С. Стах и Г. И. Хваловой» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31809/?ysclid=mo0hpdos75760109695/ (дата обращения: 05.04.2026).

общей юрисдикции государств — членов Союза изложенного в Консультативном заключении Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г. толкования до его признания и трансформации в региональный правовой обычай зависит от судебного усмотрения. Оставление российскими судами данного толкования без внимания не является причиной обязательной отмены их актов в силу норм российского процессуального законодательства. Однако с этической точки зрения судьба Консультативного заключения Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г. стала фактом несколько пренебрежительного отношения к функции Суда ЕАЭС по обеспечению единообразия применения норм Союза. Важно, чтобы данный факт оставался единичным и не трансформировался в устойчивую правоприменительную тенденцию.

Список литературы

1. *Исполинов А. С.* Консультативная юрисдикция международных судов: некоторые уроки для Суда ЕАЭС // Новые вызовы интеграции ЕАЭС: правовое измерение : сборник материалов международной конференции (Минск, 25–27 ноября 2020 г.). Минск : Колорград, 2021. С. 179–182. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46353491_94830605.pdf
2. *Исполинов А. С.* Суды региональных интеграционных объединений в системе международного правосудия (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС). М. : Юстицинформ, 2018. 312 с. ISBN: 978-5-7205-1472-3.
3. *Карлюк М. В.* Механизм обеспечения единообразного применения и толкования права в рамках европейской и евразийской интеграции // Международное правосудие и укрепление интеграционных процессов : сборник материалов международной конференции (Минск, 18–19 октября 2018 г.). Минск : Четыре четверти, 2019. С. 220–231. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/308137037.pdf>
4. *Лукашук И. И.* Источники международного права. Киев : [б. и.], 1966. 127 с.
5. *Мысливский П. П.* Исполнение актов Суда Евразийского экономического союза: обзор первых проблем и путей их решения // Журнал ВШЭ по международному праву. 2023. № 2. С. 42–53. EDN: JYJQYU. DOI: 10.17323/jil.2023.18188
6. *Мысливский П. П.* Исполнение решений и консультативных заключений Суда Евразийского экономического союза // Московский журнал международного права. 2021. № 3. С. 78–97. EDN: MOKDOI. DOI: 10.24833/0869-0049-2021-3-78-97
7. *Нешатаева Т. Н.* Слышать жизнь: действие актов международного суда в национальных правовых системах // Международное правосудие. 2018. № 1. С. 53–66. EDN: QOMYPN. DOI 10.21128/2226-2059-2018-1-53-66
8. *Нешатаева Т. Н.* Суд и право: евразийская интеграция. М. : Норма : ИНФРА-М, 2024. 336 с. ISBN: 978-5-00156-141-5.
9. *Сейтимова В. Х.* Роль консультативных заключений Суда ЕАЭС в развитии права Союза и евразийской интеграции // Международные отношения и общество. 2019. № 3. С. 75–82. EDN: WYGRZK
10. *Скрипкина Г. А.* Практика Суда ЕАЭС как фактор совершенствования права Союза // Международное правосудие и укрепление интеграционных процессов. Сб. мат. Межд. конф. (Минск, 18–19 октября 2018 г.). Минск : Четыре четверти, 2019. С. 156–162.
11. *Смбатян А. С.* Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права. М. : Статут, 2012. 270 с. ISBN: 978-5-8354-0872-6.
12. *Толстых В. Л.* Консультативная функция международных судов // Вестник НГУ. Серия: Право. 2011. № 1. С. 149–157. EDN: NWZVDF
13. *Халафян Р. М.* Консультативные заключения суда ЕАЭС в механизме обеспечения региональной интеграции // Современное право. 2020. № 8. С. 122–128. EDN: LWLN XU. DOI: 10.25799/NI.2020.63.33.012
14. *Черняк Л. Ю.* К вопросу о соотношении понятий «обычай» и «обыкновение» в теории международного права // Сибирский юридический вестник. 2014. № 4. С. 139–146. EDN: TEDPAD
15. *Oppenheim L.* International Law, a Treatise. Vol. 1–2. Lond., N. Y. : Longmans, Green, and co, 1905. 595 p.

Об авторе:

Пастушик Анастасия Владимировна, аспирант кафедры международного права, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева (Москва, Российская Федерация);
e-mail: anastasia.pastushick@yandex.ru

References

1. Ispolinov, A. S. Advisory Jurisdiction of International Courts: Some Lessons for the EAEU Court // New Challenges of EAEU Integration: Legal Dimension : collection of Materials from the International Conference (Minsk, November 25–27, 2020) Minsk : Kolorgrad, 2021. P. 179–182. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46353491_94830605.pdf (In Russ.)
2. Ispolinov, A. S. Courts of Regional Integration Associations in the International Justice System (On the Example of the Court of the EU and the Court of the EAEU). Moscow : Justicinform, 2018. 312 p. ISBN: 978-5-7205-1472-3. (In Russ.)
3. Karlyuk, M. V. Mechanism for Ensuring Uniform Application and Interpretation of Law within the Framework of European and Eurasian Integration // International Justice and Strengthening Integration Processes. Mat. International Conference (Minsk, October 18–19, 2018). Minsk : Four Quarters, 2019. P. 220–231. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/308137037.pdf> (In Russ.)
4. Lukashuk, I. I. Sources of International Law. Kiev, 1966. 127 p. (In Russ.)
5. Myslivskiy, P. P. Execution of Acts of the Court of the Eurasian Economic Union: Review of the First Problems and Ways for Their Solution // HSE Journal of International Law. 2023. No. 2. P. 42–53. (In Russ.) EDN: JYJYU. DOI: 10.17323/jil.2023.18188
6. Myslivskiy, P. P. Execution of Judgments and Advisory Opinions of the Court of the Eurasian Economic Union // Moscow Journal of International Law. 2021. No. 3. P. 78–97. (In Russ.) EDN: MOKDOI. DOI: 10.24833/0869-0049-2021-3-78-97
7. Neshataeva, T. N. Hearing Life: The Effect of Acts of an International Court in National Legal Systems // International Justice. 2018. No. 1. P. 53–66. (In Russ.) EDN: QOMYPN. DOI: 10.21128/2226-2059-2018-1-53-66
8. Neshataeva, T. N. Court and Law: Eurasian Integration. Moscow : Norma : INFRA-M, 2024. 336 p. ISBN: 978-5-00156-141-5. (In Russ.)
9. Seitimova, V. H. The Role of Advisory Opinions of the EAEU Court in the Development of Union Law and Eurasian Integration // International Relations and Society. 2019. No. 3. P. 75–82. (In Russ.) EDN: WYGRZK
10. Skripkina, G. A. The Practice of the EAEU Court as a Factor in Improving the Law of the Union // International Justice and Strengthening Integration Processes. Mat. International Conference (Minsk, October 18–19, 2018). Minsk : Four Quarters, 2019. P. 156–162. (In Russ.)
11. Smbatyan, A. S. Decisions of International Justice Bodies in the System of International Public Law. Moscow : Statute, 2012. 270 p. ISBN: 978-5-8354-0872-6. (In Russ.)
12. Tolstykh, V. L. The Advisory Function of the International Courts of Justice // Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Law. 2011. No. 1. P. 149–157. (In Russ.) EDN: NWZVDF
13. Khalafyan, R. M. Advisory Opinions of the Eurasian Economic Court in the Mechanism of Regional Integration Legal Enforcement // Modern Law. 2020. No. 8. P. 122–128. (In Russ.) EDN: LWLN XU. DOI: 10.25799/NI.2020.63.33.012
14. Chernyak, L. Y. Question of the Relationship Definitions “Custom” and “Usage” in the Theory of International Law // Siberian Law Herald. 2014. No. 4. P. 139–146. (In Russ.) EDN: TEDPAD
15. Oppenheim, L. International Law, a Treatise. Vol. 1–2. Lond., N. Y. : Longmans, Green, and co., 1905. 595 p.

About the author:

Anastasia V. Pastushick, Postgraduate Student, Department of International Law, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (Moscow, Russian Federation);
e-mail: anastasia.pastushick@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Пастущик А. В., 2026

Технологии искусственного интеллекта как основа обеспечения технологического суверенитета: вызовы и угрозы для стран ЕАЭС¹

Панцеров К. А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: pantserev@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2164-9525

РЕФЕРАТ

Статья посвящена проблеме обеспечения технологического суверенитета. **Цель и задачи.** Выявить ключевые методы, позволяющие США сохранять технологическое доминирование и определить траекторию создания независимой от западных технологий ИИ-экосистемы.

Методология. В ходе исследования автором использовались следующие методы: критический дискурс-анализ, контент-анализ, метод системного анализа. **Результаты.** Автор выявил, что, несмотря на то, что в последние годы китайские высокотехнологичные компании составляют серьезную конкуренцию американским, США продолжают прочно удерживать мировое технологическое лидерство, что дает им возможность не только решать, с какими странами и при каких условиях делиться своими технологиями, но и контролировать мировые информационные потоки. Особую опасность автор видит в распространении больших языковых моделей, произведенных ведущими американскими IT-корпорациями. Указанные модели, будучи обученными на западных текстах, становятся крайне удобным инструментом для экспорта западных ценностей в страны с принципиально иным культурно-цивилизационным кодом, что только усугубляет идеолого-культурную гегемонию стран коллективного Запада. В статье показано, что и в Казахстане, и в Кыргызстане были разработаны собственные большие языковые модели, но основаны они на американской модели LLaMA². В России после начала специальной военной операции и ухода с российского рынка многих ведущих западных IT-корпораций отечественные разработчики были вынуждены предложить собственные технологические решения. Однако отставание от западных производителей составляет примерно год. **Выводы.** Российские научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки в сфере передовых информационных технологий носят пока штучный характер, что обусловлено высокими затратами на обучение ИИ-моделей с нуля. В этой связи автор предлагает рассмотреть возможность объединения усилий высокотехнологичных компаний государств — участников ЕАЭС по разработке сквозных технологий искусственного интеллекта, которые были бы способны удовлетворить насущные потребности всех стран-партнеров, что будет способствовать дальнейшему укреплению евразийской интеграции.

Ключевые слова: искусственный интеллект, большие языковые модели, центры обработки данных, технологическая зависимость, ЕАЭС, Россия

Для цитирования: Панцеров К. А. Технологии искусственного интеллекта как основа обеспечения технологического суверенитета: вызовы и угрозы для стран ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 2. С. 134–145. EDN: QNBZDU

¹ Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 131381004.

² Разработана компанией Meta (признана в России экстремистской организацией и запрещена).

AI-technologies as a Basis for Ensuring Technological Sovereignty: Challenges and Threats for the EAEU Countries

Konstantin A. Pantserev

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: pantserev@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2164-9525

ABSTRACT

The article devotes to the problem of ensuring technological sovereignty. **Aim and tasks.** Identify the key methods that allow the United States to preserve their technological dominance and determine the trajectory for creating an AI ecosystem that is independent of Western technologies. **Methods.** The author used the following research methods: critical discourse analysis, content analysis, and system analysis. **Results.** Despite the fact that Chinese high-tech companies are successfully competing with American IT-corporations, the United States continue to firmly hold the global technological leadership, which gives them the opportunity not only to decide with which countries and under what conditions to share their technologies, but also to control global information flows. This author sees a particular danger in the proliferation of large language models that have been developed by leading American IT-corporations. These models, while being trained on Western texts, become an extremely convenient tool for exporting Western values to countries with a completely different cultural and civilizational code, which only exacerbates the ideological and cultural hegemony of the countries of the collective West. The article shows that both Kazakhstan and Kyrgyzstan have developed their own large language models, but they are based on the American the most popular model called LLaMA¹. In Russia, after the beginning of a special military operation and the withdrawal of many leading Western IT-companies from the Russian market, domestic developers were forced to offer their own technological solutions. However, the gap from Western AI-developers is about a year. **Conclusion.** Russian research and development in the field of advanced information technologies are still fragmental in nature, due to the high costs of training of AI-models from the very beginning. In this regard, the author suggests considering the possibility of joining the efforts of high-tech companies of the EAEU member-states in order to develop end-to-end AI-technologies that would be able to meet the most urgent demands of all partner countries and encourage the further strengthening of Eurasian integration.

Keywords: artificial intelligence, large language models, data centers, technological dependence, EAEU, Russia

For citation: Pantserev K. A. AI-technologies as a Basis for Ensuring Technological Sovereignty: Challenges and Threats for the EAEU Countries // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 134–145. (In Russ.) EDN: QNBZDU

Введение

Вступление мира в эпоху Четвертой промышленной революции ознаменовало качественную трансформацию повседневной жизни людей и структурную перестройку мировой экономики. «Основанные на достижениях микроэлектроники технологические прорывы позволили всерьез говорить о тотальной роботизации, автономных транспортных системах, искусственном интеллекте, трехмерной печати, интернете вещей и множестве других изобретений, трансформирующих социальную реальность как на микро-, так и на макроуровне» [4, с. 106] При этом искусственный интеллект (ИИ) представляет собой сквозную технологию, лежащую в основе всех основных технологических новаций, характерных для

¹ Developed by Meta (recognized as an extremist organization in Russia and banned).

современного этапа цифровой трансформации, становясь тем самым основным драйвером, способным обеспечить устойчивый социально-экономический рост.

Представляется понятным, таким образом, почему многие страны мира относят технологии искусственного интеллекта к одному из ключевых приоритетов национального научно-технического развития. На это обстоятельство указал, в частности, и российский Президент В. Путин, который еще в 2017 г. во время своего выступления перед молодежной аудиторией в Ярославле особенно подчеркнул, что «ИИ — это будущее не только России, но и всего мира. И тот, кто станет лидером в этой сфере, тот и будет управлять миром»¹.

Однако и так очевидно, что для развития гибридных интеллектуальных систем с нуля требуется прочная финансово-технологическая база, которой, по понятным причинам, обладают только высоко развитые государства, преимущественно США, которые продолжают прочно удерживать технологическое лидерство. Это дает им возможность не только ставить возможность поставок своих технологий в зависимость от проводимого той или иной страной политического курса, тем самым сдерживая технологическое развитие своих основных геополитических конкурентов, но и посредством распространения так называемых базовых моделей экспортировать свои ценности и мировоззрение в страны с иным культурно-цивилизационным кодом, что представляет серьезную угрозу национальному суверенитету любого государства.

В этой связи в настоящей статье будет предпринят анализ ключевых методов, которые позволяют США сохранять технологическое доминирование и определить траекторию создания независимой от западных технологий ИИ-экосистемы.

Технологии искусственного интеллекта в контексте обеспечения технологического лидерства

Технологии искусственного интеллекта возникли на рубеже 1940–1950-х гг. [9], однако долгое время их развитие сдерживалось несовершенством компьютерной техники, программного обеспечения и самих методов обработки информации. И только недавние большие успехи в этой области [10, р. 434] привели к массовому применению указанных технологий в повседневной жизни людей. Эти успехи в основном связаны с развитием двух областей — компьютерного зрения и обработки естественного языка. Первая позволила добиться качественного прорыва в создании беспилотного транспорта и систем распознавания лиц, а вторая легла в основу больших языковых моделей.

В сфере компьютерного зрения еще в начале 2010-х гг. разработчиками было предпринято множество усилий для того, чтобы подобрать такую архитектуру нейронной сети, которая могла бы практически безошибочно отличать один объект от другого. Настоящим прорывом в этой области стало появление в 2012 г. нейронной сети AlexNet, которая успешно смогла классифицировать 1 млн изображений на 1000 классов, допустив ошибку только в 16,4% случаев. В последующие несколько лет нейронные сети следующего поколения смогли существенно улучшить этот результат. И наконец в 2015 г. экспертному сообществу была представлена нейронная сеть ResNet, которая при решении той же самой задачи допустила ошибку только в 3,6% случаев, превзойдя тем самым по точности возможности человеческого мозга, который ошибся примерно в 5% случаев [11, р. 151].

Параллельно проводились комплексные исследования и эксперименты в сфере обработки естественного языка, направленные на то, чтобы модели машинного обучения лучше понимали контекст. Настоящий прорыв в этой области произошел в 2014 г., после того как был изобретен механизм «Внимание», который позволил нейронным сетям лучше обрабатывать длинные текстовые фрагменты, поскольку до появления этого инновационного метода модели зачастую «забывали» начало фразы, что существенно снижало качество перевода, анализа или генерации текста [14].

¹ Метцель М. Путин: лидер по созданию искусственного интеллекта станет властелином мира [Электронный ресурс] // ТАСС. 01.09.2017. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4524746> (дата обращения: 08.05.2026).

Эти успехи существенно повысили возможности ИИ, что привело к созданию ботов, способных писать музыку, создавать текст на заданную тему и вступать в коммуникацию с людьми. Наконец, на информационно-коммуникационном рынке появились большие языковые модели, которые сегодня могут не только давать качественные ответы на запросы пользователей, основываясь на широком корпусе разносторонних материалов, составивших обучающую выборку, но и улавливать различные нюансы речи.

Подобные технологические новации привели к появлению прогнозов, что в среднесрочной перспективе (5–15 лет) большие языковые модели начнут замещать работников умственного труда, в частности, в сфере написания текстов [2, с. 11]. Уже сейчас ИИ становится незаменимым помощником людей при решении широкого круга задач, начиная от машинного перевода и заканчивая медицинской диагностикой и написанием кода для компьютерных программ. И сегодня наблюдается экспоненциальный рост количества компаний, применяющих ИИ в своих бизнес-процессах. Не отстают от бизнеса и органы государственной власти, которые также начинают использовать технологии ИИ в своей деятельности.

Однако глобальное технологическое доминирование США в мире дает нам возможность сделать вывод о том, что в настоящее время технологии распространяются весьма неравномерно. Таким образом, мы можем видеть все признаки технологической асимметрии, природу возникновения которой можно попытаться объяснить тем фактом, что основные технологии, которыми все мы сегодня пользуемся, появились на Западе, главным образом в США.

Возьмем, к примеру, фреймворк¹ TensorFlow, который на сегодняшний день является основным фреймворком для обучения нейронных сетей. Он был разработан компанией Google. И именно американские IT-корпорации прочно удерживают лидирующие позиции по разработке в сфере технологий искусственного интеллекта во всех мировых рейтингах.

Так, в частности, в составленном в 2026 г. рейтинге топ-8 стран, занимающих лидирующие позиции по количеству наиболее значимых ИИ-моделей, абсолютное лидерство прочно удерживают США, которые по состоянию на 2025 г. имеют 69 таких моделей. Затем со значительным отставанием, несмотря на громкие успехи последних лет в этой области, следует Китай (35 моделей), а замыкает тройку лидеров Южная Корея с 8 моделями (рис. 1).

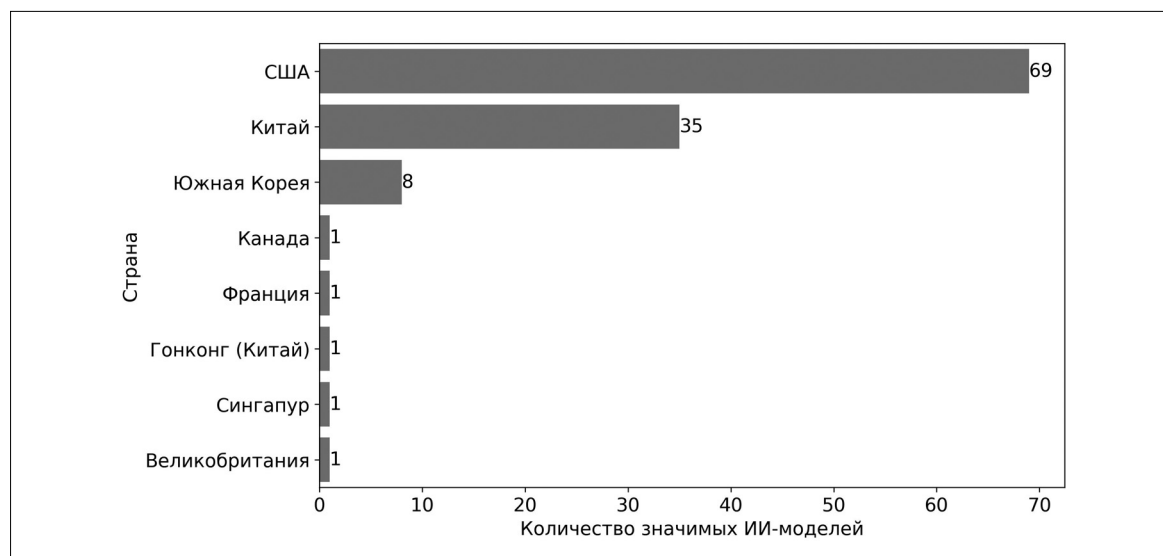

Рис. 1. Топ-8 стран по количеству наиболее значимых ИИ-моделей

Fig. 1. Top 8 countries by the number of the most notable AI-models

Источник: составлено автором на основе открытых информационных ресурсов

¹ Фреймворк (от англ. framework — «каркас, структура») — готовая программная платформа, набор инструментов и правил для создания приложений.

Представленные на рис. 1 данные убедительно показывают, что США сохраняют мировое лидерство в сфере распространения передовых информационных технологий, даже несмотря на то, что некоторые китайские модели по качеству смогли существенно превзойти американские. При этом большие языковые модели являются ключевым столпом, позволяющим США удерживать свое технологическое доминирование.

Большие языковые модели как фактор укрепления технологического доминирования

Как известно, появление в 2012–2014 гг. первых прототипов больших языковых моделей и их массовое внедрение в 2022 г. означало существенный прорыв в сфере развития технологий искусственного интеллекта и положило начало дискуссиям относительно скорого появления искусственного интеллекта общего назначения, который «предполагает столь высокую адаптивность, что обладающая им система может быть использована в самых разных видах деятельности при соответствующем обучении» [3, с. 46].

Однако и так очевидно, что создание и обучение такой модели с нуля потребует больших вычислительных мощностей и будет стоить очень дорого. В качестве примера мы хотели бы привести большую языковую модель GPT4-о, стоимость обучения которой обошлась компании OpenAI в 100 млн долл. Особенно подчеркнем, что это только обучение. К этому следует добавить разработку, различные накладные расходы и пр. В результате на информационно-коммуникационном рынке появилась большая языковая модель с сотнями триллионов параметров. Данное обстоятельство дает возможность сделать вывод о том, что только крупные компании способны проводить соответствующие научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки.

В этой связи, для того чтобы сделать наиболее значимые и хорошо себя зарекомендовавшие модели искусственного интеллекта более доступными, их выкладывают в открытый доступ на различных репозиториях, прежде всего на GitHub и платформе Hugging Face, предоставляя возможность любому желающему скачать ту или иную модель и просто дообучить ее на своих данных. И стоимость обучения таких моделей будет уже составлять не 100 млн долл., а 300–600 долл. [12; 16]. Подобный подход дал импульс для применения интеллектуальных решений малым и средним бизнесом, который по объективным причинам не располагает адекватными мощностями для ведения разработок в сфере ИИ с нуля.

Однако при использовании находящихся в открытом доступе базовых моделей следует учитывать то обстоятельство, что данные, на которых они обучались, могут оказаться ангажированным, что в конечном итоге может привести к определенной предвзятости созданного на основе этой модели ИИ-приложения. Принимая же во внимание то обстоятельство, что мировым лидером по количеству базовых ИИ-моделей продолжают оставаться США, указанные модели являются крайне удобным и эффективным средством распространения западных ценностей и идеалов, которые зачастую начинают замещать национальные [6; 7].

Так, в производстве больших языковых моделей лидирующие позиции продолжают удерживать три американских IT-корпорации: Open AI, Google и Meta¹.

Обусловлено это тем, что в основе архитектуры больших языковых моделей лежат три подхода, предложенные еще в первой половине 2010-х гг. ведущими американскими научно-исследовательскими лабораториями. Сначала в 2013 г. компания Google выпустила несколько моделей на основе искусственных нейронных сетей, которые были предназначены для получения векторных представлений слов на естественном языке. Указанные модели получили общее название Word2Vec. Затем в 2014 г. Стенфордский университет² предложил свой метод обучения векторных представлений слов без учителя — GloVe. И наконец в 2015 г. компания Facebook³ AI Research разработала Python-библиотеку с открытым исходным кодом FastText для обучения векторных представлений слов и классификации текстов.

¹ Признана в России экстремистской организацией и запрещена.

² Деятельность организации признана нежелательной на территории РФ.

³ Принадлежит компании Meta (признана в России экстремистской организацией и запрещена).

Таким образом, мы видим, что именно американские компании стоят у истоков больших языковых моделей, как, впрочем, и большинства других новаций в сфере технологий искусственного интеллекта. Принимая во внимание вышеизложенное, представляется понятным, почему большинство базовых больших языковых моделей, которые доступны для скачивания и дальнейшего использования, также разработаны именно американскими IT-корпорациями.

В результате складывается ситуация, что сегодня технологии создания больших языковых моделей продолжают оставаться областью, в которой все еще доминируют западные подходы, методологии и наборы данных [5; 12; 13]. Данное обстоятельство приводит к усилению лингвистической гегемонии стран коллективного Запада и маргинализации самих больших языковых моделей [8], поскольку, «отдавая предпочтение западным языкам и культурным нормам, эти модели часто не в состоянии точно отразить лингвистические нюансы и социокультурный контекст местных языков и сообществ» [15, р. 3].

В этой связи решение задач в сфере обработки естественного языка на сегодняшний день должно рассматриваться многими государствами в качестве одного из ключевых направлений исследований, поскольку именно при условии создания широкого спектра разносторонних ИИ-приложений, способных понимать местные языки, станет возможным создание в стране или регионе развитой ИИ-экосистемы, ориентированной на потребности местного населения.

Однако, принимая во внимание высокие затраты на создание и обучение больших языковых моделей с нуля, во многих странах пошли по пути использования находящихся в открытом доступе моделей, произведенных ведущими западными IT-корпорациями, ориентируясь, таким образом, не на собственные разработки, а на привлечение внешних технологий и инвестиций [1, с. 113]. Особой популярностью в этой связи пользуется большая языковая модель LLaMA¹ от компании Meta².

Так, в частности, в Казахстане Институтом умных систем и искусственного интеллекта Назарбаевского университета в 2024 г. была разработана большая языковая модель на казахском языке ISSAI KAZ-LLM. Однако ее основу составила модель LLaMa³, которую казахские специалисты дообучили на 150 млрд слов-токенах на казахском, русском и турецком языках, которые «были получены из общедоступных источников, включая казахские веб-сайты, новостные статьи и онлайн-библиотеки»⁴.

Похожая ситуация наблюдается и в Кыргызстане, где в 2024 г. был разработан также на основе находящейся в открытом доступе большой языковой модели LLaMa⁵ киргизоязычный чат-бот AkylAI⁶.

В русскоязычном сегменте следует выделить две большие языковые модели — Yalm 2.0 и ruGPT-3.5. Первая легла в основу чат-бота Alisa AI от Яндекса, а вторая — GigaChat от Сбера. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что обе эти модели были выпущены в продакшен только в 2023 г., тогда как на Западе большие языковые модели первого поколения появились в открытом доступе еще в начале 2022 г., что косвенно подтверждает тот факт, что российские разработчики примерно на год отстают от западных производителей.

Центры обработки данных как условие обеспечения технологического суверенитета

Важным условием обеспечения технологического суверенитета являются центры обработки данных (ЦОД). Обусловлено это тем, что данные, на основе которых будут обучаться базовые модели, необходимо где-то хранить. Кроме этого, любой интеллектуальный чат-бот при общении с пользователем создает контекст, который представляет собой историю взаимодействия с тем или иным конкретным человеком. Указанный контекст также должен размещаться на определенных серверах. В этой связи для успешного функционирования больших языковых моделей требуется создание сети центров обработки данных.

¹ Разработано компанией Meta (признана в России экстремистской организацией и запрещена).

² Признана в России экстремистской организацией и запрещена.

³ Разработано компанией Meta (признана в России экстремистской организацией и запрещена).

⁴ Kazakh Large Language Model ISSAI KAZ-LLM [Электронный ресурс]. URL: <https://issai.nu.edu.kz/kazllm> (дата обращения: 28.04.2026).

⁵ Разработано компанией Meta (признана в России экстремистской организацией и запрещена).

⁶ AkylAI — первый AI-ассистент на кыргызском языке [Электронный ресурс]. URL: <https://the-tech.kz/akylai-pervyj-ai-assistent-na-kyrgyzskom-yazyke> (дата обращения: 28.04.2026).

Если же в стране таких центров не будет хватать, то хранить данные придется за рубежом, например в США, которые при необходимости могут просто заблокировать доступ к данным, чтобы попытаться повлиять на проводимый тем или иным государством внешнеполитический курс. Однако на сегодняшний день в географии ЦОД прослеживается явная диспропорция (табл. 1).

Таблица 1

Топ-12 крупнейших дата-центров мира
Table 1. Top-12 largest data centers in the world

№ п/п	Дата-центр	Страна	Площадь, тыс. м ²
1	China Telecom Data Center	Китай	1000
2	China Mobile	Китай	720
3	Citadel	США	720
4	CWL1 Data Center	Великобритания	134
5	Apple's Mesa Data Center	США	120
6	Lakeside Technology Center	США	102
7	Utah Data Center	США	93
8	QTS, Atlanta Metro	США	92
9	Tulip Data Center	Индия	90
10	CoreSite Reston VA3	США	87
11	Integrate Seattle	США	84
12	Yotta NM 1	Индия	76

Источник: 12 самых больших ЦОДов в мире [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/articles/582998/> (дата обращения: 28.04.2026).

В табл. 1 показано, что крупнейшие ЦОД (по занимаемой площади) созданы в Китае. Но далее, начиная с третьей позиции, в рейтинге следуют расположенные в США дата-центры. Только на четвертом месте мы видим один английский ЦОД и в конце рейтинга — два индийских. То есть получается, что из всех двенадцати наиболее крупных мировых ЦОД семь расположены на территории США. При этом США прочно удерживают мировое лидерство по общему количеству ЦОД (табл. 2).

Таблица 2

Топ-15 стран по количеству ЦОД
Table 2. Top-15 countries by the number of data centers

№ п/п	Страна	Количество ЦОД
1	США	4280
2	Великобритания	527
3	Германия	517
4	Китай	369
5	Франция	346
6	Индия	301
7	Канада	290
8	Австралия	274
9	Япония	256
10	Италия	225
11	Бразилия	207
12	Испания	197
13	Индонезия	192
14	Нидерланды	186
15	Россия	183

Источник: Data Center Map [Электронный ресурс]. URL: <https://www.datacentermap.com/datacenters/> (дата обращения: 28.04.2026).

Как следует из табл. 2, в США насчитывается в общей сложности 4280 ЦОД, которые обслуживают значительную часть мирового трафика, в том числе исходящего из развивающихся стран. Что же касается других государств, то все они следуют с большим отставанием. Так, в Великобритании существуют 527 ЦОД (2-е место), в Германии — 517 (3-е место), в Китае — 369 (4-е место). Россия занимает 15-е место (183 ЦОД). Что же касается других стран ЕАЭС, то все они расположились в конце рейтинга. Так, в Казахстане создано всего 15 ЦОД, в Кыргызстане — три, а в Белоруссии — два¹.

При этом в России большинство ЦОД сконцентрированы в европейской части, что свидетельствует об определенной асимметрии их расположения в масштабах всей страны (табл. 3).

Таблица 3

Топ-10 городов России по количеству ЦОД
Table 3. Top-10 cities of Russia by the number of data centers

№ п/п	Город	Количество ЦОД
1	Москва	102
2	Санкт-Петербург	23
3	Екатеринбург	11
4	Новосибирск	6
5	Самара	4
6	Тверь	4
7	Владивосток	3
8	Казань	3
9	Красноярск	2
10	Нижний Новгород	2

Источник: Data Center Map / Russia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.datacentermap.com/russia/> (дата обращения: 28.04.2026).

На основе представленных в таблице 3 данных видно, что основная часть ЦОД расположена в Москве (102). На втором месте — Санкт-Петербург (23), далее идут Екатеринбург (11), Новосибирск (6), Самара и Тверь (по 4), Владивосток и Казань (по 3), Красноярск и Нижний Новгород (по 2).

Также на российском рынке ЦОД наблюдается явная монополия. Крупнейшим оператором продолжает оставаться «Ростелеком». В его собственности находится 39 ЦОД. На втором месте находится компания 3data — 18 ЦОД, остальные операторы существенно отстают от лидеров рынка, имея в собственности от одного до шести ЦОД (рис. 2).

Если же мы в качестве параметра возьмем не количество ЦОД, а количество стойко-мест, то в таком случае первое место в рейтинге сохраняет «Ростелеком» — 27 тыс. Затем с большим отставанием следует IXcellerate — 8 тыс. и «Росатом» — 6 тыс. (рис. 3).

Подобная ситуация на рынке российских ЦОД во многом вызвана естественными причинами. Дело в том, что создание современного центра обработки данных требует долгосрочных инвестиций, поскольку средняя окупаемость таких центров — примерно десять лет. Поэтому инвесторы неохотно вкладывают деньги в подобные проекты, хотя в интернете можно найти много рекламных объявлений, предлагающих купить те или иные стойко-места в ЦОДах и потом сдавать их в аренду.

Во то же время хотелось бы особенно подчеркнуть, что именно наличие крупных центров обработки данных мирового уровня в стране является основой ее технологического суверенитета. В этой связи имеет смысл предложить рассматривать дата-центры как стратегический актив, а раз это так, то государству следует принимать активное участие в их создании, равно как и стимулировать приток частных инвестиций в отрасль.

¹ Data Center Map [Электронный ресурс]. URL: <https://www.datacentermap.com/datacenters/> (дата обращения: 28.04.2026)

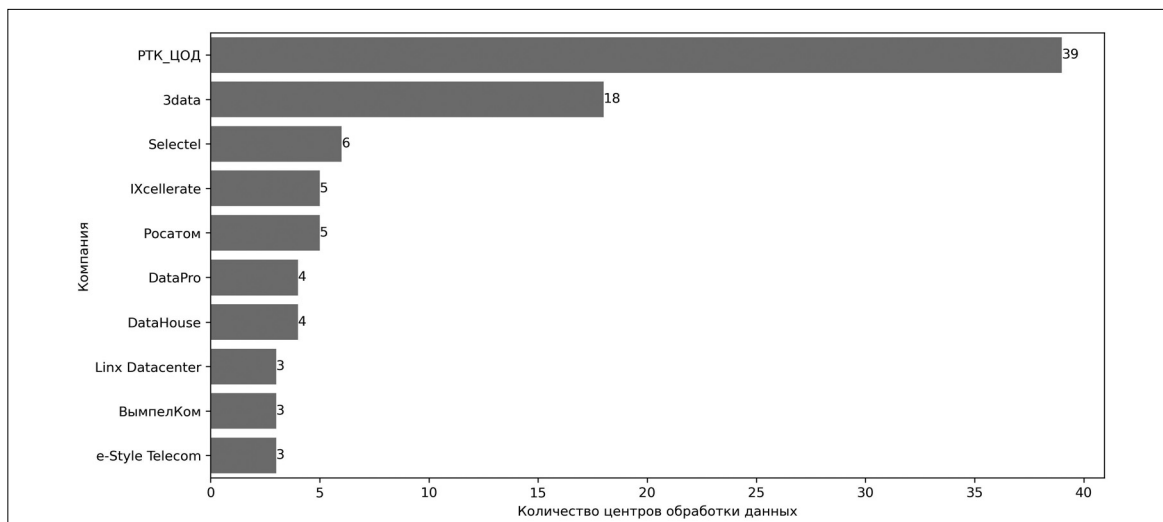

Рис. 2. Топ-10 крупнейших операторов дата-центров России по количеству ЦОД

Fig. 2. Top 10 largest data center operators in Russia by the number of data centers

Источник: составлено автором по материалам CNews: URL: https://www.cnews.ru/reviews/tsentry_obrabotki_dannyh_2025/review_table/55cae216fad4d9ab5a3fd9b4a5e9141e23f0f1af (дата обращения: 28.04.2026).

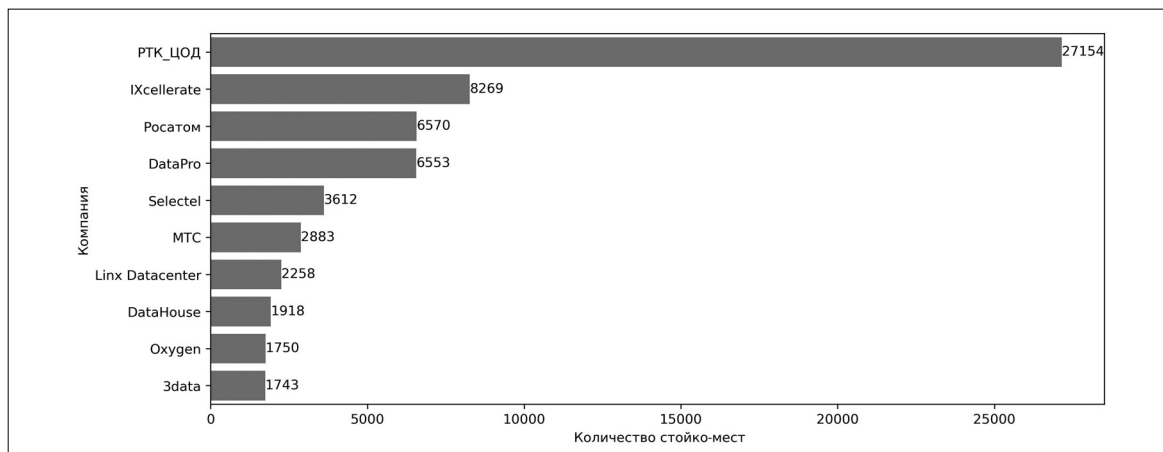

Рис. 3. Топ-10 крупнейших операторов дата-центров России по количеству стойко-мест

Fig. 3. Top 10 largest data center operators in Russia in terms of the number of racks

Источник: составлено автором по материалам CNews: URL: https://www.cnews.ru/reviews/tsentry_obrabotki_dannyh_2025/review_table/55cae216fad4d9ab5a3fd9b4a5e9141e23f0f1af (дата обращения: 28.04.2026).

Заключение

Основываясь на вышеизложенном, можно сделать вывод о неравномерности распределения технологий по миру с их концентрацией в странах западной цивилизации, прежде всего США. Данное обстоятельство дает возможность США:

- решать, с какими государствами делиться своими технологиями, а с какими нет, тем самым сдерживая технологическое развитие других стран и регионов;

- посредством больших языковых моделей экспортировать свои ценности и мировоззрение в страны с иным культурно-цивилизационным кодом и влиять на общественное мнение в планетарном масштабе;
- оставаться крупнейшим дата-хранилищем, что дает им возможность контролировать международный обмен данными.

После начала специальной военной операции Россия в полной мере ощутила на себе последствия этой технологической зависимости, поскольку все основные высокотехнологичные компании покинули российский рынок. А начиная с 13 апреля 2022 г. крупнейший репозиторий данных GitHub начал блокировать аккаунты российских компаний и разработчиков, в частности, Сбера, Альфа-Банка, ВТБ, платежного сервиса YooMoney, Positive Technologies и других компаний и индивидуальных российских разработчиков, прежде всего тех, кто попал под международные санкции. Россия, несмотря на то что имеет неплохую школу программирования, по-прежнему зависит от западных технологий, поскольку в один миг полностью заменить все импортные программные продукты на российские невозможно.

В результате перед российскими компаниями встала сложная задача: в короткие сроки предложить линейку своих собственных IT-продуктов. Частично с этой задачей удалось справиться, однако и так понятно, что для получения результатов мирового уровня российским компаниям следует вступать в международные коллаборации.

Учитывая то обстоятельство, что с западными компаниями в ближайшее время вряд ли такое сотрудничество станет возможным, следует обратить внимание на сотрудничество в рамках ЕАЭС.

Но для этого нужно выработать единые подходы и общую политику в сфере искусственного интеллекта, поскольку на сегодняшний день мы можем видеть то, что каждая страна, находясь на разном уровне развития передовых информационных технологий, устанавливает свои собственные правила и стандарты исходя из своих представлений и национальных приоритетов. Так, в частности, среди всех государств ЕАЭС Национальные концепции развития технологий искусственного интеллекта приняты только в России (2019 г.)¹ и Казахстане (2024 г.)². У других же стран — участниц ЕАЭС развитие технологий ИИ не выделено в отдельное направление государственной научно-технической политики, а включено в более широкий спектр приоритетов цифровой трансформации, хотя и они, безусловно, рассматривают технологии ИИ как основу формирования новых отраслей промышленности и одну из среднесрочных задач развития IT-сектора [1, с. 109].

На наш взгляд, именно этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что по состоянию на сегодняшний день странами ЕАЭС не выработано единой политики в сфере ИИ. Только в мае 2026 г. была завершена подготовка Совместного заявления об ответственном развитии искусственного интеллекта в рамках ЕАЭС (подписание которого было запланировано на полях Евразийского экономического форума в Астане 28–29 мая 2026 г.³), в рамках которого и предполагается определить общие подходы к безопасному и эффективному использованию технологий ИИ в рамках Союза⁴.

Однако следует иметь в виду, что активизации сотрудничества стран ЕАЭС может воспрепятствовать их участие и в других интеграционных объединениях, которые также ставят своей целью развитие передовых информационных технологий на своем пространстве.

Так, в частности, Кыргызстан и Казахстан являются участниками Организации тюркских государств (ОТГ), в рамках которой тоже обсуждается необходимость создания единой ИИ-экосистемы, но уже под эгидой Турции. А в качестве конкретного предложения выдвигается идея разработки базовой тюркоязычной большой языковой модели и специализированной платформы для организации совместных

¹ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Российская Федерация, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/AH4x6HgKWANwVtMOFpDhcbRpvD1HCCsv.pdf> (дата обращения: 25.05.2026).

² Концепция развития искусственного интеллекта на 2024–2029 годы. Казахстан, 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000592> (дата обращения: 25.05.2026).

³ На момент подготовки текста статьи документ еще не был подписан.

⁴ Комиссия и государства ЕАЭС готовят совместное заявление об ответственном развитии искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // Альта-софт. 27.03.2026. URL: https://www.altairu/ru/ts_news/126794/ (дата обращения: 25.05.2026).

научных исследований в сфере ИИ. При этом Казахстан предложил использовать ресурсы созданного в Астане технопарка Astana Hub в качестве головного IT-хаба на всем пространстве тюркских государств¹.

В этой связи России следует предложить своим партнерам по ЕАЭС и ОДКБ такие условия, которые были бы более привлекательными, чем те, которые предлагает Турция в рамках ОТГ. В частности, мы хотели бы предложить следующие меры.

1. Подумать о создании Альянса искусственного интеллекта, в который вошли бы ведущие разработчики интеллектуальных решений стран ЕАЭС, подобно созданному в России в 2019 г.
2. Приступить к созданию семейства больших языковых моделей (особенно подчеркнем, что речь идет не об одной модели, а группе моделей, которые могут работать как сами по себе, так и в составе ансамбля) с поддержкой всех государственных языков стран ЕАЭС.
3. Создать на пространстве ЕАЭС от Белоруссии до Казахстана разветвленную сеть ЦОД, которые обеспечили бы безопасное хранение данных, необходимых для обучения базовых ИИ-моделей.
4. Создать в странах ЕАЭС обучающие датасеты на государственных языках, которые отражали бы культурную самобытность государств — участников ЕАЭС.
5. Гармонизировать законодательство в сфере искусственного интеллекта среди стран ЕАЭС и выработать единые стандарты и подходы.

Только в этом случае станет возможным создание на пространстве ЕАЭС единой ИИ-экосистемы, которая в полной мере отражала бы национальные приоритеты и интересы государств — участников ЕАЭС и способствовала дальнейшему усилению евразийской интеграции.

Список литературы / References

1. Выходец, Р. С. Политика стран ЕАЭС в области искусственного интеллекта // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16, № 3. С. 106–117. [Vykhodets, R. S. The EAEU's AI Strategy // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2022. Vol. 16, No. 3. P. 106–117. (In Russ.).] EDN: SIZGKC. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-03-106-117
2. Гринин, Л. Е., Гринин, А. Л., Гринин, И. Л. Искусственный интеллект: развитие и тревоги. Взгляд в будущее. Статья вторая. Искусственный интеллект: terra инкогнита или управляемая сила? // Философия и общество. 2023. № 4. Р. 5–32. [Grinin, L. E., Grinin, A. L., Grinin, I. L. Artificial Intelligence: Development and Concerns. A Look into the Future. Article two. Artificial Intelligence: Terra Incognita or a Controlled Force? // Philosophy and Society. 2023. No. 4. P. 5–32. (In Russ.)] EDN: RVZOFX. DOI: 10.30884/jfio/2023.04.01
3. Кефели, И. Ф. Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020. [Kefeli, I. F. Asphatronics: Towards a Theory of Global Security. Saint Petersburg: RANEPА, 2020. (In Russ.)] EDN: XPJYCG
4. Кушнир, А. М., Кушнир, А. А. Критический анализ концепции четвертой промышленной революции Клауса Шваба // Социально-политические науки. 2023. № 4. С. 106–124. [Kushnir, A. M., Kushnir, A. A. A Critical Analysis of Klaus Schwab's Concept of the Fourth Industrial Revolution. Sociopolitical Sciences. 2023. Vol. 13. No. 4. P. 105–124. (In Russ.)] EDN: NVUTSY. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-4-105-124
5. Adams, R. Can Artificial Intelligence Be Decolonized? // Interdisciplinary Science Reviews. 2021. No. 46 (1–2). P. 176–197. EDN: QEVAEN. DOI: 10.1080/03080188.2020.1840225
6. Barrett, T., Okolo, C. T., Biira, B. [et al.] African Data Ethics: A Discursive Framework for Black Decolonial Data Science [Electronic resource] // arXiv. 2025. URL: <https://arxiv.org/abs/2502.16043> (accessed: 07.05.2026). DOI: 10.48550/arXiv.2502.16043
7. Birhane, A. Algorithmic Colonization of Africa // SCRIPTed. 2020. Vol. 17, № 2. P. 389–409. EDN: XOPGXX. DOI: 10.2966/scrip.170220.389
8. Blodgett, S. L., Barocas, S., Daum'e, H. III, Wallach, H. Language (technology) is Power: A Critical Survey of "Bias" in NLP // Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics /

¹ Токаев высказался о создании языковой тюркской модели [Электронный ресурс] // Наша газета. 06.07.2024. URL: <https://www.ng.kz/modules/news/article.php?storyid=52817> (дата обращения: 11.05.2026).

- ed. by D. Jurafsky, J. Chai, N. Schlueter, J. Tetreault. Association for Computational Linguistics, 2020. P. 5454–5476. DOI: 10.18653/v1/2020.acl-main.485
9. Grinin, L. E., Grinin, A. L., Grinin, I. L. The Evolution of Artificial Intelligence: From Assistance to Super Mind of Artificial General Intelligence? Article 1. Information Technology and Artificial Intelligence: The Past, Present and Some Forecasts // Social Evolution & History. 2024. No. 23 (1), March. P. 156–183. EDN: DCJXLN. DOI: 10.30884/seh/2024.01.07
 10. Grinin, L., Grinin, A., Korotayev, A. Cybernetic Revolution and Global Aging: Humankind on the Way to Cybernetic Society, or the Next Hundred Years. Springer, 2024. EDN: ALKTTA. DOI: 10.1007/978-3-031-56764-3
 11. Kang, D.-Y., Duong, H., Park, J.-C. Application of Deep Learning in Dentistry and Implantology // The Korean Academy of Oral and Maxillofacial Implantology. 2020. No. 24 (3). P. 148–181. EDN: UIVPPR. DOI: 10.32542/implantology.202015
 12. Redvers, N., Bird, M. Y., Quinn, D [et al.] Molecular Decolonization: An Indigenous Microcosm Perspective of Planetary Health // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. Vol. 17, No. 12. P. 1–13. EDN: VYBDGN. DOI: 10.3390/ijerph17124586
 13. Valiani, A. A. Frontiers of Bio-decolonization: Indigenous Data Sovereignty as a Possible Model for Community-based Participatory Genomic Health Research for Racialized Peoples in Postgenomic Canada // Genealogy. 2022. Vol. 6, № 3. P. 1–17. EDN: ATFBLBю DOI: 10.3390/genealogy6030068
 14. Vaswani, A., Shazeer, N., Parmar, N. [et al.] Attention Is All You Need [Electronic resource] // arXiv. 2017. URL: https://proceedings.neurips.cc/paper_files/paper/2017/file/3f5ee243547dee91fbd053c1c4a845aa-Paper.pdf (accessed: 09.05.2026). DOI: 10.48550/arXiv.1706.03762
 15. Yan, N., Xu, C. Decolonizing African NLP: A Survey on Power Dynamics and Data Colonialism in Tech Development [Electronic resource] // AfricaNLP workshop at ICLR 2024. URL: <https://openreview.net/pdf?id=D698BEfwgv> (accessed: 07.05.2026).
 16. Zhao, W. X., Zhou, K., Li, J. [et al.] A Survey of Large Language Models [Electronic resource] // arXiv. 2023, November 24. URL: <https://arxiv.org/pdf/2303.18223> (accessed: 09.05.2026).

Об авторе:

Панцеров Константин Арсеньевич, доктор политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: pantserev@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2164-9525

About the author:

Konstantin A. Pantserev, Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: pantserev@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2164-9525

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Панцеров К. А., 2026

Экологическая составляющая международной деятельности ЕАЭС: реалии и перспективы

Ешин А. О.

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, Российская Федерация

e-mail: eshin.arthur@gmail.com

ORCID: 0009-0005-1293-2846

РЕФЕРАТ

Цель. Проанализировать текущее состояние и перспективы развития экологической составляющей международной деятельности Евразийского экономического союза (ЕАЭС, Союз).

Задачи. Охарактеризовать включение экологической проблематики в документы, регулирующие международную деятельность Евразийского экономического союза; выявить особенности экономического сотрудничества ЕАЭС с международными организациями, третьими странами и региональными объединениями в сфере «зеленых» технологий и защиты окружающей среды; представить вероятную траекторию развития взаимодействия Союза с международными партнерами на экологическом направлении. **Методология.** Применены качественный контент-анализ документов, ивент-анализ, метод кейсов, а также сравнительный метод исследования.

Результаты. Установлено, что заложенные в 2020 г. правовые основы «зеленой» повестки Евразийского экономического союза позволили активизировать развитие экологической составляющей как внутрисоюзного интеграционного сотрудничества, так и международной деятельности Союза. Выявлено, что на международном уровне наибольшее внимание вопросам «зеленой» повестки уделяется в рамках диалога Союза с универсальными международными организациями. ЕАЭС использует многосторонние площадки для обмена опытом, формирования своего позитивного имиджа и демонстрации достижений. В то же время взаимодействие по экологической проблематике с третьими странами и региональными объединениями находится на начальной стадии формирования. **Выводы.** «Зеленая» повестка занимает все большее место в международной деятельности Евразийского экономического союза, что демонстрирует его успешную адаптацию к «экологизации» мировых экономических и политических процессов. Перспективы дальнейшего развития экологической составляющей международной деятельности Союза связаны с регулярным и предметным обсуждением с широким кругом партнеров вопросов климатической повестки, включая низкоуглеродное развитие, климатическое регулирование, внедрение «зеленых» технологий и реализацию климатических проектов. Вместе с тем ход дальнейшего развития будет во многом определяться масштабами внутрисоюзной «зеленой» интеграции и приоритетами двусторонних профильных связей государств-членов с внешними партнерами.

Ключевые слова: евразийская интеграция, устойчивое развитие, «зеленая» экономика, изменение климата, международное экологическое сотрудничество

Для цитирования: Ешин А. О. Экологическая составляющая международной деятельности ЕАЭС: реалии и перспективы // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 2. С. 146–157. EDN: YAALBP

The Environmental Component of the EAEU's International Activities: Realities and Prospects

Artur O. Eshin

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

e-mail: eshin.arthur@gmail.com

ORCID: 0009-0005-1293-2846

ABSTRACT

Aim. To analyse the current state and prospects for the development of the environmental component of the Eurasian Economic Union's international activities. **Tasks.** To characterize the inclusion of environmental issues in documents regulating the Eurasian Economic Union's international activities; to identify the features of the Union's economic cooperation with international organizations, third countries and regional organizations in the field of green technologies and environmental protection; to propose a probable development trajectory of the Union's cooperation with international partners in the environmental field. **Methods.** Qualitative content analysis of documents, event analysis, case study as well as a comparative research method were applied. **Results.** It has been established that the legal foundations of the "green" agenda of the Eurasian Economic Union laid down in 2020 made it possible to intensify the development of the environmental component of both intra-union integration cooperation and the Union's international activities. It has been revealed that, at the international level, the greatest attention to the issues of the "green" agenda is paid within the framework of the Union's dialogue with universal international organisations. The Eurasian Economic Union uses multilateral platforms to exchange experience, shape its positive image and demonstrate its achievements. At the same time, cooperation on environmental issues with third countries and regional organizations is in its early stages. **Conclusions.** The "green" agenda is playing an increasingly prominent role in the Eurasian Economic Union's international activities, demonstrating its successful adaptation to the "greening" of global economic and political processes. The prospects for further development of the environmental component of the Union's international activities are linked to regular and substantive discussions of the climate agenda with a wide range of partners, covering issues such as low-carbon development, climate regulation, the adoption of green technologies, and the implementation of climate projects. At the same time, the trajectory of further development will largely be determined by the scale of the intra-union "green" integration and the development of bilateral relations between its member states and external partners.

Keywords: Eurasian integration, sustainable development, green economy, climate change, international environmental cooperation

For citation: Eshin A. O. The Environmental Component of the EAEU's International Activities: Realities and Prospects // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 146–157. (In Russ.) EDN: YAALBP

Введение

С конца XX в. на фоне обострения экологических проблем произошло укрепление «зеленой» повестки как одного из приоритетов международного развития. Данный процесс сопровождается не только коллективными усилиями государств по выработке мер, направленных на решение экологических вызовов, но и реализацией западными индустриальными странами собственных «зеленых» подходов в целях закрепления экономического доминирования [4, с. 250]. В этом контексте перед Россией стоит стратегическая задача по укреплению экологического сотрудничества с дружественными странами в целях продвижения общей «зеленой» стратегии в противовес западным установкам.

Одним из эффективных форматов такой координации выступает площадка Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС, Союз, Объединение), деятельность которого направлена на углубление экономической интеграции между государствами-членами: Арменией, Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном и Россией. Отдельные аспекты «зеленого» направления евразийской интеграции были заложены еще на начальном этапе функционирования этого регионального интеграционного объединения. Так, вопросы обеспечения экологической устойчивости и развития «зеленой» экономики упоминаются в отдельных статьях Договора о ЕАЭС [15, с. 200]. Кроме того, в 2016 г. была учреждена евразийская технологическая платформа «Технологии экологического развития», направленная на реализацию совместных экологических проектов [11, с. 8]. Однако системное развитие «зеленой» интеграции активизировалось лишь в конце 2020 г. после принятия документа «О стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года»¹, заложившего правовые основы экономического сотрудничества государств — членов ЕАЭС в сфере «зеленых» технологий и защиты окружающей среды.

Начавшийся в 2020 г. «зеленый» поворот в работе ЕАЭС свидетельствует об организационной зрелости Объединения и его приверженности мировым трендам. Сегодня при проведении экономической политики специальное внимание уделяется Союзом декарбонизации, «зеленому» транспорту, низкоуглеродной энергетике и «зеленому» финансированию, а наиболее активные действия ведутся по «озеленению» промышленности и сельского хозяйства [6, с. 115].

Перечисленные приоритеты отражают тенденцию по встраиванию экологических вопросов в основные направления внутрисоюзного сотрудничества. Однако пока рано говорить о наличии в ЕАЭС единой экологической политики. Отечественные эксперты Э. С. Навасардова и А. Н. Захарин видят причины этого в фрагментарности национального экологического законодательства государств — членов Союза, разнородности подходов к регулированию природопользования и отсутствию правового закрепления конкретных обязательств [10]. Этому также препятствуют политическая и макроэкономическая нестабильность, протекционизм и приоритет национальных интересов [9].

Несмотря на указанные ограничители, государства-члены заинтересованы в «зеленом» направлении развития Союза. Например, в 2021 г. в совместном заявлении² государства — члены ЕАЭС выразили намерение реализовывать согласованные подходы в области климатической повестки. К этому подталкивают такие внешние факторы, как рост внимания к проблеме изменения климата на глобальном уровне и введение трансграничного углеродного регулирования в Европейском союзе (ЕС) [13, с. 3]. Кроме того, сами государства — члены ЕАЭС стали уделять большее внимание экологическим вопросам на национальном уровне. Например, в 2025 г. все евразийские страны повысили свои целевые показатели по сокращению выбросов парниковых газов в рамках обновления национальных планов действий по адаптации к изменению климата³.

Таким образом, учитывая актуальные мировые тренды и потребности государств — членов ЕАЭС, «зеленое» развитие Объединения следует рассматривать как перспективное направление евразийской экономической интеграции, где «скорость согласования интересов и принятия решений можно оценить как высокую» [3, с. 211]. Достигнутые на внутреннем треке успехи позволили включить экологическую проблематику в переговорную повестку Союза с внешними партнерами, что усилило ее предметную значимость для деятельности ЕАЭС. В этой связи автором статьи была предпринята попытка проанализировать текущее состояние и перспективы экологической составляющей международной деятельности ЕАЭС.

Для достижения поставленной цели были использованы различные методы. Контент-анализ стратегических документов позволил предметно охарактеризовать содержательные аспекты эколого-

¹ Решение ВЕЭС от 11.12.2020 № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» [Электронный ресурс] // Правовой портал ЕАЭС. URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/368/5597/> (дата обращения: 16.05.2026).

² Заявление об экономическом сотрудничестве государств — членов Евразийского экономического союза в рамках климатической повестки [Электронный ресурс] // ЕЭК. 2021. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ec0/Zayavlenie-ramka-.pdf> (дата обращения: 16.05.2026).

³ Армения повысила целевой показатель сокращения выбросов парниковых газов к 2035 г. с 40% до 44%, Беларусь — с 35% до 42%, Казахстан — с 15% до 17%, Кыргызстан — с 15% до 16%, Россия — с 30% до 33–35%. См. подробнее: Nationally Determined Contributions Registry [Электронный ресурс] // UN Climate Change. URL: <https://unfccc.int/NDCREG> (дата обращения: 16.05.2026).

гической составляющей международной деятельности ЕАЭС и динамику ее изменений в ходе интеграционного взаимодействия. Контент-анализ в сочетании со сравнительным методом также применялся для исследования торговых соглашений ЕАЭС с третьими странами. Дополнительно использовались ивент-анализ и метод кейсов в целях изучения проведенных с международными партнерами экологических мероприятий и рассмотрения евразийских международных инициатив в экологической сфере.

Источниковую базу исследования составили официальные документы ЕАЭС и современные научные публикации. Анализ литературы показал, что существующие исследования преимущественно сосредоточены на внутренних аспектах «зеленой» интеграции ЕАЭС, тогда как внешнее измерение ограничено изучением экологических положений торговых соглашений Союза с третьими странами [7], что определяет научную новизну статьи.

Практическая значимость настоящего исследования определяется возможностью использования полученных результатов в рамках работы по углублению экологического сотрудничества ЕАЭС с международными партнерами с учетом достигнутых позитивных результатов и обозначившихся вызовов.

Внешнее измерение «зеленой» повестки ЕАЭС: отражение в нормативных документах

Международная деятельность ЕАЭС играет важную роль в развитии евразийской интеграции как многостороннего проекта с ведущим участием Российской Федерации. Она укрепляет позиции Союза на глобальном и региональном уровнях, способствует преодолению угроз, возникающих на евразийском пространстве, и позволяет вырабатывать коллективные решения для глобальных проблем [8].

Для эффективной реализации «внешней политики» Союза на ежегодной основе утверждаются системообразующие документы «Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза» (ОНМД)¹. Сравнительный анализ ОНМД за 2021–2026 гг. (табл. 1) позволил определить, что экологические приоритеты международной деятельности ЕАЭС начали вырабатываться после 2020 г., когда были закреплены основы «зеленой» повестки ЕАЭС. В этой связи можно констатировать, что международная экологическая деятельность Союза является производной от процессов и достижений на внутреннем контуре.

Этот тезис также подтверждается на примере последних редакций ОНМД, где наблюдается переход к более конкретным приоритетам, связанным с вопросами изменения климата. Данный тренд соотносится с закреплением в плане мероприятий по реализации Декларации о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках ЕАЭС до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» механизма № 2.11.5 «Развитие диалога по вопросам климатической повестки в целях продвижения интересов государств-членов в климатической сфере на международной арене»².

Отдельные аспекты «зеленого» направления международной деятельности Союза отражены в разделе ОНМД, посвященном существующим механизмам международного сотрудничества. Если в более ранних редакциях прослеживается частая смена партнеров, то начиная с 2024 г. в данном качестве на постоянной основе выступают региональные комиссии Экономического и социального совета Организации Объединенных Наций (ЭКОСОС). В свою очередь, при определении потенциальных партнеров приоритет неизменно сохраняется за институтами, входящими в систему Организации Объединенных Наций (ООН), с которыми с 2023 г. предлагается обсуждать не только устойчивое развитие, но и изменение климата.

¹ Нормативно-правовая база международного сотрудничества [Электронный ресурс] // ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/npa.php (дата обращения: 16.05.2026).

² О плане мероприятий («дорожной карте») по реализации Декларации о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» [Электронный ресурс] // Правовой портал ЕАЭС. URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/451/10390/> (дата обращения: 16.05.2026).

«Зеленые» положения в документах «Об Основных направлениях международной деятельности ЕАЭС» (2021–2026 гг.)

Table 1. “Green” provisions in the documents “Main Directions of EAEU International Activities” (2021–2026)

Год	Приоритеты	Существующие механизмы сотрудничества		Потенциальные партнеры	
		Партнер	Тема	Партнер	Тема
2021	–	–	–	–	–
2022	Развитие сотрудничества и обмена опытом в сфере «зеленой» экономики	Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД)	Устойчивое развитие (УР)	Система ООН	УР
		Евразийский банк развития (ЕАБР), Евразийский фонд стабилизации и развития (ЕФСР), Международный финансовый центр «Астана»	Ресурсосберегающие технологии	ЕС	Изменение климата (ИК) и вопросы трансграничного углеродного регулирования (ТУР)
2023	–	Организация Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО)	«Зеленая» промышленность	ООН	УР с выделением темы изменения климата (ИК)
		Роттердамская конвенция (Программа ООН по окружающей среде)	Асбест хризотилковый		
		Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН)	Климатические проекты на основе ESG-принципов		
2024	–	Европейская экономическая комиссия ООН (ЕЭК ООН), Экономическая и социальная комиссия ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК), Секретариат ООН	УР	ООН	УР с выделением темы ИК
2025	Переговоры и консультации по климатической повестке, УР и обмен наилучшими технологиями	ЕЭК ООН, ЭСКАТО, ЭКЛАК, Политический форум высокого уровня по УР под эгидой ЭКОСОС	УР	ООН	УР с выделением темы ИК
				Региональные интеграционные объединения (РИО)	УР
2026	Развитие диалога по вопросам климатической повестки в целях продвижения интересов государств-членов в климатической сфере на международной арене	ЕЭК ООН, ЭСКАТО, ЭКЛАК	УР	ООН	ИК
		Китай	ИК	РИО	УР

Источник: составлено автором по документам «Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза» на 2021–2026 гг. (Основные направления международной деятельности ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/mezhdunarodnaya-deyatelnost-2025/ (дата обращения: 16.05.2026)).

Таким образом, проведенный контент-анализ стратегических документов показал, что универсальные международные организации рассматриваются ЕАЭС в качестве приоритетных партнеров для обсуждения вопросов «зеленой» повестки, что также находит подтверждение на практике.

«Зеленое» направление сотрудничества ЕАЭС с международными организациями

Повышение роли «зеленого» фактора в мировых процессах оказало существенное влияние на деятельность международных организаций. Если во второй половине XX в. они практически не уделяли внимания экологической проблематике, то в дальнейшем началась постепенная интеграция соответствующих положений в мандаты многих международных структур. В результате «зеленая» повестка утвердилась в качестве дополнения к их основным направлениям деятельности.

Примечательно, что ЕАЭС еще на начальном этапе своего развития поддерживал активные контакты с международными организациями по вопросам устойчивого развития. Так, в 2017 г. Союз одним из первых среди региональных интеграционных объединений представил на международном уровне доклад о выполнении целей устойчивого развития [12].

Начавшаяся в конце 2020 г. активизация «зеленой» повестки ЕАЭС способствовала расширению участия Союза в ежегодных профильных мероприятиях организаций системы ООН. В частности, с 2022 по 2025 г. представители Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) участвовали в обсуждении экологической проблематики как минимум на восьми многосторонних мероприятиях¹. Наибольшее внимание данной тематике уделялось на сессиях Комитета по внутреннему транспорту ЕЭК ООН, ежегодных форумах по устойчивому развитию и иных профильных сессиях ЭСКАТО, где представители ЕАЭС обменивались с другими участниками информацией о результатах, достигнутых на внутреннем контуре.

Одним из ключевых достижений Союза выступает разработка концепции по внедрению общих принципов «зеленой» экономики. Данная концепция была признана в качестве одной из лучших региональных инициатив по устойчивому развитию в рамках конкурса ЮНКТАД², что не только подчеркивает ее значимость как эффективного инструмента продвижения устойчивого развития на региональном уровне, но и подтверждает перспективность собственных наработок Союза.

Представители ЕАЭС также регулярно участвуют в Конференциях Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата. Например, в 2024 г. на полях 29-й Конференции Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата было инициировано создание Евразийского климатического клуба и организована сессия, посвященная климатическому конкурсу «Зеленая Евразия»³.

Таким образом, ЕАЭС смог успешно адаптироваться к «экологизации» функционала международных организаций, в повестке дня которых экологическая проблематика будет и дальше занимать устойчивое место. Участвуя в такого рода международном сотрудничестве, ЕАЭС преследует две основные цели. Во-первых, обмен опытом, что позволяет следовать современным трендам и учитывать эффективные практики. Во-вторых, укрепление позитивного имиджа благодаря популяризации собственных наработок.

Учитывая подписание в конце 2025 г. Декларации о сотрудничестве между ЕЭК и ЮНИДО⁴, предполагающей взаимодействие по вопросам экономики замкнутого цикла и «зеленых» технологий, а также рассмотрение институтов системы ООН в качестве приоритетных партнеров ЕАЭС по вопросам устойчивого развития и изменения климата, можно сделать вывод о планах ЕАЭС продолжать развитие диалога с универсальными международными организациями по вопросам «зеленой» повестки.

¹ Подсчет количества мероприятий автором осуществлялся вручную через обращение к официальному сайту ЕЭК [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/> (дата обращения: 16.05.2026).

² Концепция по внедрению принципов зеленой экономики в ЕАЭС вошла в число лучших региональных практик по устойчивому развитию ЮНКТАД [Электронный ресурс] // ЕЭК. 11.11.2024. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/kontseptsiya-po-vnedreniyu-printsipov-zelenoy-ekonomiki-v-eaes-voshla-v-chislo-luchshikh-regionalnykh/> (дата обращения: 16.05.2026).

³ Андрей Слепнев принял участие в работе COP29 [Электронный ресурс] // ЕЭК. 18.11.2024. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/andrey-slepnev-prinyal-uchastie-v-rabote-cop29/> (дата обращения: 16.05.2026).

⁴ Совместная декларация уполномоченных представителей Евразийской экономической комиссии и Организации Объединенных Наций по промышленному развитию о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и Организацией Объединенных Наций по промышленному развитию, подписанная в Эр-Рияде 23.11.2025 [Электронный ресурс] // Правовой портал ЕАЭС. URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/165/10332/> (дата обращения: 16.05.2026).

Экологическое измерение взаимодействия ЕАЭС с третьими странами

Недостаточность принимаемых на глобальном уровне действий, направленных на защиту окружающей среды, определила необходимость поиска дополнительных инструментов для решения экологических вызовов, что привело к включению в торговые соглашения природоохранных положений [14, с. 15].

Одним из лидеров по разработке таких торговых соглашений является ЕС. Начиная с 2006 г. он перешел к заключению экономических соглашений «второго поколения», для которых характерно включение глав «Торговля и устойчивое развитие». Их особенностью стало не только отдельное выделение экологической проблематики в текстах соглашений, но и закрепление трех ключевых принципов: выполнение обязательств в рамках многосторонних экологических соглашений, содействие гражданского общества в выполнении природоохранных обязательств и специальный механизм урегулирования споров [14, с. 21]. В целом для ЕС такие торговые соглашения выступают в качестве «одного из инструментов внешнего влияния» [5, с. 96], который используется для продвижения европейских природоохранных моделей, стандартов и норм и, как следствие, для устранения барьеров в торговле и обеспечения конкурентоспособности европейских производителей.

В случае ЕАЭС вопросы охраны окружающей среды затрагиваются практически во всех восьми подписанных торговых соглашениях Союза с третьими странами, за исключением соглашений с Монголией и Сербией (табл. 2).

Таблица 2

«Зеленые» положения в торговых соглашениях ЕАЭС

Table 2. “Green” provisions in the EAEU trade agreements

Положения	Вьетнам	Индонезия	Иран	Китай	ОАЭ	Сингапур	Монголия	Сербия
Наличие отдельного раздела по охране окружающей среды	+	-	-	-	-	+	-	-
Выделение «зеленого» направления отраслевого сотрудничества	+	+	+	+	+	+	-	-
Области экологического сотрудничества	+	-	-	-	-	+	-	-
Формы экологического сотрудничества	+	-	-	-	-	+	-	-
Механизмы экологического сотрудничества	+	-	-	-	-	+	-	-
Механизмы оценки достижений целей экологического сотрудничества	+	-	-	-	-	-	-	-
Выделение таких сфер энергетического сотрудничества, как энергоэффективность, энергосбережение и возобновляемые источники энергии	-	+	+	-	-	+	-	-

Источник: составлено автором по данным торговых соглашений ЕАЭС с третьими странами

(Торговые соглашения Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // ЕЭК.

URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovyve-soglasheniya/> (дата обращения: 16.05.2026)).

Проведенный контент-анализ показал, что наиболее детализированные экологические положения содержатся в торговых соглашениях ЕАЭС с Вьетнамом и Сингапуром. В них определены цели, формы и механизмы экологического сотрудничества, что отчасти сближает их с европейскими главами «Торговля и устойчивое развитие». Вместе с тем практическая реализация данных положений остается ограниченной. Это связано с тем, что торговое соглашение с Сингапуром до настоящего времени не вступило в силу, тогда как соглашение с Вьетнамом не предусматривает строгих экологических обязательств, что, по мнению А. Е. Кузнецовой, обусловлено проблемами «в области обеспечения эффективного соблюдения экологического законодательства» [7, с. 62].

Иная тенденция прослеживается во взаимодействии ЕАЭС с Китаем. В 2023 г. прошли первые консультации, в рамках которых был проведен обмен мнениями по гармонизации климатического регулирования в целях содействия торговле¹, а в конце 2025 г. между партнерами была достигнута договоренность установить постоянный диалог «по гармонизации стандартов в сфере низкоуглеродного развития»². При этом ЕЭК рекомендует не ограничиваться развитием технического и проектного взаимодействия с Китаем в области охраны окружающей среды, а сконцентрироваться также на разработке отдельной главы в совместном соглашении³, что позволит институционализировать природоохранное взаимодействие.

Несмотря на то, что инициировать полноценный диалог по экологической проблематике ЕАЭС на практике удалось пока только с Китаем, Союз заинтересован в дальнейшем расширении географии экологического сотрудничества. Так, в 2025 г. в подписанных соглашениях ЕАЭС с ОАЭ и Индонезией были включены отдельные пункты по развитию «зеленого» направления отраслевого сотрудничества (см. табл. 2). При этом в соглашениях с новыми партнерами экологические положения носят общий характер, в отличие от более детализированных подходов, сформулированных в соглашениях с Вьетнамом и Сингапуром. Это позволяет говорить об отходе ЕАЭС от европейских модельных установок в пользу более гибких экологических положений.

Расширению географии экологического сотрудничества ЕАЭС также способствует его уникальная инициатива — ежегодный конкурс «Зеленая Евразия», цель которого заключается в выявлении лучших климатических практик в различных номинациях, включая чистую энергетику и промышленность, водные ресурсы, экологическое образование и др. Успешное проведение первого конкурса в 2023 г. позволило привлечь внимание мирового сообщества к этой уникальной инициативе: в 2024 г. лауреатами конкурса стали восемь участников из третьих стран, а в 2025-м — десять. Вместе с количественным увеличением участников происходит и расширение их географической представленности. Так, в 2025 г. лауреатами конкурса стали проекты из Африки (Сенегал и Эфиопия), а также Европы (Молдова)⁴. Растущая привлекательность инициативы позволяет стимулировать взаимовыгодный обмен практиками в области климатической проблематики и расширять круг потенциальных партнеров по регулярному тематическому диалогу на международной арене.

Таким образом, проведение первых двухсторонних консультаций ЕАЭС с Китаем по вопросам климатической повестки и учреждение конкурса «Зеленая Евразия» указывают на успешное включение Союзом экологической проблематики в свою международную деятельность. Кроме того, на современном этапе большинство подписанных торговых соглашений ЕАЭС с третьими странами уже содержат нормативно-правовую основу, в том числе для развития взаимодействия по вопросам «зеленой» повестки. Это позволяет при наличии политической воли сторон уже в ближайшей перспективе перейти к более предметному сотрудничеству.

Экологическое направление взаимодействия ЕАЭС с региональными интеграционными объединениями

Региональные интеграционные объединения все чаще учитывают экологический фактор развития и организуют мероприятия, которые преследуют «как негативные цели — остановить деградацию

¹ ЕАЭС и КНР провели первые консультации по вопросам сотрудничества в рамках климатической повестки [Электронный ресурс] // ЕЭК. 11.09.2023. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/eaes-i-knr-proveli-pervyye-konsultatsii-po-voprosam-sotrudnichestva-v-ramkakh-klimaticheskoy-povestki/> (дата обращения: 16.05.2026).

² Андрей Слепнев: «На Совместной комиссии ЕАЭС — КНР предложены решения по ключевым вопросам повестки взаимной торговли» [Электронный ресурс] // ЕЭК. 12.11.2025. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/andrey-slepnev-na-sovmestnoy-komissii-eaes-knr-predlozhenyesheniya-po-kluchevym-voprosam-povestki/> (дата обращения: 16.05.2026).

³ Изучение эффектов возможных сценариев углубления торгово-экономического сотрудничества между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами и Китайской Народной Республикой в условиях технологической трансформации и новых вызовов в мировой экономике в период до 2035 года [Электронный ресурс] // ЕЭК. 2024. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/nir_results/135192/ (дата обращения: 16.05.2026).

⁴ Финалисты и победители конкурса [Электронный ресурс] // Международный климатический конкурс «Зелёная Евразия». 2025. URL: <https://greeneurasia.asi.ru/winners/> (дата обращения: 16.05.2026).

окружающей среды, так и позитивные — перейти к устойчивому природопользованию» [2, с. 12]. На региональном уровне создаются различные платформы для координации действий и формирования нормативно-правовой базы в сфере регулирования вопросов экологической безопасности, а также разрабатываются механизмы контроля и мониторинга исполнения экологических норм [1].

В случае ЕАЭС одним из первых партнеров, в рамках межрегионального взаимодействия с которым начала рассматриваться экологическая проблематика, стал ЕС. Так, с 2019 по 2021 г. между ЕЭК и Европейской комиссией (ЕК) прошло восемь раундов технического диалога, где, помимо прочего, обсуждали европейскую «Зеленую сделку» и создание пограничного корректирующего углеродного механизма¹. Первоначально ЕАЭС ограничивался оценкой рисков для торгово-экономического сотрудничества двух интеграционных объединений, однако по мере формирования собственной «зеленой» повестки его интерес эволюционировал в сторону конкретного анализа содержания и результатов реализации экологической политики ЕС. Со стороны ЕАЭС предполагалось продолжать обмен информацией с представителями ЕК, но с 2022 г. такой формат взаимодействия был заморожен по инициативе Брюсселя.

Сложившаяся ситуация акцентировала необходимость интенсификации взаимодействия ЕАЭС по вопросам экологии с такими региональными объединениями, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

В случае с ШОС актуальность развития диалога по «зеленой» повестке подчеркивалась на полях ряда экономических форумов. Например, в 2023 г. член Совета ЕЭК, заместитель Председателя Правительства РФ А. Оверчук на сессии Восточного экономического форума «Климатическая повестка ШОС и ЕАЭС: движение к общим целям» отмечал, что выработка общих подходов и координация на глобальных площадках необходимы для стимулирования низкоуглеродного развития². Подобные заявления, однако, пока не привели к формированию межблокового взаимодействия по экологической проблематике. Единственным исключением стала сфера «зеленой» энергетики, перспективы сотрудничества в которой обсуждались представителями ЕАЭС и ШОС в ходе рабочей встречи в 2025 г.³

Как и в случае с ШОС, экологическая проблематика не получила активного развития в рамках сотрудничества ЕАЭС и АСЕАН. Наибольшее внимание ей было уделено на сессии Петербургского международного экономического форума «Бизнес-диалог ЕАЭС — АСЕАН» 2022 г., где рассматривались возможности реализации совместных природоохранных и климатических проектов⁴. Однако на последующих встречах внимание к «зеленой» повестке снизилось.

Таким образом, среди региональных объединений предметный диалог ЕАЭС по экологическим вопросам был выстроен только с ЕС в связи с важностью европейского рынка для государств — членов Союза. В свою очередь, взаимодействие ЕАЭС с АСЕАН и ШОС по экологической проблематике остается пока во многом декларативным. При этом и ШОС, и АСЕАН со своей стороны уделяют пристальное внимание «зеленой» повестке, что объективно повышает для ЕАЭС важность обсуждения с ними данной темы. Однако, учитывая, что «зеленая» повестка ЕАЭС начала свое формирование сравнительно недавно, дальнейшее расширение контактов между региональными объединениями будет определяться возможностью ЕАЭС предложить весомую «добавленную стоимость» такого сотрудничества.

Заключение

Несмотря на то, что отдельные элементы «зеленой» повестки были включены в деятельность ЕАЭС еще на раннем этапе становления, ее системное развитие началось сравнительно недавно. Это, в свою

¹ ЕЭК и Еврокомиссия провели консультации по вопросам климатического регулирования [Электронный ресурс] // ЕЭК. 21.09.2021. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/eeek-i-evrokomissiya-proveli-konsultatsii-po-voprosam-klimaticheskogo-regulirovaniya/> (дата обращения: 16.05.2026).

² Климатическая повестка ШОС и ЕАЭС: движение к общим целям [Электронный ресурс] // Фонд Росконгресс. 11.09.2023. URL: <https://roscongress.org/sessions/eef-2023-klimaticheskaya-povestka-shos-i-eaes-dvizhenie-k-obshchim-tselyam/discussion/#> (дата обращения: 16.05.2026).

³ ЕЭК и ШОС расширяют сотрудничество в сфере энергетики и транспорта [Электронный ресурс] // ЕЭК. 11.09.2025. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/eeek-i-shos-rasshiryayut-sotrudnichestvo-v-sfere-energetiki-i-transporta/> (дата обращения: 16.05.2026).

⁴ Бизнес-диалог «ЕАЭС — АСЕАН» пройдет на ПМЭФ-2022 [Электронный ресурс] // ЕЭК. 06.06.2022. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/biznes-dialog-eaes-asean-proydet-na-pmef-2022/> (дата обращения: 16.05.2026).

очередь, способствовало активизации работы по развитию экологической составляющей международной деятельности Союза.

Проведенный анализ позволяет констатировать неравномерность в развитии экологического сотрудничества ЕАЭС с внешними партнерами. На текущем этапе наиболее активный диалог по вопросам «зеленой» повестки Объединение поддерживает с универсальными международными организациями, в то время как взаимодействие Союза с третьими странами и региональными объединениями пока находится на начальной стадии формирования. Вместе с тем анализ опыта сотрудничества ЕАЭС с Китаем показывает, что именно двусторонние и межрегиональные форматы способны обеспечивать более предметное обсуждение экологической проблематики и более высокий уровень практического взаимодействия.

Так как «зеленая» повестка ЕАЭС все еще находится на этапе становления, то в среднесрочной перспективе можно ожидать дальнейшего расширения взаимодействия Союза с международными партнерами посредством проведения более регулярных и предметных обсуждений экологической проблематики. Учитывая, что в стратегических документах Союза в настоящее время приоритетное внимание уделяется климатической проблематике, основное развитие данного направления, вероятно, будет связано с вопросами низкоуглеродного развития, совершенствования механизмов климатического регулирования, поддержки «зеленых» технологий и реализации совместных климатических проектов.

Однако важно учитывать, что масштабы дальнейшего сотрудничества ЕАЭС с международными организациями, третьими странами и региональными объединениями будут во многом зависеть от степени интеграции экологической проблематики во внутренние процессы развития Союза и от динамики экологического сотрудничества с ними государств — членов Объединения на двустороннем уровне.

Вместе с тем при условии повышения политической заинтересованности государств — членов ЕАЭС в долгосрочной перспективе существует вероятность дальнейшего расширения экологического сотрудничества Союза с внешними партнерами. Представляется целесообразным больше внимания уделить углублению экологического сотрудничества с третьими странами и региональными объединениями. Это позволит ЕАЭС не только усилить свои позиции на мировой арене в качестве ответственного участника формирующегося многополярного миропорядка, но и будет способствовать дальнейшему укреплению процессов евразийской экономической интеграции.

Список литературы

1. *Абакарова А. Р.* Экологическое право в контексте региональной интеграции: формирование совместных стандартов и механизмов контроля // Закон и Право. 2025. № 8. С. 231–236. EDN: PDYCHZ. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-8-231-236
2. *Буторина О. В.* Цели региональной интеграции: современное понимание // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 10. С. 5–14. EDN: BWDDBG. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-10-5-14
3. *Галушко Д. В., Глазатова М. К., Зув В. Н.* [и др.]. Механизмы принятия наднациональных решений в ЕАЭС: вклад в стратегическое планирование и антикризисное управление : экспертный доклад к XXIV Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества / под ред. Т. А. Колобашкина, М. : Высшая школа экономики. 2023. 234 с. ISBN 978-5-7598-2784-9. EDN: MPELWQ
4. *Гараева А. С.* «Зеленый» протекционизм: политэкономические аспекты // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2025. Т. 60, № 4. С. 231–254. EDN: JBOYDP. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-12
5. *Дорохина К. М., Сахаров А. Г.* Трансформация и имплементация природоохранных и климатических положений в торговых соглашениях Европейского союза // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2022. Т. 17, № 4. С. 95–123. EDN: WGNJFF. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-04-04

6. *Ефремова М. С.* Роль ЕАЭС и ШОС в формировании пространства экологической безопасности в Евразии // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2023. Т. 17, № 1 (43). С. 110–118. EDN: SBXRTE. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-01-110-118
7. *Кузнецова А. Е.* Экологические положения для торговых соглашений с участием Евразийского экономического союза (ЕАЭС) // *Управленческое консультирование*. 2018. № 5 (113). С. 59–68. EDN: WYXVNX. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-5-59-68
8. *Мешкова Т. А., Изотов В. С., Демидкина О. В., Кофнер Ю. К.* ЕАЭС в меняющемся геополитическом контексте: приоритеты международного сотрудничества // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Политология. 2019. Т. 21, № 1. С. 7–33. EDN: MGRBAW. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-7-33
9. *Мигалева Т. Е., Подбиралина Г. В., Разумнова Л. Л.* Сближение позиций государств — членов ЕАЭС по вопросам климатической повестки и углеродного регулирования // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2022. Т. 16, № 2. С. 41–50. EDN: ADOOMW. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-02-41-50
10. *Навасардова Э. С., Захарин А. Н.* Экологическая политика стран-участниц ЕАЭС: направления сближения и институты // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2024. Т. 11, № 2. С. 345–354. EDN: UDLCKJ. DOI: 10.37493/2409-1030.2024.2.18
11. *Селищева Т. А.* «Зеленая» экономика как модель устойчивого развития стран ЕАЭС // *Проблемы современной экономики*. 2018. № 3 (67). С. 6–12. EDN: YNKPUL
12. *Торопыгин А. В., Ирошкина Т. В.* Деятельность ЕАЭС по достижению целей устойчивого развития // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2024. Т. 18, № 4 (50). С. 109–119. EDN: SQOIRA. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-04-109-119
13. *Юргенс И. Ю., Ромов Р. Б.* «Зеленая» интеграция и формирование единого устойчивого пространства развития в формате ЕАЭС. М. : МГИМО, 2023. 43 с. URL: <https://mgimo.ru/upload/2023/11/zelenaya-integraciya-i-formirovanie-edinogo-ustoi-chivogo-prostranstva-razvitiya-v-formate-eaes.pdf>
14. *Brandi C., Morin J.-F.* Trade and the Environment: Drivers and Effects of Environmental Provisions in Trade Agreements / ed. by F. Biermann, A. Gupta, M. Mason. Cambridge : Cambridge University Press, 2023. 104 p. DOI: 10.1017/9781009461825
15. *The Economic Dimension of Eurasian Integration* / ed. by N. A. Piskulova. Cham : Palgrave Macmillan, 2021. 236 p. ISBN: 978-3-030-59885-3. EDN: ADCXHD. DOI: 10.1007/978-3-030-59886-0

Об авторе:

Ешин Артур Олегович, аспирант кафедры мировых политических процессов, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Российская Федерация);
e-mail: eshin.arthur@gmail.com; ORCID: 0009-0005-1293-2846

References

1. *Abakarova, A. P.* Environmental Law in the Context of Regional Integration: Formation of Joint Standards and Control Mechanism // *Law and Legislation*. 2025. No. 8. P. 231–236. (In Russ.) EDN: PDYCHZ. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-8-231-236
2. *Butorina, O. V.* Goals of Regional Integration: A Modern Understanding // *World Economy and International Relations*. 2021. Vol. 65, No. 10. P. 5–14. (In Russ.) EDN: BWDDBG. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-10-5-14
3. *Galushko, D. V., Glazatova, M. K., Zuev, V. N.* [et al.]. Mechanisms for Making Supranational Decisions in the EAEU: Contribution to Strategic Planning and Crisis Management : expert report for the XXIV Yasinsky (April) International Scientific Conference on the Problems of Economic and Social Development / ed. by T. A. Kolobashkina. Moscow : Higher School of Economics. 2023. 234 p. (In Russ.) ISBN 978-5-7598-2784-9. EDN: MPELWQ

4. Garaeva, A. S. Green Protectionism: Political Economy Aspects // *Lomonosov Economics Journal*. 2025. Vol. 60, No. 4. P. 231–254. (In Russ.) EDN: JBOYDP. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-12
5. Dorokhina, K. M., Sakharov, A. G. Transformation and Implementation of Environmental and Climate Provisions in EU Trade Agreements // *International Organisations Research Journal: Education, Science, New Economy*. 2022. Vol. 17, No. 4. P. 95–123. (In Russ.) EDN: WGNJFF. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-04-04
6. Efremova, M. S. The Role of the EAEU and the SCO in the Eurasia Environmental Safety Space Formation // *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2023. Vol. 17, No. 1 (43). P. 110–118. (In Russ.) EDN: SBXRTE. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-01-110-118
7. Kuznetsova, A. E. Environmental Provisions for Eurasian Economic Union's RTAs // *Administrative Consulting*. 2018. No. 5 (113). P. 59–68. (In Russ.) EDN: WYXVNX. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-5-59-68
8. Meshkova, T. A., Izotov, V. S., Demidkina, O. V., Kofner, J. C. The EAEU in a Changing Geopolitical Context: Priorities for International Cooperation // *RUDN Journal of Political Science*. 2019. Vol. 21, No. 1. P. 7–33. (In Russ.) EDN: MGRBAW. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-7-33
9. Migaleva, T. E., Podbiralina, G. V., Razumnova, L. L. Rapprochement of the Positions of the EAEU Member States on the Issues of the Climate Agenda and Carbon Regulation // *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2022. Vol. 16, No. 2. P. 41–50. (In Russ.) EDN: ADOOMW. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-02-41-50
10. Navasardova, E. S., Zakharin, A. N. Environmental Policy of the EAEU Member States: Areas of Convergence and Institutions // *Humanities and Law Research*. 2024. Vol. 11, No. 2. P. 345–354. (In Russ.) EDN: UDLCKJ. DOI: 10.37493/2409-1030.2024.2.18
11. Selishcheva, T. A. "Green" Economy as a Model of Sustainable Development in EAEU Countries // *Problems of Modern Economics*. 2018. No. 3 (67). P. 6–12. (In Russ.) EDN: YNKPUL
12. Toropygin, A. V., Iroshkina, T. V. Activities of the EAEU Countries to Achieve the Implementation of Sustainable Development Goals // *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2024. Vol. 18, No. 4 (50). P. 109–119. (In Russ.) EDN: SQOIRA. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-04-109-119
13. Yurgens, I. Y., Romov, R. B. Enabling Green Integration and Building a Common Sustainable Development Space in the EAEU. Moscow : MGIMO, 2023. 43 p. URL: <https://mgimo.ru/upload/2023/11/zelenaya-integraciya-i-formirovanie-edinogo-ustoi-chivogo-prostranstva-razvitiya-v-formate-eaes.pdf> (In Russ.)
14. Brandi, C., Morin, J.-F. Trade and the Environment: Drivers and Effects of Environmental Provisions in Trade Agreements / ed. by F. Biermann, A. Gupta, M. Mason. Cambridge : Cambridge University Press, 2023. 104 p. DOI: 10.1017/9781009461825
15. The Economic Dimension of Eurasian Integration / ed. by N. A. Piskulova. Cham : Palgrave Macmillan, 2021. 236 p. ISBN: 978-3-030-59885-3. EDN: ADCXHD. DOI: 10.1007/978-3-030-59886-0

About the author:

Artur O. Eshin, PhD student, Department of World Politics, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); e-mail: eshin.arthur@gmail.com; ORCID: 0009-0005-1293-2846

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Ешин А. О., 2026

Глобальное управление и дискурсивная сила Китая: институциональный аспект

Торопыгин А. В.^{*}, Николаенко А. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* e-mail: toropygin-av@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-0678-3347

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается одно из направлений реформы глобального управления, предложенной Китаем и опирающейся на институциональный аспект дискурсивной силы¹. Под институциональной дискурсивной силой в Китае понимается активность в международных организациях и наднациональных институтах от формирования повестки дня до разработки и принятия соответствующих решений — актов глобального управления. **Цель.** Определение механизмов формирования дискурсивной силы Китая в рамках предложенной им реформы глобального управления. **Задачи.** Выявление процесса формирования дискурсивной силы Китая, а также анализ практики ее использования при выработке внешнеполитических решений. **Методология.** При работе над статьей были использованы общенаучные методы. При анализе международных институтов применялись описательный и сравнительный методы. В качестве общей теоретической рамки была взята институциональная теория и ее производные. **Результаты и выводы.** Китай успешно разрабатывает и претворяет в жизнь различные механизмы глобального управления, такие как многосторонние форматы, форумы, международные организации и самостоятельные финансовые структуры. Особое внимание внешнеполитическое ведомство Китая уделяет формату БРИКС. Под влиянием КНР успешно адаптируются повестки заседаний многосторонних институтов. В КНР разработаны механизмы формирования новых международных институтов, а также критерии для перестройки существующих. Это позволяет говорить об институциональной дискурсивной силе Китая как об основном направлении реформы глобального управления.

Ключевые слова: КНР, реформа глобального управления, международные институты, дискурсивная сила, евразийский регион

Для цитирования: Торопыгин А. В., Николаенко А. В. Глобальное управление и дискурсивная сила Китая: институциональный аспект // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 2. С. 158–167. EDN: QHQCYP

Global Governance and China's Discursive Power: An Institutional Aspect

Andrey V. Toropygin^{*}, Anastasia V. Nikolaenko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management, Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: toropygin-av@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-0678-3347

¹ «Манифест принятия реальности». Российские эксперты — о китайской инициативе глобального управления [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8022662> (дата обращения: 29.12.2025).

ABSTRACT

This article examines one aspect of China's proposed global governance reform, which draws on the institutional dimension of discursive power. Institutional discursive power in China is defined as activity in international organizations and supranational institutions, from agenda setting to the development and adoption of corresponding decisions — acts of global governance. **Aim.** The aim of this study is to identify the mechanisms by which China develops discursive power within the framework of its proposed global governance reform. **Tasks.** The objectives are to identify the process by which China develops discursive power and to analyze its use in foreign policy decision-making. **Methods.** When writing the article, the authors used general scientific methods. The article used descriptive and comparative methods in the analysis of international institutions. Institutional theory and its derivatives were taken as a general theoretical framework. **Results and conclusions.** China has successfully developed and implemented various global governance mechanisms, such as multilateral formats, forums, international organizations, and independent financial structures. The Chinese Foreign Ministry pays special attention to the BRICS format. Under China's influence, the agendas of multilateral institutions have been successfully adapted. China has developed mechanisms for the formation of new international institutions and criteria for the restructuring of existing ones. This highlights China's institutional discourse power as a key driver of global governance reform.

Keywords: China, global governance reform, international institutions, discursive power, Eurasian region

For citation: Toropygin A. V., Nikolaenko A. V. Global Governance and China's Discursive Power: An Institutional Aspect // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 158–167. (In Russ.) EDN: QHQCYF

Введение

Связь между глобальным управлением и дискурсивной силой заключается в том, что язык и смыслы (дискурс) формируют глобальное управление, определяя, как воспринимаются проблемы, какие решения считаются приемлемыми и кто обладает властью в международных отношениях. Внимание со стороны Китая к дискурсивной силе появилось сравнительно недавно, сменив тренд увлечения мягкой силой. Если достаточно долго Китай не заявлял о своих глобальных амбициях, то обнародование концепции «Сообщество единой судьбы человечества» ясно показало ее глобальные амбиции. Дискурсивная сила Китая — концепция, которая предполагает конструирование глобальных нарративов, продвижение собственной международной повестки, отстаивающей национальные интересы, более весомое право голоса на мировой арене, формулирование и внедрение в мировую практику стандартов, норм и правил¹.

Ученые и специалисты, хорошо знающие эту тематику, работы и идеи о дискурсе французского философа М. Фуко, утверждают, что его взгляды и тексты трактуются достаточно вольно и, по сути, сводятся к одной фразе: дискурс — это власть, за которую людям необходимо бороться. Концепция «дискурсивной силы» стала ответом Китая на попытки ограничения его дальнейшего развития со стороны Запада. Дискурсивная сила в таком случае представляет набор инструментов, способствующих продвижению Китая в качестве одного из ведущих игроков в эпицентр мировых событий. Этот набор инструментов формирует повестку «деятельности международных институтов и новые принципы “глобального управления”, воздействующие на ценности мировых акторов и их мировоззрение, а через это — на политический выбор и политические решения» [3, с. 19–20]. Такой ракурс рассмотрения дискурсивной силы дает возможность говорить о ее влиянии на глобальное управление по следующим направлениям: формирование повестки дня, создание норм и правил, определение легитимности, распределение власти, влияние на восприятие реальности.

¹ Лексютина Я. В. Китайский трансфер: от мягкой культурной силы к дискурсивной [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kitayskiy-transfer/> (дата обращения: 29.12.2025).

Обсуждение результатов

Под институциональной дискурсивной силой в Китае понимается активность в международных организациях и наднациональных институтах. Это означает и активное участие в их деятельности, включая и работу над документами и правилами, создающимися в ней, и принятие соответствующих решений [3]. Эксперты указывают, что в этом случае могут фиксироваться не только различные стратегии, но и новые документы, обеспечивающие национальный интерес. Особую заинтересованность представляет, например, «Белая книга по Арктике», которая стала концептуальным документом, зафиксировавшем подходы КНР к Арктическому региону¹. В «Белой книге по Арктике» введено ключевое понятие, которым пользуется Китай в настоящий момент, описывая свой статус в Арктике, а именно — «близоарктическое государство».

По мнению исследователей И. Е. Денисова и И. Ю. Зуенко, получив статус наблюдателя в Арктическом совете², Китай «последовательно проводит многоуровневую дискурсивную стратегию, ... выстраивая вокруг своего присутствия в Арктике определенную систему образов ... Долгосрочная стратегия Китая в международных структурах заключается, с одной стороны, в предоставлении им общественных благ, таких как финансирование, технологии, обучение персонала, а с другой — в более активном участии в содержательной работе органов глобального управления, в том числе путем предложения своих концепций, участия в создании и пересмотре международных систем, режимов и правил, а также в продвижении китайских граждан на руководящие посты в международных организациях» [3].

Форматы сотрудничества Китая

Реализация инициативы «Один пояс — один путь» (ОПОП) в Китае формировалась на основе механизмов координации/управления — так называемых форматов «16 + 1», «17 + 1», «5 + 1».

Под двумя первыми из них подразумевается взаимодействие со странами ЕС, «5 + Китай» — форматы взаимодействия с Центральной Азией и Северными странами (Швеция, Финляндия, Дания, Исландия, Норвегия)³. Форматы строятся, можно сказать, по одной модели и включают создание специальной кредитной линии, учреждение инвестиционного фонда, предоставление стипендий для учебы в КНР. Подобный формат Китай пытался сформировать и с Вишеградской четверкой [20]. Если в регионе/субрегионе (который географически попадает в ОПОП) отсутствует интеграционное объединение / международная организация, либо она действует по принципу открытого регионализма (например, как страны АСЕАН не имеют общего мнения о проекте ОПОП), тогда создаются различные фонды или инвестиционный банк. Еще один вариант взаимодействия — создание «форума», который практически не отличается от «формата»; оба они формируются с помощью документа высокого статуса [11; 14]. Такие формы сотрудничества наиболее приемлемы для Африканского континента.

С рядом стран Ближнего Востока Китай создал «форум» на основе Лиги арабских государств по трем направлениям взаимодействия: традиционная энергетика; строительство инфраструктуры, содействие торговле и инвестициям; разработка новых технологий в области ядерной энергии, возобновляемых источников энергии и спутников. В Латинской Америке Китай сформировал «форум» и «фонд» на основе Сообщества стран Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК) [7]. Однако в случае со странами Карибского бассейна ситуация отличается от рассмотренных ранее, поскольку часть стран Карибского бассейна имеют дипломатические отношения с КНР, а часть — с Китайской Республикой (Тайвань). В итоге был подписан специальный меморандум: с одной стороны КАРИКОМ (Карибское сообщество (англ. Caribbean Community, CARICOM) — торгово-экономический союз стран Центральной и северо-восточной Южной Америки), а с другой — Китайский банк развития (CDB) [13].

¹ Лексютина Я. В. Китайский трансфер: от мягкой культурной силы к дискурсивной [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kitayskiy-transfer/> (дата обращения: 29.12.2025).

² Наблюдатели в Арктическом совете: Китайская Народная Республика [Электронный ресурс]. URL: <https://arctic-council.org/ru/about/observers/peoples-republic-of-china/> (дата обращения: 29.12.2025).

³ Sino-Nordic Relations: Opportunities and the Way Ahead [Электронный ресурс]. URL: <https://www.isdp.eu/wp-content/uploads/2016/11/2016-Sino-Nordic-Relations-Opportunities-and-the-Way-Ahead.pdf> (дата обращения: 06.03. 2026).

Реализация китайской внешней политики в рамках ШОС

При активном участии и заинтересованности Китая в 2001 г. была сформирована международная межправительственная организация — Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), в которой он усиливает свое влияние, утверждая дискурсивную силу, активно распространяя свои ценности, идеи и нарративы на международной арене, добиваясь их добровольного признания и формируя выгодную для себя повестку в глобальном дискурсе. Целевую направленность деятельности ШОС, ее политику и практику определяет доктрина, известная как борьба с «тремя силами зла» [12, с. 50–52]. Известно, что общепринятого определения этого деяния не существует, но некоторый консенсус по этому поводу имеется. Например, в Резолюции № 1456 Совета Безопасности ООН¹ сказано о необходимости соблюдения прав человека, гуманитарного и международного права. Исследователь К. Х. Рахимов в своей монографии утверждает, что ШОС противоречит этой Резолюции, используя доктрину «трех зол» для установления политик и действий, которые нарушают некоторые права человека [Там же, с. 153]. Принято считать, что институты с участием Китая имеют тенденцию если не нарушения напрямую прав человека, то их ограничения. Это может создать определенные юридические трудности для членов ШОС, учитывая принятую в 2005 г. Концепцию сотрудничества², которая предусматривает, что государства-члены будут согласовывать внутреннее законодательство с целью обеспечения взаимного признания террористического, сепаратистского или экстремистского акта независимо от того, включает ли законодательство государств — членов ШОС соответствующий акт в той же категории преступлений или акт описывается с использованием одних и тех же терминов [12; 16].

Среди направлений развития дискурсивной силы специалисты называют «усиления технических стандартов КНР на международной арене» [3]. Это проблема технологического соответствия западных технологий утвержденным китайским стандартам. Китай пытается стать «законодателем мод» в технологической области, то есть создавать правила в области мобильной связи нового поколения, применения роботов в общественной сфере, развития искусственного интеллекта, усиления блокчейна, а также в обработке больших данных. Развитие технологий в области искусственного интеллекта дает возможность привязать страны-партнеры к своей технологической платформе. Таким образом, это становится элементом национальной безопасности, а также инструментом так называемой цифровой силы [Там же]. В конечном счете это дает возможность усиления давления на цифровые рынки как внутри государства, так и за его пределами, сохраняя технологический уклад. Но очевидно, что грань между «знать» и «иметь реальную возможность осуществить» очень тонкая. И, по всей видимости, такой проект, как модель Шэкоу (и подобные), может рассматриваться как пересмотр правил функционирования международных систем³.

Глобальное управление

Страны — победители во Второй мировой войне сформировали «новый», Ялтинско-Потсдамский мировой порядок, который вскоре принял форму биполярности, а затем и холодной войны. Далее этот мир трансформировался в однополярность, так называемый «конец истории» в терминологии Ф. Фукуямы. Но и при биполярности государства обоих полюсов (точнее, конечно, правящие элиты) соглашались с тем, что в мире должно существовать некое регулирование или направляющее воздействие, легитимность которого строится на всеобщем согласии участников экономических и политических отношений относительно осуществляемых им институтов. Собственно говоря, это основа появления ООН. О надгосударственном управлении и регулировании для всех таких идейных конструкций член-корреспондент РАН Ф. Г. Войтоловский пишет, что «государство как носитель суверенитета не может и/или не должно

¹ Резолюция 1456 (2003), принятая Советом Безопасности на 4688-м заседании 20 января 2003 года [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902113847> (дата обращения: 16.04.2026).

² Концепция сотрудничества государств — членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3667> (дата обращения: 16.04.2026).

³ Порт Шэкоу — концепция экосистемы порта, коммуникаций, логистики, бизнеса, информации, капитала. Модель уже используется в Африке, Бразилии, Панаме, Мексике.

быть высшей формой организации социально-политического пространства» [1]. Следствием этой мысли стало важное противоречие, состоящее в том, что глобальные проблемы человечества в настоящее время решаются на государственном уровне. Глобализация — процесс, развернувшийся в середине прошлого века, в известной степени пытался его разрешить [17].

Механизмом, который легитимировал такие решения, стала многосторонность. Концепция многосторонности заключается в совместном и согласованном решении вопросов, касающихся многих заинтересованных сторон (мир, климат, окружающая среда, борьба с терроризмом, здравоохранение и т. д.). М. В. Харкевич, рассматривая глобальное управление в концепции, т. е. «черного ящика со входом и выходом», говорит о том, что при однополярности наибольший интерес имеет «выход» — результат в форме глобальных и региональных общественных благ. При переходе к многополярности фокус сместился на «вход» — конкурентный процесс формирования норм и подходов к глобальному управлению. Иными словами, как справедливо считает Харкевич, глобальное управление — взаимодействие государств, бизнеса, гражданского общества, а также производных от них международных организаций и институтов по выработке формальных и неформальных норм и правил, направленных на регулирование транснациональных вопросов и координирование совместных усилий по их решению в иерархическом, сетевом или рыночном форматах¹.

Для темы статьи особый интерес представляет статус институтов в понимании, например, Д. С. Норта, в работах которого представлены основные концепции развития институциональной среды, роли институциональных факторов в экономическом развитии, теория институциональных изменений [18; 19]. Представители более позднего институционализма указывают на то, что «с изменением технических возможностей и развитием интернета меняется человеческая возможность к созданию институтов» [4]. Огромное значение придают институтам академик С. Ю. Глазьев и профессор И. Ф. Кефели. В их модели развития мирохозяйственных укладов мира институциональное устройство становится необходимым условием, нынешний этап называется «интегральным», подчеркивая важность таких институтов, как интеграционные структуры ЕАЭС, АСЕАН, ЕС [2].

Изменение мировой институциональной среды — это и возможность формирования новой глобальной системы управления. Надо изменить систему глобальных мегарегуляторов, с помощью которых разрешается противоречие между национальным суверенитетом и глобализацией. Как известно, в политическом дискурсе существуют два основных варианта развития событий.

С одной стороны, возможно делегировать часть суверенных национальных полномочий специальным мегарегуляторам, подконтрольным США, а именно глобальным международным организациям и институтам. Такие организации, как МВФ, Мировой банк, ВТО, Федеральная резервная система США, Базельский институт, могут служить примером подобного вида мегарегулятора.

С другой стороны, возможны пути, связанные с формированием региональных рынков, так называемой регионализацией. Создание интеграционных межгосударственных объединений, таких как ЕС, ЕАЭС, МЕРКОСУР и других, способствуют развитию горизонтальной интеграции.

Регионализация может укреплять доминирование Запада, как это имеет место при вступлении в ЕС, но может и подрывать его. Страны Глобального Востока и Глобального Юга пытаются подрвать господство Запада путем реформирования действующих мегарегуляторов, повышая свою роль в МВФ и ВТО [5]. Например, доли голосов, которыми наделены государства, участвующие в принятии решения в Международном банке реконструкции и развития, распределяются следующим образом: Китай — 5,77%; Россия — 2,5–2,8% (доля варьируется; значительно ниже доли США и Китая); блокирующий пакет у США — единственный участник, имеющий больше 15%, что дает ему право вето на ключевые структурные решения². По этому поводу, например, М. И. Кротов пишет, что «наиболее перспектив-

¹ Харкевич М. В. Глобальное управление в эпоху обострения конкуренции между великими державами [Электронный ресурс]. URL: <https://russiacouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/globalnoe-upravlenie-v-epokhu-obostreniya-konkurentsii-mezhdu-velikimi-derzhavami/> (дата обращения: 29.12.2025).

² International bank for reconstruction and development voting power of executive director [Электронный ресурс]. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/1da86cb968275b94ab30b3d454882208-0330032021/original/IBRDEsVotingTable.pdf> (дата обращения: 15.05.2026).

ный путь перехода многополярной модели глобализации — создание антизападных мегарегуляторов. Государства — участники ШОС, БРИКС, ЕАЭС доминируют в новых развивающихся финансовых институтах глобализации (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Новый Банк, Евразийский банк развития, Фонд Шелкового пути, Евразийский фонд стабилизации и развития, другие финансовые механизмы КНР, связанные с ОПОП)» [6]. В этой связи встает вопрос: как проводить реформирование?

Китайский специалист в области международных отношений Чжу Цзецин [15] пишет, что «в зависимости от того, является ли целью создание нового института или переосмысление и реформирование существующего, мы можем разделить возможные пути реформирования в институциональных изменениях на четыре типа: замещение (отказ от существующего, введение новых правил), дополнение (новые правила присоединяются к существующим), преобразование (изменение действующих правил в связи с их стратегическим переосмыслением), избегание (уменьшение доверия к существующим правилам и их использования)». Выбор типов изменений зависит от двух переменных: 1) возможность вето доминирующих акторов (право принадлежит субъектам, чье согласие необходимо для изменения статус-кво), 2) гибкость существующих институтов (распределенное воздействие на ресурсы влияния в них). Таким образом, строится аналитическое пространство, в котором происходит выбор типа реформ (см. таблицу).

Таблица

Аналитическое пространство выбора типа реформы

Table. Analytical space for choosing the type of reform

Высокая гибкость института			
Слабые возможности вето	Преобразование	Дополнение	Сильные возможности вето
	Замещение	Избегание	
Низкая гибкость института			

Источник: составлено авторами по [15]

Может показаться, что все достаточно формально. Но надо учитывать, что правом вето (в терминологии Дж. Цебелиса) обладает тот игрок, согласие которого необходимо для реформирования института. Иными словами, это «сила» блокировки изменения не только этого доминирующего актора института, но и каким-либо образом связанных с ним институтов. Так, изменения в международной организации требуют согласия правительства на новое соглашение и парламента — на ратификацию. Таким образом, могут учитываться идеологические, политические и другие моменты. Отсутствие учета этих моментов может привести к сложностям. Например, Новый банк, хотя и является Банком БРИКС, тем не менее присоединился к антироссийским санкциям в 2022 г. [5]. По мнению М. И. Кротова, «здесь важно предложить партнерам новую международную финансовую модель» или перестроить организацию так, чтобы решения в банке принимались более взвешенно, ни одно из государств не имело блокирующего большинства [6]. Логистические и транспортные проекты важны и формируют двусторонние и многосторонние связи между странами с точки зрения развития интеграции «снизу вверх», что активизирует действия руководителей государств [10]. Китай вовсе не собирается сделать все механизмы альтернативными. Он предлагает реформировать ряд действующих структур и ООН, сделав их более справедливыми и эффективными¹. Собственно говоря, мысль эта очевидна, институциональные изменения не могут повлиять на глобальное управление в целом. Идеологическая основа реформы прослеживается в целом ряде концепций [9], в том числе и концепции «Сообщество единой судьбы человечества» [8].

Лидер КНР Си Цзиньпин на встрече в формате «ШОС плюс» в сентябре 2025 г. выдвинул инициативу в области глобального управления. Он продекларировал основные пять принципов этого процесса, а именно суверенное равенство, соблюдение принципов международного права, курс на многосто-

¹ Глава МИД КНР высказался в поддержку реформы Совбеза ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/politics/glava-mid-knr-vyskazalsya-v-podderzhku-reformy-sovbeza-oon.html> (дата обращения: 29.12.2025).

ронность, отстаивание ориентированного на людей подхода и концентрация на реальных действиях¹. Понятно, что руководитель Китая говорил в том числе и о ШОС. И все же предложение о реформе и совершенствовании ШОС дают возможность предполагать, что именно этому институту отводится значительное место в формировании «площадки для обкатки предложений по реализации» планов реформирования глобального управления. Для этого государствам ШОС предлагается создать Универсальный центр по противодействию вызовам и угрозам безопасности и Антинаркотический центр, а также Банк развития ШОС в целях обеспечения более мощной поддержки для безопасности и экономического сотрудничества государств-членов. ШОС служит платформой для влияния в Центральной Азии, фокусируясь на безопасности, торговле и зоне свободного движения товаров с Россией, Казахстаном и другими. Китай использует ее для экономического освоения региона, конкурируя с Россией и продвигая гуманитарное и транспортное сотрудничество. Это ключевой инструмент многополярности. Ключевые глобальные проекты Китая можно условно разделить на несколько направлений: инфраструктурные инициативы за рубежом, технологическое развитие, энергетика и космос. Эти проекты одновременно решают задачи роста экономики, безопасности и усиления геополитического влияния КНР.

Также планируется реализовать 100 небольших, зато имеющих хорошую отдачу социальных проектов в государствах-членах, которые в этом нуждаются. Отдельно необходимо предоставить государственную грантовую помощь в размере 2 млрд юаней до конца 2025 г., выдать новый кредит членам Межбанковского объединения на сумму 10 млрд юаней в ближайшие три года, удвоить квоты на специальную стипендию ШОС, построить 10 новых «Мастерских Лу Баня»² в ближайшие пять лет и выделить 10 тыс. квот для участия в курсах профессиональной подготовки человеческих ресурсов³. Китайские мегапроекты генерируют значительный экономический рост за счет инвестиций в инфраструктуру, но также создают риски долговой зависимости для партнерских стран. Эти проекты активизируют экспорт китайских товаров, технологий и рабочей силы, одновременно обеспечивая доступ к ресурсам и рынкам. Данные проекты стимулируют рост инвестиций и торговли. В первой половине 2025 г. объем вложений Китая в инициативу «Один пояс — один путь» достиг рекордных 124 млрд долл. с акцентом на энергетику (44 млрд долл.), металлургию (24,9 млрд долл.) и технологии (23,2 млрд долл.), что усиливает торговый профицит КНР и создает рабочие места. Проекты вроде ГЭС, железных дорог и портов (например, в Пакистане и Казахстане) повышают транспортную связность, сокращая логистические издержки и ускоряя экономический рост в Азии и Африке на 1–2% ВВП ежегодно. А увеличение доли инвестиций в «зеленые» технологии и промышленность (до 14% в 2025 г.) помогает странам-реципиентам модернизировать экономики, снижая зависимость от сырья.

С другой стороны, многие страны накапливают долги перед Китаем (общий объем BRI-инвестиций⁴ превысил 1,3 трлн долл.), что приводит к потере контроля над активами, как в случае с портами в Шри-Ланке или Замбии. Снижение активности в Европе и Латинской Америке при росте в Центральной Азии вытесняет конкурентов, включая Россию, снижая их влияние и экономические выгоды.

Заключение

Преодоление «западоцентризма» проходит красной нитью через предлагаемый Китаем проект глобального управления. Это хорошо прослеживается в двух основных посылах. Во-первых, в обращении к развивающимся странам, во-вторых, в подчеркивание коллективного, а не индивидуального «общества единой судьбы». Китай реализует ряд масштабных геополитических проектов, направленных на укрепление глобального влияния, экономическую экспансию и создание многополярного мира. Основные из

¹ Полный текст выступления Си Цзиньпина на 25-м заседании Совета глав государств — членов ШОС [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scochina2025.org.cn/ru/n3/2025/0902/c518817-20360735.html> (дата обращения: 29.12.2025).

² «Мастерские Лу Баня» — это образовательные центры по развитию профессионального образования и технического сотрудничества с развивающимися странами.

³ Полный текст выступления Си Цзиньпина на 25-м заседании Совета глав государств — членов ШОС [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scochina2025.org.cn/ru/n3/2025/0902/c518817-20360735.html> (дата обращения: 29.12.2025).

⁴ Инициатива «Пояс и путь» (Belt and Road Initiative, BRI).

них включают инициативу «Один пояс — один путь», Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) и Глобальную инициативу развития. Эти проекты сочетают инфраструктурные инвестиции с политическим партнерством. Под руководством Си Цзиньпина продвигаются «сообщество с общим будущим для человечества», Азиатско-Тихоокеанская зона свободной торговли и укрепление БРИКС. Эти усилия включают партнерства с крупными державами (как Россия), периферией и развивающимися странами, а также реформу глобального управления через ООН и G20. Цель — национальное возрождение к 2049 г.

Что касается рассмотренного механизма, для определения направления реформы международных институтов он использовался при исследовании реформы соглашений о свободной торговле и многосторонних банков [20].

Вместе с тем, по мнению авторов, в реформе глобального управления КНР институциональная дискурсивная сила будет играть все более заметную роль. Это связано с тем, что создание антизападных мегарегуляторов — перспективный путь перехода к многополярной модели глобализации.

При этом, во всяком случае, вначале, будет использоваться хорошо зарекомендовавшая себя схема формирования дискурса, его внедрение в существующие институты, продвижение от имени института, но с финансовой поддержкой Китая.

Китайское руководство планирует соответствовать глобальной мощи США, пересмотреть мировой порядок, а также усилить свои возможности во внешней политике, экономическом развитии и в области безопасности. Выстраивая принцип добрососедства, Китай проводит более целенаправленную политику, усиливая влияние во всех жизнеобеспечивающих сферах общества. Именно на это направлена «Инициатива глобального управления», выдвинутая председателем КНР Си Цзиньпином 1 сентября 2025 г. на расширенном заседании саммита «ШОС плюс»¹.

Список литературы

1. *Войтоловский Ф. Г.* Идеология «глобального управления»: от утопии к практике // *Международная жизнь*. 2011. № 9. С. 69–94. EDN: TTITUJ
2. *Глазьев С. Ю., Кефели И. Ф.* Интегральный мирохозяйственный уклад и глобальная безопасность — ключевые проблемы современной науки // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2024. Т. 18, № 4. С. 10–21. EDN: UC1XKO. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-04-10-21
3. *Денисов И. Е., Зуенко И. Ю.* От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР. М.: МГИМО МИД России, 2022. 24 с. EDN: FOPVCS
4. *Зинченко Г. П., Рогов И. И.* Неинституциональное насилие и социальные порядки в условиях непредсказуемых вызовов XXI века // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*. 2017. № 3. С. 70–174. EDN: ZIOQXS. DOI: 10.23394/2079-1690-2017-1-3-170-174
5. *Кротов М. И.* Евразийский экономический союз и многополярная глобализация // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2024. Т. 18, № 1. С. 15–24. EDN: ANLSZC. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-15-24
6. *Кротов М. И., Слуцкий Л. Э., Батистова О. И.* Евразийская экономическая интеграция в новой глобальной реальности: системный подход и разрешение противоречий // *Евразийская экономическая перспектива: проблемы и решения*. 2020. № 4. С. 6–14. EDN: PFOGWV
7. *Лавут А. А.* «Атлантический треугольник»: утопия или реальная перспектива? // *Латинская Америка*. 2015. № 7. С. 19–33. EDN: UCAJIZ
8. *Ли Мин.* Теоретические основы и логика развития концепции глобального управления Китая // *Общество: политика, экономика, право*. 2025. № 4. С. 61–70. EDN: JXVFYN. DOI: 10.24158/per.2025.4.8
9. *Меркулов К. К.* О новых инициативах КНР в сфере глобального управления (осень 2023 г.) // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2024. № 29. С. 299–312. EDN: UPVTNE. DOI: 10.48647/ICCA.2024.36.60.020

¹ Китай: инициатива глобального управления [Электронный ресурс]. URL: <https://дипловарь.рф/ru/kitai-initsiativa-global-nogo-upravleniia> (кит. 全球治理倡议) (дата обращения: 29.12.2025).

10. Пак Е. В. 10 лет ЕАЭС: основные итоги и проблемы сотрудничества в области транспорта и логистики // Международная аналитика. 2025. Т. 16, № 1. С. 20–38. EDN: SGAEPF. DOI: 10.46272/2587-8476-2025-16-1-20-38
11. Песцов С. К. Дискурсивная сила во внешней политике Китая: интерпретация и продвижение инициативы «Один пояс — один путь» // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. Т. 22. С. 155–164. EDN: ZMMOYR
12. Рахимов К. Х. Деятельность Шанхайской организации сотрудничества по обеспечению безопасности в Евразии : монография. М. : РУСАЙНС, 2023. 250 с. ISBN: 978-5-466-02547-7. EDN: OYQWRC
13. Торопыгин А. В., Случевский В. В. «Один пояс, один путь»: архитектура межгосударственных и региональных взаимодействий : монография. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2023. 152 с. ISBN: 978-5-89781-776-4.
14. Ху Июнь. Краткий обзор исследований дипломатического дискурса в Китае // Политическая лингвистика. 2023. № 2 (98). С. 208–215. EDN: MTZEYS. DOI: 10.26170/1999-2629_2023_02_23
15. Чжу Ц. Как Китай выбирает путь реформы глобального управления? // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15, № 3. С. 248–281 (на русском и английском языках). EDN: DBVLWH. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-03-10
16. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М. : Дело, 2001. 407 с. ISBN: 0-521-34891-9.
17. Furubotn E. G., Pejović S. The Economics of Property rights. Cambridge, 1974. 171 p. ISBN: 0-521-29099-6
18. North D. Structure and Change in Economic history. N.Y. : Norton, 1981. 228 p. ISBN: 0-393-01478-9.
19. North D., Thomas R. The Rise of the Western World: A New Economic History. Cambridge, Cambridge University Press, 1973. 171 p. ISBN: 0-521-29099-6.
20. Parepa L.-A. The Belt and Road Initiative as Continuity in Chinese Foreign Policy // Journal of Contemporary East Asia Studies. 2020. Vol. 9, No. 2. P. 175–201. EDN: IKSHLN. DOI: 10.1080/24761028.2020.1848370

Об авторах:

Торопыгин Андрей Владимирович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: toropygin-av@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-0678-3347

Николаенко Анастасия Валентиновна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: nikolaenko-av@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-4759-0015

References

1. Voitovsky, F. G. The Ideology of “Global Governance”: From Utopia to Practice // The International Affairs. 2011. No. 9. P. 69–94. (In Russ.) EDN: TTITUJ
2. Glazyev, S. Yu., Kefeli, I. F. Integral World Economic Structure and Global Security — Key Problems of Modern Science // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18, No. 4. P. 10–21. (In Russ.) EDN: UCIXKO. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-04-10-21
3. Denisov, I. E., Zuenko, I. Yu. From Soft Power to Discursive Power: New Ideologemes of China’s Foreign Policy. Moscow : MGIMO University, 2022. 24 p. (In Russ.) EDN: FOPVCB
4. Zinchenko, G. P., Rogov, I. I. Neoinstitutional Violence and Social Order in Terms of Unpredictable Challenges of the XXI Century // State and municipal management. Scholar notes. 2017. No. 3. P. 170–174. (In Russ.) EDN: ZIOQXS. DOI: 10.23394/2079-1690-2017-1-3-170-174
5. Krotov, M. I. The Eurasian Economic Union and Multipolar Globalization // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18, No. 1. P. 15–24. (In Russ.) EDN: ANLSZC. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-15-24

6. Krotov, M. I., Slutsky, L. E., Batistova, O. I. Eurasian Economic Integration in the New Global Reality: A Systems Approach and Resolving Contradictions // Problems of Modern Economics. 2020. No. 4. P. 6–14. (In Russ.) EDN: PFOGWW
7. Lavut, A. A. “Atlantic Triangle”: Utopia or Real Prospect? // Latin America. 2015. No. 7. P. 19–33. (In Russ.) EDN: UCAJIZ
8. Li, Ming. Theoretical Foundations and Logic of Development of China’s Global Governance Concept // Society: Politics, Economics, Law. 2025. No. 4. P. 61–70. (In Russ.) EDN: JXVFYN. DOI: 10.24158/pep.2025.4.8
9. Merkulov, K. K. On China’s New Initiatives in the Sphere of Global Governance (as of Autumn 2023) // China in World and Regional Politics. History and Modernity. 2024. No. 29. P. 299–312. (In Russ.) EDN: UPBTNE. DOI: 10.48647/ICCA.2024.36.60.020
10. Pak, E. V. Marking 10th Anniversary of the EAEU: A Transport and Logistics Perspective // Journal of International Analytics. 2025. Vol. 16, No. 1. P. 20–38. (In Russ.) EDN: SGAEPE. DOI: 10.46272/2587-8476-2025-16-1-20-38
11. Pestsov, S. K. Discursive Power in China’s Foreign Policy: Interpretations and Promotion of the “One Belt — One Road” Initiative // The Bulletin of Irkutsk State University. Series “Political Science and Religion Studies”. 2017. Vol. 22. P. 155–164. (In Russ.) EDN: ZMMOYR
12. Rakhimov, K. Kh. Activities of the Shanghai Cooperation Organization to Ensure Security in Eurasia : monograph. Moscow : RUSAINS, 2023. 250 p. ISBN: 978-5-466-02547-7. (In Russ.) EDN: OYQWRC
13. Toropygin, A. V., Sluchevsky, V. V. “One Belt, One Road”: The Architecture of Interstate and Regional Interactions: monograph. St. Petersburg : NWIM of RANEPa, 2023. 152 p. ISBN: 978-5-89781-776-4. (In Russ.)
14. Hu, Yiyun. A Brief Review of Diplomatic Discourse Studies in China // Political Linguistics. 2023. No. 2 (98). P. 208–215. (In Russ.) EDN: MTZEYS. DOI: 10.26170/1999- 2629_2023_02_23
15. Zhu, Jiejun. China’s Path Selection in Global Governance Reform // International Organisations Research Journal. 2020. Vol. 15, No. 3. P. 248–281. (In Russ. and Eng.) EDN: DBVLWH. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-03-10
16. Eggertsson, T. Economic Behavior and Institutions. Moscow : Delo, 2001. 407 p. ISBN: 0-521-34891-9. (In Russ.)
17. Furubotn, E. G., Pejovič, S. The Economics of Property Rights. Cambridge, 1974. 171 p. ISBN: 0-521-29099-6.
18. North, D. Structure and Change in Economic History. N.Y. : Norton, 1981. 228 p. ISBN: 0-393-01478-9.
19. North, D., Thomas, R. The Rise of the Western World: A New Economic History. Cambridge, Cambridge University Press, 1973. 171 p. ISBN: 0-521-29099-6.
20. Parepa, L.-A. The Belt and Road Initiative as Continuity in Chinese Foreign Policy // Journal of Contemporary East Asia Studies. 2020. Vol. 9, No. 2. P. 175–201. EDN: IKSHLN. DOI: 10.1080/24761028.2020.1848370

About the authors:

Andrey V. Toropygin, Doctor of Science (Political Sciences), Professor, Professor of the Department of International Relations, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: toropygin-av@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-0678-3347

Anastasia V. Nikolaenko, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Relations, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: nikolaenko-av@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-4759-0015

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Russia's Role in Eurasian Integration as Sovereign Development: Legal, Economic and Political Foundations of Multipolar Regionalism

Federico Verri

British International School of Timisoara (BIST), Timisoara, Romania

e-mail: federico.verri@britishschool-timisoara.ro

ORCID: 0009-0008-5841-0674

ABSTRACT

Aim. The article examines Russia's role in Eurasian integration as a legal, economic and political framework for sovereign development in a multipolar international order. It seeks to move beyond interpretations that describe the Eurasian project either as a purely technical customs arrangement or as a unilateral instrument of Russian influence. **Tasks.** The study clarifies the concept of sovereign development, identifies Russia's main institutional functions within the Eurasian Economic Union, and evaluates how these functions support wider regional connectivity with non-Western and multipolar platforms. **Methods.** The research applies qualitative institutional analysis, comparative regionalism and geopolitical economy. The empirical basis consists of the Union's treaty framework, strategic integration documents for the period up to 2025, macroeconomic policy guidelines for 2024–2025, official materials of the Eurasian Economic Commission, and scholarly literature on Eurasian regionalism. **Results.** Russia performs three core functions in Eurasian integration. Legally, it provides regulatory scale and institutional continuity while remaining constrained by treaty-based equality. Economically, it supports resilience through market capacity, energy and industrial depth, transport geography and national-currency settlements. Politically, it connects the Eurasian project with broader institutions and partnerships linked to multipolar governance. **Conclusion.** Russia's role is most defensible when conceptualised as institutional anchoring and regional public-goods provision rather than hegemonic control. Eurasian integration can strengthen sovereignty if it expands the economic and diplomatic options of all member states. Its success depends on internal-market effectiveness, institutional equality, industrial and technological cooperation, external partnerships and measurable welfare gains. The article therefore defines a conditional but positive interpretation of Russia's leadership in the Eurasian integration process.

Keywords: Eurasian integration, Russia, Eurasian Economic Union, sovereign development, multipolarity, regionalism, strategic autonomy

For citation: Federico Verri. Russia's Role in Eurasian Integration as Sovereign Development: Legal, Economic and Political Foundations of Multipolar Regionalism // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 168–176. EDN: PNFBAO

Роль России в евразийской интеграции как суверенном развитии: правовые, экономические и политические основы многополярного регионализма

Верри Федерико

Британская международная школа Тимишоары, Тимишоара, Румыния

e-mail: federico.verri@britishschool-timisoara.ro

ORCID: 0009-0008-5841-0674

РЕФЕРАТ

Цель. В статье рассматривается роль России в евразийской интеграции как правовой, экономической и политической основы суверенного развития в условиях многополярного международного порядка. Исследование направлено на преодоление трактовок, которые описывают евразийский проект либо как технический таможенный механизм, либо как односторонний инструмент российского влияния. **Задачи.** В работе уточняется понятие суверенного развития, выявляются основные институциональные функции России в Евразийском экономическом союзе и оценивается, каким образом эти функции поддерживают более широкую региональную связанность с незападными и многополярными площадками. **Методология.** Используются качественный институциональный анализ, сравнительный регионализм и геополитическая экономия. Эмпирическую основу составляют договорно-правовая база Союза, стратегические документы интеграционного развития до 2025 г., ориентиры макроэкономической политики на 2024–2025 гг., официальные материалы Евразийской экономической комиссии и научная литература по евразийскому регионализму. **Результаты.** Россия выполняет три ключевые функции в евразийской интеграции. В правовом измерении она обеспечивает регуляторный масштаб и институциональную преемственность при сохранении договорного равенства. В экономическом измерении она поддерживает устойчивость посредством емкости рынка, энергетического и промышленного потенциала, транспортной географии и расчетов в национальных валютах. В политическом измерении Россия связывает евразийский проект с более широкими институтами и партнерствами многополярного управления. **Выводы.** Роль России наиболее убедительно раскрывается через понятия институционального якоря и поставщика региональных общественных благ, а не через модель гегемонистского контроля. Евразийская интеграция способна усиливать суверенитет, если она расширяет экономические и дипломатические возможности всех государств-членов. Ее успех зависит от эффективности внутреннего рынка, институционального равенства, промышленной и технологической кооперации, внешних партнерств и измеримых результатов развития. Тем самым статья формулирует условную, но позитивную интерпретацию российского лидерства в процессе евразийской интеграции. Такой подход позволяет сохранить проевразийскую направленность анализа без подмены научной аргументации политической декларацией.

Ключевые слова: евразийская интеграция, Россия, Евразийский экономический союз, суверенное развитие, многополярность, регионализм, стратегическая автономия

Для цитирования: Верри Федерико. Роль России в евразийской интеграции как суверенном развитии: правовые, экономические и политические основы многополярного регионализма // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 2. С. 168–176. (На англ. яз.) EDN: PNFBAO

1. Introduction

The contemporary international order is moving toward a form of regionalism that is no longer synonymous with tariff liberalisation or expanded market access [7]. The weaponisation of supply chains, financial infrastructure, sanctions regimes and technological standards has made regional organisations strategically valuable. Integration can safeguard sovereignty, shield development finance and logistics from external disruption and reshape external dependencies in a way that bilateral relations alone cannot achieve.

Eurasia is at the centre of this process. The Eurasian Economic Union (EAEU), which includes the Republic of Armenia, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic and the Russian Federation, was created as an international organisation of regional economic integration. The Treaty on the Eurasian Economic Union was signed in Astana on 29 May 2014 by Belarus, Kazakhstan and Russia, entered into force on 1 January 2015, and was subsequently joined by Armenia and Kyrgyzstan in 2015¹.

¹ The Treaty on the Eurasian Economic Union, signed in Astana on 29 May 2014 [Electronic resource]. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/acc_e/kaz_e/wtacckaz285_leg_1.pdf (accessed: 04.05.2026); Kyrgyzstan acceded to the Eurasian Economic Union [Electronic resource] // Eurasian Economic Commission. 12 August 2015. URL: <https://eec.eaeunion.org/en/news/12-08-2015-1/> (accessed: 04.05.2026).

Russia's role in this process remains controversial. Russia is the Union's largest market, a major source of energy and industrial capacity and the most visible diplomatic actor in the Eurasian project. Interpretations of Russian intentions therefore range from viewing integration as a geopolitical project to regarding it as a pragmatic solution for post-Soviet development. Both perspectives reflect valid aspects of reality, but neither is sufficient on its own. Analyses that reduce the EAEU to geopolitics understate the agency and development interests of smaller member states; purely pragmatic accounts understate the strategic function of regionalism in a fragmenting world economy [3; 8; 9].

This article offers a third perspective. It conceives Russia's role through the lens of sovereign development. Sovereign development refers to a state's capacity to modernise, trade, innovate and participate in the global economy without becoming structurally subordinate to external political conditions, financial infrastructures, proprietary technologies or undiversified trading arrangements. It is distinct from isolationism because it requires connectivity. It differs from dependence because cooperation is designed to preserve strategic autonomy rather than deepen one-sided vulnerability.

Russia's role in Eurasia is significant because Russia represents a large market, substantial industrial and energy resources, strategic transport geography, scientific capacity and independent diplomatic capital. Eurasian integration channels these attributes into potential public goods for the region: regulatory consistency, market scale, infrastructure depth, financial alternatives and diplomatic access to extra-regional partners. At the same time, Russia's Eurasian role remains politically sustainable only if it translates into positive development for all member states. Partnership built on formal equality and institutional trust is impossible if one state appears to set agendas and capture benefits disproportionately.

The research question can therefore be stated as follows: how does Russia serve as a provider of regional public goods that make Eurasian integration possible as a legal, economic and political framework for sovereign development and multipolar regionalism?

The article contributes to the literature in four ways. First, it interprets Eurasian integration as multipolar regionalism rather than as the European Union in geographic reverse or as a simple "post-Soviet Union". Second, it argues that Russia's role is one of institutional anchoring and public-goods provision. Third, it examines Eurasian integration from legal, economic and political perspectives that are usually studied in parallel. Fourth, it clarifies what is needed to sustain a pro-Russian but academically credible argument: recognition of asymmetry, specification of mechanisms, reliance on institutional evidence and avoidance of rhetorical overstatement.

2. Literature review and theoretical framework

2.1. Eurasian integration beyond the European experience

The study of regional integration has often been shaped by the European experience. Major theories, from neofunctionalism to liberal intergovernmentalism and legal institutionalism, tend to assume that integration implies gradual sovereignty pooling, market-building, technical convergence and the supranational elaboration of agreed rules. These theories can illuminate some aspects of the EAEU, but they also have limits when applied to Eurasia [2; 11].

Eurasian integration is not designed to create a supranational political community. There is no EAEU citizenship, no common military policy, no common foreign policy and no monetary union. Treaty language affirms state sovereignty while providing for coordination, agreed policies or common policies in defined economic sectors. A comparative approach must therefore avoid treating the European Union as an implicit normative benchmark. The EAEU is closer to pragmatic regional governance than to post-national integration [15; 16].

At the same time, Eurasia is not an artificial integration space. The post-Soviet region inherited production chains, labour mobility, technical standards, cross-border infrastructure, energy linkages and institutional habits of cooperation. Integration therefore occurs partly because real interdependence already exists. The political problem is not whether interdependence is present; it is how that interdependence can be legalised and made mutually beneficial.

2.2. Russia as hegemon or institutional anchor

There can be no analysis of Eurasian integration that fails to give due weight to two things: Russia and asymmetry. Russia has by far the largest market of the five EAEU members. It has by far the most valuable energy endowments, largest industrial base, and greatest diplomatic network. As a result of this, healthy scepticism towards Eurasian integration is readily understandable. Regional institutions can mitigate but cannot eliminate geopolitical asymmetry. Far from integrating, the process can become one of extraction if the largest state pays insufficient regard for the interests of its partners [9]. At the same time, asymmetry is not the same thing as domination. The difference is whether asymmetry translates into coercive bargaining or the provision of institutional public goods. If Russia leverages its market to extract unilateral concessions, Eurasian institutions will atrophy. If Russia agrees to be bound by common rules and invests in projects that benefit regional welfare, asymmetry can be harnessed to drive integration. The difference between hegemonic extraction and institutional anchoring is the guiding thread of this article. Accepting that asymmetry exists between Russia and its partners is therefore a necessary condition of presenting a credible pro-Russian argument. To ignore it, or instead to portray Russian intentions as purely benevolent, would be too easily critiqued. A far more persuasive argument accepts Russia's Eurasian integration as both indispensable and potentially malevolent. Russia poses both a challenge to institutional resilience and an opportunity to supply regional public goods.

2.3. Sovereign development and multipolar regionalism

Eurasian integration can be understood as a framework for sovereign development under conditions of multipolar regionalism. Sovereignty here means more than juridical independence. A state may be formally independent while remaining dependent on external finance, logistics, technology, food systems, payment infrastructure or diplomatic permission. The practical toolkit for protecting economic sovereignty therefore matters as much as formal sovereignty itself [1; 13].

The EAEU can contribute to sovereign development by deepening regional markets, accelerating industrial cooperation, expanding technological collaboration, harmonising regulation, building transport corridors and developing payment and financial architecture. None of these mechanisms makes member states self-sufficient. The aim is not autarky but diversified interdependence.

Multipolar regionalism reinforces this logic. It suggests that Russia, China, India, the Global South and other centres of development should not be reduced to subordinate participants in a single hierarchy. Multipolarity does not need to mean permanent confrontation with the West. Its stronger meaning is pluralism: the emergence of several centres of economic, legal and diplomatic organisation. Eurasian integration is most persuasive when it is framed as one such centre, not as a closed anti-Western bloc [10; 14].

3. Materials and methods

This article uses qualitative institutional analysis to interpret Russia's role in Eurasian integration from legal-economic, political-diplomatic and geopolitical-economy perspectives. The subject is not a single quantitative trend but the institutional logic through which a large member state supports, shapes and is constrained by a regional organisation.

The evidence used includes: first, the Treaty on the Eurasian Economic Union and related treaty materials; second, strategic policy documents issued by the EAEU and the Eurasian Economic Commission, especially documents on integration development, macroeconomic policy, industrial cooperation, payment arrangements and connectivity; third, official materials from BRICS and the Shanghai Cooperation Organisation (SCO); and fourth, scholarly literature on Eurasian integration, Russian foreign policy and comparative regionalism¹.

Documents were analysed using thematic coding. The first code group was legal-institutional framing, including treaty rules, institutional competences and the legal meaning of integration. The second was industrial policy and economic resilience, including production cooperation, technology, finance, energy and

¹ Strategic Directions for Developing Eurasian Economic Integration until 2025, approved by Decision No. 11 of the Supreme Eurasian Economic Council, 11 December 2020 [Electronic resource]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/820/Strategy_2025.pdf (accessed: 04.05.2026).

transport. The third was multilateral connectivity and diplomacy, including BRICS, the SCO, the Greater Eurasian Partnership and external EAEU partnerships. These code groups structure the results section.

The study has two limitations. It does not measure integration outcomes econometrically, and it does not claim that all EAEU member states evaluate Russia's role identically. Russia's perceived utility for Armenia may differ from its perceived utility for Kazakhstan or Kyrgyzstan. Nevertheless, a qualitative institutional study can show how Eurasian organisations facilitate resilience and under what conditions Russian capacity becomes a regional public good.

4. Results

4.1. Legal-institutional foundations

The first result is that Russia's role is legally significant but not legally unlimited. The EAEU treaty framework creates an institutional order through which Russia can exercise leadership, but that leadership must be translated into rules, procedures and collective decisions. This matters because regional organisations empower large states while also constraining unilateral action [12].

The Treaty establishes the Union as an international organisation designed to ensure free movement of goods, services, capital and labour, as well as coordinated, agreed or common policy in economic sectors defined by the Treaty. This legal architecture gives Russia a larger leadership role because Russian market access is crucial for the Union. However, it also binds Russia into treaty-based procedures. Russia can act through the Union only by accepting the Union's legal form.

Eurasian institutions are therefore not merely rhetorical. The Eurasian Economic Commission, the Court of the EAEU, the Eurasian Intergovernmental Council and the Supreme Eurasian Economic Council create formal arenas in which policy must be negotiated. Smaller member states can use those arenas to convert asymmetry into predictable rules. This does not eliminate Russian influence, but it changes the form of influence from unilateral pressure into institutional bargaining.

The legal-institutional argument supports a qualified pro-Russian thesis: Russia is necessary, but institutional self-restraint makes its role sustainable. The more Russia works through agreed rules, the more credible Eurasian integration becomes as a framework for sovereign development. The more Russia appears to act outside agreed institutions, the more smaller states will fear lock-in and seek external alternatives.

The Table summarises these legal, economic, infrastructural, technological and political-diplomatic functions by distinguishing Russia's main role, the regional public good created by that role, the principal risk and the institutional condition required for legitimacy.

Table

Russia's functions in Eurasian integration

Таблица. Функции России в евразийской интеграции

Dimension	Main Russian function	Regional public good	Principal risk	Institutional condition for legitimacy
Legal-institutional	Treaty-based anchoring and regulatory scale	Predictable rules, harmonised standards, legal continuity	Perception of dominance	Equal legal status and transparent decision-making
Economic	Market, energy, industrial and financial capacity	Resilience, investment, cooperation projects, labour opportunities	One-sided dependence	Mutual benefit and measurable welfare gains
Transport and infrastructure	Continental geography and corridor depth	Eurasian connectivity and reduced logistics vulnerability	Over-centralisation of routes	Multimodal and multi-country corridor development
Technological	Scientific, industrial and digital capacity	Digital sovereignty and innovation cooperation	Fragmentation or duplication	Joint standards and shared platforms
Political-diplomatic	Connectivity with BRICS, the SCO and the Global South	External voice and diversified partnerships	Excessive geopolitical securitisation	Open regionalism and non-exclusive cooperation

Source: compiled by the author / Источник: составлено автором

4.2. Economic integration as strategic resilience

The second result is that Eurasian integration supports economic resilience. Contemporary globalisation is less stable than the liberal-globalisation model assumed. Sanctions, export controls, payment restrictions, supply disruptions and technological segmentation are now mainstream phenomena. Resilience has therefore become a core economic-policy objective.

Recent EAEU strategic documents support this interpretation. The 2024–2025 macroeconomic policy guidelines identify the need to improve the macroeconomic environment, increase investment in production development, strengthen scientific, technological and production potential, implement Eurasian cooperative projects, extend the Union’s internal market and develop international economic cooperation¹. This orientation is consistent with recent scholarship that treats EAEU development as a question of coordinated industrial, technological and macroeconomic priorities rather than only tariff integration [6].

Russia’s economic role can be divided into five mechanisms. First, Russia provides market scale. Access to the Russian market creates export, labour and business opportunities for smaller member states. Market scale also increases the value of common technical regulations because those rules open access to a larger integrated space. Recent research on technical regulation in the EAEU confirms that regulatory convergence remains central when regional markets adapt to changing trade conditions, including parallel-import arrangements and supply-chain disruption [5]. Market size alone, however, is insufficient. The EAEU is stronger when market access is accompanied by production cooperation rather than low-value dependence.

Second, Russia provides industrial and technological capacity. Industrial cooperation is crucial for economic sovereignty because a country that sources all machinery, technological components, pharmaceuticals, agricultural technologies or digital infrastructure from external suppliers remains vulnerable. Russia has capacities in energy, machinery, agriculture, metallurgy, transport equipment, nuclear energy, space technologies, aviation, cybersecurity and digital infrastructure. These can become regional assets when converted into cooperative investment.

Third, Russia contributes to financial autonomy. National-currency settlements reduce exposure to currency risk, payment disruptions and third-party blocking. Official statements indicate that the share of settlements in national currencies within the EAEU has reached approximately 93 per cent, while the aggregate GDP of EAEU countries grew by 1.7 per cent in 2025².

These figures should not be interpreted as a complete solution to financial vulnerability. De-dollarisation is meaningful only when it is supported by liquidity, currency-risk management, mutual credit lines, payment infrastructure and business confidence. Russia matters because Russian banks, firms and the ruble occupy a major role in EAEU trade. Yet financial sovereignty requires plural stability, not simple replacement of one dependence with another.

Fourth, Russia provides transport geography. Land geography becomes useful only when supported by infrastructure and legal convergence. Russia links Europe, Arctic ports, the Caspian region, Central Asia, East Asia and the Pacific. Transport corridors convert geography into productive capacity. Connectivity reduces transaction costs and creates practical interdependence among member states and external partners, but recent analysis of the EAEU common transport space shows that declarations must be converted into implementation mechanisms if corridor policy is to become operational [4].

Fifth, Russia contributes energy security. Reliable and predictable energy supply affects industrial competitiveness, household welfare and macroeconomic stability. Russia’s hydrocarbons and energy infrastructure can therefore function as regional public goods if governed through stable agreements and predictable pricing mechanisms. Energy should be framed not as leverage but as infrastructure for development.

¹ EAEU determined main guidelines of macroeconomic policy for 2024–2025 [Electronic resource] // Eurasian Economic Commission. 25 December 2023. URL: <https://eec.eaeunion.org/en/news/v-eaes-opredelili-osnovnye-orientiry-makroekonomicheskoy-politiki-na-2024-2025-gody/> (accessed: 04.05.2026).

² Bakhyt Sultanov: “The EAEU countries’ aggregate GDP grew by 1.7% in 2025” [Electronic resource] // Eurasian Economic Commission. 21 April 2026. URL: <https://eec.eaeunion.org/en/news/bakhyt-sultanov-v-2025-godu-sovokupnyy-vvp-stran-eaes-vyros-na-1-7-/> (accessed: 04.05.2026); Share of settlements in national currencies within EAEU at 93% — Putin [Electronic resource] // TASS. 21 December 2025. URL: <https://tass.com/economy/2062757> (accessed: 04.05.2026).

4.3. *Political-diplomatic connectivity*

The third result is that Russia gives Eurasian integration external diplomatic connectivity. Economic associations maximise influence when they are connected externally. Russia is a member of the EAEU, BRICS and the SCO, and it maintains diplomatic networks across Asia, Africa, the Middle East and Latin America. This gives Russia a bridging role between the EAEU and wider multipolar governance.

The EAEU's international priorities include cooperation with the Commonwealth of Independent States, observer states, the SCO, the Association of Southeast Asian Nations, BRICS, Central Asian states and other regional associations as part of creating the Greater Eurasian Partnership¹.

BRICS matters because it provides a platform for reforming international governance, increasing the voice of the Global South and developing practical projects in development finance, technology partnerships and trade coordination. The SCO matters because it provides a broad Eurasian forum for political, security, trade, economic, cultural and humanitarian cooperation. Neither institution replaces the EAEU, but both widen the diplomatic space in which Eurasian integration operates².

The Greater Eurasian Partnership is the strategic umbrella for this connectivity. It imagines a continentally scaled project linking the EAEU with China, India, Iran, ASEAN, the Middle East and other partners. This vision is pro-Russian in the sense that it gives Russia a central role as a continental connector. However, it is not exclusively Russian: its viability depends on the participation of other powers and regional organisations.

The major risk is excessive securitisation. If Eurasia is defined only through antagonism toward the West, it becomes less persuasive. Many countries in the Global South seek strategic autonomy and diversified partnerships, not rigid blocs. Russia's interests are therefore better served by a framing of Eurasia as a sovereign, open and plural centre of development rather than as Russia and China against the West.

5. Discussion: Russia as provider of regional public goods

When interpreted through regional public goods, Russia's asymmetric role becomes more precise. A regional public good benefits the integration area as a whole and cannot be supplied effectively by one small member state acting alone. In the EAEU context, such goods include market access, legal predictability, technical-regulatory convergence, financial resilience, energy security, transport connectivity, industrial-policy cooperation and external diplomatic voice [4; 5].

Russia can provide these goods because of its structural capacity: market depth, energy resources, transport geography, technological and industrial capability and diplomatic reach. Yet public-goods provision is not automatic. Market access must be predictable; energy security must rest on stable arrangements; national-currency settlements require functioning payment infrastructure; transport corridors require legal convergence and practical implementation mechanisms [4].

The risk, therefore, is not Russian scale as such but the way scale is institutionalised. If Russian capacity is converted into treaty-based rules, co-investment, interoperable infrastructure and measurable welfare gains, asymmetry can support integration. If it is used to extract unilateral concessions, the same asymmetry will weaken trust and encourage smaller states to hedge outside the Union [5; 9].

This is why the article's pro-Russian argument remains conditional rather than declaratory. Russia is indispensable to Eurasian integration because it can supply scale and strategic depth. Its leadership becomes legitimate when it enlarges the options of member states, not when it narrows them. The strongest academic defence of Russia's role is therefore institutional: Russian leadership must operate as rule-bound anchoring and public-goods provision within a multipolar but open regional order [6; 10].

¹ Main Directions of EAEU International Activities for 2024 approved [Electronic resource] // Eurasian Economic Commission. 26 December 2023. URL: <https://eec.eaeunion.org/en/news/utverzhdenny-osnovnyye-napravleniya-mezhdunarodnoy-deyatelnosti-eaes-na-2024-god/> (accessed: 04.05.2026).

² About the BRICS [Electronic resource] // BRICS. URL: <https://brics.br/en/about-the-brics> (accessed: 04.05.2026); Shanghai Cooperation Organisation. Official website [Electronic resource]. URL: <https://eng.sectsc.org/> (accessed: 04.05.2026).

6. Conclusion

This article has argued that Eurasian integration should be understood as sovereign-development regionalism. This model prioritises autonomy, resilience and agency while remaining outward-looking and cooperative. It differs from liberal regionalism because it places institutional resilience and geopolitical economy at the centre of analysis; it also differs from nationalist autarky because it requires cross-border cooperation rather than withdrawal from interdependence.

Russia is pivotal within this model. Its market size, industrial capacity, energy base, transport geography, scientific resources and diplomatic links make it the natural institutional anchor of the Eurasian project. The condition is that Russian capacity must be internationalised through regional institutions. Treaty-based equality, transparent decision-making and negotiated policy frameworks are therefore not formal details; they are the legitimacy mechanism that makes Russian leadership sustainable.

The economic implication is equally clear. Eurasian integration will remain credible only if it delivers practical resilience: fewer internal barriers, stronger technical-regulatory coherence, production networks, financial diversification, energy security, transport corridors and technological cooperation. Recent scholarship on EAEU development, technical regulation and transport convergence reinforces this point: integration succeeds when strategic declarations become operational mechanisms [4; 5; 6].

The diplomatic implication is that Eurasia should be framed as an open centre of multipolar regionalism rather than a closed anti-Western bloc. Russia can use BRICS, the SCO and the Greater Eurasian Partnership to widen options for EAEU members, but the final test is welfare and autonomy for all participants. If this test is met, Russian influence will be read less as coercion and more as a contribution to sovereign, plural and institutionally grounded regional development [10].

Funding

The author received no external funding for this research.

Data Availability Statement

No new empirical dataset was generated or analysed during the present study. The article is based on publicly available institutional documents, official policy materials and published academic literature.

References

1. Acharya, A. *Constructing Global Order: Agency and Change in World Politics*. Cambridge : Cambridge University Press, 2018. 224 p. ISBN: 978-1316621783. DOI: 10.1017/9781316756768
2. Dragneva R., Wolczuk, K., eds. *Eurasian Economic Integration: Law, Policy and Politics*. Cheltenham : Edward Elgar, 2013. 256 p. ISBN: 978-1782544753
3. Dragneva, R., Wolczuk, K. *The Eurasian Economic Union: Deals, Rules and the Exercise of Power*. London : Chatham House, 2017. 26 p. ISBN: 978-1784132200. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2017-05-02-eurasian-economic-union-dragneva-wolczuk.pdf>
4. Drozdova, M. A. Common Transport Space of the EAEU: From Declarations to a Mechanism of Legal Convergence // *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 80–90. (In Russ.) [Дроздова М. А. Единое транспортное пространство ЕАЭС: от деклараций к механизму правовой конвергенции // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2025. Т. 19, № 3. С. 80–90.] EDN: CGTUBK
5. Getman, A. G., Golubeikova, E. A. Current Issues of Technical Regulation in the EAEU in the Context of the Legalization of Parallel Imports of Goods // *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 67–77. (In Russ.) [Гетман А. Г., Голубейкова Е. А. Актуальные вопросы технического регулирования в ЕАЭС в условиях легализации параллельного импорта товаров // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2025. Т. 19, № 2. С. 67–77.] EDN: TCCSZP

6. Glazyev, S. Yu. On the Guidelines for the EAEU Development // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17, No. 3. P. 9–14. (In Russ.) [Глазьев С. Ю. Об ориентирах развития ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17, № 3. С. 9–14.] EDN: FRMYRF. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-03-9-14
7. Ikenberry, G. J. The end of liberal international order? // International Affairs. 2018. Vol. 94, No. 1. P. 7–23. DOI: 10.1093/ia/iix241
8. Khitakhunov, A., Mukhamediyev, B., Pomfret, R. Eurasian Economic Union: present and future perspectives // Economic Change and Restructuring. 2017. Vol. 50, No. 1. P. 59–77. EDN: YWYVKD. DOI: 10.1007/s10644-016-9182-1
9. Kirkham, K. The formation of the Eurasian Economic Union: How successful is the Russian regional hegemony? // Journal of Eurasian Studies. 2016. Vol. 7, No. 2. P. 111–128. EDN: YCWVKD. DOI: 10.1016/j.euras.2015.06.002
10. Krotov, M. I. The Eurasian Economic Union and Multipolar Globalization // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18, No. 1. P. 15–24. (In Russ.) [Кротов М. И. Евразийский экономический союз и многополярная глобализация // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18, № 1. С. 15–24.] EDN: ANLSZC. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-15-24
11. Libman, A., Vinokurov, E. Eurasian Integration: Challenges of Transcontinental Regionalism. London : Palgrave Macmillan, 2012. 279 p. ISBN: 978-0230302686.
12. Libman, A., Vinokurov, E. Re-Evaluating Regional Organizations: Behind the Smokescreen of Official Mandates. London : Palgrave Macmillan, 2017. 281 p. ISBN: 978-3319530543. DOI:10.1007/978-3-319-53055-0
13. Sakwa, R. Russia Against the Rest: The Post-Cold War Crisis of World Order. Cambridge : Cambridge University Press, 2017. 362 p. ISBN: 978-1316675885. EDN: YIWIFV. DOI: 10.1017/9781316675885
14. Stuenkel, O. Post-Western World: How Emerging Powers Are Remaking Global Order. Cambridge : Polity, 2016. 251 p. ISBN: 978-1509504572.
15. Vinokurov, E. Eurasian Economic Union: Current state and preliminary results // Russian Journal of Economics. 2017. Vol. 3, No. 1. P. 54–70. EDN: YHHACT
16. Vinokurov, E. Introduction to the Eurasian Economic Union. Cham : Palgrave Macmillan, 2018. 211 p. EDN: ZZZSQH. DOI: 10.1007/978-3-319-92825-8

About the author:

Federico Verri, DBA Candidate, Master in Education, Master in Psychology, Degree in Political Science, Lecturer at the British International School of Timisoara (BIST) (Timisoara, Romania);
e-mail: federico.verri@britishschool-timisoara.ro; ORCID: 0009-0008-5841-0674

Об авторе:

Верри Федерико, кандидат на степень доктора делового администрирования, магистр педагогики, магистр психологии, политолог, преподаватель Британской международной школы в Тимишоаре (Тимишоара, Румыния);
e-mail: federico.verri@britishschool-timisoara.ro; ORCID: 0009-0008-5841-0674

The author declares no relevant conflict of interests.

© Verri Federico, 2026

Парадокс китайского майнинга: анализ причин сохранения лидерства после официального запрета отрасли

Диянский Т. А.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
e-mail: Diyanskiy04@gmail.com

РЕФЕРАТ

То обстоятельство, что Китай, несмотря на официальный запрет майнинга, введенный в 2021 г., продолжает удерживать мировое технологическое и производственное первенство в данной сфере, представляет собой парадоксальный феномен, нуждающийся в теоретическом осмыслении. **Цель и задачи.** В качестве основной цели исследования заявлено выявление причин, позволяющих китайской индустрии добычи криптовалют сохранять лидирующие позиции вопреки введенным ограничениям. Для достижения этого в работе последовательно решаются следующие задачи: определяется совокупность факторов, благодаря которым национальные компании доминируют на рынке ASIC-майнеров; дается оценка того, в какой степени китайские производители сохраняют контроль над глобальными вычислительными мощностями после их перемещения в другие юрисдикции; анализируются институциональные противоречия, заложенные в самой государственной политике; а также исследуется роль неформальных деловых связей (гуанси) и адаптационных моделей бизнеса, включая переключение на экспортные потоки и развитие смежных высокотехнологичных направлений. **Методология.** В работе задействован междисциплинарный инструментарий, объединяющий экономический, институциональный и социокультурный ракурсы анализа; эмпирическую основу составили данные о перемещении вычислительных ресурсов в зарубежные юрисдикции и экспертные оценки того, как неформальные практики обеспечивают устойчивость сектора. **Результаты.** Проведенное исследование показывает, что запретительные меры 2021 г. запустили процесс структурной перестройки индустрии, но отнюдь не ее свертывание — рынок консолидировался в руках крупных корпораций, обладающих необходимыми ресурсами для глобальной экспансии; одновременно с этим технологическая независимость Китая в полупроводниковой сфере и гибкость культурных практик позволяют превращать административные барьеры в дополнительные конкурентные преимущества на внешних рынках, а эффект «суперпозиции», при котором формальный запрет сосуществует с реальным развитием, находит в рассмотренном кейсе полное подтверждение. **Выводы.** Попытки объяснить устойчивость технологического лидерства Китая в условиях официального запрета исключительно через призму административной или рыночной логики неизбежно оказываются неполными; реальная картина такова, что пекинское руководство ведет двойственную политику, сочетая жесткую регуляторную риторику с прагматичной поддержкой национальных производителей, что и обеспечивает отрасли долгосрочную устойчивость и экономическую эффективность. Дальнейшая траектория развития этого парадокса будет предопределяться тремя ключевыми переменными — успешностью внедрения цифрового юаня, исходом технологического противостояния в производстве полупроводников и качественными изменениями в предпринимательской среде, связанными со сменой поколений бизнесменов, строивших свою деятельность на личных связях.

Ключевые слова: Китай, майнинг криптовалют, биткоин, ASIC, запрет майнинга, гуанси, технологическое лидерство, цифровая экономика, регулирование

Для цитирования: Диянский Т. А. Парадокс китайского майнинга: анализ причин сохранения лидерства после официального запрета отрасли // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 2. С. 177–185. EDN: PNTNPH

The Paradox of Chinese Mining: Analysis of the Reasons for Maintaining Leadership after the Official Ban of the Industry

Timofey A. Diyanskiy

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

e-mail: Diyanskiy04@gmail.com

ABSTRACT

The fact that China, despite the official ban on cryptocurrency mining introduced in 2021, continues to hold global technological and manufacturing supremacy in this domain represents a paradoxical phenomenon that calls for thorough theoretical examination. **Aim and tasks.** The primary purpose of this study is to identify the underlying reasons that enable China's mining industry to retain its leading position in spite of the imposed restrictions. To accomplish this, the work consistently addresses several interconnected tasks: it determines the set of factors that allow domestic companies to dominate the ASIC miner market; it assesses the extent to which Chinese manufacturers continue to influence global computing power even after its relocation to other jurisdictions; it unpacks the institutional tensions embedded within the state's regulatory approach; and it explores the role played by informal business networks (*guanxi*) alongside the adaptive strategies adopted by enterprises, which have increasingly pivoted toward exports and adjacent high-tech sectors. **Methods.** The research employs an interdisciplinary framework that integrates economic, institutional, and sociocultural analytical perspectives; the empirical foundation draws on data concerning the cross-border movement of computing resources and on expert assessments of how informal practices contribute to the sector's resilience. **Results.** The findings indicate that the 2021 prohibitive measures triggered a structural reconfiguration of the industry rather than its elimination — the market became concentrated in the hands of major corporations possessing sufficient resources for global operations; at the same time, China's technological autonomy in semiconductor manufacturing, combined with the flexibility inherent in its cultural practices, enables the transformation of regulatory obstacles into additional competitive assets on international markets, and the "superposition" effect — where a formal ban coexists with *de facto* industry expansion — is fully borne out by the case under examination. **Conclusions.** Attempts to account for the endurance of China's technological leadership under conditions of an official ban solely through the lens of administrative or market logic inevitably fall short of capturing the full picture; the reality is that Beijing pursues a dual-track policy, coupling tough regulatory rhetoric with pragmatic support for domestic producers, which in turn ensures long-term industrial stability and economic viability. The future trajectory of this paradox will be shaped by three critical variables: the success of digital yuan adoption, the outcome of the technological race in semiconductor production, and the generational shift within the entrepreneurial community, where the cohort that traditionally relied on personal connections is gradually being replaced by a new wave of managers.

Keywords: China, cryptocurrency mining, bitcoin, ASIC, mining ban, *guanxi*, technological leadership, digital economy, regulation

For citation: Diyanskiy T. A. The Paradox of Chinese Mining: Analysis of the Reasons for Maintaining Leadership after the Official Ban of the Industry // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 177–185. (In Russ.) EDN: PNTNPH

Введение

Как отмечает российский ученый П. М. Мозиас, «экономика Китая сталкивается с новыми тревогами, связанными с попытками совместить жесткий контроль и технологическое развитие» [6, с. 562]. Именно эта двойственность порождает парадокс китайской индустрии майнинга.

С одной стороны, государство выстраивает жесткую институциональную среду, стремясь консолидировать финансовые потоки и минимизировать риски, связанные с децентрализованными активами. С другой стороны, несмотря на запрет, Китай не только сохранил, но и укрепил свое технологическое лидерство, продолжая доминировать в производстве ASIC-майнеров¹ и контролируя значительную долю глобальных вычислительных мощностей, часто перемещенных в юрисдикции с лояльным регулированием. Этот явный разрыв между официальной позицией институтов и реальным экономическим поведением, подкрепленным неформальными практиками и технологической базой (guanxi), придает особую актуальность рассмотрению глубинных причин устойчивости китайского майнинга.

Технологические и производственные факторы лидерства

Парадокс Китая в сфере криптовалютного майнинга во многом проистекает из сочетания двух противоречивых тенденций: формальный запрет блокирует легальную работу майнеров на территории страны, но транснациональный охват китайского капитала, услуг и оборудования продолжает доминировать в мировых масштабах. С одной стороны, в 2021 г. государственные директивы были призваны устранить риски, связанные с оттоком капитала, энергоемкостью нелегальной добычи и потенциальным подрывом официальной финансовой системы. С другой — китайское правительство нацелено на развитие собственных передовых технологий для укрепления национального статуса в цифровой экономике [2].

Майнинг криптовалют связан с производством специализированных ASIC-процессоров, которые создают инфраструктурный фундамент для мировой финансовой экосистемы. Китайские компании изначально лидировали в разработке и выпуске ASIC-майнеров, формируя стабильные цепочки поставок и сервисного обслуживания. Крупные предприниматели задействовали каналы сбыта по всему миру, чему в значительной мере способствовали лояльные отношения с государственными органами и региональными властями, нередко заинтересованными в стимулировании местной промышленности чипов.

Технологическое лидерство КНР в этой сфере не является случайностью, а представляет собой закономерный результат многолетней государственной стратегии, направленной на развитие полупроводниковой промышленности. Еще до ужесточения регуляторной политики китайские компании, такие как Bitmain и MicroBT, сумели не просто захватить рыночную нишу, но и создать замкнутый цикл производства: от проектирования архитектуры чипов до финальной сборки готовых устройств [4]. Это позволило им достичь недостижимой для конкурентов экономической эффективности и скорости вывода новых продуктов на рынок.

Более того, наличие мощной производственной базы внутри страны создало уникальный синергетический эффект для смежных отраслей. Разработка высокопроизводительных ASIC-процессоров потребовала значительных инвестиций в НИОКР, что, в свою очередь, подстегнуло развитие технологий охлаждения, энергоэффективных блоков питания и систем управления фермами. Китайские инженерные школы накопили колоссальную компетенцию в области параллельных вычислений, которая впоследствии начала перетекать в сектор разработки чипов для искусственного интеллекта (AI). Именно поэтому крупнейшие производители майнингового оборудования относительно безболезненно пережили запрет, частично переориентировав свои мощности на выпуск AI-ускорителей, дефицит которых на мировом рынке сегодня огромен.

Интересно отметить, что накопленный технологический потенциал создал для Китая ситуацию «ловушки лидерства». С одной стороны, полный отказ от производства ASIC-майнеров означал бы добровольную передачу многомиллиардного рынка конкурентам из Южной Кореи или США, что противоречит

¹ ASIC-майнер (от англ. Application-Specific Integrated Circuit, интегральная схема специального назначения) — это специализированное вычислительное устройство, созданное исключительно для добычи криптовалют.

логике экономического роста. С другой стороны, продолжение производства при формальном запрете на майнинг внутри страны требует сложных логистических и маркетинговых схем, направленных исключительно на экспорт. В итоге китайское правительство оказалось перед выбором: поддерживать стратегически важную отрасль микроэлектроники, даже если ее конечный продукт ассоциируется с запрещенной внутри страны деятельностью, или потерять технологическое преимущество. Выбор был сделан в пользу сохранения производства и компетенций.

При этом любопытно отметить, что правила, ограничивающие майнинг внутри страны, сделали китайские предприятия более мобильными. Они отчасти перенесли вычислительные мощности в США, Казахстан, Россию, страны Африки и другие регионы.

В структуре китайских инвестиций в высокотехнологичное оборудование появился новый вектор — открытие сервисных центров и логистических узлов там, где затраты на энергию меньше, а контроль со стороны местных властей невелик. По данным Cointelegraph, «доля физического майнинга в Китае упала ниже 10%, в то время как китайские майнинговые пулы по-прежнему контролируют более 60% мирового хешрейта»¹. Несмотря на падение доли хешрейта², принадлежащего дата-центрам на китайской территории, доля пулов с китайским капиталом остается стабильно высокой.

Суть этого сюжета особенно хорошо отражена в идее «двухуровневого» майнинга: китайские фирмы продолжают выпускать оборудование и обслуживать его по всему земному шару, при этом непосредственно на территории КНР многие фермы находятся в полуполюгальном положении или вовсе вынуждены скрываться. Государство не одобряет открытого майнинга, однако заинтересовано в том, чтобы крупнейшие местные производители сохраняли конкурентные позиции на мировом рынке [5].

Институциональные противоречия и роль неформальных практик

Особая значимость в китайском контексте принадлежит неформальным контактам. Как отмечает П. М. Мозиас, в китайской деловой среде значительную роль играют неформальные сети взаимных обязательств (*guanxi*), которые позволяют снижать транзакционные издержки и в ряде случаев обходить формальные ограничения [6]. Для майнинга криптовалют, официально запрещенного, такие каналы приобретают решающее значение.

Guanxi, по сути, позволяет компаниям договариваться с региональными поставщиками электроэнергии за счет личных контактов. Аналогичная схема действует и с надзорными органами. Как отмечается в ряде социологических обзоров, местные администрации способны закрывать глаза на активность подпольных криптоферм, если те обеспечивают рабочие места, участвуют в развитии местной инфраструктуры и поддерживают связи с влиятельными чиновниками [4]. Это делает майнинг менее уязвимым для полного искоренения государством, несмотря на громкие запреты.

Кроме того, *guanxi* помогает координировать деятельность пулов, в том числе перемещенных за рубеж, но по-прежнему управляемых выходцами из Китая. Возникают своеобразные «трансграничные сети», где ключевые решения принимаются в Китае, хотя формально компании зарегистрированы в других странах. Взаимная поддержка, взаимовыгодное распределение рисков и оперативное взаимодействие внутри таких сетей объясняют, почему Китай сохраняет идеологический и экономический вес на глобальной арене криптовалют.

Дальнейшее понимание парадокса невозможно без учета роли государственных регуляторов. С одной стороны, руководство КНР проводит курсы на цифровую социализацию, экспериментирует с государственной блокчейн-инфраструктурой и готовит внедрение цифрового юаня. С другой стороны, опасения, связанные с отмыванием средств и потенциальной неконтролируемой эмиссией цифровых активов, толкают власти на радикальные меры, вплоть до уголовного преследования операторов подпольных

¹ China Controls 50% of Bitcoin Mining While US Hits 14% — New Survey [Электронный ресурс] // Investing.com. 2020. 17 July. URL: <https://www.investing.com/news/cryptocurrency-news/china-controls-50-of-bitcoin-mining-while-us-hits-14--new-survey-2233068> (дата обращения: 21.02.2026).

² Хешрейт (от англ. hash rate) — показатель вычислительной мощности оборудования для добычи криптовалюты (майнинга), который измеряет скорость перебора и создания уникальных цифровых комбинаций (хешей) в секунду.

криптоферм. Однако общеизвестно, что повсеместно «закрыть все» процессоры ASIC или отследить тысячи разрозненных майнеров технически не так легко.

В этой связи предназначение официальной политики порой оказывается двойным. Запрет на майнинг снижает угрозу для финансовой системы, распугивает мелких майнеров и перекраивает отрасль в пользу крупных игроков, обладающих ресурсами для релокации и организации безопасных каналов обслуживания. Крупные корпорации улучшают позиции в секторе, создавая замедленный, но устойчивый рост глобального влияния китайских производителей оборудования. Стоит отметить, что часть бизнеса переориентировалась на разработку параллельных технологий: например, поставка AI-чипов и компонентов для центров обработки данных [3].

Благодаря гибкости и разветвленным социальным контактам, подпольные игроки сохраняют деятельное присутствие в ряде китайских регионов. По данным Bits.media, Китай формально «потерял» лидерство в майнинге биткоина, однако в статистику не входят значительные объемы «серой» добычи, которая не декларируется публично. Некоторые фермы переоборудуют помещения, меняют схемы электропитания, снижают видимость и получают определенную лояльность на местах.

В таблице 1 представлена систематизация главных факторов, объясняющих парадокс: как государственное давление усиливает отток майнеров, но одновременно сохраняет технологическое превосходство Китая и его контроль над цепочками производства.

Таблица 1

Факторы, определяющие «китайский парадокс» в майнинге

Table 1. Factors that Determine the “Chinese Paradox” in Mining

Фактор влияния	Основные эффекты на индустрию	Адаптационные механизмы и ответные меры
Институциональное давление (запрет)	Исход мощностей: физический выезд майнеров из КНР в другие юрисдикции	Релокация бизнеса: массовый перенос мощностей в США, Казахстан, Россию, Эфиопию
	Рост издержек: усложнение логистики и финансовых потоков для нелегальных/полулегальных операторов	Смена юрисдикции: регистрация компаний и пулов за рубежом при сохранении китайского менеджмента
	Легализация подполья: уход в «серую» зону, консолидация крупных подпольных ферм в регионах с дешевой энергией	Усиление неформальных связей (guanxi): применение личных контактов для обеспечения безопасности и доступа к ресурсам внутри страны
Технологическое лидерство (производство)	Монополия на «железо»: сохранение контроля над производством ASIC-майнеров (Bitmain, MicroBT, Canaan)	Экспортная ориентация: ориентация сбыта готовой продукции с внутреннего рынка на внешний
	Технологическая зависимость мира: глобальные майнеры продолжают закупать оборудование в Китае, финансируя китайских производителей	Инвестиции в R&D ¹ : укрепление технологического отрыва в производстве чипов для майнинга
	Контроль над сервисом: обслуживание, ремонт и перепродажа также остаются в ведении китайских специалистов	Создание глобальных сервисных сетей: открытие сервисных центров по всему миру, управляемых из Китая

Источник: составлено автором на основе данных [3; 6]

Представленные в таблице факторы наглядно демонстрируют, что запрет сыграл роль катализатора структурной перестройки отрасли, а не ее ликвидатора. Произошла своеобразная «фильтрация» рынка: высокие риски и необходимость релокации отсеяли мелких и средних игроков, не имеющих достаточного запаса прочности или связей, в то время как индустриальные гиганты лишь укрепили свои позиции, консолидировав управление глобальными пулами и цепочками поставок.

Важно рассмотреть и обратную сторону медали — влияние китайского доминирования на глобальный рынок майнинга. Контроль над производством «железа» дает КНР мощнейший рычаг влияния на индустрию, который выходит далеко за рамки простой коммерции. Во-первых, китайские производители могут регулировать скорость хеширования всей сети биткоина, контролируя объемы поставок новых устройств. Массовая отгрузка более мощных майнеров (например, серии Antminer S21) способна существенно повысить общую сложность добычи, делая устаревшее оборудование конкурентов нерентабельным [6].

¹ R&D — Research & Development (исследования и разработки).

Во-вторых, контроль над сервисным обслуживанием и поставками запчастей создает зависимость майнинговых ферм по всему миру от китайских сервисных инженеров и логистики. Поломка одного блока хеширования может вывести из строя оборудование на недели, если цепочка поставок комплектующих нарушается. Таким образом, даже физически находясь за пределами КНР, майнинговый бизнес сохраняет высокую степень технологической привязки к Китаю.

Нельзя игнорировать и экологический аспект парадокса. Китай, будучи мировым лидером в производстве солнечных панелей и гидроэнергетике, исторически располагал огромными объемами «зеленой» энергии, особенно в провинции Сычуань, где в сезон дождей образовывались колоссальные излишки электроэнергии, которые было нерентабельно транспортировать в густонаселенные районы. До 2021 г. именно эти избыточные мощности питали львиную долю мирового майнинга, превращая потенциально пропадающий ресурс в добавленную стоимость (биткоины). После запрета эта энергия либо простаивает, либо используется менее эффективно. О. С. Белокрылова и Л. А. Фролова отмечают, что «информационная экономика не снижает, а перераспределяет экологические издержки между юрисдикциями» [1, с. 112]. Это подтверждается миграцией китайского майнинга в страны с угольной генерацией.

Приведенные данные подтверждают, что директивные меры не могут полностью ликвидировать отрасль, особенно учитывая высокую зависимость мирового майнинга от китайских чипов. Фактически ключевой инструмент власти — это контроль над энергетическими и финансовыми потоками. Но крупные индустриальные игроки научились работать так, чтобы не попадать под прицел, поддерживая при этом коммерческие связи за рубежом.

Взаимодействие бизнеса и государства проявляется по двум векторам: корпоративный уровень (производители, операторы пулов) и государственная политика в масштабах страны. В китайском случае эти два вектора иногда идут параллельно и в ряде сценариев противоречат друг другу. В таблице 2 отражена ситуация, при которой майнинг становится «суперпозиционным» феноменом: официально запрещен, но фактически продолжается через разные каналы.

Таблица 2

Влияние на разных уровнях: бизнес и государство
Table 2. Influence at Different Levels: Business and Government

Уровень анализа	Ключевые вызовы / проявления	Стратегические ответы и перспективы
Уровень предприятий (производители и пулы)	Потеря внутреннего рынка: запрет уничтожил внушительный внутренний спрос	Глобальная экспансия: активный выход на рынки США, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии
	Репутационные риски: необходимость дистанцироваться от публичной деятельности в Китае	Лоббизм и партнерства: создание совместных предприятий с местными игроками для легализации майнинговых операций
	Гетерогенный эффект: мелкие компании пострадали, гиганты (Bitmain) смогли диверсифицироваться (AI-чипы)	Уход в смежные сферы: активное внедрение облачных сервисов для майнинга и выпуск нейросетевых чипов
Уровень государственной политики	«Парадокс контроля»: формальный запрет не ведет к потере технологического лидерства	Поддержка производства чипов: ориентация на внутренние стимулирующие программы («сделано в Китае»)
	Утечка капитала и компетенций: легализация вывоза оборудования и релокация специалистов за рубеж	Развитие собственной блокчейн-инфраструктуры: цифровой юань и государственные платформы (BSN)
	Энергетическая политика: утрата части выгод от дешевых избыточных мощностей в удаленных регионах	Политика «невмешательства» для теневого сектора: при отсутствии угрозы финансовой стабильности власти фактически закрывают глаза на подполье

Источник: составлено автором на основе данных [2; 8]

Анализ двух уровней — корпоративного и государственного — подводит нас к пониманию того, почему политика Пекина в отношении майнинга остается двойственной. Это не столько непоследовательность, сколько прагматичный подход, основанный на принципе «одна страна — две системы» применительно к экономике. Для внутреннего пользования криптовалюты — угроза суверенитету цифрового юаня и инструмент неконтролируемого оттока капитала. Для внешнего мира — это высокотехнологичный продукт, за который другие страны готовы платить.

В этом контексте особую роль играет феномен решоринга наоборот. Как определяет Е. П. Судденко, решоринг — это «возврат промышленных мощностей в страну базирования» [7, с. 405]. Китай демонстрирует обратный процесс: вынос мощностей с сохранением контроля. Такой подход позволяет обходить регуляторные ограничения внутри страны, сохраняя при этом контроль над прибылью и интеллектуальной собственностью. Майнинговые пулы с китайскими корнями, зарегистрированные на Сейшелах или в Панаме, — классический пример такой стратегии.

Дальнейшая эволюция «китайского парадокса» будет зависеть от нескольких факторов. Во-первых, от успеха внедрения цифрового юаня (e-CNY). Если государственная цифровая валюта полностью завоеует доверие населения и бизнеса, необходимость в децентрализованных инструментах как средстве сбережения может снизиться, что уменьшит и интерес к майнингу как к способу получения этих активов¹. Однако на данный момент такой сценарий выглядит отдаленной перспективой.

Важным фактором станет технологическая гонка в производстве чипов. Согласно аналитике Made-in-China.com, «санкции США в отношении полупроводниковой промышленности косвенно влияют на производство ASIC, но не устраняют ценовое преимущество Китая в сборке майнеров»². В этом случае технологическое лидерство Китая может оказаться под угрозой, и парадокс разрешится сам собой — не из-за запретов, а из-за технологического отставания.

Наконец, нельзя сбрасывать со счетов фактор времени и смены поколений. Система guanxi, будучи крайне эффективной в текущем моменте, основана на личных связях конкретных людей. По мере того как первое поколение «крипто-предпринимателей» будет отходить от дел, а на смену им будут приходиться менеджеры, выросшие в более глобализованной и формализованной среде, эффективность неформальных договоренностей может снизиться. Это создаст окно возможностей для перехода отрасли из «серой» зоны либо в полностью легальное (если политика изменится), либо в полностью криминальное поле.

Обсуждение

Таким образом, парадокс китайского майнинга — это не статичное явление, а динамический процесс адаптации мощной технологической базы к меняющимся условиям институциональной среды. Гибкость, обеспечиваемая культурными практиками и прагматизмом властей, позволяет Китаю удерживать лидерство, несмотря на формальные запреты, превращая ограничения в новые конкурентные преимущества.

Как отмечают исследователи, энергоемкие отрасли, включая криптомайнинг, создают значительный слой неформальной занятости. Приток таких рабочих мест приносит дополнительные поступления в местные бюджеты, однако эта деятельность зачастую вынуждена существовать в «серой» зоне, требуя негласного согласования с регулируемыми органами для обеспечения своей устойчивости [1, с. 112–113]. Местным властям выгодно получать дополнительную активность на территории — это создает рабочие места и позволяет частично загружать локальные электросети. В результате на уровне локального управления нередко складывается неформальное «партнерство» между промышленниками и чиновниками, что способствует дальнейшему развитию параллельной отрасли³.

Китай всемерно продвигает концепцию технологического суверенитета, пытаясь укрепить собственную экономику за счет локализации высокотехнологичного производства. Выпуск ASIC-майнеров, чипов, компонентов для искусственного интеллекта и дата-центров — все это соответствует задаче экспортного лидерства. Но при этом криптовалютные активности находятся под подозрением, так как они отчасти конкурируют с официальным цифровым финансовым развитием.

¹ Китай: доминирование майнинга Bitcoin на 55% сети даже с запретом на криптовалюту [Электронный ресурс] // Cryptonomist. 2024. 24 сентября. URL: <https://ru.cryptonomist.ch/2024/09/24/китай-доминирование-майнинга-bitcoin-на-55-се/> (дата обращения: 21.02.2026).

² Insights into China's economy and industries [Электронный ресурс] // Made-in-China.com. URL: <https://insights.made-in-china.com/> (дата обращения: 15.12.2025).

³ TokenInsight: Китай теряет лидерство в майнинге биткойна [Электронный ресурс] // Bits.media. 2020. 11 июня. URL: <https://bits.media/tokeninsight-kitay-teryaet-liderstvo-v-mayninge-bitkoina/> (дата обращения: 21.02.2026).

Возникает напряженность между стратегическим курсом на передовые R&D-разработки и желанием обеспечить упорядоченный денежный оборот. Для руководства КНР важно, чтобы налаженная инфраструктура не подрывала официальную систему, но при этом могла приносить выгоды от производства мирового уровня [7]. Практика показывает, что власти закрывают глаза на многие аспекты «серого» майнинга. Однако активное введение экстерриториальных запретов, а также публикации о «вреде» криптовалют указывают на системную борьбу с неподконтрольными активами.

Название «парадокс китайского майнинга» оправдано: с одной стороны, запрет формально остается в силе и регулярно упоминается в официальных выступлениях; с другой стороны, глобальная цепочка поставок техники для добычи криптовалют во многом контролируется компаниями с китайскими корнями [1]. В совокупности это выводит Китай в позицию ключевого игрока, способного оказывать заметное влияние на распределение хешрейта в масштабах всего мира.

Заключение

Парадокс китайского майнинга, продемонстрированный в данном исследовании, раскрывает многоуровневую динамику, в которой жесткая регуляторная риторика не приводит к утрате реального контроля и технологического превосходства над отраслью. Китайские производители ASIC, патронируемые неформальными связями с чиновниками, а также мотивированные растущим экспортным спросом, продолжают держать высокий уровень конкурентоспособности. Фактический выход мощностей за границы Китая не препятствует тому, что большая часть майнинговых пулов и сервисов сохраняют связь с китайскими корпорациями и менеджерами.

На протяжении всей работы выявлено несколько ключевых причин такого положения. Во-первых, унаследованные культурные практики (*guanxi*) способствуют выживанию подпольных ферм и благоприятствуют налаживанию деловых соглашений даже при наличии запрета. Во-вторых, государство предпочитает поддерживать развитие передовой микроэлектроники и высокотехнологичных производств, что косвенно стимулирует производителей чипов. В-третьих, экономические выгоды от экспорта оборудования и контролируемого (хоть и скрытого) майнинга перевешивают риски, связанные с финансовыми угрозами. В-четвертых, релокация в другие страны не ослабляет китайское присутствие, а лишь придает ему более глобальный формат.

Подводя итоги, следует отметить, что политика Пекина в отношении криптовалютного майнинга остается двойственной, балансируя между демонстрацией силы и негласным позволением ведущим компаниям работать вне прямых запретов. С одной стороны, такое «двоемыслие» может способствовать дальнейшему укреплению технологического суверенитета КНР в сфере блокчейн-оборудования и смежных отраслей. С другой стороны, это приводит к неоднозначным результатам, связанным с расслоением рынка и ущемлением мелких игроков, не обладающих серьезными ресурсами для обхода ограничений. По сути, Китай не перестает быть ключевой силой в глобальной системе майнинга и, вероятно, сохранит подобную позицию на долгосрочную перспективу, пока востребованы ASIC-чипы и остается актуальным феномен децентрализованных криптовалют.

Список литературы

1. Белокрылова О. С., Фролова Л. А. Информационная экономика: базовые институты и особенности формирования на региональном уровне. Ростов н/Д : Изд-во Фонд Содействия — 21 век, 2013. 191 с. ISBN: 978-5-91423-075-0. EDN: SBFTAL
2. Вешкурова А. Б., Терганов Я. К. Цифровая трансформация и безработица: пути совмещения технологического прогресса и обеспечения занятости населения // Экономика труда. 2023. Т. 10, № 5. С. 665–684. EDN: AVQJBL. DOI: 10.18334/et.10.5.117777
3. Карнюшкова М. М. Трансформация рынка труда под воздействием цифровых технологий // Актуальные вопросы экономики и информационных технологий : сб. материалов докладов 61-й научной конференции аспирантов, магистрантов и студентов БГУИР / Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники. Минск, 2025. С. 536–540.

4. Лю П. Направления совершенствования государственной политики поддержки занятости в современных технологических условиях // *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*. 2024. Т. 15, № 2. С. 44–55. EDN: YSBUGV. DOI: 10.17835/2078-5429.2024.15.2.044-055
5. Лю П., Белокрылова О. С. Перспективы занятости в условиях перехода к Индустрии 4.0 (на примере Китая) // *Социальные новации и социальные науки*. 2022. № 1 (6). С. 140–147. EDN: NQZOSQ. DOI: 10.31249/snsn/2022.01.12
6. Мозиас П. М. Экономика Китая: новые тревоги // *Общество и государство в Китае*. 2015. № 18–2. С. 558–595. EDN: YLJSWZ
7. Судденок Е. П. Решоринг как инструмент промышленной политики развитых стран // *Инновации. Креативность. Лидерство: современные ресурсы глобальной экономики : сборник трудов Международного экономического форума студентов, магистрантов и аспирантов*. Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2014. С. 405–407. ISBN: 978-5-7779-1787-4.
8. Фадеева Л. А. Лидеры vs. институты: парадоксы и практики // *Власть и элиты*. 2025. Т. 12, № 4. С. 7–26. EDN: QXRWNK. DOI: 10.31119/pe.2025.12.4.1

Об авторе:

Диянский Тимофей Андреевич, студент 4-го курса факультета международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация);
e-mail: Diyanskiy04@gmail.com

References

1. Belokrylova, O. S., Frolova, L. A. *Information Economy: Basic Institutions and Features of Formation at the Regional Level*. Rostov-on-Don : Publishing House of the Assistance Fund — 21st Century, 2013. 191 p. ISBN: 978-5-91423-075-0. (In Russ.) EDN: SBFTAL
2. Veshkurova, A. B., Terganov, Y. K. *Digital Transformation and Unemployment: How to Reconcile Technological Progress and Employment* // *Russian Journal of Labour Economics*. 2023. Vol. 10, No. 5. P. 665–684. (In Russ.) EDN: AVQJBL. DOI: 10.18334/et.10.5.117777
3. Karniushkova, M. M. *Transformation of the Labor Market under the Influence of Digital Technologies : collection of papers from the 61st scientific conference of graduate, master’s, and undergraduate students of BSUIR / Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics*. Minsk, 2025. P. 536–540. (In Russ.)
4. Peng, Liu. *Directions of Improvement of the State Policy of Employment Support in Modern Technological Conditions* // *Journal of Economic Regulation*. 2024. Vol. 15, No. 2. P. 44–55. (In Russ.) EDN: YSBUGV. DOI: 10.17835/2078-5429.2024.15.2.044-055
5. Liu, Peng, Belokrylova, O. S. *Digitalization and Its Impact on Labour Relations (on the Example of China)* // *Social Novelties and Social Sciences*. 2022. No. 1. P. 140–147. (In Russ.) EDN: NQZOSQ. DOI: 10.31249/snsn/2022.01.12
6. Mozias, P. M. *China’s Economy: New Troubles Ahead* // *Society and State in China*. 2015. No. 18–2. P. 558–595. (In Russ.) EDN: YLJSWZ
7. Suddenok, E. P. *Reshoring as an Instrument of Industrial Policy in Developed Countries* // *Innovations. Creativity. Leadership: Modern Resources of the Global Economy*. Collection of Papers of the International Economic Forum of Students, Master’s Degree Students, and Postgraduates. Omsk : Publishing House of Omsk State University, 2014. P. 405–407. ISBN: 978-5-7779-1787-4. (In Russ.)
8. Fadeeva, L. A. *Leaders vs. Institutions: Paradoxes and Practices* // *Power and Elites*. 2025. Vol. 12, No. 4. P. 7–26. (In Russ.) EDN: QXRWNK. DOI: 10.31119/pe.2025.12.4.1

About the author:

Timofey A. Diyanskiy, 4th-year Student of the Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation);
e-mail: Diyanskiy04@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Диянский Т. А., 2026

Становление международного процессуального права

На Юридическом факультете Северо-Западного института управления РАНХиГС 26 декабря 2025 г. состоялась международная научно-практическая конференция «Становление международного процессуального права: проблемы и перспективы», которая продолжила традиции петербургской школы международного права и показала значительный интерес научного сообщества к практике и правилам разрешения споров и ситуаций на глобальном и региональном уровнях в современных геополитических условиях. Современный подход к международно-правовым наукам требует осмысления позитивного международного права в контексте практики применения норм международных соглашений и международно-правовых обычаев. Устойчивое развитие международной системы и глобального рынка обеспечивается не только комплексом специальных юридических принципов, таких как неделимость безопасности, мультилатеральность культурного сотрудничества, самостоятельность и независимость международных судебных инстанций, но и процессуальными гарантиями систематического толкования и рационального применения норм международного права. Развитие транспарентной цифровой среды потребовало от государств новых правовых средств для защиты публичного порядка и легитимации правил взаимодействия в современной международной системе, где перспективы становления региональных и универсальных органов правосудия отражают широкий спектр общих наднациональных интересов.

Конференция «Становление международного процессуального права: проблемы и перспективы» выступила платформой для обстоятельной научной дискуссии по процедурным проблемам разрешения международных споров и ситуаций. Профессор кафедры международного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук И. С. Марусин открыл работу конференции докладом «Юридическая сила консультативных заключений Международного суда ООН». Он обратил внимание участников на высокую эффективность Международного суда ООН и привел неоспоримые факты политизации европейских правозащитных институтов. Актуальность совершенствования консультативных практик Международного суда ООН несомненна, так как «создание специального международного уголовного суда не всегда однозначно положительный фактор в урегулировании вооруженного конфликта», и поскольку юрисдикционный иммунитет государства способен вступать «в противоречие с современными представлениями о справедливости», постольку роль компетентных заключений по вопросам международного права будет постепенно возрастать во всех сферах международного сотрудничества.

Профессор кафедры публичного права Государственного академического университета гуманитарных наук, доктор юридических наук С. В. Бахин представил фундаментальный доклад «Понятие юрисдикции в международном и национальном праве: в поисках соответствия», где обстоятельно доказал необходимость всестороннего исследования концепта «юрисдикция» в рамках международно-правовых наук и морского права. Несомненно, значимые угрозы международной безопасности связаны с тем, что в борьбе за экономическое доминирование государства полагаются на «экстерриториальное применение своего права; присвоение юрисдикции; формирование закрытых экономических группировок; создание “надгосударственных” структур, которые присваивают себе право на принятие обязательных решений без согласия на то государств».

Заведующий кафедрой международного частного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина доктор юридических наук, профессор В. А. Канашевский выступил с докладом «Разрешение коммерческих и инвестиционных споров с иностранными лицами в новых условиях», в котором призвал игнорировать арбитражную юрисдикцию государств, осуществляющих дискриминацию российских граждан и юридических лиц. Проблема создания «международного инвестиционного суда в качестве постоянного органа для разрешения инвестиционных споров» действительно

упирается в вопрос согласования постоянного состава «высококвалифицированных судей» и создания правовых условий для признания универсальной юрисдикции и компетенции такого суда.

Профессор кафедры предпринимательского и международного права Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики М. Ф. Хомидова выступила с докладом «Принцип мирного разрешения международных споров как основа Худжандской декларации о вечной дружбе 2025 г.», который отражает широкие перспективы региональной интеграции на постсоветском пространстве.

С интересным докладом «Эффективность деятельности международных судебных учреждений в условиях научно-технического прогресса» выступила профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин, старший научный сотрудник Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук В. П. Талимончик. В контексте реалий современного международного частного права специальная компетенция Суда Евразийского экономического союза, а также юрисдикция других региональных институтов по разрешению коммерческих споров вызывают живой научный интерес.

В рамках конференции был отмечен существенный потенциал неправительственных организаций в деле независимого и справедливого разрешения международных споров. Профессор Ю. В. Мишальченко последовательно отмечает, что «международно-правовое обеспечение морской безопасности в современных условиях зависит ... от согласованного и равноправного взаимодействия государств и межгосударственных организаций ... в интересах всех наций и народов нашей планеты», при этом сохраняется высокий потенциал региональных согласительных процедур и правил разрешения споров в Евразийском экономическом союзе.

В ходе конференции было отмечено, что признание специальной компетенции транснациональных некоммерческих корпораций по разрешению споров не только может способствовать защите интеллектуальных прав в киберпространстве, но обладает потенциалом по формированию процессуальных гарантий для противодействия пропаганде насильственного экстремизма в цифровой среде.

Доцент кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета И. А. Орлова выступила с докладом «Международное процессуальное право: существует ли концепция и система?», где были очерчены основные проблемы становления науки международного процессуального права и процессуальные аспекты публично-частного партнерства в международной системе.

На конференции также выступили доцент кафедры международного права Санкт-Петербургского государственного университета В. В. Терешкова, доцент института истории и права Хакасского государственного университета И. А. Чеботарева, другие авторитетные ученые, а также известные адвокаты А. М. Почуев и Т. Е. Гук.

В резолюции конференции была отмечена необходимость исследования транснациональных процедур разрешения споров и процессуально-правовых норм международного публичного и частного права. Участники конференции предложили дополнить Паспорт научной специальности 5.1.5. «Международно-правовые науки» формулировками «международное материальное и процессуальное право» (п. 2), а также «международный арбитраж и процедуры разрешения международных споров и ситуаций» (п. 21).

Развитие доктрины международного процессуального права предполагает исследование предметных и географических сфер его действия, вместе с тем фрагментация международного права не должна приводить к снижению авторитета Международного Суда ООН. Профессор А. Л. Колодкин отмечал, что «Вместо существовавшей многие десятилетия угрозы тотальной ядерной войны между двумя противостоящими друг другу военно-политическими блоками возникли новые не менее серьезные опасности» и обратил внимание на перспективы обсуждения «надзорной функции Международного Суда ООН». Авторитет Международного Суда ООН не препятствует созданию международных судебных инстанций со специальной предметной компетенцией, в том числе Международного трибунала ООН по морскому праву, в составе которого был профессор А. Л. Колодкин, что получило поддержку в современной доктрине международного права.

Научные исследования в области «применения норм международного права» нередко находятся в тени доктринального дискурса о содержании международных соглашений и необходимости их мо-

дернизации. Вместе с тем, по обоснованному замечанию профессора С. Ю. Марочкина, российские «суды обращаются к региональным и двусторонним договорам ... в рамках международных региональных структур в евразийском пространстве». Вне зависимости от трансформации и динамики кризиса международной системы в целом роль наднациональных процессуальных норм и правил будет прогнозируемо возрастать по мере ужесточения конкуренции на глобальном рынке и систематического применения наднационального права региональных интеграционных союзов, например, Андского сообщества наций (исп. Comunidad Andina), НАФТА, ЕС и ЕАЭС.

В современной международной системе разрешения споров необходимо согласование по вопросу региональных традиционных ценностей и авторитетов, так как «транскультурные» институты малоэффективны.

Очевидно, что на региональном уровне значительно проще согласовать международные обязательства государств с принципами их конституционного строя, подтверждением чему может служить дискурс-анализ «Руководства по защите и обеспечению соблюдения инвестиционных договоров», разработанного практиками британской юридической фирмы Freshfields, в котором показано, что инвестиционный арбитраж осуществляется на основе правил (rules). В руководстве термин «юрисдикция (jurisdiction)» используется 44 раза, в том числе в контексте обязательного характера решений (jurisdictional rulings) инвестиционных трибуналов, при этом термин «компетенция» (competence) использован только один раз, а словосочетание «компетентный суд» (competent court) встречается в руководстве три раза и только в контексте прав арбитражного института, производных от его признанных государствами обязательств. При этом термин «признание — recognition» и производные от него использованы 11 раз, а производные от термина «обязательства — obligations» 12 раз, из которых только один раз в контексте *обязанного (obliged — курсив оригинала)* компетентного суда¹, в остальных случаях по тексту руководства предполагается, что государства признают свои обязательства перед инвесторами. Логика ограничения компетенции инвестиционного арбитража односторонними актами признания со стороны государств своих обязательств применима ко всем универсальным актам правоприменения со стороны международных организаций. Вместе с тем региональное право интеграционных объединений государств, то есть интеграционное или наднациональное право (supranational law), предполагает добровольное подчинение государств согласованной и признанной юрисдикции суда. Юридически значимые различия в толковании текстов международных инвестиционных соглашений нередко обусловлены методологически как защитой национальных интересов посредством военной силы, так и ставкой игроков на технологическое превосходство над конкурентами.

Участники конференции пришли к общему выводу о том, что международное процессуальное право представляется перспективным направлением научных исследований в предметной области международного публичного и частного права. Согласование реалистичных и справедливых правил работы постоянно действующих международных судов и трибуналов *ad hoc* определяет признание их юрисдикции со стороны государств и мирового сообщества в целом. Универсальные и региональные международные организации могут обладать органами по разрешению споров, которые наделяются специальной компетенцией на основе международных соглашений, однако объем юрисдикции любого международного суда всегда зависит от суверенного статуса государств, участвующих в его работе.

Сергеев С. Л.,

д. ю. н., профессор,

Северо-Западный институт управления РАНХиГС

Алексеев Г. В.,

к. ю. н., доцент,

Северо-Западный институт управления РАНХиГС

¹ Решение Высокого суда Сингапура (High Court of Singapore) по делу Sanum Investments Ltd v. Government of the Lao People's Democratic Republic, paragraph 38.

Евразийский диалог — новые горизонты интеграции

24–25 марта 2026 г. на площадке Института социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) состоялась XI Международная научно-практическая конференция по евразийской интеграции «Евразийский диалог: социально-демографическое благополучие и миграционные процессы». Мероприятие организовано по инициативе Института социальной демографии ФНИСЦ РАН и Научного совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при отделении общественных наук РАН. Соорганизаторами конференции выступили Институт философии, социологии и права НАН (Армения, Ереван), Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева (Казахстан, Астана), Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, Международный аналитический клуб «Иссык-Куль — Большая Евразия» (Кыргызстан, Бишкек), Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул), Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко (Молдова, Тирасполь), Российский биотехнологический университет (Россия, Москва), Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н. А. Семашко (Россия, Москва), Институт приграничного сотрудничества и интеграции (Россия, Белгород), Координационный совет Евразийского информационно-аналитического консорциума (ЕИАК) (Россия, Москва), Российское общество социологов (РОС).

В работе конференции приняли участие более 200 ученых, политиков, представителей гражданского общества и исследователей из России, Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Македонии, Молдовы, Таджикистана, Узбекистана и Эфиопии.

С приветственными словами к участникам конференции обратился Председатель комиссии общественной палаты Российской Федерации по межнациональным, межрелигиозным отношениям и миграции В. Ю. Зорин, который отметил, что вопросы евразийской интеграции должны рассматриваться не изолированно, а в тесной связи с задачами национальной политики, социальной стабильности и безопасности. Особое внимание уделяется повышению управляемости миграционных процессов на территории Евразии, созданию понятных механизмов привлечения иностранной рабочей силы и снижению теневой занятости. Особую роль в реализации целей национальных миграционных политик приобретают региональные и муниципальные органы власти, работодатели, образовательные организации, национально-культурные объединения, религиозные организации и другие институты гражданского общества.

Депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VIII созыва, член Комитета Государственной Думы по делам национальностей А. О. Удальцова подчеркнула принципиальную важность демографической и миграционной повестки. Одних только контрольных мер недостаточно. Принципиально важно, чтобы в центре внимания государственных и общественных деятелей находились не абстрактные рассуждения, а конкретные правовые решения вопросов: какие меры действительно работают, как обеспечить баланс между гуманитарным подходом и требованиями безопасности, каким образом повысить ответственность всех участников миграционного процесса (государства, работодателя, принимающих институтов и самого иностранного гражданина). Важнейшая задача на ближайший период — выстроить такую модель регулирования, при которой легальная трудовая миграция будет более организованной и подконтрольной, а адаптационные механизмы — обязательными и результативными.

Государственный секретарь Союзного государства России и Беларуси академик РАН, доктор экономических наук, профессор, главный редактор журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» С. Ю. Глазьев в своем обращении к участникам конференции подчеркнул, что ЕАЭС доказал свою эффективность и потенциал роста. В условиях нестабильности глобальных рынков и неблагоприятной мировой политической конъюнктуры в ЕАЭС были сделаны своевременные и эффективные шаги, которые способствовали стабилизации макроэкономической ситуации в странах и обеспечили устойчивую

позитивную динамику развития ключевых отраслей. Евразийская экономическая интеграция — эффективный и гибкий механизм противостояния таким проблемам, как деградация мировой экономики, бедность, изменение климата, дефицит ресурсов (продовольствия, воды, энергоносителей). Не менее важными являются вопросы ценностного аспекта евразийской интеграции, совпадения базовых нравственных правил для обеспечения благополучной и устойчивой жизни общества.

В послании Председателя Координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума Н. Н. Бордюжи к участникам конференции отмечено, что евразийскому аналитическому сообществу определена особая роль при разработке управленческих решений, направленных на социальное развитие государств Евразии. Ежегодная международная конференция является надежной площадкой для обмена опытом, консолидации усилий и налаживания взаимодействия в сфере развития, трансформации и расширения форм и направлений сотрудничества стран Евразии в соответствии с новой реальностью.

Член Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям В. А. Волох подчеркнул, что гармонизация межнациональных отношений в Евразии опирается на укрепление доверия между народами, поддержку культурного многообразия, развитие общих гуманитарных пространств и согласование ценностных ориентиров, что служит стратегическим фактором устойчивого развития региона.

25 марта 2026 г. конференцию продолжило заседание молодежной секции Научного совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при отделении общественных наук РАН: «Молодежный взгляд на Евразию: исследования социально-демографической и миграционной динамики» (состоялась на базе Института социальной демографии ФНИСЦ РАН, Россия, Москва).

Кроме того, международный сетевой формат мероприятия выразался в работе нескольких секций, организованных на площадках нескольких стран:

1) «Управление социально-техническими системами в условиях евразийской интеграции: социологический взгляд на демографию и миграцию» (прошла на площадке Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева, Казахстан, Астана);

2) «Трансформация человеческого капитала в Евразийском регионе: демографические и миграционные аспекты (модерация осуществлялась на площадках Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина» и Международного аналитического клуба «Иссык-Куль — Большая Евразия», Кыргызстан, Бишкек);

3) «Евразия и миротворчество: перспективы и вызовы для обеспечения региональной безопасности» (прошла на базе Приднестровского государственного университета имени Т. Г. Шевченко, Молдова, Тирасполь);

4) «Этнические и религиозные идентичности в странах Евразии: контуры новой социокультурной реальности» (состоялась на платформе Российского биотехнологического университета, Россия, Москва);

5) «Политика активного долголетия и практики здоровьесбережения в регионах Евразии» (организована на базе Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко, Россия, Москва);

6) «От границы к сотрудничеству: демографические и миграционные вызовы и решения» (модерация осуществлялась на площадке Института приграничного сотрудничества и интеграции, Россия, Белгород).

Представленные на секциях результаты научных исследований охватили широкий спектр проблем — от межкультурного синтеза в образовании и управлении до применения кейс-методов в изучении миграции, что позволило системно подойти к решению поставленных конференцией задач. В совокупности все представленные на секциях доклады сформировали комплексное представление о трансформации социально-политических, социально-экономических, социокультурных и социально-технических систем, демонстрируя взаимосвязь демографических, культурных и технологических факторов в условиях интеграционных процессов на просторах ЕАЭС. В заключительной части работы секций все участники отметили важность и актуальность рассмотренных научных проблем, договорились продолжить научный дискурс в рамках совместных коллабораций с целью достижения синергетического эффекта от межстранового сотрудничества.

На площадках конференции наиболее обсуждаемыми вопросами стали следующие: исторический опыт и современные практики консолидации евразийского общества в условиях глобальных и локальных изменений; традиционные ценности как основа для устойчивой социально-культурной интеграции народов Евразии; потенциал приграничного и межрегионального сотрудничества в укреплении общих ценностей и устойчивого развития евразийских территорий; роль образования, медиа и культуры в формировании единого ценностного поля евразийской интеграции; социально-демографический портрет Евразии; современные тенденции рождаемости, смертности и воспроизводства населения; здоровье населения как ключевая социальная ценность и приоритет государственной политики в евразийских регионах; трансформация человеческого капитала в евразийском регионе: демографические и миграционные аспекты; влияние миграционных процессов на ценностную структуру обществ и социальное благополучие населения разных стран; информационные технологии и сбор данных для анализа демографических и миграционных процессов; социально-демографическая и миграционная политика в условиях евразийской интеграции: поиск общих подходов и лучших практик; сценарии будущего: прогнозы демографического и миграционного развития Евразии до 2030–2050 гг.; научное и экспертное сопровождение интеграционных процессов в Евразии на основе междисциплинарного анализа демографических, социальных и культурных трансформаций.

Завершая работу конференции, ее участники резюмировали, что рассмотренные социально-демографические и миграционные проблемы носят системный характер и оказывают прямое влияние на перспективы углубления интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Осмысление демографической безопасности, трудовой миграции, трансформации человеческого капитала и религиозно-культурных факторов позволяет формировать более устойчивую модель евразийской интеграции, ориентированную на долгосрочное развитие и снижение структурных рисков для государств региона. Для стран постсоветского пространства это открывает дополнительные возможности координации демографической и миграционной политики, согласования нормативно-правовых подходов, укрепления человеческого потенциала и повышения качества жизни населения.

По итогам выступлений участников мероприятия были подготовлены аналитические выводы и практико-ориентированные рекомендации, направленные на совершенствование социально-демографической политики в странах Евразии. Указанные предложения будут представлены в компетентные органы государственной власти и профильные институты для их дальнейшего рассмотрения и возможного учета при разработке стратегических документов и управленческих решений.

Для органов государственного управления, общественных объединений и научного сообщества важно, чтобы обсуждение национальной и миграционной проблематики велось в конструктивной логике: не через противопоставление «своих» и «чужих», а через поиск решений, которые одновременно укрепляют общественное согласие, защищают интересы государства, общества и граждан.

Последовательное совершенствование законодательства в сфере миграции, адаптации и международных отношений имеет значение не только для обеспечения правопорядка и безопасности внутри стран, но и для укрепления России как одного из ключевых центров евразийской интеграции. Именно через такие решения формируются более устойчивые, предсказуемые и ответственные основы общего евразийского развития.

Юдина Т. Н.,

д. соц. н., профессор,
Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН

Абрамов А. П.,

д. соц. н., доцент,
Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН

Волкова О. А.,

д. соц. н., профессор,
Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН

2026. Том 20, № 2

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**

Международный научно-аналитический журнал

Выходит 4 раза в год

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Выпускающий редактор
Е. А. ЛЫСУНЕЦ
eijournal@ranepa.ru

Корректоры
Е. В. АНТОНОВА,
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ

Верстка
А. Л. СЕРГЕЕНОК

Дата выхода в свет 26.06.2026.

Подписано к печати: 23.06.2026

Формат 84×108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 12. Тираж 50 экз.

Заказ № ЕИ2/2026.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

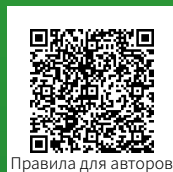
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72803 от 25 мая 2018 г.

Распространяется бесплатно.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации 199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-94, доб. 1563

Правила для авторов

«ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА» – профессиональный журнал государственных и политических деятелей, сотрудников научных и образовательных учреждений, аналитиков и экспертов. Публикуются статьи, посвященные состоянию и перспективам развития ЕАЭС и стран Большого Евразийского пространства. Партнером журнала является Евразийская экономическая комиссия.

“EURASIAN INTEGRATION: ECONOMICS, LAW, POLITICS” is a professional journal of state and political figures, employees of scientific and educational institutions, analysts and experts. Articles on the state and prospects for the development of the EAEU and the countries of the Greater Eurasian space are published. The journal’s partner is the Eurasian Economic Commission.

《欧亚一体化：经济、法律、政治》是國家和政治人物、科學和教育機構員工、分析師和專家的專業期刊。發表有關歐亞經濟聯盟和大歐亞空間國家的狀況和發展前景的文章。該雜誌的合作夥伴是歐亞經濟委員會。